

В. П. Орфинский
И. Е. Гришина

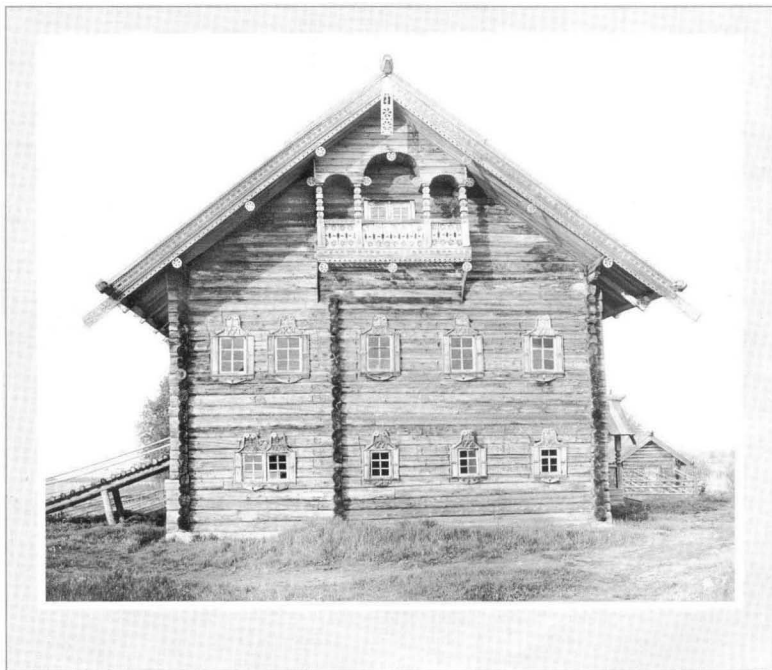

ТРАДИЦИОННЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ ДОМ

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-исследовательский институт
теории архитектуры и градостроительства
Российской академии архитектуры и строительных наук

В. Н. Орфинский
А. Е. Гришина

ТРАДИЦИОННЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ ДОМ

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Петрозаводского
госуниверситета

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS

2009

УДК 72.03 (470.22)
ББК 85.113 (2Р-6Кар)
О 706

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета

Орфинский, В. П.

О 706 Традиционный карельский дом: монография / В. П. Орфинский,
И. Е. Гришина. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — 480 с.: ил.

ISBN 978-5-8021-0919-9

Монография посвящена традиционному жилищу карел и важнейшим аспектам исторического развития сельской среды обитания на территории современного этнического ареала карельского народа — заселению, формированию систем расселения и особенностям объемно-планировочных структур деревень.

Фундамент книги составили материалы натурных обследований 1950-1990-х годов — обмеры, рисунки, фотографии, а также публикации предшествовавших исследователей, многие из которых стали библиографической редкостью.

Книга рассчитана на архитекторов, искусствоведов и других специалистов, изучающих народное жилище, а также на широкий круг читателей, увлеченных многообразием и самобытностью отечественной культуры.

УДК 72.03 (470.22)
ББК 85.113 (2Р-6Кар)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 07-04-16259А)

© Орфинский В. П., Гришина И. Е., 2009

© Черняков О. В., оригинал-макет, 2009

© Петрозаводский государственный
университет, 2009

ISBN 978-5-8021-0919-9

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	7
Пролог. ПЕРЕКРЕСТОК НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ	9
Примечания к прологу	25
Глава 1. КАРЕЛЬСКАЯ ОЙКУМЕНА	29
Заселение Карелии	29
Системы расселения и типы поселений	46
Планировка и застройка поселений	78
Поселения северной и средней Карелии	131
Поселения южной Карелии	156
Примечания к главе	180
Глава 2. МИР КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА	193
Происхождение домов-комплексов	193
Типология домов-комплексов	247
Изба: начало дома	264
Развитие жилой части дома-комплекса	289
Дворы и сараи	305
Сени	310
Карельское жилище: праздник повседневности ..	317
Примечания к главе	337
Глава 3. ПЛАСТИКА ДЕРЕВА	353
Конструкции	353
Конструктивно-декоративные детали крыши	369
Декоративные балконы	394
Оконные наличники	410
Организация входов: крыльца, взвозы, ворота	423
Декоративные мотивы	432
Примечания к главе	450
Эпilog. ЛОГИКА КРАСОТЫ	459
Примечания к эпilogу	471
Список упоминаемых населенных пунктов Карелии	472

Деревня Тулосозеро.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Эта книга о доме как обобщенном символе обжитого человеком пространства, противопоставляемого природе и неразрывно связанного с нею. Извечная связь-противопоставление сроднила постройки карельских крестьян с окружающим ландшафтом и предопределила созвучное природе многообразие их форм. Думается, именно в многообразии и заключен секрет необычайной притягательности народного деревянного зодчества. Мы не раз убеждались, что умение раскрыть этот секрет во многом определяло успех публичных лекций о строительном искусстве карел. Не случайно постепенно выработался прием, ставший почти ритуальным: предваряющий лекцию каскад слайдов, иллюстрирующих многообразие карельской природы, вдруг прерывается повторением двух кадров. На одном из них запечатлены сизый дуг в оторочке хмурого леса, неприметный домик в правом углу и свинцовая полоса воды на горизонте; на другом — многоцветье и разнотравье в раме леса, рельефно выпященного светотенью, золотистый сруб дома, полуприкрытый трепетной вуалью из теней и рефлексов, блистающее зеркало ламбушки.

Обычно лишь после нескольких повторов аудитория осознает, что на слайдах один и тот же пейзаж, но снятый с минутным интервалом — стоило солнцу выглянуть из-за туч, как все невыразимо изменилось. Возникающий при этом в зале гул узнавания служит сигналом, что ритуальная увертюра сработала: кадры, символизирующие стихийное многообразие ландшафта, эмоционально подготовили слушателей к постижению эстетической сути деревянного зодчества — беспредельного многообразия неповторимых сочетаний повторяемых элементов друг с другом и с окружающей природой.

У каждого жанра свои законы, и прием публичной лекции в целом непригоден для научного издания, но одно заимствование, думается, возможно: использование относительно независимых иллюстративных рядов для выявления кульминационных моментов повествования — ведь логика, раскрывающая суть гармонии, никогда не может подменить ее. Вот почему эта книга о народной архитектуре карел и задумана авторами как два рассказа — иллюстративный и словесный, которые иногда ведутся параллельно, иногда пересекаются и даже сливаются друг с другом, но неизменно отражают две грани одного и того же явления. При такой структуре книга перестает быть авторским монологом и превращается в диалог с читателями, в котором иллюстративный ряд — зримые образы карельского зодчества, текст — анализ его содержания, а синтез того и другого является прерогативой читателя.

Деревня Нурмолицы.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

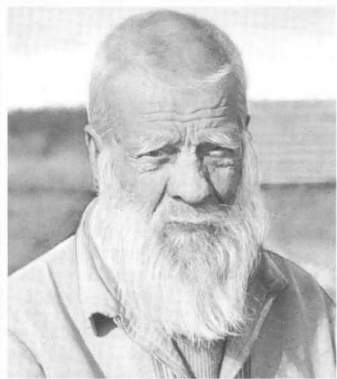
Пропор ПЕРЕКРЕСТИК НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ

Карелы — один из прибалтийско-финских народов северо-западной Европы, оказавшийся в ходе истории территориально расчлененным: одна, наибольшая, его часть ныне проживает в Карелии, другая — в Тверской области, третья — в восточной Финляндии. Кроме того, небольшие ареалы компактного проживания карел сохранились в Ленинградской, Новгородской и Мурманской областях. Всего в России проживает около 130 тысяч карел.

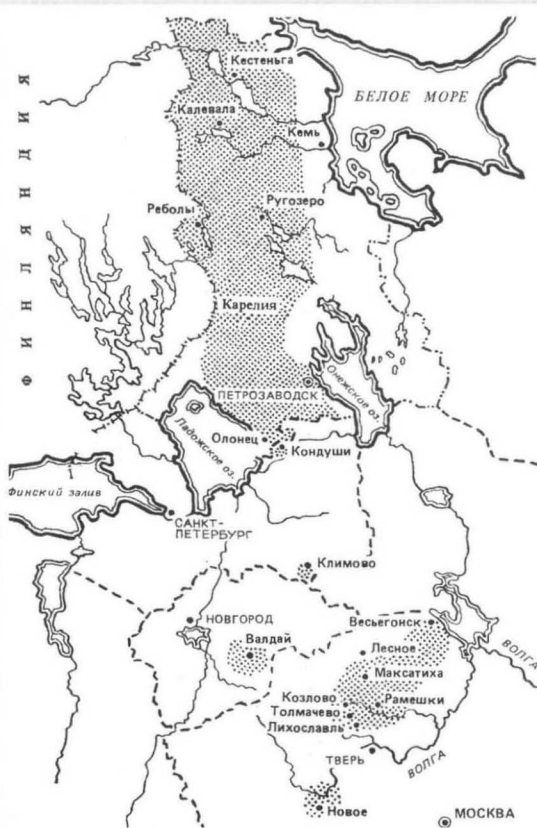
Карельский народ подразделяется на три этнолингвистические группы, каждая из которых на основной территории расселения наряду с общим этнонимом — карелы — сохраняет свое самоназвание: приладожские карелы-ливвики, прионежские карелы-людики и только у собственно карел средней и северной Карелии локальное самоназвание совпадает с общим этнонимом — карелы.

Предки карел — племенное объединение корела впервые упоминаются в новгородской летописи 1143 г. и в ряде других ранне-средневековых письменных источников — скандинавских сагах, хрониках, буллах папы римского [1]. Граница расселения корелы

Фото Б. Бойцова,
1979 г.

Расселение карел
на территории России
[Клементьев Е.И. Карелы:
Этнографический очерк.
Петрозаводск, 1991. С. 4]

в северо-западном Приладожье в XII—XIV вв. проходила в районе современных городов Сортавала (Карелия) на востоке, Миккели и Лаппенранта (Финляндия) на северо-западе и охватывала Карельский перешеек [2].

Постоянные набеги шведских феодалов вынудили уже к середине XIII в. значительные группы корелы переселиться из Приладожья на восток, на Олонецкий перешеек [3], куда до этого, судя по археологическим данным, отдельные представители племени начали проникать уже в XI в. [4].

Условные обозначения:

собственно
карелы

карелы-людики

карелы-ливвики

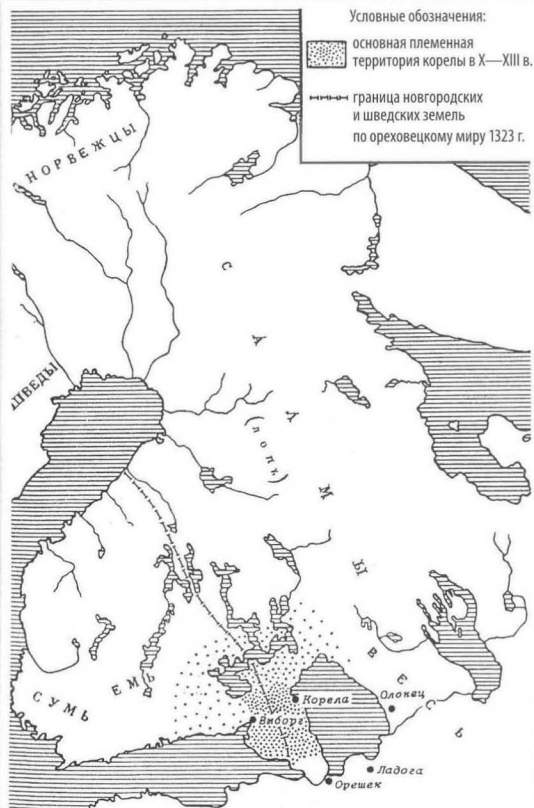

Диалектные группы
карел на территории
Карелии [Клементьев
Е.И. Карелы... С. 8]

В 1323 г. взаимоотношения между Новгородом и Швецией несколько нормализовались, и Ореховецким мирным договором впервые между ними была установлена государственная граница. Этот момент стал переломным в судьбе карел, чья последующая история оказалась неразрывно связанной с историей русской земли. Граница по мирному договору пересекла племенную территорию карелы, вызвав массовое переселение на север жителей ее западной, перешедшей к Швеции, части. В результате первой миграционной волны древние карелы заселили территорию от реки Суны до озера Сегозера, оттеснив на север или ассимилировав

Расселение племен
на территории
Карелии и Финляндии
в X—XIII вв. [Карелы
Карельской АССР.
Петрозаводск, 1983. С. 19]

местное саамское население. Впоследствии, приблизительно в XV в., новая интервенция шведов вызвала вторую волну миграции, которая докатилась в северном направлении до озера Ондозера и южной части бассейна реки Кемь, а на востоке охватила Заонежье [5]. Видимо, несколько ранее корела освоила побережье Белого моря, а отдельные ее следы обнаруживаются от Варзуги на Кольском полуострове до нижнего течения Северной Двины [6].

В 1227 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович “крести множество корел”, но христианство среди них укоренилось в довольно своеобразной форме. С одной стороны, оно влияло на их поведе-

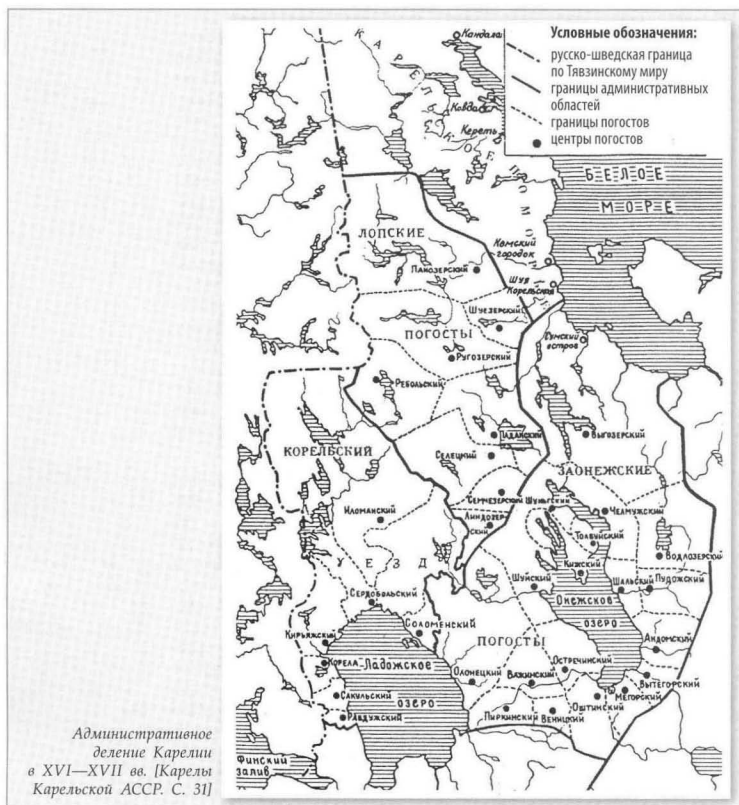

ние в переломные моменты истории, в частности, вызывало массовый характер миграции жителей с периодически аннексируемых Швецией карельских территорий. Позднее, после 1917 г., когда Финляндия получила независимость и потомки оставшихся на родине приладожских карел оказались отрезанными от остального этнического ареала, они сохранили как этнический признак свою традиционную конфессиональную принадлежность, отличающую их от финнов-лютеран. С другой стороны, православие карел в бытовой сфере носило во многом формальный характер, о чем свидетельствует весьма поверхностное усвоение ими христианской догматики и пренебрежение многими церковными обрядами. Любопытно, что после раскола русской православной церкви в 1666 г. среди карел широкую популярность снискали каноны «старой веры», что, по мнению этнографа Ю. Ю. Сурхаско, во многом объясняется представляемой старообрядничеством возможностью «отойти от церкви с ее требованиями и поборами». Не случайно большинство карел даже в XIX в. плохо разбиралось в различиях не только между раскольничьими толками, но и между официальным православием и старой верой [7]. Религиозный синкретизм — соединение христианских и дохристианских (языческих) представлений при доминирующей роли последних, обычно называемый двоеверием, сохранялся у карел до начала XX в.

Истоки своеобразия карел восходят к раннему средневековью, когда закладывался фундамент карельской культуры, на особенности которой повлияло счастливое стечение исторических обстоятельств и природно-географических факторов. Так, вхождение в состав новгородского государства ускорило в Приладожье зарождение феодализма и стимулировало помимо традиционных промыслов — рыболовства и охоты — развитие земледелия и скотоводства. Но при этом карельское Приладожье отличали от других подвластных Новгороду чисто промыслово-сельскохозяйственных территорий железоделательное производство, базирующееся на местных запасах сырья, и высокоразвитые ремесла, включая железообработку, ювелирное мастерство, резьбу по дереву, камню и кости, гончарное дело, ткачество [8]. Значительное преимущество племенной территории корелы давало и ее географическое положение на важном пересечении торговых путей — морских по Финскому заливу Балтийского моря и озерно-речных по Ладожскому озеру, реке Неве и системе реки Вуоксы.

Относительная автономия в рамках Новгородской земли и контакты с соседними этническими образованиями (ижора, саамы, емь, весь, эсты) способствовали формированию достаточно яркой и самобытной культуры корелы. И все же она сложилась при решающем русском влиянии, предопределившем на весь последующий период ее карельско-русский характер. Причина тому, помимо политического единства, общая для обоих народов религия — православие.

В 1478 г. после подчинения Новгорода Москве территория современной Карелии, как и другие новгородские владения, вошла в со-

став Русского централизованного государства, что явилось для карелы гарантией относительной безопасности.

В это время на бывшей новгородской территории были созданы новые административно-территориальные единицы — пятинны, внутри которых сохранилось старое деление на погосты. Затронули изменения и ареал карел: западная его часть — Корельский уезд (бывшая Корельская земля) и Лопские погосты — вошла в состав Водской пятинны, Заонежские погосты включились в Оболенскую пятину, а север Поморья — Шуерецкая и Кемская волос-

ти — вошел в состав Кольского уезда. Важнейшим событием этого периода в истории края стало изменение формы землевладения: земли новгородских бояр, архиепископа и частично монастырей были конфискованы и переданы государству, в феодальную зависимость от которого попало большинство крестьян, переведенных в категорию черносошных (позднее государственных). Лишь незначительная их часть осталась во владении бывших новгородских монастырей и мелких помещиков — своеземцев [9]. Малы были и масштабы поместного землевладения московских служилых людей, которых не прельщали малоплодородные карельские дачи [10]. Таким образом, в Карелии фактически не получило распространение крепостное право, которое в России было узаконено Судебником 1478 г. и окончательно закреплено Соборным уложением 1649 г.

В XVII в. в результате неудачной для Московской Руси войны по Столбовскому мирному договору 1617 г. к Швеции отошел Корельский уезд (бывшая Корельская земля) — основная часть территории формирования древнекарельской народности. Политический и религиозный гнет шведских феодалов вызвал массовый исход карел со своих исконных земель — до 1661 г. вглубь русской территории мигрировала большая часть населения уезда за исключением небольших карельских православных «островков», оставшихся в Приладожье среди пришлого лютеранского финского населения в приходах Салми, Суоярви и Иломанси, а также в окрестностях Сортавалы, Суйтамо и Пялькярви [11]. О гран-

Жители карельской деревни Вышка, Тверская область. Фото В. Гуляева, 1983 г.

диозных по тем временам масштабах переселения свидетельствуют следующие данные: в XVI в. в канун исхода на территорию, контролируемой корелой, проживало примерно 55—56 тысяч человек, из которых на долю Корельского уезда приходилось 32—37 тысяч, тогда как в Верхнее Поволжье до середины XVII в. переселилось около 30 тыс. человек, то есть почти половина населения тогдашней Карелии [12]. По пути часть переселенцев осела в Обонежской и Водской пятинах — на Олонецкой равнине и вблизи Тихвина, где с XVI в. существовала карельская диаспора, и к юго-востоку от Новгорода на Валдае. Кроме того, часть из них проникла в Заонежье, основав там карельские анклавы, просуществовавшие до начала XX в. [13].

Дом М. С. Осиповой,
вт. пол. XIX в., д. Старое
Максатихинского района
Тверской области.
Фото В. Гуляева, 1983 г.

После утраты Приладожья основной территорией консолидации карельской народности стал Олонецкий перешеек, а карельский ареал в результате третьей волны миграции корелы на север включил земли в районе Ругозера и Тунгуды [14].

В рамках Московской Руси произошло важнейшее событие в этнической истории Карелии — сформировалась современная карельская народность. В ее этногенезе участвовали корела, предки современных вепсов («весь») и саамы («лопь»). Большую роль в этом процессе, так же, как и в сложении и последующей перекройке этнических ареалов на территории Карелии, сыграла миграция населения. Так, численность карел увеличивалась за счет ассимиляции ими саамов и вепсов и, одновременно, уменьшалась при взаимоналожении карельских миграционных потоков и волн славянской колонизации Севера. Последние приводи-

ли к ассимиляции русскими как отдельных этнических «островков» корелы, в частности, в Беломорском Поморье, так и зон на стыках этнических ареалов с постепенным расширением территории расселения русских, западная граница которой к началу XX в. проходила примерно вдоль Мурманской железной дороги.

Помимо ассимиляции перемещения населения стимулировали и другую интеграционную тенденцию — «этнический синтез», возникающий в процессе взаимодействия групп населения с неизмеримой этнической устойчивостью, то есть обладающих достаточно выраженными культурными традициями, близкими социально-экономическими потенциалами и определенной критической массой населения. В результате такого синтеза на Олонецком перешейке и сформировались этнолингвистические группы южных карел — ливвиков и людиков. По мнению ряда исследователей, первые из них сложились при относительном господстве корелы, вторые — при преобладании веси [15]. Существует и другая гипотеза, по которой южные карелы — это ранее обособившиеся группы древних венгов, в культуре которых в результате контактов с корелой постепенно усилились собственно карельские элементы [16]. Примечательно, что в финляндской науке людиков даже не относят к карелам, считая их венгами или отдельной этнической группой [17].

В XVIII в. в основном завершилось начавшееся в предшествующие столетия переселение карел на территорию Карелии. В это время была заселена северо-западная часть края — район Ухты и Кестеньги. Д. В. Бубрих считал, что сюда мигрировали карелы из Приботнии [18]. Опираясь на исследования ранее неизвестных документальных источников, И. А. Чернякова считает, что на эту территорию продвинулось карельское население из прилегающего с юга Ребольского погоста [19].

К началу XX в. окончательно определился характер экономического развития Карелии с уменьшением его интенсивности с юга на север (в соответствии с изменением природно-климатических условий) и с востока на запад вследствие размещения всех основных промышленных и торговых центров края на территории с преобладающим русским населением, к востоку от этнического ареала карел или на его границе. При этом благодаря присущему карелам особому традиционализму у них дольше сохранилась приверженность к привычным занятиям. Поэтому в условиях реформенной Карелии в связи с относительно небольшим товарным значением северного сельского хозяйства 95% карельских крестьянских хозяйств вынуждены были заниматься различными промыслами, но только 7% из них порвало при этом связи с земледелием [20].

На рубеже столетий расширились и углубились карельско-русские связи, но неодинаково в различных частях Карелии — на юге сильнее, чем на севере. Так, в пределах Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX в., когда граница между Россией и Великим княжеством Финляндским была открыта и ничто не

1081309

препятствовало контактам карел и финнов, даже приграничная Карелия ориентировалась на Петербург и Петрозаводск при явной слабости ее культурных и экономических связей с соседней Финляндией [21]. Иное положение в тот же период сложилось на северо-западе края в Архангельской Карелии, где отчетливо ощущалось финское влияние и процветала карельско-финская торговля, доходы от которой в карельских волостях Кемского уезда составляли 72,72 % от суммы заработков по всем отхожим промыслам [22]. Но несмотря на неравномерность, сближение карельской и русской культур в целом по Карелии заметно активизировалось, а на юге края создало предпосылки возникновения двуязычия — часть населения (в первую очередь мужская) стала говорить как по-карельски, так и по-русски.

В целом для исторического развития Карелии характерно чередование экономических подъемов и спадов в связи со смещением внешних импульсов развития с запада (во время господства Великого Новгорода) на восток (после присоединения к Москве) и обратно на запад (после основания Петербурга). Экономическая ситуация менялась не только во времени, но и в пространстве — различные части Карелии развивались с разной интенсивностью. При этом периоды экономического подъема ускоряли развитие культуры, а экономические спады способствовали консервации сложившихся культурных традиций.

Изменились и внутренние импульсы развития края, но односторонне — с запада из глубины карельского этнического ареала на восток в сторону территорий с русским населением, что опосредованно отражалось в местоположении административного центра края: город Корела в Приладожье (до 1617 г.), город Олонец на Олонецкой равнине (1649—1782 гг.), город Петрозаводск на границе карельского и русского ареала (с 1782 г.). К XVIII в. относится формирование на востоке Карелии ряда новых уездных городов: Повенца (1782 г.), Пудожя (1784 г.), Кеми (1784 г.).

Период развития Карелии, начавшийся после 1917 г., — самый противоречивый и сложный. Обычно при изучении народного деревенного зодчества его попросту не рассматривают, считая, что традиционная строительная деятельность крестьян прекратилась на рубеже XIX—XX в. Но это не совсем так. Новая экономическая политика 1920-х годов активизировала развитие архитектурных традиций, которые, несмотря на последующий упадок строительной деятельности крестьян, оказались устойчивыми и частично сохранились до 1940-х гг., а в отдельных случаях до 1960-х годов. Объясняется это неожиданное на первый взгляд явление искусственной задержкой развития деревни путем фактического возрождения элементов феодализма — закрепощения приписанных к колхозной земле беспаспортных крестьян. В деревнях Карелии сложилась ситуация, благоприятствующая если не консервации, то во всяком случае замедленному угасанию архитектурно-строительных традиций, а зачастую — их архаизации, связанной с прогрессирующим обнищанием селян и дегра-

дацией плотницкого мастерства. На объективные обстоятельства накладывалась инерционность традиций, предопределенная консерватизмом крестьянской культуры, замедленно реагирующей на изменение условий бытия.

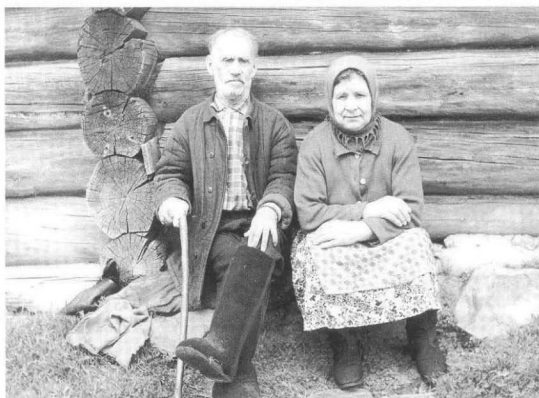
Укрупнение мелких населенных пунктов Карелии, а затем массовая ликвидация «неперспективных» деревень, предпринятые в 1970—1980-е гг., оказались самыми бессмысленными и разорительными акциями со времен сплошной коллективизации. Помимо бесспорного материального они нанесли республике значительный духовный ущерб, породив социальную апатию, безразличие к судьбе отчего дома, забвение нравственных норм — то есть утрату всего того, что являлось основными компонентами традиционной народной культуры и на чем испокон веков держалась карельская деревня. Можно без преувеличения сказать, что чуть ли не единственными хранителями карельских традиций оказались немощные старики. Как это ни парадоксально звучит, но именно они фактом своего существования долгое время спасали от искажения остатки сельской среды, в которой сформировалась и развивалась карельская национальная культура и без которой она не может существовать. Но этнос и его культура неразрывно связаны между собой, и поэтому разрушение деревень угрожает уничтожением и самому карельскому народу.

Деревня Корбисельга.

Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

В Карелии существуют программы национально-культурного возрождения карельского народа с акцентом на совершенствовании структуры и расширении общественных функций карельского языка, включая развитие его письменности. По мнению этносоциологов, этнос, утративший свой язык, перестает существовать как самостоятельная национально-культурная общность людей [23].

Суждение справедливо, но не полно. Язык действительно сердцевина культуры, но культура — не только язык. Ее фундамент и остов — среда обитания, созданная и осмысленная средствами архитектуры. Последняя призвана не только возводить кров над головой, не только организовывать пространство, ограничивая и расчленяя его объемами зданий и сооружений, но и регламентировать взаимосвязи между человеком, обществом и природой, создавая систему стимулов и мотиваций бытия. Именно архитектура должна способствовать возрождению прогрессивных традиций национальной культуры. Правда, бытует мнение, что традиционная культура обречена и унификация среды обитания неизбежна. Так стоит ли тратить силы и средства на попытки повернуть историю вспять?

Ответом на эти вопросы могут послужить результаты комплексных исследований ученых-гуманитариев Петрозаводска, отраженные в серии монографий, посвященных поселениям и локальным этническим ареалам разных диалектных групп карел — селу Суйсары, деревням Юккогубе и Панозеру [24]. История карел — это в том числе история их ассимиляции, которая в упомянутых монографиях предстает не безнадежно однозначным и односторонним процессом. Исторические прецеденты устойчивости

и «обратимости» карельской культуры, периодических подъемов национального самосознания, сопровождающихся повышенной этнизацией отдельных элементов культуры или даже этническим развитием, новаторством на основе традиций, — все это оставляет надежду, что с учетом исторического опыта можно решить современные проблемы прибалтийско-финского населения региона [25].

Косвенно подтверждением этого может служить проанализированная финским этносоциологом К. Хейккинен ситуация в финляндской провинции Саво, куда после зимней войны 1939—1940 гг. переселилась значительная часть приладожских карел. Оказалось, что разные поколения мигрантов по-разному относились к своей культуре. Так, представители старшего поколения, родившиеся в конце XIX — начале XX в., к моменту переселения обладали устойчивыми культурными представлениями, а их малопластичное в связи с возрастом сознание с трудом адаптировалось к новым условиям существования. Поэтому из осколков прежней культуры они создали подобие защитной оболочки и, мысленно уходя в прошлое, жили в собственном искусственном микромире, не пытаясь активно противопоставить себя миру внешнему, самоутвердиться в нем. Этническая пассивность родителей сказалась на детях — среднее поколение не смогло отмежеваться от финской культуры и вскоре ассимилировалось в ней. Иное положение сложилось среди младшего поколения — внуков карел-мигрантов, для которых характерен интерес к своим национальным корням. Этот интерес отражал обострение этнического самосознания — естественную реакцию самосохранения этноса в условиях культурной ассимиляции. Такое движение, как любая стихийная реакция, могло быть и созидательным, и разрушительным, поскольку отсутствие условий для этнического самовыражения способно вызывать протест или, наоборот, порождать духовную апатию и равнодушие.

Поскольку младшее поколение карел выросло уже в ассимилированной культуре, средства для этнического самовыражения — этнические символы — пришлось формировать из разрозненных элементов культуры предков, сохранившихся в семейном кругу, на основании музейных экспонатов и знаний, почерпнутых из книг. При этом важно отметить, что процесс этнизации карельской культуры протекал не спонтанно, а направлялся активной краеведческой работой, деятельностью православной церкви, школой и средствами массовой информации. Так, в восточной Финляндии были предприняты успешные попытки внешнего стимулирования внутренних потребностей общества. В результате произошел рост этнического самосознания на фоне угасания фактической этнической культуры [26].

Для нас представляют интерес некоторые практические действия, связанные с этим экспериментом, включившие, в частности, целенаправленную этнизацию жилой среды средствами архитектуры, об эффективности которых свидетельствует популярность «Бомбы» — туристического комплекса в городе Нурмесе,

Балкон дома в
туристическом
комплексе «Бомба»,
Финляндия

Дом Бомбина в туристическом
комплексе «Бомба», Финляндия

созданного на основе стилизованного макета крестьянского дома Бомбина из Суоярви [27]. И хотя в архитектурном отношении комплекс не безупречен, но неизмеримо нравственнее и одновременно прагматичнее создавать даже несовершенные интерпретации архитектурных шедевров, нежели своим бездействием потворствовать гибели пока еще сохраняющихся оригиналов.

Надо сказать, что в Финляндии еще в 1940—1950-х гг. было продемонстрировано понимание этнопсихологической роли окружающей среды при попытке решить задачу, противоположную ранее описанной, — «финизировать» население той части Беломорской Карелии, которая по мирному договору после зимней войны была передана Финляндии взамен приладожской Карелии. Правительство Суоми запретило восстанавливать разрушенные в войну дома в «карельском» стиле. Но директивы подействовали лишь частично: когда в 1990-х гг. по приглашению финских коллег нам удалось побывать в деревнях Римми и Куйваярви близ Кухмо, то мы увидели там помимо финских по наружному облику построек православную часовенку и, главное, традиционную для карел организацию интерьера жилищ с композиционно доминирующей большой русской печью или ее модернизированным аналогом. Все это подтверждает значительную роль, которую способна сыграть местная архитектурная традиция для

*Дом в деревне
Павийола. Фото
В. Гуляева, 1992 г.*

этнического осмысления сельской среды обитания и поддержания этнического самосознания.

Явлением, аналогичным «Калевале», назвал деревянное зодчество Карелии Алвар Аалто. И назвал так не архитектурные шедевры, подобные Кижскому погосту или Успенской церкви в Кондопоге, а рядовые крестьянские дома. На наш взгляд, это не преувеличение. Именно рядовым постройкам посвящена настоящая книга, и читатель сам сможет составить представление об их культурной и художественной ценности.

Но аналогия знаменитого финского архитектора, выражая его восхищение народным искусством, имела и другой, чисто практический смысл: «Калевала» в литературной обработке Элиаса Лённрота — это не просто свод эпических песен, а качественно новое явление — соединение фольклорной первоосновы с приемами литературной композиции, с преломлением традиционной народной эстетики через сознание человека первой половины XIX в. [28], что и позволило карело-финской эпосе стать «стержнем письменной культуры Финляндии» [29]. Видимо, подобно калевальским рунам крестьянские постройки воспринимались Алваром Аалто как творческие импульсы для перспективных архитектурных новаций. Подтверждение тому — «наиболее убедительные по сей день» постройки в Хельсинки основателя национально-романтической архитектурной школы Финляндии Элиеля Сааринена и Ларса Сонка, испытавших на себе благотворное влияние деревянного зодчества Карелии [30]. «Карельская архитектура, — утверждает А. Аалто, — ...представляет собой исключительную ценность для анализа того, каким путем именно в нашей географической зоне при помощи построек может быть гармонизировано отношение человеческой жизни и природы». И далее: «... архитектурное новаторство в наше время, тот подъем, который проявляется во всем мире, сознательно стремится к высвобождению архитектурных форм и через это высвобождение — к гибким архитектурным и планировочным целостностям. Тут новаторство пришло едва ли не точь в точь к тем же результатам, что и эта далекая для Европы, выросшая посреди лесов строительная культура» [31]. Правоту архитектора XX столетия подтверждает метафора древнего рунопевца:

Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжную я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще,
Выход к будущему дал я,
И тропиночка открылась
Для певцов кто петь способен,
Тех, кто песнями богат
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколении.

1. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 26; *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.
2. *Кочкуркина С. И.* Территория летописной корелы в XII—XIV вв. (по археологическим данным) // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 62.
3. *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 33.
4. *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 6.
5. *Бубрих Д. В.* Указ.соч. С. 33—39; Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962. С. 66, 71 и др.
6. Материалы по истории Карелии. Петрозаводск, 1940. С. 100, 231—238, 290.
7. *Сурхаско Ю. Ю.* Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 137—140.
8. *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. С. 76—135.
9. Карелы... С. 33.
10. *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 36, 58.
11. Карелы... С. 44.
12. Карелы... С. 33; Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 66—74.
13. Список населенных мест Российской империи (по сведениям 1873 года). XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879. С. 23; Орфинский В. П. Феномен Заонежья // Север. 1992. № 10. С. 52—74.
14. *Бубрих Д. В.* Указ. соч. С. 41.
15. *Беляков А. А.* Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 60.
16. *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 110.
17. *Сурхаско Ю. Ю.* Карелы в современной этнографической литературе Финляндии // Советская этнография. 1966. № 2. С. 151—160; *Сурхаско Ю. Ю.* Этнография карел в финской литературе последнего десятилетия (1965—1974 гг.) // Скандинавский сборник. Вып. 21. Таллин, 1976. С. 260—278.
18. *Бубрих Д. В.* Указ. соч. С. 41.
19. *Чернякова И. А.* О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998.

20. Клементьев Е. И., Рязов В. Д. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.) // Этнография Карелии: сборник статей. Петрозаводск, 1976. С. 52—53.
21. *Namunen Tapio*. Venalaiset teollisuudenharjoittajat Salmin kihlakunnassa autonomian ajalla. Teoksessa Kurkinen (toim.) Venalaiset Suomessa 1909—1917. Hist. Ark. 83. Helsinki, 1984. S. 84—114.
22. Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. С. 34—35.
23. Клементьев Е. И. Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы, финны. Проблемы этнической истории. (Сборник статей и докладов). М., 1992. С. 124.
24. Село Суйсарь: история, быт, культура / Под ред. Т. В. Краснопольской, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 1997; Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2001; Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003.
25. Орфинский В. П. Кризис традиционного деревянного зодчества и проблемы постэтничности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 1. С. 14.
26. Орфинский В. П., Хейккинен К. К вопросу о формировании этнических символов // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 5—16; Heikkinen K. Karjalaisuus ja etninen itsetajunta. Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus. Joensuun yliopistonhum. Julk. № 9. Joensuu. 1988. S. 353—354.
27. Орфинский В. П., Хейккинен К. Указ. соч. С. 11.
28. Карелы... С. 79.
29. Аалто А. Архитектура Карелии // Аалто А. Архитектура и гуманизм. М., 1978. С. 33.
30. Там же. С. 34.
31. Там же. С. 35—36.
32. Калевала. Карело-финский народный эпос. Собрал и обработал Элиас Леннрот. Перевод Л. Бельского. Петрозаводск, 1978. С. 388.

Фото Б.Бойцова, 1979 г.

Глава I

КАРЕЛЬСКАЯ ОЙКУМЕНА

ЗАСЕЛЕНИЕ КАРЕЛИИ

Характер заселения Карелии во многом определен ее ландшафтом, порожденным стихийными силами природы. Ледники «вылепили» рельеф земной поверхности в виде чередующихся возвышенностей и долин, вытянувшихся в направлении движения ледовых масс с северо-запада на юго-восток. Талые воды, завершив начатое, перераспределили ледниковые отложения. В результате сложились две различные системы водоемов: на севере и в центральной Карелии — относительно равномерная озерно-речная сеть с вкраплениями крупных водоемов, на юге — два огромных озера — Ладожское и Онежское — с притоками рек, мозаикой озер и крошечных ламбушек. Озера в северной части Онежско-Ладожского межозерья вместе с длинными и узкими заливами Онего образовали причудливый водный лабиринт, отразивший кульминацию созидательного порыва ледника на пороге Олонецкой равнины, расчлененной лишь плавными руслами рек.

Таков современный ландшафт Карелии. В послеледниковую эпоху (голоцен) он неоднократно менялся под воздействием ритма природных изменений — подъемов земной коры, чередования периодов похолодания и потепления, увеличения и уменьшения

Деревня Северная
на Лычном острове.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

влажности атмосферы и, соответственно, обводнения и обмеления водоемов. В средние века новой эры на смену очередному потеплению «малого межледникового» пришло похолодание «малого ледникового периода», продолжавшегося почти шесть столетий — с XIII по XIX в. и сменившегося в середине XIX века новым потеплением. Параллельно происходили нанос ветром глинистых и песчаных частиц на побережье водоемов и торфообразование на водоразделах [1]. Торфообразованию способствовала избыточная влажность. На берегах же рек и озер, являвшихся своеобразными дренажными системами, растительные остатки и материнская порода превращались в плодородную почву. Поэтому на всей территории Карелии вблизи водоемов находились удобные для распашки земли и естественные сенокосные угодья. Вместе с тем плодородие почв находилось в прямой зависимости от их теплообеспеченности: в средней и особенно южной части края не только поймы, но и частично водоразделы оказались пригодными для сельскохозяйственного использования.

Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

По образному выражению географа П. П. Семенова-Тянь-Шанского, «...русский человек ... уподобился лесу, который на крайнем севере и на крайнем юге Восточно-Европейской равнины жметя к речным долинам, а в средней полосе занимает водоразделы» [2]. Еще в большей степени это относилось к карелам — охотникам и рыболовам. Их привычка «жаться» к водоемам связана с основным критерием при выборе места для поселений — близостью к источникам воды и лесным массивам. Позднее эта привычка была закреплена традицией и предопределила приоритетность прибрежных, порой подтопляемых территорий по отношению к более сухим, но удаленным от берега участкам. С переходом к пашенному земледелию основополагающим фактором заселения стала близость пригодных для сельского хозяйства земель, которые, как уже говорилось, на севере также находились вблизи водоемов. И, наконец, с древнейших времен реки и озера являлись основными путями освоения территории Карелии, которые, судя по археологическим данным, проходили в полосе Онежское озеро — река Повенчанка — озеро Выг и река Выг — Прибеломорье

Фото Б. Бойцова

Фото Б. Бойцова

с ответвлениями: Повенецкий залив — Сегозеро — Ондозеро, Петрозаводская губа — река Шуя — Сямозеро, река Водла — Водлозеро [3]. Видимо, на рубеже I—II тысячелетий н. э. к указанным маршрутам добавился путь из Корелы по Ладожскому озеру и затем по земле «дикой лопи» к западному берегу Белого моря, а также транзитный путь из Новгорода в Заволочье по рекам Волхову и Свири в Онежское озеро, а затем по реке Водле на Кенозеро и далее по рекам Кене и Онеге к Белому морю [4]. При отсутствии связи между водоемами прокладывались сухопутные волоки, по которым перетаскивали (волокли) суда с одной озерно-речной системы в другую. Водно-волоковые пути долго оставались единственными дорогами в бескрайнем карельском суземе, «работавшими», кроме распутицы межсезонья, почти круглый год: летом по ним перемещались в лодках или на плотках, зимой — по льду в саних или на лыжах.

Деревня
Мишина Сельга.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

По рекам и озерам отправлялись из древней Корелы на север за пушниной и рыбой карельские первопроходцы-промысловики, а вслед за ними по разведанным маршрутам продвигались в поисках новых плодородных земель крестьяне.

О земледелии карел в раннем средневековье известно немного. Так, находки нескольких зерен в могильниках с привлечением аналогий из соседних северо-западных земель позволяют предположить, что если в I тысячелетии н. э. основными культурами являлись ячмень и пшеница, то уже в этот период наряду с ними начали культивироваться рожь и частично овес. В XI—XIV вв. пшеница еще сохранялась наряду с рожью, но уже в XV—XVI вв. была вытеснена из севооборота последней [5], что, видимо, связано с похолода-

нием — сменой в XIII в. малого межледниковья малым ледниковым периодом. Экстенсивное по своему характеру архаичное земледелие требовало постоянного освоения новых земель, что стимулировало перемещение карел из Приладожья на соседние территории. Но после XII в. добровольный характер миграции сменился вынужденным в связи с участвовавшими военными набегами шведских феодалов на карельские земли.

Водоёмы не только являлись основными путями сообщения и средоточием плодородных сельскохозяйственных угодий, расположенных на их берегах, но и служили базой для рыболовства — большого подспорья в хозяйстве карел, а порой в неурожайные годы — основного источника пропитания.

Вот почему при водоёмах и возникли первые поселения. Не случайно в северной Карелии предпочтение отдавалось озерам и,

*Деревня
Суйсарь-на-Острове.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.*

в первую очередь, защищенным от ветра и волн их губам и загибинам, с которыми ни в промысловом, ни в транспортном отношении не могли конкурировать реки, в большинстве случаев порожистые и бурные. Среди приводомых поселений приозерные здесь численно господствуют до сих пор, что нашло отражение в топонимии: многие названия карельских селений являются производными от слов «лахта» (залив), «салма» (пролив), а также «ярви» (озеро). На равнинах южной и восточной Карелии поймы спокойных рек заселялись несколько чаще, хотя и здесь приозерные поселения все же преобладали над приречными. И лишь на крайнем юге Карелии на Олонецкой равнине и в южном Прионежье приречные поселения являлись господствующими (табл. 1).

Типы заселения в уездах Олонецкой и Архангельской губерний к началу XX в. (в границах современной Карелии)

Наименование уездов и их частей	Прибрежный тип								Сележный тип	Общее количество поселений	
	При- озерный подтип		При- речный подтип		При- морский подтип		Приморско- приречный подтип				
	количество поселений	% к общ. чис- лу поселений	количество поселений	% к общ. чис- лу поселений	количество поселений	% к общ. чис- лу поселений	количество поселений	% к общ. чис- лу поселений	количество поселений		% к общ. чис- лу поселений
Олонецкая губерния											
Петрозаводский уезд:											
а) карельские волости	157	79.3	19	9.6					22	11.1	198
б) русские волости	235	64.2	79	21.6					52	14.2	366
в) вепские волости	10	16.2	26	41.9					26	41.9	62
Итого по уезду	402	64.2	124	19.8					100	16.0	626
Олонецкий уезд	181	38.4	246	52.2					44	9.4	471
Повенецкий уезд:											
а) карельские волости	146	87.4	13	7.8					8	4.8	167
б) русские волости	170	74.9	31	13.7					26	11.4	227
Итого по уезду	316	80.2	44	11.2					34	8.6	394
Пудожский уезд	155	59.4	92	35.2					14	5.4	261
Итого по Петрозаводскому, Олонецкому, Повенецкому и Пудожскому уездам	1054	60.2	506	28.9					192	10.9	1752
Архангельская губерния											
Кемский уезд:											
а) карельские волости	237	83.5	31	10.9					16	5.6	284
б) карельские поселения в русских поморских волостях	7	87.5					1	12.5			8
Итого по карельским поселениям	244	83.6	31	10.6			1	0.3	16	5.5	292
в) русско-поморские поселения	8	28.6	11	39.3	5	17.8	4	14.3			28
Итого по Кемскому уезду	252	78.7	42	13.1	5	1.6	5	1.6	16	5.0	320

Примечание. Подсчеты выполнены по: Список населенных мест Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1907; Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году. Архангельск, 1907. При подсчетах не учитывались волости и отдельные общества, поселения которых ныне входят в состав соседних с Карелией областей России.

Деревня
Матчезеро.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

Деревня Руга.
Фото В. Гуляева,
1992 г.

Вытянутая с северо-запада на юго-восток конфигурация карельских озер, связанная с их ледниковым происхождением, диктовала последовательность заселения: в первую очередь селения возникали на северных и восточных берегах озер и лишь затем распространялись по их западному и южному побережью, где ориентация жилища на водоемы противоречила оптимальным условиям инсоляции. В этом случае для того, чтобы из передней

части избы был виден водоем, дома приходилось обращать лице-выми фасадами на север и северо-восток.

Заселению водоразделов долгое время препятствовало отсутствие сухопутных дорог, особенно летних. В частности, на севере Карелии вплоть до начала XX в. единственной сухопутной связью между деревнями служили тропинки, по которым передвигались на лыжах. Из-за многочисленных непроходимых болот лыжи в северо-западной Карелии применяли не только зимой, но и летом. Летние лыжи были двух видов: ступательные, овальные по форме, сплетенные из прутьев, и скользящие, отличающиеся от зимних лыж меньшей длиной и отверстиями для пропуска воды [6]. Необычными были и зимние лыжи. Еще в XVIII веке Г. Р. Державин наблюдал в Сегозерье непарные лыжи разной длины: длинная лыжа имела деревянную скользящую поверхность, а короткая толчковая подбивалась мехом [7].

Наиболее ранним видом упряжного транспорта в Карелии являлись сани, которые предположительно в виде ручных нарт возникли задолго до того, как в качестве тягловой силы стали использоваться лошади и олени [8]. Один из архаичных видов таких нарт — лодки-волокуши, видимо, генетически связанные с речными и озерными лодками, а их поздние модификации — бытующие до сих пор салазки и подсанки.

Сани в Карелии многообразны — с кузовом, с «креслом», с козлами для кучера, а также рабочие сани-дровни. Из-за бездо-

Кережка — ручные нарты, деревянная Ендогуба. Фото И. Гришиной, 2006 г.

рожья сани, особенно дровни, использовались круглый год. При этом летние сани делались короче зимних [9]. На похоронах еще в недалеком прошлом гроб с телом покойного в любое время года доставляли на кладбище на снях или дровнях. Это дополнительно подтверждает архаичность саней как средства передвижения [10].

Наиболее древним, чисто летним видом транспорта в дореволюционной Карелии являлись волокуши, состоящие из двух волочащихся за лошадью жердей-оглоблей, иногда с берестяным кузовком для клады, привязанным к их концам [11]. Следующий этап эволюции транспортных средств — так называемая «оло-непкая люлька» — конные носилки в виде корзины из ивовых прутьев, привязанной к двум жердям. Последние в свою очередь крепились гужами к хомутам и седелкам двух лошадей, идущих с двухметровым интервалом гуськом друг за другом [12].

Колесные средства передвижения получили распространение среди карельских крестьян не ранее XIX в., и то преимущественно в южной части края. Первоначально телеги были на «деревянном ходу» — имели сплошные колеса, сколоченные из толстых досок; затем во второй половине XIX века на юге края появились телеги-двуколки на железной оси, а еще позднее, в начале XX в., — четырехколесные тарантасы [13].

Неразвитость транспортных средств и дорожной сети долго препятствовала заселению удаленных от водоемов территорий. Во всяком случае, в документах до начала XIX века сележные (водораздельные) поселения упоминаются очень редко (их всего 3—4%) и, как правило, они встречаются в южной более густонаселенной части края [14]. Лишь к началу XX в. количество сележных поселений в Карелии несколько возросло, причем на юге в значительно большей степени, чем на севере. Характерно, что во всех уездах без исключения сележные селения получили меньшее распространение в волостях с карельским населением (см. табл. 1).

Эта закономерность особенно хорошо преследуется при сопоставлении соседствующих карельских и русских поселений, например, в двух волостях Заонежья — Великогубской и Толвуйской, в первой из которых проживали ассимилировавшиеся карелы — потомки приладожан, переселившихся сюда в XVII в. и сохранивших свои анклавы до начала XX в. [15]. Сравнение показало, что в Великогубской волости сележные поселения составили 14,6 против 25,6 % Толвуйской волости (табл. 2). Пристрастие карел к расселению по берегам водоемов станет понятным, если

Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

Таблица 2

**Зависимость между количеством сележных поселений
и степенью развития рыболовства в начале XX в.
на примере карельских и русских волостей Петрозаводского
и Повенецкого уездов Олонецкой губернии**

Волости	Общее количество поселений	Количество сележных поселений	% сележных к общему числу поселений	% рыболовецких поселений	% рыболовецких хозяйств в рыболовецких поселениях
Петрозаводский уезд					
Великогубская волость	110	16	14.6	79.0	35.1
Толвуйская волость	117	30	25.6	69.0	20.6
Спасопреображенская волость	66	5	7.6	96.9	62.5
Святозерская волость	40	3	7.5	100.0	87.8
Повенецкий уезд					
Шунгская волость	145	16	11.0	51.4	32.9
Ребольская волость	32	1	3.1	100.0	86.7

Примечание. Подсчеты выполнены по: Список населенных мест Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1907; Естественные и экономические условия рыболовного промысла в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1915; НА РК, ф. 33 — Олонецкая губернская палата государственных имуществ, г. 1867, оп. 64, л. 2/63, г. 1904, оп. 63, л. 1/26 (с учетом существующего заселения). Волости Великогубская, Толвуйская, Шунгская имели преобладающее русское население, Спасопреображенская, Святозерская, Ребольская — карельское население

рассмотреть роль рыболовства среди их традиционных занятий. Рыба занимала ведущее положение в пищевом балансе карельских крестьян [16], а процент рыболовецких хозяйств в селениях — наиболее объективный показатель значимости рыболовства в общем объеме крестьянского хозяйства — при идентичности природных условий у карел был примерно в 1,5 выше, чем у их русских соседей (65,0 против 41,0%) (табл. 3).

Масштабы сележного заселения Карелии в целом соответствовали степени развития сухопутных дорог. Если в Олонецкой губернии по данным 1911 г. было 8500 верст гужевых дорог, а количество обслуживаемых ими деревень колебалось в пределах современной Карелии от 56,3 на юге до 37,1% на севере, то в Кемском уезде Архангельской губернии до 1908 г. было всего 35,8 версты дороги, продолженной от Повенца к Сумпосаду. Соответственно сележные поселения в Олонецкой губернии составляли 10,9, а в Кемском уезде Архангельской губернии — 5% (см. табл. 1). В данном случае расчеты подтвердили очевидную прямую зависимость количества

Таблица 3

Развитие рыболовного промысла в Олонецкой губернии по состоянию на 1913 г.

Уезды и их части	Рыболовецкие поселения		Рыболовецкие хозяйства в рыболовецких поселениях	
	количество поселений	% к общему числу поселений	количество хозяйств	% к общему числу хозяйств в рыболовецких поселениях
Петрозаводский уезд:				
а) западная часть уезда (с карельским населением)	193	98.0	2396	68.1
б) восточная часть уезда (с русским населением)	232	66.3	1507	36.5
в) юго-восточная часть уезда (с вепсским населением)	44	77.7	416	32.9
Итого по Петрозаводскому уезду	469	77.0	4319	48.9
Олонецкий уезд (с карельским населением)	263	56.3	2219	60.0
Повенецкий уезд:				
а) западная часть (с карельским населением)	157	96.0	1622	65.78
б) восточная часть (с русским населением)	145	63.6	792	46.3
Итого по Повенецкому уезду	302	77.4	2421	57.7
Итого поселений с карельским населением по 3 уездам	613	77.7	6237	65.0
Итого поселений с русским населением по 3 уездам	377	67.1	2299	41.0

Примечание. Подсчеты выполнены по: Естественные и экономические условия рыболовного промысла в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1915. Табл. XII.

Таблица 4

Масштабы селужного заселения в карельских волостях Архангельской Карелии (Жемского уезда Архангельской губернии) в начале XX в.

Волости	Общее количество поселений	Количество селужных поселений	% селужных к общему числу поселений	Количество падежной земли на 1 чел. в десятинах	Объем рыболовного промысла на 1 чел. в руб.
Кондожская, Летнеконечная и Масдозерская волости	81	15	18.5	0.76	0.995
Прочие волости Архангельской Карелии	203	1	0.5	1.40	0.958
Итого по Архангельской Карелии	284	16	5.6	1.28	0.962

Примечание. Подсчеты выполнены по: Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. С. 9—10, 19—20; Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году. Архангельск, 1907.

Сележная деревня
Михеева Сельга.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.

сележных поселений от развития сети сухопутных дорог, позволявших осваивать удаленные от водоемов территории. Но детальный анализ заселения Кемского уезда показал иные результаты: здесь в трех из 13 волостей с карельским населением — в Кондожской, Летнеконецкой и Маслозерской — сконцентрировалось 94% всех сележных селений (15 из 16), что составило 18,5% от общего количества селений по этим трем волостям (табл. 4). Таким образом, даже в условиях бездорожья в указанных волостях северной Карелии с карельским населением масштаб сележного заселения оказался выше, чем в большинстве волостей южной части

Олонешкой губернии с относительно развитой сетью сухопутных дорог (см. табл. 1; 2). Причина аномалии выяснилась при рассмотрении обеспеченности населения различных волостей Кемского уезда землей. Оказалось, что на одного человека в трех названных волостях Кемского уезда в начале XX в. приходилось в среднем по 0,76 десятины наделной земли против 1,4 десятины на человека в остальных волостях. Следовательно, распространению сележно-го заселения здесь способствовал дефицит сельскохозяйственных угодий, вынудивший крестьян осваивать менее продуктивные и труднодоступные земли на водоразделах.

Приведенный пример неожиданно, на первый взгляд, свидетельствует, что в условиях острого земельного дефицита карелы отказались от привычки селиться у воды в пользу, по всей видимости, главного для них занятия — земледелия. Естественно, что приоритетность последнего сохранялась на остальной части края, но проявлялась в несколько завуалированном виде из-за консервативности материальной культуры, способствовавшей длительному сохранению в быту архаичных доаграрных традиций и их пережитков, в первую очередь в части рыболовства и связанного с ним прибрежного расселения.

Приоритетность сельского хозяйства и традиционных занятий проявилась и в карельских деревнях Прибеломорья, которые располагались преимущественно на внутренних озерах (83,6% от общего числа карельских поселений), в противоположность русскому населению этой территории, часто селившемуся в интересах морских промыслов в устье рек, впадающих в Белое море (39,3% от общего числа русских поселений), или одновременно в устье рек и на морском побережье (14,3%) (см. табл. 1). Объясняется это тем, что карельские переселенцы, обосновавшись в промысловом краю, стремились сохранить привычный образ жизни, занимаясь рыболовством в пресноводных водоемах,

Фото Б. Бойцова

охотой на боровую дичь и, главное, сельским хозяйством в большей степени, чем русские поморы, несмотря на то, что предки последних принадлежали к древней аграрной культуре. В данном случае верность привычным занятиям и, соответственно, меньшая приспособляемость к изменившимся условиям существования связаны у карел с тем же консерватизмом культуры.

Итак, подытоживая все сказанное, можно констатировать, что хотя процесс заселения в Карелии в первую очередь регламентировался природно-географическими условиями и местными ландшафтными особенностями, на него заметно влияли этнические традиции населения, экономические и социальные факторы. По сравнению с относительно стабильными природными условиями и особенностями роль последних непрерывно возрастала, и они закономерно стали основополагающими для самого молодого типа заселения — сележного, масштабы которого находились в прямой зависимости от концентрации населения, вызывавшего относительный дефицит удобной земли и сопровождавшегося расширением сети колесных дорог, и в обратной зависимости от развития рыболовства и его удельного веса в общем объеме крестьянского хозяйства.

СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Расселение — взаиморасположение поселений на местности с целью хозяйственного освоения территории. При этом под термином «поселение» (селение) обычно понимается материальная структура (группа жилых и хозяйственных построек с окружающими земельными угодьями), обеспечивающая социально организованное существование человеческой общности [17], а под термином «тип поселения» — социально-экономический вариант таких структур, в основе различия которых, главным образом, лежит форма землевладения.

Применительно к Карелии выделяют четыре основных типа поселения: погост, деревня, село и хутор.

*Деревня Викиица.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.*

Погосты возникли на севере России на основе общинного землевладения. Их границы первоначально совпадали с границами сельской общины, а позднее погосты нередко объединяли несколь-

ко общин. Различаются «погост-округ» — территориальное подразделение, объединяющее группу поселений (приход), и «погост-место» — административный и религиозный центр такого округа. На востоке Карелии погосты известны с XII в. [18], а на территории с карельским населением, по-видимому, сложились позднее. Погост, как термин, так и сам тип поселения, — русского происхождения и укоренился в Карелии под русским влиянием [19].

Деревня — самый древний и массовый из типов поселений. Это небольшое селение без церкви, исторически возникшее как ячейка сельской общины, владеющей прилегающими сельскохозяйственными и промысловыми угодьями. В середине 1920-х годов в Карелии насчитывалось 2209 деревень, что составляло 82,7% от общего числа сельских населенных пунктов [20]. Термин, обозначающий деревню на собственно карельском диалекте, а также на финском и вепсском языке, — *kylä*. В некоторых финских диалектах и в ряде финно-угорских языков этот термин обозначает дом (жилище), что послужило основанием для предположения о совпадении в прошлом обоих значений термина применительно к однодворной деревне [21].

Село — первоначально центр феодального землевладения, исторически связанный на Севере с захватами «боярщин» новгородскими феодалами. Позднее термин был перенесен духовенством

Деревня Ямка.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

и чиновниками губернского аппарата на крупные поселения, сформировавшиеся вокруг погоста-места и фактически представляющие собой группы сросшихся деревень. Наиболее древними являются села Поморья, монолитные и часто не имеющие явных внутренних подразделений [22]. К середине 1920-х годов села существовали преимущественно в восточной русско-язычной части края [23].

Хутора — обособленные крестьянские усадьбы на земельных участках индивидуального владения. Возникли в связи с формированием капиталистических отношений в деревне в условиях примитивного земледелия и слабого развития поземельной общины [24]. Ускорению распространения хуторов способствовала Столыпинская аграрная реформа 1906 г. К середине 1920-х годов хутора составляли в Карелии всего 5,3% от общего числа поселений и концентрировались преимущественно на северо-западе в районе Ухты (около трети всех хуторов) и на юго-западе края в районе Сямозера, Олонца и Видлицы, примерно в границах этнического ареала ливвиков (40% всех хуторов). В западной части средней Карелии, хотя и относительно редко, хутора все же бытовали, но на востоке края встречались лишь в порядке исключения, что подтверждает предположение о стимулирующем влиянии на их возникновение пограничной Финляндии, где капитализм укоренился раньше, чем на Русском Севере [25].

Среди терминов, обозначающих типы поселений, в письменных источниках часто упоминаются починки — вновь возникавшие селения, нередко отпочковавшиеся от основного поселения-ядра. В последнем случае их чаще называли выселками. Выселки могли в дальнейшем развиваться как деревни или хутора.

В Карелии в разное время и в различных сочетаниях друг с другом бытовали два известных в лесной зоне Русского Севера типа традиционного сельского расселения. Первый из них — разбросанный, состоящий из отдельных структурно не связанных между собой селений в четырех стадияльных вариантах — в виде односторонних деревень-усадьб (дисперсное расселение); развитых деревень, объединяющих несколько дворов; укрупненных деревень (в том числе сросшихся гнездовых образований, производных от второго типа расселения); хуторов.

Второй тип расселения — гнездовой, или кустовой. Под «гнездом» («кустом») обычно понимается группа расположенных поблизости, тяготеющих друг к другу деревень, имеющих общее наименование при сохранении самостоятельного названия каждой из них. При этом гнездо осознается его жителями как единое поселение [26]. Гнездовой тип расселения обычно связывают с архаичной формой родовой организации — патронимией, представляющей собой группу семей, образовавшихся в результате разделения патриархально-семейной общины, но сохраняющих в той или иной мере хозяйственное и общественное единство и носящих общее патронимическое название, образованное от собственного имени главы разделившейся семейной общины [27].

В карельских гнездах отдельные селения подчас носят русские наименования, но обобщающее название либо совпадает с названием географического объекта, рядом с которым располагались селения, либо является прибалтийско-финским с патронимическим окончанием карельского типа -la (Сондала, Пелкула, Сыссойла, Пряккила) [28].

В Карелии в 1926 г. насчитывалось примерно 190 гнезд, охватывающих 830 деревень (37% от их общего числа). Наибольшая концентрация гнезд наблюдалась на юге, в то время как в средней и в северной Карелии они встречались весьма редко [29]. Более того, и сами гнезда были далеко не одинаковы. Так, на юге в пределах Олонецкой равнины они, судя по картографическим докумен-

Фрагмент плана
Олонецкого уезда
Юргелицкой
волости Видлицкой
дачи 1850 г.
[НА РК]

там — планам нарезки земли государственным крестьянам, уже в середине XIX в. представляли группы близко расположенных друг к другу, а иногда и сросшихся деревень. К концу XIX—началу XX в. количество сросшихся гнезд значительно увеличилось, причем в центре Олонецкого уезда у слияния рек Олонки и Мегреги в начале XX в. возникли не только внутри-, но и межгнездовые агломерации поселений, вплотную подступивших к Олонцу.

В то же время в других частях южной Карелии, а также в районе Падан (средняя Карелия) и местами в северной Карелии (Ухта, Кестеньга, западная часть Беломорского и юго-западная часть Кемского районов) зафиксированы развитые «эталонные» гнезда, состоящие из группирующихся по берегам озер и рек, тяготеющих друг к другу деревень. На остальной территории, в первую очередь в северной Карелии (исключая промыслово-рыболовецкое Поморье), были распространены гнезда поселений, по определению В. В. Пименова, «выраженные значительно менее четко» [30].

Рассмотрение истории развития гнездового расселения, как показали наши исследования, дает возможность проследить особенности и закономерности формирования сельской расселенческой сети в целом [31].

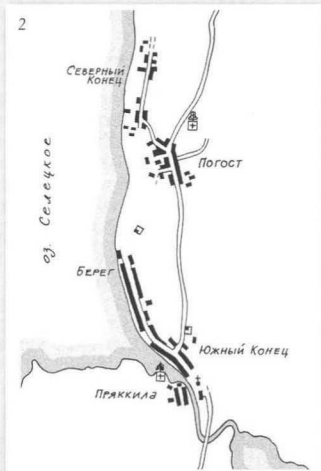
По мнению этнографа М. В. Витова, гнезда поселений на Русском Севере стали появляться в процессе крестьянской колонизации края. Причем в Заонежских погостах они сложились уже к XV в. [32]. Известный исследователь «расселенческих аспектов» аграрной истории А. Я. Дегтярев отмечает, что на территории Обонежской пятины в XVI—XVII вв. «гнездовая архаика уже находилась в стадии распада, характернейшая черта которой — сращивание отдельных гнезд, приводящее к их исчезновению и образованию сплошного массива поселений» [33].

Иной точки зрения придерживался архитектор Ю. С. Ушаков, относя сложение гнездового типа расселения на Русском Севере к XVI—XVII, а его окончательное развитие и завершение — к XVIII—XIX вв. [34]. Однако наши натурные исследования подтверждают, что в Карелии и сегодня существуют гнездовые образования, еще не достигшие предела своего развития.

Обозначенные противоречия связаны с различным ракурсом рассмотрения расселенческих проблем. Историки синхронизируют процессы гнездообразования и распада архаичной родовой общины, тем самым как бы отказывая гнездам поселений в праве на дальнейшее существование. Принципиально важное в этом смысле положение выдвинул М. В. Витов, назвав гнездовой тип расселения определенным этапом в истории поселений всей Восточно-Европейской равнины [35]. Архитекторы же в разрешении проблемы существования гнезд ориентируются, и весьма правомерно, на свое непосредственное восприятие реальности.

Почему же в Карелии до наших дней сохранились «молодые» по своей морфологии гнезда поселений? Противостояние их пространству оказывали специфика северных ландшафтов, оазисное

расположение удобных земель. Большая часть гнезд, состоящих из обособленных деревень, расположена там, где их слиянию препятствовали местные ландшафтные условия: например, чересполосное расположение поселений и сельскохозяйственных угодий при отсутствии для последних равноценной замены на окружающей гнездо территории, наличие между деревнями непригодных

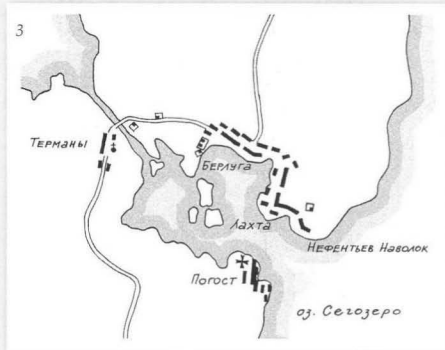

0 1 2 3 км

Гнездовые объединения
деревень средней Карелии:

- 1 — Сяргозерское,
- 2 — Селецкое,
- 3 — Паданское

(по картографическим
материалам 1930-х гг.)

для строительства заболоченных участков или разъединяющих поселения водоемов и т. д. Но существуют расчлененные гнездовые образования и без выявленных причин консервации их структуры. В этой связи несомненный интерес представляет бытование в Карелии наряду с гнездовыми объединениями, имеющими патронимические названия, гнезд поселений с наименованиями, отражающими географию их местоположения. Очевидно, различия в названиях свидетельствуют о принадлежности расселенческих структур к «патронимическому» и «постпатронимическому» поколениям. К последнему относятся и, видимо, еще более молодые морфологические подобию гнезд — объединения взаимотяготеющих деревень, не имеющих общего названия. С использованием архитектурно-градостроительной терминологии все эти разновременные расселенческие образования можно определить одним понятием — групповые системы населенных мест. Повторение на разных исторических этапах морфологически сходных расселенческих структур с явно различным социально-экономическим содержанием наводит на мысль о сложном, нелинейном характере их развития.

При сопоставлении ареалов различных вариантов гнездового расселения с агроклиматическим зонированием Карелии выявляется очевидная закономерность: прямая зависимость темпов формирования систем расселения от земельного потенциала территорий. В самом деле, ареал максимальной концентрации гнезд локализован в пределах южной Карелии, принадлежащей к южному агроклиматическому району с мягкой зимой и наиболее длительным вегетационным периодом, позволяющим выращивать даже плодовые и ягодные культуры, особенно в юго-западной части района, на Олонецкой равнине [36]. К последней, кстати, приурочен ареал сросшихся гнезд и межгнездовых агломераций.

Наоборот, север материковой Карелии принадлежит к северному озерному агроклиматическому району, который характеризуется продолжительной и довольно суровой зимой, коротким и прохладным вегетационным периодом и лишь частично пригоден для возделывания сельскохозяйственных культур, нетребовательных к теплу [37]. Видимо, поэтому здесь, в средней и восточной части, находилось большинство гнезд поселений, «выраженных менее четко».

Наконец, средняя Карелия входит в центральный агроклиматический район с умеренно холодной зимой и сравнительно теплым вегетационным периодом, что в целом благоприятствует выращиванию здесь ряда сельскохозяйственных культур [38]. Промежуточные между севером и югом края агроклиматические характеристики средней Карелии в целом соответствуют ее промежуточному положению по уровню развития гнездовых систем расселения (относительно разреженная и неравномерная сеть развитых гнезд).

Соотношение между типами расселения и развитием земледелия осуществлялось с помощью систем земледелия, которые отлича-

лись друг от друга способом восстановления плодородия почв: путем внесения органических удобрений или с помощью перелога — периодического в течение нескольких десятилетий оставления полей без посева. Простейший и древнейший вариант переложной системы — подсечно-огневое земледелие, связанное с использованием под пашню вырубленных и сожженных участков леса (при этом осуществлялось единственное до перелога удобрение почвы золой). После двух-трехлетней эксплуатации такие участки запускались в перелог лет на 50. Усложненный вариант переложной системы — лесопольно-паровой, при котором после вырубки и двухлетних посевов поле на третий год распахивалось для борьбы с сорняками, но не засевалось (оставалось под паром). Такой севооборот нуждался в перелогах, но позволял сократить интервал между ними до 10—15 лет [39]. Лесопольно-паровая система применялась в Карелии (в Приладожье), по-видимому, уже в XIV в. [40]. Позднее она усложнилась внесением органических удобрений (навоза), что позволило обойтись без перелогов. Такая усовершенствованная система в отличие от лесопольно-паровой

Фото Б. Бойцова

в наши дни называется просто трехпольной или паровой. Начиная со второй половины XVIII в. на большей части территории Карелии она стала ведущей [41]. Но недостаток органических удобрений долго ограничивал масштабы ее применения рамками комбинированных систем, при которых на ближних к поселениям пашнях применялось трехполье, на дальних — переложные системы. При этом из-за недостатка навоза даже в более позднее время трехпольное земледелие по урожайности значительно

Фото Б. Бойцова

уступало подсечному, что и предопределило широкое распространение последнего в карельской среде [42]. Не случайно Карелию называют «классической страной подсеки» [43], сохранившейся здесь несмотря на запреты властей вплоть до XIX в., а на северо-западе края — до 1930-х годов.

Лесопольно-паровое и тем более чисто подсечное земледелие при естественном росте населения требовало постоянного освоения новых земель, что стимулировало широкое расселение крестьян на территории Карелии, то есть активизировало процесс отпочкования починков и выселков. Так возникли центробежные тенденции в формировании систем расселения. Это явление на ранних стадиях аграрной колонизации Севера носило универсальный характер, представляя собой начальный этап формирования гнезд поселений и вообще сети сельского расселения, но осуществлялось несинхронно в различных частях обширного региона: если в 1620-х гг. в западном Поморье починки составляли всего 0,3% от общего числа поселений, то в центральном Поморье этот показатель повысился до 1,8%, в северо-восточном Поморье — до 7,9%, а в Вятской земле — до 52,2% [44], то есть практически изжитое на западе «починковое» освоение новых земель продолжало господствовать на востоке Русского Севера. Результатом длительного действия центробежных тенденций становится устойчивая малодворность поселений.

Процесс отпочкования, порожденный малоземельем, при сохранении прочих равных условий мог нейтрализоваться путем повышения степени интенсивности земледелия — постепенного увеличения применения трехполья и улучшения агротехнических мероприятий, наряду с развитием сухопутных дорог и транспортных средств, повышавших доступность относительно удаленных сельскохозяйственных угодий. Все это способствовало уплотнению сети расселения — увеличению размеров поселений, формированию развитых гнезд и их дальнейшему срастанию, то есть вызывало центростремительную тенденцию, обратную центробежной и в известной степени ослаблявшую ее.

Развитой гнездовой тип расселения в Карелии приурочен главным образом к территориям с достаточно длительным сельскохозяйственным освоением. Косвенное подтверждение тому — обратная по своему характеру ситуация, сложившаяся на северо-востоке материковой Карелии, где в 1926 г. при отсутствии гнезд в условиях редкой сети единичных поселений доля выселков составляла около половины от их общего количества по Карелии [45], что свидетельствует о позднем проявлении процесса отпочкования [46]. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку земледелие здесь местами стало возможным только после глобального потепления, сменившего «малый ледниковый период», который в свою очередь пришел в XIII в. на смену «малому межледниковью» и продолжался почти шесть столетий вплоть до середины XIX в. [47]. Следовательно, отсутствие гнездовых объединений было, скорее всего, предопределено исторической молодостью аграрной культуры на крайнем севере Карелии.

Несколько южнее, на землях «дикой лопи» (саамов) в границах Лопских погостов, включавших, помимо части северной, среднюю и север южной Карелии, в прошлом также господствовала безгнездовая система расселения. Она была связана с бытовани-

ем здесь промыслово-земледельческих комплексов, генетически восходящих к ранним стадиям аграрного освоения территории. Не случайно в Лопских погостах единицей обложения являлась не «обжа», как в остальных Новгородских землях, а «лук» [48], введенный еще тогда, когда население края вело кочевое оленеводческое и охотничье хозяйство [49], а карельская крестьянская миграция из Приладожья не стала массовой.

В результате карельской крестьянской колонизации Лопских земель XIV—XV вв. и, по-видимому, взаимодействия переселенцев с аборигенами-саамами сложилась система расселения, включающая административно-религиозные центры — погосты-места и отдельные дворы, разбросанные среди лесов и болот на значительном расстоянии друг от друга [50]. Такая структура расселения — результат господства смешанного земледельческо-промыслового хозяйства. Примечательно, что складывалась она синхронно с гнездовыми системами расселения на севере Обонежской пятины, в Заонежских погостах, так как русская и прибалтийско-финская колонизация Карелии проходили примерно в одно время [51]. А если вспомнить, что генезис гнезд связывают с патронимией, которая у прибалтийско-финского населения сохранялась дольше, чем у русских [52], то становится очевидным: различие систем расселения в Заонежских и Лопских погостах лишний раз подтверждает решающую роль в гнездообразовании развитой аграрной деятельности.

Как известно, на племенной территории корелы в Приладожье широко культивировалось земледелие, но на хозяйственную ориентацию карел в Лопских погостах и, соответственно, на сложившиеся системы расселения повлиял характер миграции, среди которой была значительная доля дисперсного, рассредоточенного во времени и пространстве переселения.

По-видимому, решающую роль в изменении системы расселения в Лопских погостах сыграла карельская миграция на эти территории в XVII веке, которая стала самой массовой и была связана с одновременным переселением больших коллективов. Об этом свидетельствуют приведенные историком И. А. Черняковой сведения о росте дворности Лопских погостов в конце XVI — начале XVII века: к 1678 году общее количество дворов в Селецком и Паданском погостах достигло своего максимума, увеличившись по отношению к 1597 году в первом случае с 201 до 236 дворов (на 17,4 %), а во втором — с 124 до 252 дворов (на 103,2 %) [53]. Подтверждением массового характера заселения в то время, в частности Сегозерья, могут служить и языковые данные — появление и широкое распространение показательной ойконимной модели с формантом *-la*, связанной с карельским земледельческим населением [54].

Отмеченные особенности заселения Лопских погостов подтверждаются бытованием среди сегозерских карел двух этнонимов традиционного для собственно карел на всей территории их расселения *«karjalažet»* (карелы) и локализованного на юго-востоке

их этнического ареала «*lappalažet*» (лопари) [55]. Сохранение первого самоназвания скорее всего связано с расселением карел компактными группами, что являлось естественным результатом «залповых» миграций, консолидирующих переселенцев и способствующих консервации в их среде элементов традиционной культуры. Что же касается второго этнонима, то его возникновение проще всего можно объяснить рассредоточенным расселением карел-переселенцев среди аборигенного саамского населения (возможно, уже частично ассимилированного) и, как следствие, активными этнокультурными контактами между ними, порождающими дальнейшую культурную интеграцию.

Подтверждением правомерности такого предположения служит примерное совпадение ареалов, с одной стороны, этнонима «*karjalāžet*» и наиболее древних гнезд поселений, сформировавшихся вокруг Селецкого и Паданского погостов — мест притяжения переселенцев, а с другой стороны, этнонима «*lappalažet*» и системы расселения, состоящей преимущественно из отдельных (структурно автономных) деревень и починков [56].

Решающее влияние массового характера миграции на уровень развития системы расселения вопреки аграрному потенциалу территории можно проиллюстрировать еще одним показательным примером. На западе северного субрегиона Карелии в бассейнах озер Пяозеро, Топозеро и Куйто (в районе Кестеньги и Ухты), несмотря на неблагоприятные агроклиматические условия, сложилась сеть развитых гнезд, соизмеримых с гнездами не только средней, но и южной части края. Правда, по меркам Архангельской Карелии этот район выделялся в сельскохозяйственном отношении. В частности, по данным земской статистики, в северо-западной Кестеньгской волости в 1900-х гг. на душу населения приходилось 6,1 пуда хлеба всего урожая против 3,6 пуда в юго-восточной Подужемской волости того же Кемского уезда [57]. Но такое относительное «изобилие» значительно уступало аналогичному показателю по Олонецкой Карелии [58] и само по себе не может объяснить Ухтинско-Кестеньгскую «гнездовую аномалию», тем более, что заселение этой территории карелами завершилось лишь в XVIII в., и, следовательно, «фактор времени» — длительность аграрного освоения территории — не успел стать дополнительным импульсом гнездообразования.

Остается предположить, что в мышлении и поведении карел-переселенцев присутствовала некая тенденциозность, сформированная устойчивыми традиционными стереотипами природо-преобразовательной деятельности, сложившимися в более благоприятных агроклиматических условиях, и представлениями об идеальном образе среды обитания, опоэтизированными воспоминаниями о покинутой родине. Скорее всего гнездовое расселение в XVII—XVIII вв. являлось традиционным для мест прежнего проживания карел-переселенцев и было распространено ими в северо-западной Карелии. Гарантом сохранения и воспроизведения традиции селиться гнездами стала уцелевшая в условиях

массовой миграции сельская община, в нашем случае — те социально-психологические ее механизмы, которые олицетворяли коллективные начала в жизни крестьян, служили оплотом всего комплекса крестьянской культуры. Эти особенности общины закономерно проявлялись и в процессе освоения новых земель, который, по словам М. М. Громыко, «сопровождался постоянным воспроизводством определенных этнокультурных традиций, сложившихся на территории, давно освоенной данным этносом. ... В местах выходов переселенцев это выражалось в коллективном обсуждении предстоящего переселения, в отправке на разведывание новых мест представителей общины, в установлении связей с уже переселившимися на новые места односельчанами, в подготовке переезда. Даже в пути, если мигрировали компактные группы, территориальная община продолжала функционировать как регулятор традиционного поведения. На новых местах в этом случае действовала та же община, и через нее шел процесс адаптации традиционной культуры к новым условиям» [59].

Естественно, что при этом объем и степень консервации традиций, привнесенных карелами на новые земли, определялись степенью ряда обстоятельств, включая наличие определенной «критической массы» переселенцев (вполне вероятной в условиях «залповой» миграции), повышенную традиционность их культуры и активность национального самосознания. Не случайно карельские переселенцы в северо-западную Карелию стали основными хранителями эпических рун «Калевалы» [60].

Итак, пример Ухтинско-Кестеньгской «гнездовой аномалии» позволяет к намеченным нами выше центристским началам формирования сельского расселения добавить весьма сильнейший фактор — общинные связи и традиции. Консервативные по своему характеру социально-психологические функции общины обеспечивали необходимую преемственность в развитии сельского расселения, сдерживая центробежные тенденции, которые провоцировались закономерным расширением сельскохозяйственного освоения территории.

Активное образование починков и выселков, как правило однодворных, приводило к увеличению количества поселений и уменьшению их средней дворности применительно к определенной территории. Эти показатели свидетельствуют о преобладающем действии центробежных тенденций в развитии сельского расселения в рассматриваемый период. Обратное явление — увеличение средней дворности и стабилизация числа поселений говорит о периоде господства центристских тенденций.

Какие же факторы, кроме уже обозначенных нами, препятствовали укрупнению поселений и, наоборот, стимулировали его?

В конце 1950-х годов М. В. Витов выявил общую направленность этого процесса и хронологические характеристики отдельных его этапов, вызвавшие коренную ломку существующих ранее взглядов на генезис и эволюцию северных поселений. Краеугольным камнем новой концепции стали подсчеты, выполненные исследо-

вателем на основании писцовых книг по Заонежским погостам и выявившие следующий ряд цифр, казалось бы, убедительно характеризующих динамику укрупнения поселений: в 1496 г. средние размеры поселения составляли 1,25 двора; в 1563 г. — 2,17; в 1583 г. — 2,33; в 1628 г. — 3,52; в 1647 г. — 3,70; в 1675 г. — 4,14 двора [61]. Но М. В. Витов оперировал абсолютными цифрами, а стоило заменить их относительными показателями среднегодового прироста размеров поселений по периодам, как оказалось, что анализируемый процесс до определенного исторического момента не прогрессировал, а, наоборот, обнаруживал тенденцию к затуханию: 1-й период (1496—1583 гг.) — среднегодовой прирост 0,99%; 2-й период (1583—1685 гг.) — 0,84%; 3-й период (1675—1838 гг.) — 0,49% (табл. 5).

Таблица 5

**Рост средних размеров поселений на территории
Олонецкой губернии в XVI—XIX вв.**

№ периодов	№ промежуток	Границы временных промежутков	Подолжительность		Средний размер поселения (кол-во дворов)	Абсолютный прирост средней плотности по двороности по промежуткам	Среднегодовой прирост средней двороности в %	
			промежуток	периодов			по промежуткам	по периодам
I	1	1496 г.	67	87	1.25	0.92	1.1	0.99
	2	1563 г.	20		2.17	0.16	0.37	
		1583 г.			2.33			
II	3	1628 г.	45	92	3.52	1.19	1.13	0.84
	4	1647 г.	19		3.70	0.18	0.27	
	5	1675 г.	28		4.14	0.44	0.43	
III	6		163	163		3.31	0.49	0.49
		1838 г.			7.45			
IV	7	1892 г.	54	67	12.33	4.88	1.22	1.14
	8		13			1.34	0.84	
		1905 г.			13.67			

Примечание. Промежутки времени определены хронологией имеющихся статистических материалов, а периоды, кроме того, приняты с учетом особенностей исторического развития края. Средние размеры поселений вычислены: для периодов I и II М. В. Витовым (Витов М. В. Формы поселений европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения института этнографии АН СССР. Вып. XXIX. М., 1958. С. 34-35); для периода III по данным К. Бергштрессера (Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. С. 41); для периода IV по спискам населенных мест Олонецкой губернии (Список населенных мест Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1894; Список населенных мест Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1907).

Это неожиданное на первый взгляд явление, противоречащее установленным представлениям, легко объяснимо: естественный рост населения при сохранении экстенсивного земледелия увеличивал дефицит сельскохозяйственных угодий, что, в свою очередь, сдерживало рост размеров поселений.

Анализ колебаний темпов укрупнения последних внутри периодов позволяет связать этот процесс непосредственно с реальными явлениями социально-экономической жизни края. Так, в начале первого периода наметился энергичный рост поселений (1,1%), явившийся скорее всего своеобразной реакцией на ликвидацию новгородской боярщины. К концу периода наступил спад (0,37%), обусловленный, по-видимому, общегосударственным экономическим кризисом конца XVI в.

Снижение темпов увеличения поселений в «смутные годы» уже к 1628 г. сменилось заметным ростом дворности (1,13%), сопутствующим восстановлению экономики края. Как показали наши исследования развития расселения четырех Заонежских погостов — Шунгского, Толвуйского, Кижского и Челмужского, в этот период происходили рост числа поселений и уменьшение пустотей, что свидетельствовало об активизации хозяйственной деятельности заонежан. Но не только: безусловно ведущей тенденцией того времени стало увеличение общего количества дворов в существующих деревнях при резком сокращении их числа в починках — подтверждение преобладания центростремительных тенденций в эволюции поселений над тенденциями центробежными, что, видимо, можно связать с таким социально-экономическим явлением, как расцвет на Русском Севере долевого деревни [62].

Естественно, не могла не повлиять на формирование поселений и фискальная политика правительства. Так, с первой трети XVII в. начался переход от посощного к подворному обложению, который, по словам А. Я. Дегтярева, способствовал заметному увеличению размеров крестьянского двора, уменьшая число семейных разделов и препятствуя отпочкованию молодых семей [63]. Обратная зависимость между взаимосвязанными процессами — изменениями людности дворов и дворности поселений — позволяет предположить, что на смену активизации роста дворности должен был последовать ее спад, связанный с изменением налогообложения. И, действительно, такой спад произошел в 1628—1647 гг. (0,27%). Более того, сокращение средней дворности поселений сопровождалось снижением общего числа дворов как в деревнях, так и в починках [64]. Сложившуюся в развитии расселения ситуацию проще всего связать с «хлебным недородом» и «хлебной зябелью» 1630—1640 гг., сопровождавшимися мором скота в связи с эпизоотией 1638—1639 гг. [65]. Кроме того, эти бедствия совпали по времени со значительным увеличением податного обложения и последовавшим за ним введением института «пашенных солдат», который лег дополнительным бременем на плечи крестьян, вынужденных нести военную службу по охране западной границы края от шведских набегов без освобождения от общекрестьянских тягот и повинностей [66].

Следующий, правда, небольшой подъем (0,43%) наступил к концу второго периода после заключения Кардисского мира со Швецией (1661 г.), отмены института «пашенных солдат» (1666 г.) и нормализации хозяйственной жизни края [67]. Относительно небольшие темпы роста при благоприятной социально-экономической ситуации связаны с тем, что средние размеры поселений к этому времени, видимо, достигли критического рубежа, чреватого дисбалансом между народонаселением и размерами земельных угодий. Вторая половина XVII в. на Русском Севере — начало разложения долевой деревни черносошных крестьян [68].

Усредненный показатель (0,49%) по третьему периоду (1675—1838 гг.) на первый взгляд выглядит несколько неожиданно, поскольку незначительное увеличение средних размеров поселений, казалось бы, не соответствует масштабам экономического подъема в крае в XVIII в. По-видимому, на общий результат повлияли рекордно низкие показатели в начале этого периода. Так, в Заонежье в промежутке между 1678 и 1720 гг. отмечается самое значительное уменьшение среднегодового прироста средней дворности поселений при сокращении общего числа дворов в деревнях и починках [69]. Такое снижение основных показателей нельзя объяснить какой-либо одной причиной, даже такой существенной, как тяготы Северной войны. Скорее всего, решающую роль здесь сыграли реформы Петра I (и подготовка к ним), направленные на частичную нивелировку черносошных и собственнических крестьян путем перевода первых из них в сословие крестьян государственных, обложенных помимо подушной подати (сменившей подворное обложение) добавочным посошным денежным сбором — эквивалентом частнособственническому феодальному оброку [70]. К началу XVIII в. относится и приписка государственных крестьян к казенным заводам и Олонецкой верфи, поставившая их в крепостную зависимость по отношению к промышленным предприятиям [71]. Наконец, и это самое главное, разложение долевой деревни привело к уничтожению общинного землевладения, замененного подворно-участковым. Как результат — торжество частной собственности на землю и имущественное расслоение крестьянства [72]. Реакция крестьянства выразилась в активизации отпочкования выселков и починков. Подтверждение тому — самые значительные за весь рассматриваемый период увеличение общего числа поселений и сокращение пустошей, связанное с возрождением заброшенных деревень [73]. Такой всплеск роста количества поселений не может быть объяснен ничем другим кроме активизации центробежных тенденций в формировании системы расселения.

После спада в начале XVIII в. темпы увеличения дворности поселений возросли [74], что, скорее всего, связано с развитием товарно-денежных отношений в условиях постепенной либерализации законодательных ограничений на неаграрную деятельность государственных крестьян [75]. Кроме того, увеличению дворности способствовало очередное изменение налоговой системы: в 1719 г. подворное обложение сменилось подушной податью, что

привело к распаду сложных семей и образованию новых дворов-хозяйств [76].

Четвертый период процесса укрупнения поселений (1838—1905 гг.) связан, с одной стороны, с дальнейшей капитализацией деревни, с другой — с возрождением поземельной крестьянской общины. В это время среднегодовой темп роста достиг 1,14%. Консолидирующая роль общинных традиций в процессе укрупнения поселений весьма значительна. Показательно, что в последней четверти XIX в. в преддверии Столыпинской реформы наделного землевладения именно кризис поземельной общины привел к снижению темпов роста средней дворности поселений (0,84% за 1892—1905 г. против 1,22% за 1838—1892 гг. в начале периода), несмотря на усиление прочих центростремительных тенденций.

Как мы показали, не последнюю роль в процессе уменьшения или увеличения дворности (соответственно — возникновения новых или развития уже существующих поселений) играет оппозиция частное/общественное в землевладении и землепользовании. В самом деле, архаичная большесемейная община обладала внутренним источником энергии, порождаемой на закате патриархально-родового строя борьбой противоположных начал — коллективного и индивидуального. Первое начало олищеворялось еще функционирующей общинной организацией, второе — индивидуальными семьями, которые, по словам М. О. Косвена, вначале лишь вызревали и дифференцировались в недрах большой семьи, а затем взрывали ее изнутри [77]. (Внешним поводом для этого стал обострившийся дефицит сельскохозяйственных угодий). Энергия взрыва, по-видимому, служила начальным импульсом для отпочкования родственных коллективов. Но по мере ослабления такого импульса в условиях тяжелейшей борьбы за существование начинала сказываться инерция общинных связей. Как отмечал М. О. Косвен, в суровых условиях Русского Севера, когда освоение лесной целины нуждалось в коллективах больших, чем семья и даже большая семья, патронимия оказалась актуальнее, нежели соседская община, и потому пережиточно удерживалась и после полного исчезновения последней [78]. Возникли и новые формы производственной кооперации крестьян. Пример тому в Карелии — «ромши» — объединения с целью совместной обработки земли нескольких первоначально родственных, а затем соседских семей [79].

Следующий этап развития — долевая деревня, представлявшая собой поземельное целое, разбитое на доли, то есть своеобразную общину, но включающую в зародыше подворно-участковую форму землевладения: каждый дольщик — крестьянский двор — имел право не на конкретный участок земли, а лишь на выдел известной доли из каждого угодья, принадлежавшего деревне. Кроме того при определенных условиях крестьяне могли устраивать уравнивание или земельный передел [80].

История повторилась, когда в связи с обострением земельного дефицита возник очередной кризис общинного землевладения —

разложение долевой деревни, принявшее в XVIII в. необратимый характер, поскольку к этому времени прирост народонаселения стал угрожать «превышением допустимой демографической емкости освоенных (сельскохозяйственных — В. О., И. Г.) ландшафтов» [81]. Малоземелье и невозможность бесконечного дробления существующего земельного фонда государственных крестьян предопределили замену долевого подворно-участковым землевладением. В результате из-за расслоения крестьянства и обнищания основной его массы резко возросли недоимки налогов и податей в государственную казну, что в конце-концов вынудило правительство принять «уравнительные» меры, лишив государственных крестьян права индивидуального землевладения и создав в начале XIX в. путем подушного раздела земель поземельную общину [82], которая в свою очередь стала вытесняться к рубежу веков частной собственностью на землю. Последний процесс стимулировала Столыпинская аграрная реформа крестьянского надельного землевладения 1906 г.

Как уже отмечалось, однонаправленной эволюции расселенческой ткани в Карелии препятствовало то, что рост населения, как правило, обгонял увеличение продуктивности сельскохозяйственных угодий. Поэтому в ячейках сети расселения — в поселениях — изначально присутствовали центробежные тенденции, которые активизировались всякий раз, как ослабевали противодействующие им общинные связи — своеобразный «короткий поводок», препятствовавший разбеганию починков от гнездового ядра. Так, видимо, возникали и архаичные гнезда, и более молодые образования взаимотяготеющих деревень, объединявшихся названием уже не патронимическим, а указывающим на место их расположения (Янгозеро, Лахта, Сяргозеро).

Но сила общинных уз приводила к гнездообразованию лишь в тех случаях, когда поблизости находились пригодные для сельскохозяйственного освоения земли в необходимом количестве, диктуемом существующей системой земледелия. В противном случае, оказавшись за пределами зоны, обеспечивающей сохранение ощущения «внутригнездового единства», починки развивались как автономные поселения. Такие поселения в конце XIX — начале XX вв. составляли большинство деревень Карелии, но, судя по письменным источникам, достаточно широко бытовали и раньше. Видимо, кульминация их формирования связана с ослаблением общинных связей при распаде долевой деревни в XVIII в., вызванном острым малоземельем при экстенсивном характере земледелия.

Активный процесс отпочкования произошел и при распаде поздней поземельной общины в начале XX в., когда возникли хутора. В этой связи принципиально важным представляются результаты подсчетов, выявившие совпадение основных ареалов разбросанно-хуторского расселения с территориями преобладания развитых гнезд — на северо-западе в районе Ухты и Кестеньги, на юго-западе в пределах зоны расселения ливвиков [83]. Правоммерно предположить, что хутора знаменуют собой новый

виток развития сети расселения на указанных территориях в условиях зарождающегося капитализма, когда индивидуальное землевладение в очередной раз расшатало общинные связи и началось дробление деревень на основе дальнейшей интенсификации земледелия с широким использованием наемного труда. Там, где общинные традиции на психологическом уровне были особенно сильны, образовались парадоксальные гнезда хуторов, связывающие индивидуальных владельцев в морфологическое подобие единого общинного территориального объединения. Пример тому — система хуторов Толлорека в Калевальском районе (на территории Ухтинской «гнездовой аномалии»), представлявшая местным жителям единой деревней.

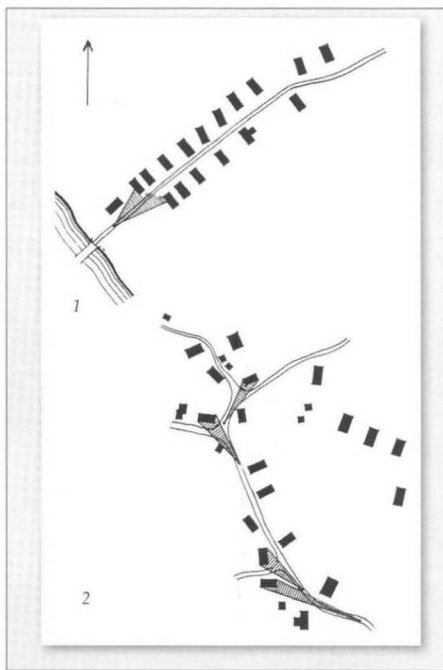
Подводя итоги, можно констатировать, что в развитии сельского расселения Карелии периоды стабилизации, связанные с центроостремительными началами (укрупнение поселений, развитие и срастание гнезд), сменялись временем территориальной экспансии под действием центробежных тенденций (уменьшение средней дворности, увеличение числа выселков и починков, начальный этап гнездообразования). Циклические изменения предопределялись периодичностью смены общинного и индивидуального землепользования (землевладения), накладывавшейся на естественную цикличность механизма саморазвития сельского поселения — рост, достижение критической массы в условиях сельскохозяйственного потенциала конкретной территории, деление. Кроме того, траектория развития расселения усложнялась действием разнонаправленных, усиливающих/ослабляющих главные тенденции факторов: глобальных изменений климата; прогрессирующего развития агротехники, дорожной сети и транспорта; силы общинных связей и традиций по организации архитектурно-ландшафтной среды; государственного регулирования крестьянской экономики; крупных социальных бедствий.

Однако особенности заселения и неравномерность аграрного развития края привели к неоднородной картине расселения. Несформировавшиеся гнезда на северо-востоке карельского этнического ареала, развитые гнезда южной Карелии и «аномальных» территорий средней и северо-западной части края, сросшиеся гнезда и, более того, наметившиеся межгнездовые агломерации на юге Олонецкой равнины, хутора на западе — все это подтверждает, что в Карелии на рубеже XIX—XX вв. существовали системы расселения, соответствующие различным этапам эволюции. Такая ситуация позволяет по единовременному территориальному «срезу» проследить за формированием расселенческой ткани во времени. При этом решается и дискуссионный вопрос о датировках основных этапов формирования сети расселения — починков и выселков, единичных поселений, гнездовых объединений деревень. Пример Карелии показывает, что сельское расселение — не застывшее некогда, а живое, циклически развивающееся явление, чутко реагирующее на изменяющиеся реалии бытия [84].

Рассмотрим еще один аспект расселения — его структурно-композиционную организацию, наиболее ярко выраженную в формировании гнезд. О наличии закономерностей такой организации свидетельствуют выявленные Ю. С. Ушаковым «характерные, повторяющиеся особенности гнезд селений, сложившихся в различных природно-географических условиях обширной территории Русского Севера», что опровергает «неоднократно высказывавшееся этнографами мнение об отсутствии какого-либо порядка в гнездовой группировке селений» [85]. Наши наблюдения позволяют дополнить исследователя: структурно-композиционные закономерности формирования гнезд не только существуют, но и имеют этническую специфику [86], что наиболее ярко проявляется в зонах межатнических контактов. Одной из таких зон являются Подпорожский и Бокситогорский районы Ленинградской области, где чересполосно проживают русские, вепсы и карелы.

Оценка взаимосвязей поселений с окружающей природой и друг с другом показала, что большинство русских гнезд поселений на рассматриваемой территории отличается зрительная целостность, достигающаяся путем выявления композиционных акцентов-ориентиров, иерархически организующих архитектурно-ландшафтные ансамбли с выявлением главных и тяготеющих к ним второстепенных деревень. При этом структура последних в большинстве случаев носит как бы транзитный (проходной) характер, подчеркивающий направленность движения к центру ансамбля. Наоборот, для карел и вепсов на рассматриваемой территории выявление междеревенских связей, видимо, не являлось приоритетной задачей: поселения трактовались как локальные микроструктуры, организованные с помощью местных акцентов — зрительных фокусов (обычно жилых домов), замыкающих перспективу деревенских улиц или ее отдельных участков. Такие планировочные приемы можно объяснить стремлением создать

Примеры структурно-композиционной организации русских и финно-угорских поселений Ленинградской области: 1 — визуальная целостность поселения (русская деревня Нойково); 2 — визуальная локализация частей поселения (вепсская деревня Мягозеро) (по В. Гуляеву)

комфортные условия внутри поселений путем обеспечения ветрозащиты и оптимальной инсоляции, расчленения внутридеревенского пространства на сомасштабные части и т. д. В результате создавалось ощущение обособленности и «тупикового» характера поселений — их несвязанности, разобщенности в рамках гнезда.

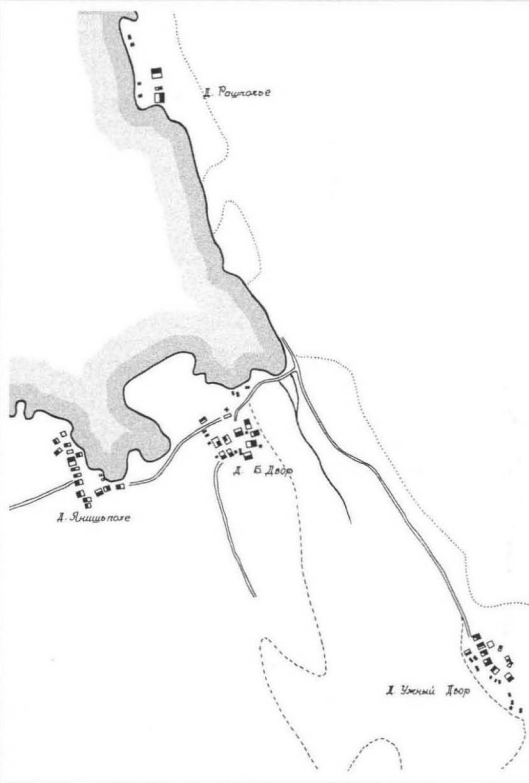
Еще одним примером, иллюстрирующим разницу в организации гнезд русских и карельских поселений, может служить гнездовое объединение деревень Вегоруксы на юго-западном побережье Заонежского полуострова. Вегоруксы были основаны русскими колонистами Севера и являлись перевалочным пунктом по пути из Новгорода к Белому морю [87]. Судя по писцовым книгам XVI в., все четыре деревни куста были малодворными [88] и лишь в XVII в. скачкообразно увеличились в размерах, видимо, за счет переселенцев-карел из Приладожья [89]. С этого момента вплоть до начала XX в. гнездовое объединение имело преобладающее карельское население [90], в XX в. полностью обрусевшее. Основа организации гнездового объединения была заложена новгородцами, выбравшими место для центрального поселения — Посада, где стоит архитектурная доминанта комплекса — Никольская церковь, преобразованная в XIX в. из часовни XVIII в., сблокированной с высокой шатровой колокольней. (Хотя существующий храм относительно поздний, у него скорее всего был предшественник). Ядро гнезда окружают деревни Южный Двор, Вянишполе, Рамполе. Таким образом, на первом этапе гнездо складывалось по принципам центричной композиции, однако массовая застройка деревень, связанная с приходом ка-

Гнездовое объединение
деревень Вегоруксы.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

рел, преимущественно не поддержала идею центричности, как бы замкнувшись и исключив себя из общей структурно-композиционной целостности комплекса. Особенно ясно это прослеживается на плане вегорукского гнезда 1868 г. [91].

Вегоруксы интересны тем, что здесь в силу исторических обстоятельств формирование гнезда деревень по русским композиционным принципам остановилось на первом этапе своего развития. Применительно к русским по происхождению расселенческим системам этот этап можно охарактеризовать достаточно

План гнезда
деревень Вегоруксы,
1868 г. [РГИА]

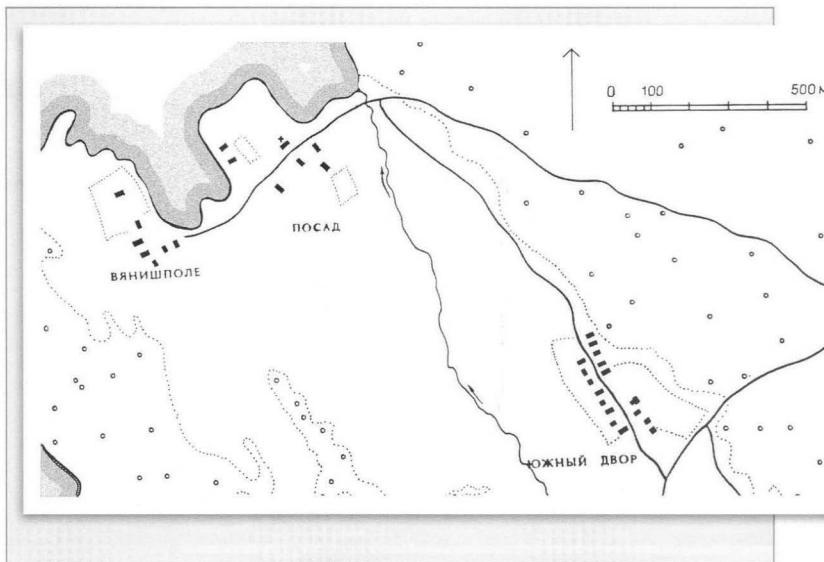

точно: выделение символического центра осваиваемой территории, стремление совместить его с геометрическим центром гнездового объединения (что осуществлялось более или менее полно в зависимости от ландшафтных условий) и расположение в центре высотного архитектурного сооружения. Если выделение символического центра путем его противопоставления периферии — простейший архаичный прием организации материальных структур, а применительно к гнездам поселений такой прием реализовывался через противопоставление сакральности религиозного центра мирскому содержанию окружающей жилой застройки, то два последних принципа — геометрическая центричность, подчеркнутая архитектурной композиционной доминантой, — действительно позволяют говорить, что гнездовая группировка селений осознавалась как целостный объект архитектурного освоения — упорядочения и эстетизации с целью подчеркнуть искусственными мерами особое содержание и значение центра на территории гнезда.

Тенденция к установке высотных архитектурных акцентов, как бы преодолевающих изолирующее влияние расположенных между селениями ландшафтных форм, по-видимому, была сформирована на ранних этапах освоения русскими обширных пространств Севера. Скорее всего, она связана, с одной стороны, с характерным для русских стремлением к простору неограниченного пространства

План гнезда деревень,
Вегоруксы 1991 г.

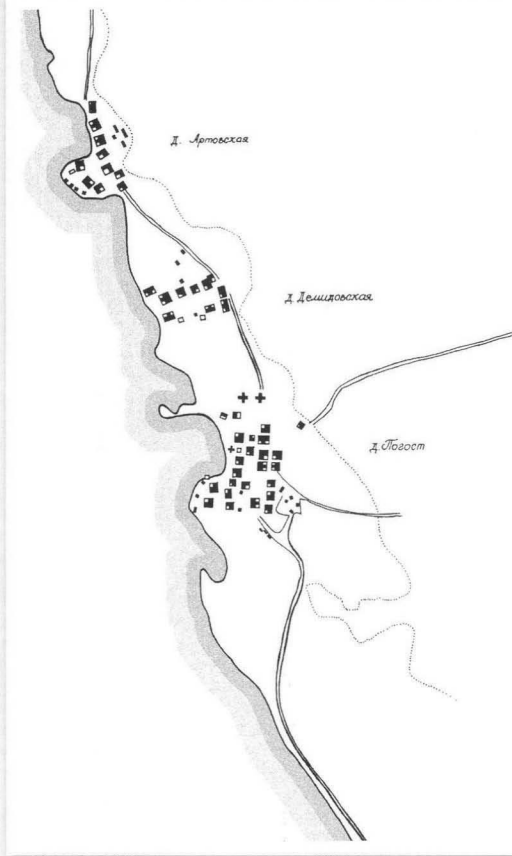

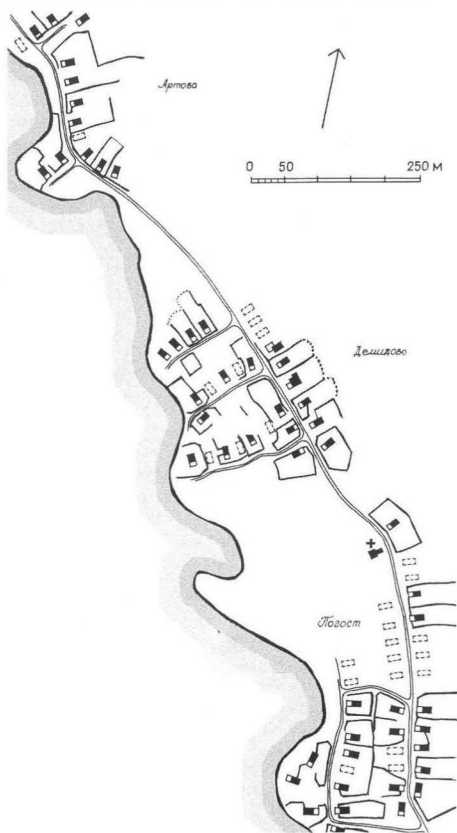
и, с другой стороны, с желанием подчеркнуть связи внутри искусственной среды обитания. Последние отражают космологическо-религиозные представления традиционной русской земледельческой общности, корреспондирующей с моделью мира (отсюда и иерархичность объемов и пространств) [92], и потребность в «чувстве докты», возникшую, видимо, еще в период колонизации Севера, когда русские переселенцы оказались в чужой для них природной среде. Любопытно, что на основании изучения древнерусской литературы Д. С. Лихачев, объясняя специфику русского национального характера, связал ее с ландшафтом страны: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством» [93]. К исходному выводу пришли в XIX в. отечественные историки и теоретики архитектуры, считавшие, что для русского зодчества было характерно стремление к высоте, порожденное, по словам, В. В. Суслова, ландшафтом Руси и свойственное «народам, живущим в огромных равнинах» [94].

Вторым этапом композиционной эволюции гнезд русских селений стало преобразование самих деревень для дополнительного выявления доминирующей роли центра и усиления пространственных связей с ним в границах гнезда. Примером такого развития может служить один из ведущих ансамблей русского Занежья — гнездовое объединение на озере Космозеро, состоящее из деревень Погост, Демидово и Артово, композиционно организованных храмовым комплексом, в прошлом состоящим из двух церквей и колокольни. По реконструкции Ю. С. Ушакова все деревни ориентированы на храмы [95]. Проведенное нами детальное натурное обследование села Космозеро в целом подтвердило правомерность реконструкции по состоянию застройки на конец XIX — начало XX вв. Но, судя по плану 1868 г. [96], еще в середине XIX в. гнездо было совершенно иным, и только самая молодая деревня Артово, видимо, незадолго до того отделившаяся от деревни Демидово, имела сходную с современной рядовую структуру, в то время как более старые поселения Погост и Демидово, существовавшие уже в XVI в. [97], словно демонстративно обратились к храмовому комплексу оздаками домов, ориентируясь преимущественно на полузамкнутое внутридеревенское пространство или на озеро.

Пример Космозера, где была достигнута композиционная целостность застройки в границах гнезда, не единичен. Но массовым это явление стало только на рубеже XIX—XX вв. Начиная с 1840—1850-х годов в связи с широкой кампанией по перепланировке поселений государственных крестьян в Олонечкой губернии предпринимались энергичные меры по регулированию их структуры по «правилам устава строительного» как в утилитарном плане (регламентация противопожарных разрывов между домами), так и в эстетическом (упорядочение застройки в целом под влиянием установок профессиональной архитектуры) [98].

Поскольку во всех случаях предложения по «правильному» рас-
планированию» деревни накладывались на существовавшую
в момент «распланировки» ситуацию, сопоставление топографи-
ческих материалов середины XIX и рубежа XIX—XX вв. с натур-
ными обследованиями XX в. позволяет выявить характер и на-
правленность планировочных преобразований того времени.
В подавляющем большинстве проектов уже наметившиеся в пе-
репланируемых поселениях тенденции или, в крайнем случае,

План гнездового
объединения деревень
Космозеро, 1991 г.
(современная
нетрадиционная
застройка условно
не показана)

предпосылки таких тенденций развивались в направлении усиления регулярных начал и композиционной законченности. Делалось это из чисто практических соображений для уменьшения объема переделок, которые обычно согласовывались с жителями, что отражалось в соответствующих записях на чертежах. Такая преемственность стала возможной лишь потому, что усилия межевщиков и землемеров по внедрению в сельскую застройку принципов архитектуры нового времени во многом совпали

с принципами архаичной композиции гнезд, пространственно отражавшей приоритеты общинных христианских (моноцентрических) начал в противоположность связям с природой.

Сравнивая гнездовые объединения Вегоруксы и Космозеро, можно констатировать, что застройка их деревень на середину XIX в. была одинаковой по структурным отношениям с центром гнезда. Однако в отличие от Вегоруксы в Космозере предпосылки организации русских гнезд в дальнейшем были реализованы через органичное включение жилой застройки в структурно-композиционную целостность комплекса селений, что задавало новый вектор дальнейшему развитию гнезда. Подтверждением правомерности такого предположения может служить характер формирования расселенческой ткани в период с 1917 по 1930 г. и особенно во время НЭПа, когда активизация строительной деятельности в деревне при ослаблении, а порой и отсутствии административного контроля способствовала наиболее полной реализации в планировочных структурах вкусов и предпочтений крестьян. В те годы в рассмотренных выше районах Ленинградской области и в восточной части Карелии, включая Заонежье, развитие групповых систем русских поселений характеризовалось сохра-

*Гнездовое объединение
деревень Матчезеро.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.*

нением тенденций предшествующего периода — стремления к центричности и соподчинению частей целому.

В то же время структура деревень в составе гнезд в карельских анклавах и на основной территории расселения карел характеризовалась изолированностью. Анализ карельского материала показывает, что отсутствие выраженных визуальных и структурных связей между деревнями в гнездовых объединениях вызвано устойчивой тенденцией к оптимизации связей с природой. Некоторая «беспорядочность» гнезд карельских селений имеет свой аналог и на уровне планировочных форм отдельных деревень (см. с. 104—107).

Взаимная несоподчиненность структур деревень — одна из отличительных черт карельских гнезд селений. Но еще более характерным признаком является их композиционная акцентировка. Необходимо сразу оговориться, что она рассматривается не на уровне задачи, а на уровне результата: в отличие от русских приемов создания визуального единства гнездовых объединений осознание карельскими крестьянами своего гнезда как единого поселения не дублировалось целенаправленными действиями на уровне объемно-пространственной организации территории. Расположение же высотных акцентов — вековых кладбищенских роц (несмотря на то, что они часто воспринимаются нами как элементы искусно созданного живописного целого) определялось не задачами ландшафтного обустройства окружения, а восходило к особенностям культа предков и мифологии карел. Культ предков составлял ядро религиозных представлений карел, сохранившееся благодаря религиозному дуализму («двоеверию») и после формального принятия ими христианства.

Каждая карельская деревня имела свое кладбище. В соответствии с особенностями культа предков у карел кладбище располагалось поблизости от деревни или даже на ее окраине (см. с. 111). Нарушалось это правило лишь применительно к некоторым патронимическим компактным гнездам, имевшим общее кладбище, да в тех случаях, когда вблизи поселения отсутствовали подходящие территории, поскольку к месту для кладбища предъявлялись строгие требования: оно должно было быть сухим, песчаным, по возможности, возвышенным, желательно расположенным вблизи водоема на полуострове или даже острове [99]. По словам собирателя рун Калевалы Э. Лённрота, путешествовавшего по Карелии в сер. XIX в., карельский обычай погребения на деревенских кладбищах отличался от финской традиции хоронить только на кладбищах в центрах церковных приходов [111]. То же можно сказать и о соотношении карельской и русской погребальных традиций.

«Деревня мертвых» рассматривалась как аналогия реальному поселению. Когда жители одной деревни были связаны кровным родством, покойники на деревенском кладбище состояли в родстве друг с другом и с живущими. Когда родовая община сменилась соседской и в деревне насчитывалось несколько родовых групп, деле-

*Деревня Декнаволоок.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.*

ние это соблюдалось и на кладбище [101]. Все на кладбище считалось достоянием мертвых. Отсюда — запрет рубить деревья в кладбищенской роще, в силу чего она становилась естественным высотным акцентом. К рощам у карел было особое отношение, видимо, восходящее к культу священного дерева. В соответствии с универсальной особенностью языческих культов религиозные действия язычников основывались на обращении к природе и поэтому осуществлялись, как правило, вне поселений, «за пределами житейского бытового круга» [102]. Возможно еще и поэтому священные кладбищенские рощи карельских деревень, наследуя древнюю традицию, располагались на периферии застройки.

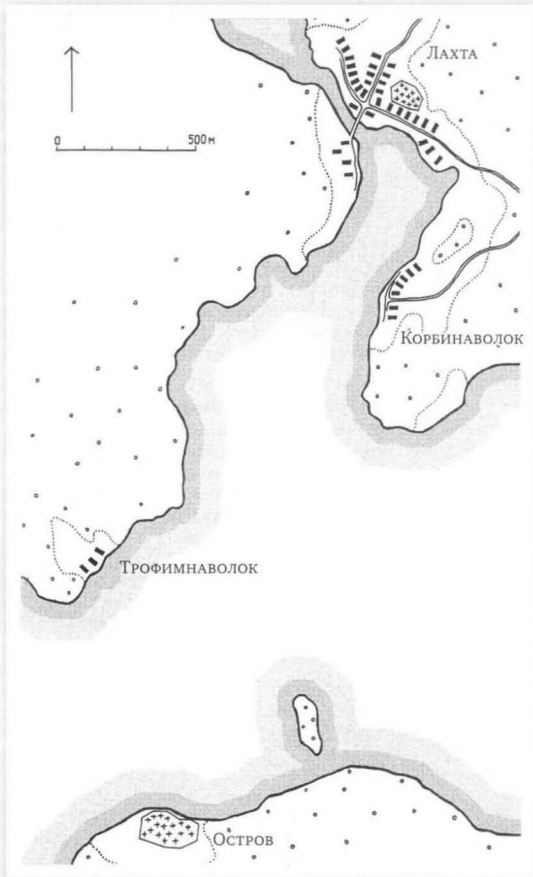
Складывающееся из нескольких поселений гнездовое объединение сохраняло связь каждой деревни со своим кладбищем, что приводило к размещению акцентов — высотных кладбищенских роц — по периферии освоенной территории. Показательно, что даже в случае устройства для группы объединенных в гнездо деревень одного кладбища последнее также располагалось на периферии. Это разительно отличает карельские гнезда селений от рассмотренных выше русских, центрично акцентированных.

Элементом, объединяющим застройку гнездовых объединений карел, часто были река, небольшое озеро или проливы и заливы крупных озер. В то же время никогда не служили визуальному единству гнезда часовни. Расположенные в кладбищенских роцах, они входили в состав культовой зоны, где отголоски молебний духам деревьев и природы и отправление культа мертвых сочетались с поклонением более поздним христианским святыням. Часовни часто строились на месте языческих капищ и подобно им были надежно скрыты от посторонних глаз в чаще деревьев.

Описанные особенности долго сохранялись в большинстве карельских гнезд, за исключением тех из них, которые сформировались вокруг основанных новгородцами древних погостов, изначально игравших роль административно-религиозных центров. Правда, к концу XIX в. под воздействием губернской администрации и церковных властей участились случаи постановки культовых построек-акцентов в центральных поселениях карельских гнезд. Только у карел-людигов, видимо, под влиянием русских соседей «центричные» композиции гнезд с высотными акцентами в виде культовых сооружений сформировались значительно раньше, но и в них застройка деревень сохранила структурную индифферентность по отношению к центру, а прием центричной композиции людиговских гнезд не распространился в пределах карельского ареала. Видимо, это связано с априорным неприятием предвзятых композиционных построений, не вытекающих из специфики природной ситуации, не имеющих непосредственных мировоззренческих предпосылок и чреватых неудобствами для части жителей в виде нарушений оптимальной инсоляции и ветрозащиты, то есть всего того, что противоречит сути культуры карел — «природосообразности» — стремлению лучше приспособиться к условиям природного окружения. Не случайно А. Н. Гумилев отнес карел в числе других финно-угорских народов к этносам, «вписывающимся в ландшафт» [103] и длительное время сохраняющим этноландшафтное равновесие [104]. Разумеется, подобные тенденции присущи не только финно-уграм, но у них они особенно ярко выражены, являясь их общей этнической особенностью, понимаемой, по словам Д. С. Лихачева, как «некоторый акцент, а отнюдь не качество, отсутствующее у других народов» [105].

В качестве выводов приведем сопоставительный анализ разноэтнических примеров. Русское гнездо селений представляет собой большую территорию, организованную в соответствии с умозрительным идеалом, отражающим представления о строении мира.

Сямозерское гнездо
деревень Лахта

В расселенческой системе постепенно возрастает роль искусственных структурообразующих элементов архитектурно-ландшафтной среды: значение погоста подчеркивается высотным акцентом, что приводит к изменениям в планировке окружающих деревень, заставляя их упорядочиваться и ориентировать свою застройку на центр группового объединения селений. Напротив, карелы при формировании планировочной ткани явно предпочитают искусственным структурообразующим элементам природ-

ные, как правило, водоемы со всей естественной хаотичностью начертания их береговых линий, которым подчиняется застройка. Некоторые идеальные миропредставления карел, в частности мифологическая пространственная интерпретация единой сакральной общности живущих и предков, реализуется в архаичных примерах гнезд только в структуре отдельных деревень (см. с. 111—114), и лишь в стадияльно более поздних гнездах — на уровне гнездового объединения в целом. Но в обоих случаях зона кладбища и часовни, располагаясь на периферии, не служит центром пространства системы расселения. При этом характерные для русских гнезд селений радиальные связи периферийной застройки с сакральным центром у карел заменены локальными осевыми связями между жилыми зонами деревень и принадлежащими им родовыми кладбищами-святынями или одной осью «жилая зона — культовая зона» при гнезде (часто сросшемся) с одним кладбищем.

Воплощенные в структурных осях-связях отголоски модели линейного пространства-пути, восходящего к культуре охотников-кочевников [106], можно истолковать как проявления древних особенностей карел, которые, как и в целом финно-угры, долгое время в своей деятельности были ориентированы на промыслы — охоту и рыболовство. Присваивающий по своему характеру тип хозяйственных занятий закономерно приводил к уже отмеченной природосообразности и, шире, к своеобразной «рациональной пассивности» в отношении к своему окружению. Несмотря на то, что карелы позднее достигли высокого уровня развития сельскохозяйственной деятельности, а жилые части их домов по степени упорядочения почти тождественны постройкам русских соседей, тенденция к формированию сооружений «по месту» и к архитектурной непреднамеренности сказалась в процессе упорядочения застройки усадеб (дома-комплексы в средней и северной Карелии) (см. с. 206—234), а также в планировочных формах деревень и их гнездовых объединений.

Пример русских — представителей древней аграрной культуры, для которой характерно более сложное представление о радиальной (центрической) организации осваиваемого пространства [107], — подтверждает связь образа жизни и занятий со степенью организованности искусственного окружения: активное отношение к природной среде, свойственное земледельцам в отличие от промысловиков, находит полное соответствие и в деятельности по упорядочению и архитектурному освоению усадеб, поселений и расселенческих систем.

Обоим рассмотренным нами этническим ареалам присуща определенная закономерность: чем сложнее и масштабнее задача по преобразованию среды, чем обширнее затрагиваемые освоением территории, тем более архаичные, глубинные особенности культуры в них реализуются. В условиях синхронного сравнения именно эти особенности, отражающие историю становления этносов, становятся этническими признаками.

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА ПОСЕЛЕНИЙ

Традиционные аграрные поселения Карелии состоят из крестьянских усадеб (дворов), включающих жилище вместе с хозяйственными постройками и усадебными участками. При этом усадьба может выступать и в ранге однодворного поселения. В каждом из таких поселений, как в любой саморазвивающейся системе, изначально заложена тенденция к укрупнению. Однако эта основополагающая тенденция в процессе исторического развития поселений далеко не всегда смогла реализоваться.

О причинах, вызывающих рост деревень, говорилось в предыдущем разделе. Напомним, что увеличение дворности поселений было обусловлено, помимо изменения формы землевладения, еще целым рядом других взаимосвязанных факторов, влиявших на укрупнительный процесс. Среди них, кроме физического роста населения, — разукрупнение крестьянских семей (уменьшение численности населения дворов), которое продолжало стимулироваться подушным налогообложением, ослаблением родственных связей и увеличением подвижности населения по мере того, как развивающиеся капиталистические отношения в деревне подрывали ее патриархальный уклад. Существовала и обратная зависимость между средними размерами поселений и их количеством, отражавшая стихийное балансирование между ограниченными сельскохозяйственными ресурсами существующих поселений и крайней трудоемкостью освоения новых земель, разбросанность которых вынуждала крестьян в целях приближения жилья к месту приложения труда создавать все новые и новые выселки, увеличивая число малодворных деревень. В некоторой степени ограничительное воздействие разброса сельскохозяйственных угодий на укрупнение поселений удалось ослабить с помощью развития колесных дорог и гужевого транспорта, облегчавших освоение удаленных земель. По данным земской статистики, в Олонецкой губернии в начале XX в. деревни, расположенные на земских дорогах, состояли в среднем из 14,7 двора, средних состав селений, расположенных на проселках, равнялся 12 дворам, а бездорожных поселений — 10,9 двора [108].

Отпочкованию новых поселений также способствовало относительно свободное землепользование государственных крестьян. Но во второй половине XIX в. в результате нового поземельного устройства крестьянское землепользование было ограничено рамками наделенной земли [109]. С этого момента снизились темпы роста числа поселений, а нейтрализация последствий земельного дефицита стала осуществляться в основном за счет усовершенствования способов ведения сельского хозяйства, а также путем расширения промыслов и торговли, которые снижали удельный вес земледелия в общем объеме крестьянского хо-

зяйства, нарушали обособленность поселений и укрепляли их экономику. Влияние промыслов на укрупнение поселений можно проиллюстрировать на примере рыболовства, более высокий удельный вес которого в карельских волостях соответствовал большим размерам поселений по отношению к русским волостям с менее развитым рыболовством (в среднем 15,57 против 12,52 двора в Петрозаводском уезде и 13,3 против 8,48 в Повенецком уезде) [110]. При этом относительно большая дворность в Петрозаводском уезде в целом (особенно в его юго-восточной части, расположенной по Петербургскому тракту) объясняется воздействием взаимосвязанных факторов: более высоким по сравнению с глухим Повенецким уездом уровнем развития дорожной сети, промыслов и торговли.

Перечисленные процессы связаны с формированием капитализма, который таким образом способствовал преодолению характерной для Олонецкой губернии малодворности: за период с 1838 по 1905 г. число малодворных деревень в губернии уменьшилось в 1,49 раза (или на 0,49% среднегодовых), в то время как число средних и многодворных селений возросло соответственно в 1,69 раза (2,53% среднегодовых) и в 16,5 раза (23,13 % среднегодовых) (табл. 6). Но динамика укрупнения поселений на протяжении этих лет не оставалась неизменной, заметно снизившись к концу периода (до 0,84% в 1892—1905 гг. против 1,22% в 1838—1892 гг.) (см. табл. 5), что, видимо, связано с некоторым увеличением масштабов разбросанно-хуторского расселения на западе и с активизацией оттока сельского населения в города и во внеаграрные поселки особенно, на восточной границе карельского этнического ареала.

Таблица 6

Изменение соотношения между поселениями различных размеров в Олонецкой губернии с 1838 по 1905 г.

Годы	Малодворные поселения (до 10 дворов)		Средние поселения (11-50 дворов)		Многодворные поселения (более 50 дворов)		Общее количество поселений
	количество	в % к общему числу	количество	в % к общему числу	количество	в % к общему числу	
1838	3417	73.77	1209	26.10	6	0.13	4632
1873	2755	66.02	1391	33.33	27	0.65	4173
1892	2482	57.22	1795	41.38	61	1.40	4338
1905	2291	51.62	2048	46.15	99	2.23	4438

Примечание. Подсчеты выполнены по: Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838; Список населенных мест Российской империи (по сведениям 1873 года). XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879; Список населенных мест Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1894; Список населенных мест Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1907.

Объемно-планировочная структура поселений, или их «форма», определяется взаимосвязями составляющих их усадеб как между собой, так и с ландшафтной подосновой.

Видимо, уже в первичной ячейке — однодворной деревне — были заложены структурные связи, характерные для развитых поселений: расположение ее составляющих диктовалось стремлением приблизить место жительства к местам приложения труда — пашням, сенокосам, пастбищам, рыбным тоням или охотничьим угодьям. Но не только такие очевидные соображения влияли на расположение и структуру поселений. Благоприятная инсоляция, ветрозащита, неподтопляемость территорий внешними водами и, наконец, красота окружающего ландшафта — все это в своей совокупности определяло выбор места для поселения и его структурную организацию. Однодворная деревня уже несла в себе зачатки той или иной планировочной структуры. Жилище окружали хозяйственные постройки, и принципы их взаиморасположения, соотносимые с традиционными пространственными представлениями и планировочными инстинктами крестьян, не могли не влиять на постановку новых домов. В самом деле, даже три-четыре ритмично поставленные постройки зрительно воспринимаются как определенный порядок — метрический или ритмический ряд и, следовательно, дают возможность различать свободную и рядовую структуру, которые затем в развитом виде могут проявляться в многодворных поселениях.

Наибольший вклад в классифицирование и изучение развития форм поселений Русского Севера, включая Карелию, внес М. В. Витов, который выделил пять основных форм поселений — беспорядочную, рядовую, замкнутую, уличную и деревни позднего происхождения. При этом он впервые учел показатель ориентации главных фасадов домов и соответственно подразделил линейные (рядовые) поселения на собственно рядовые и уличные [111].

Наиболее древней формой поселений Русского Севера М. В. Витов считал беспорядочную, связанную с первоначальным захватным землевладением и однодворным характером поселения [112]. В этом случае, по его мнению, смена однодворных деревень многодворными и их последующее укрупнение приводили к формированию беспорядочных планировочных структур в виде конгломерата отдельных дворов. В ходе дальнейшего социально-экономического развития, по мере увеличения товарообмена и нарушения обособленности отдельных поселений, резко возросло значение водоемов как транспортных артерий, которые определили структуру поселений, получившую в это время рядовой характер. И лишь значительно позже, преимущественно во второй половине XIX в., по мере заселения водоразделов и появления сухопутных дорог возникли уличные поселения [113].

Такова в общих чертах эволюционная гипотеза М. В. Витова. Она достаточно хорошо аргументирована и на первый взгляд выглядит вполне убедительно. Хотя при внимательном рассмотрении обнаруживаются некоторые противоречия. В частности, как ука-

зывалось выше, водоёмы — самые ранние пути заселения Карелии, но по изложенной концепции в качестве формообразующего фактора они выступают лишь на втором этапе эволюции. Кстати, по этому поводу, противореча своей гипотезе, очень хорошо сказал сам М. В. Витов: «Новгородцы двигались по рекам, долго еще оставшимся основными дорогами, экономическими нервами края; естественно поэтому, что окна их смотрели на эту единственную дорогу. К тому же новгородцы двигались ватагами «другов», селившихся вместе. Это придавало коллективный рядовой характер (разрядка наша. — В. О., И. Г.) русским поселениям в более населённых транзитных местах» [114]. То же можно сказать и про поселения, сформировавшиеся на основных путях заселения края карелами. Не случайно Р. Ф. Тароева назвала такие поселения «первично рядовыми» [115]. В концепции М. В. Витова не определено место и замкнутых («кольцевых») поселений, а завершающий этап эволюции — возникновение уличных поселений — исследователь однозначно связывает с заселением водоразделов и появлением сухопутных дорог. Появление уличных форм отнесено преимущественно ко второй половине XIX в., хотя известно, что в Поморье и в некоторых других бездорожных уголках Карелии уличные планировки существовали достаточно давно. Так, например, судя по плану Сорокской дачи 1850 г., основное поселение и соседние деревни Сорока и Старцево уже тогда имели сложившуюся уличную планировку преимущественно с двухсторонней застройкой. И такая структура сформировалась при полном отсутствии колесных дорог [116].

Сомнения в универсальности эволюционной концепции М. В. Витова высказывались и ранее. В частности, отмечалось, что некоторые ее положения неприемлемы по отношению к бассейну Северной Двины [117]. Но тем не менее разработки исследователя остаются краеугольным камнем в этнографических исследованиях традиционных поселений Русского Севера.

Воспользовавшись классификацией М. В. Витова, рассмотрим ареалы форм поселений на территории Карелии. Беспорядочные поселения представлены в западной части северной, средней и южной Карелии и в Заонежье. При этом, судя по картографическим материалам и литературным источникам, еще во второй половине XIX в. беспорядочная структура была распространена почти повсеместно [118]. Поселения с замкнутой («кольцевой») структурой, в которых дома группируются по периметру незастроенного внутреннего пространства, иногда с храмом посередине, зафиксированы, как исключение, на Заонежском полуострове и в восточном Обонежье и встречаются, на первый взгляд, действительно без какой бы то ни было закономерности. Поселения с рядовым планом распространены почти повсеместно, но особенно широко — на Олонецкой равнине. Уличные поселения к началу XX в. преобладали в южном Прионежье и восточной части средней Карелии, а в юго-западной Карелии и в Заонежье составляли около четверти всех поселений. Поселения со смешанной структурой, в которых трудно выделить преобладающие типологические признаки

какой-либо конкретной формы плана, как правило, территориально тяготеют к южной части края, хотя и не имеют четкого ареала.

Как уже отмечалось, социально-экономическое развитие различных частей Карелии протекало несинхронно, и в соответствии с ним расселенческая ткань более интенсивно формировалась на юге и востоке края. А поскольку характер развития отдельных поселений и их группировок в принципе совпадал, то преобладание поздних форм поселений в юго-восточной Карелии, казалось бы, подтверждает правомерность гипотезы М. В. Витова, правда, с одной оговоркой: если ориентироваться на разрешающую способность используемой классификации. Но в действительности за ее рамками остались существенные признаки, учет которых значительно усложняет картину.

Этнографические классификации сельских поселений Русского Севера в интерпретации последователей М. В. Витова [119] не претерпели значительных изменений и не стали развитеннее, что не позволяет учитывать важные особенности той или иной формы поселения. Известные архитектурные классификации поселений еще более укрупнены по сравнению с этнографическими. При описании историками архитектуры объемно-планировочной структуры поселений внимание преимущественно уделялось рисунку плана, что закономерно привело к формированию только трех типологических подразделений, характеризующих приемы застройки — свободной (свободно-разбросанной), замкнутой (периметральной, радиально-кольцевой) и рядовой (линейно-рядовой) [120]. Реже рядовой план делился на собственно рядовой и уличный [121]. Попытки развить классификацию приводили к смешению на одном типологическом уровне основополагающих структурных признаков простого плана (вышеперечисленные формы) с характеристиками гнездового расселения (кончанская форма) и заселения [122] или с признаками, которые могут в той или иной степени характеризовать все другие планы (регулярные формы) [123].

Такая нестыковка концепций разных исследователей связана в первую очередь с произвольным выбором принципов классифицирования применительно к различным формам поселения. Например, соотношение регулярной ориентации фасадов только с линейными структурами, а произвольной ориентации — с «кучевым» планом, или учет плотности застройки только в беспорядочных поселениях, хотя, по нашим наблюдениям, перечисленные признаки присутствуют во всех планировочных структурах, обеспечивая их многообразие. Очевидно, что избежать произвольных толкований при классифицировании различных поселений можно только путем последовательного учета основных формальных признаков, выделенных при анализе различных типов планировки.

На наш взгляд, такие признаки включают ориентацию главных фасадов жилых построек, структуру плана и плотность застройки. Два из них являются ключевыми при формировании простых объемно-планировочных структур. Третий признак —

плотность застройки — одинаково относится ко всем элементарным формам поселений, характеризую их компактность или разбросанность. Названные признаки позволяют описывать форму поселения как социокультурное явление, порой достаточно точно реагирующее на изменения в обществе [124].

В основу классификации, предлагаемой в настоящем исследовании, была положена гипотеза о том, что деятельность народных зодчих, как и любая архитектурная деятельность, была направлена на противопоставление «беспорядку» природы «порядка» культуры. Соответственно основная тенденция развития форм поселений — их упорядочение.

Применительно к структуре плана эта тенденция связана с изменением плана поселения от аморфного (коврового), имеющего максимум степеней свободы для своего спонтанного развития, до линейного и от него к плану, соотносённому с жесткими идеальными геометрическими формами. В упорядочении плана поселения решающую роль играют структурообразующие элементы — природные (например, берега водоемов, складки рельефа) или искусственные (дороги), но только в том случае, если они обладают высокой степенью культурной значимости. Приоритетность структурообразующих элементов исторически изменчива: в разное время тот или иной из них начинает оказывать радикальное влияние на застройку. Так, например, переход от прибрежно-рядовых к придорожным формам явился следствием смены планировочных приоритетов, что можно рассматривать как свидетельство неких существенных изменений в иерархии культурных ценностей.

На ориентацию жилища — вторую из обозначенных нами двух ключевых характеристик формы поселений еще больше влияет смена планировочных приоритетов. Ориентация жилых домов под действием упорядочивающей тенденции изменяется от произвольной (не имеющей общезначимого для поселения вектора) к однонаправленной — на водоем, на выразительную ландшафтную форму, «на лето», на дорогу, на храм, на общественное пространство (улицу, площадь), ограниченное «порядками» домов. Особый вид однонаправленной ориентации, двухуровневый, — на единое пространство с каким-либо смысловым или композиционным акцентом, замыкающим перспективу вдоль порядка. Разнонаправленная ориентация построек в поселении с двумя или более «конкурирующими» направлениями фиксирует стадию смены планировочных приоритетов. Взаимонаправленная ориентация жилищ, например, в уличных формах, свидетельствует о максимальном обособлении от природных структурообразующих элементов и акцентов: приоритетом в ориентации становится сама застройка, дома по сторонам улицы обращены друг к другу.

Учет ориентации построек представляется нам особенно важным при описании традиционных деревень: если этому признаку не придается значения, то все фасады жилых домов рассматриваются как однозначные, а само пространство поселения — как однородное и, как следствие, в частности, становятся типологически

неотличимы рядовые (двухрядные) и уличные объемно-планировочные структуры, а также типы замкнутых пространств, ограниченных главными фасадами или озадками домов.

В целом невнимание к ориентации построек не позволяет осмыслить дуализм индивидуальных и коллективных интересов, компромисс между которыми отражает в своей структуре каждое поселение [125]. Локализация группы домов на единой территории в виде беспорядочной формы (ковровый план с произвольной ориентацией построек) свидетельствует о том, что поселение в целом не является объектом архитектурного освоения. Этот факт либо представляет собой ранний стадийный признак, либо связан с преобладанием в территориальной общности индивидуальных начал над коллективными, что в отношении поселения — феномена общественного в конечном счете равнозначно возврату к первоначальным этапам его эволюции. Однонаправленная ориентация главных фасадов — первый шаг к взаимоподчинению структуры жилища и поселения, обеспечивающему целостность традиционной архитектурной среды. Но в полной мере последняя проявляется при упорядочении одновременно с ориентацией и структуры плана. При замкнутых, рядовых и уличных планировках индивидуальное и коллективное в поселении сбалансировано. Дома, поставленные вдоль красных линий, главными фасадами — лицевой стеной, на которую проецируется красный, или большой, угол передней избы, не только физически ограничивают, общественное пространство поселения, но и придают ему особый статус. В свою очередь последнее регулирует объемно-планировочную структуру крестьянского двора через правила постановки дома и его внутреннего функционального зонирования. Отсюда же — многообразные приемы оформления уличного «интерьера» (декорирование и обшивка передней части дома, устройство парадных ворот и калиток, палисадных и т. п.), рассчитанные на прочтение и коллективную оценку в поле единого, хорошо обозреваемого внутреннего пространства поселения.

Для осмысления предлагаемых нами классификационных признаков воспользуемся типологической таблицей, характеризующей формирование структуры поселений под совокупным воздействием основополагающих тенденций ее развития — упорядочения плана и смены приоритетов в ориентации застройки. Первая тенденция смоделирована в вертикальных графах таблицы в направлении сверху вниз и отражает изменение плана поселения от аморфного до соотносительного с идеальными геометрическими формами.

В горизонтальных графах таблицы отражается вторая тенденция — изменение ориентации жилищ от произвольной (не имеющей композиционных приоритетов) к однонаправленной (с одним композиционным приоритетом или акцентом). При такой ориентации дома могут располагаться радиально, параллельно или последовательно по отношению друг к другу. Далее в таблице следует разнонаправленная ориентация параллельно или непараллельно расположенных домов с двумя или более «конкури-

	1. ПРОИЗВОЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ	2. ОДНОНАПРАВЛЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ	3. РАЗНОНАПРАВЛЕННАЯ (ВЗАИМОПЕРПЕНДИКУЛЯРНАЯ И ВЗАИМООБРАТНАЯ) ОРИЕНТАЦИЯ	4. ВЗАИМОНАПРАВЛЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ
А. АМОРФНЫЙ ПЛАН				
Б. ЛИНЕЙНЫЙ (РЯДОВЫЙ) ПЛАН				
В. ЗАМКНУТЫЙ ПЛАН				

рующими» приоритетами, например, при ориентации части застройки «на лето», а другой части — на волоом. Наконец, в последней графе приведена взаимонаправленная ориентация жилищ, характерная, например, для уличных структур, в которых композиционные приоритеты содержатся в самой застройке: дома, расположенные по сторонам улицы или по обоим берегам ручья, неширокой реки (композиционно играющих роль улицы), ориентированы друг на друга.

Описываемые с помощью таблицы типы объемно-планировочных структур позволяют выявлять и анализировать значительно больший объем информации о традиционных поселениях. Так, форма поселений, обычно называемая беспорядочной, расшифровывается в таблице схемами А1—А4, В1, В1, замкнутая — В2, В3, рядовая — Б2, Б3, уличная — Б4.

Кроме признаков, сведенных в таблицу, все формы поселений по плотности застройки разделяются на компактные и разбросанные. Плотность в значительной степени изменяет облик и восприятие поселений с одним и тем же типом объемно-планиро-

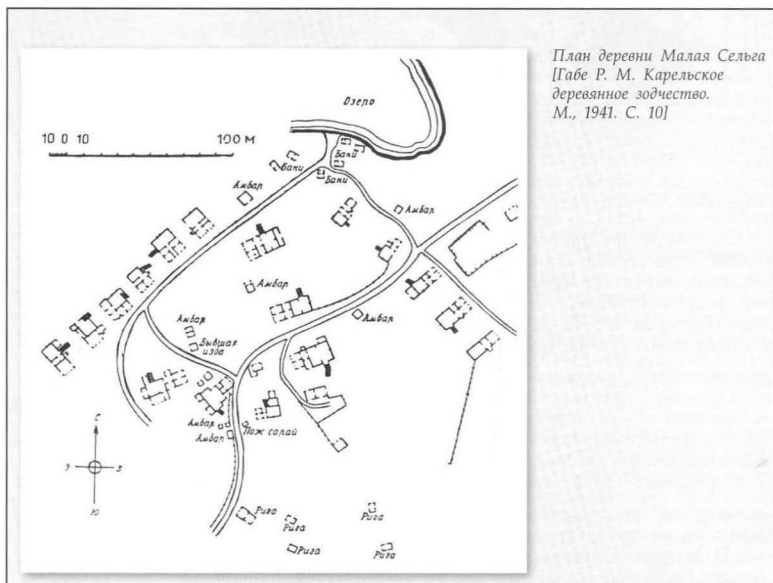
Типологическая таблица
объемно-планировочных
структур поселений:

- А1 — беспорядочная;
- Б1 — протолинейная;
- В1 — протозамкнутая;
- А2 — свободная с однонаправленной ориентацией домов;
- Б2 — рядовая;
- В2 — замкнутая;
- А3 — свободная с разнонаправленной ориентацией;
- Б3 — рядовая с разнонаправленной ориентацией;
- В3 — замкнутая с разнонаправленной ориентацией;
- А4 — свободная с взаимонаправленной ориентацией;
- Б4 — уличная

вочной структуры. Так, беспорядочная или свободная структура поселений в композиционном отношении либо не формирует целостную в современном представлении пространственную среду, когда расстояния между постройками и группами построек превышают сферу их «композиционного взаимодействия», либо создает единую по производимому впечатлению сложную живописную композицию, в которой отдельные постройки, объединенные ландшафтом, уравниваются.

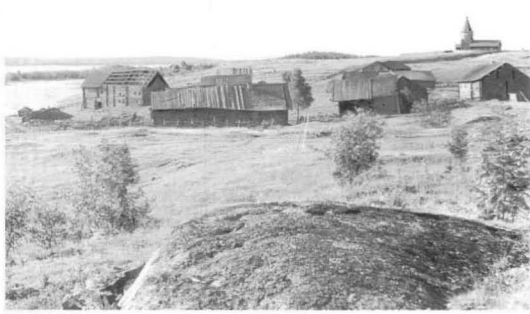
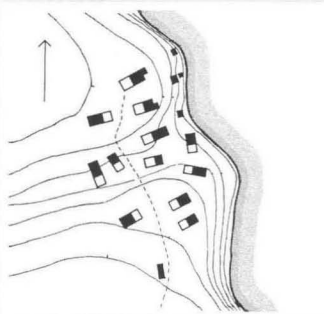
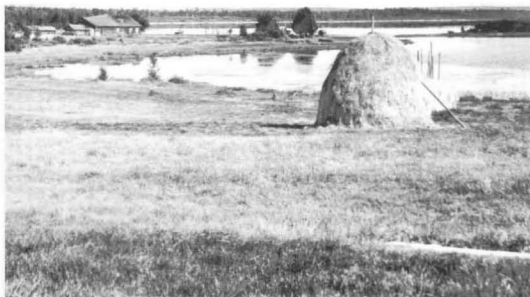
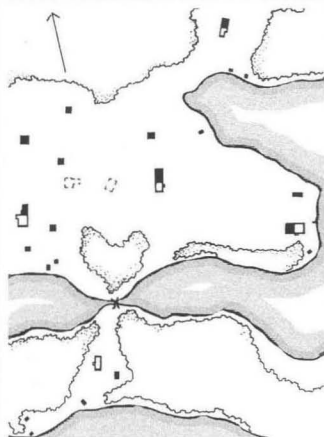
Столь же радикально по своей композиции различаются и варианты основных типов простых планировочных структур, например, замкнутых. Они подразделяются на полностью замкнутые и частично замкнутые, или полузамкнутые. Первые из них в большинстве случаев, при относительно геометрически правильной форме площади, предполагают центричность с возможным акцентированием вертикальной композиционной оси. Вторые отличаются активным композиционным раскрытием (или системой раскрытий) «интерьера» поселения в окружающую среду. Кроме того, внутреннее пространство замкнутых поселений различается по наиболее четко выраженному внешнему признаку плана — по конфигурации площади — и может быть круглым или овальным, прямоугольным, неправильной или сложной формы.

План деревни Малая Сельга
[Габс Р. М. Карельское
деревянное зодчество.
М., 1941. С. 10]

В качестве структурных единиц простых поселений, схематически изображенных в таблице, иллюстрирующей принципы их классифицирования, выступают отдельные жилые постройки, но и сами элементарные объемно-планировочные структуры при внутренней упорядочности и компактности могут являться такими единицами для более сложных планировочных образований, повторяющих планировку простых поселений. В качестве примера можно привести карельскую деревню Малая Сельга, где структурные единицы — «рядки» из нескольких домов — в своей совокупности

Деревня Гафостров с беспорядочно-разбросанной структурой: схематический план, общий вид (фото Б. Бойцова, 1980 г.)

Деревня Северная на Лычном острове с беспорядочно-компактной структурой: схематический план, общий вид (фото Б. Бойцова, 1970-е гг.)

образуют сложную беспорядочно-рядовую объемно-планировочную структуру, подобную простому беспорядочному плану с разнонаправленной ориентацией непараллельных элементов.

С учетом всего изложенного детально рассмотрим различные планировочные структуры традиционных деревень, бытующие в Карелии. Как мы уже отмечали, беспорядочные поселения с аморфным планом и наиболее архаичной произвольной ориентацией домов представлены на западе края и в Заонежье. К этому надо добавить, что уже к середине XX в. они встречались лишь в порядке исключения и не имели четкого выраженного ареала. Но такие поселения зафиксированы на картографических материалах второй половины XIX в., а отдельные их фрагменты сохранились в поселениях других форм. В этом отношении показательна деревня Кашканы в южной Карелии, которая до прокладки через нее в начале XX в. дороги имела ярко выраженную беспорядочную произвольную ориентированную структуру. Видимо, такие поселения в прошлом бытовали повсеместно и были приурочены к периодам ослабления общинных (коллективистских) начал в деревне, что приводило к размыванию единых композиционных приоритетов. Применительно к сохранившимся или достоверно известным по картографическим документам поселениям и фрагментам их застройки таким периодом в большинстве случаев и на большей части территории Карелии, по-видимому, был XVIII в. — время господства подворно-участкового землевладения. Однако беспорядочные формы возникали и в более позднее время. Подтверждение тому — относящиеся к рубежу XIX—XX вв. беспорядочные планы деревень карельских переселенцев в Беломорском Поморье (Колвица, Нильмозеро, Нильмогуба) и агломерации хуторов Толлорека в северо-западной Карелии. Названные примеры подтверждают связь беспорядочной формы поселений с ослаблением общинных связей: в первом случае оно вызвано дисперсным характером миграции отдельными семьями, во втором — распадом поздней поземельной общины и распространением индивидуального землевладения.

Поселения свободные, с аморфным планом и параллельной однонаправленной ориентацией домов имеют более четкие территориальные ареалы. Такие поселения в прошлом широко бытовали на всей территории с карельским населением. Причем дома преимущественно ориентировались на юго-запад и одновременно по направлению господствующих ветров или на юго-восток в соответствии с рельефом, «вылепленным» ледником. Предпочтение тому или другому направлению отдавалось с учетом местных условий: на северо-западе и западе с сильно пересеченным рельефом преобладала юго-восточная ориентация, на более равнинном востоке, юго-востоке и юге — юго-западная. Нередко в рамках одного поселения ориентация на южные румбы осуществлялась с достаточно большим разбросом — в диапазоне от юго-запада до юго-востока.

Конкретную территориальную прописку также имели в прошлом беспорядочные и свободные поселения с различной плот-

ностью застройки: на западе северной и средней Карелии они большей частью разбросаны, а в юго-восточной и, в меньшей степени, в юго-западной части края, наоборот, компактны.

Причины компактности беспорядочных деревень в южной Карелии выяснились при исследовании поселений с иной — замкнутой центрично-ориентированной структурой. Так, при анализе картографических материалов второй половины XIX в. по северному Заонежью было выявлено, что из 45 деревень, расположенных на восточном берегу внутренних озер полуострова

Фрагменты
застройки деревни
Кашканы. Фото
Б. Бойцова, 1979 г.

Деревня Каишканы.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.

и онежских заливов Кефтьень и Святуха, 44,44% составляли поселения с компактной беспорядочной структурой и 8,9% с замкнутой, в то время как среди 30 западнобережных поселений было более 40% беспорядочных и свободных поселений и ни одного замкнутого [126]. Приведенные цифры, учитывая первичность заселения восточных берегов водоемов (см. с. 37), позволяют предположить, что по крайней мере в Заонежье замкнутая структура

являлась наиболее древней, а компактно-беспорядочные поселения — результат реконструкции замкнутых. Отсюда и отличия между компактно-беспорядочными поселениями Заонежья и разбросанно-беспорядочными поселениями северной Карелии. Первые из них напоминают организм, развивающийся вовнутрь, вторые — организм, развивающийся наружу по отношению к первоначальному ядру путем суммирования примерно равнозначных ячеек — крестьянских дворов, разделенных огородами и целыми

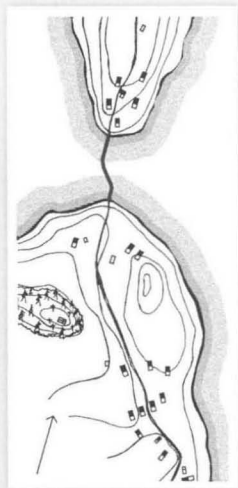
полями. Известные по картографическим материалам переходные формы подтверждают связь между замкнутыми и компактно-беспорядочными поселениями Заонежья. Преобразование замкнутых деревень, скорее всего, проходило путем застройки центральной площади новыми домами без какого-либо видимого порядка при сохранении периметра первоначального плана, что придавало поселению компактно-беспорядочную форму.

Судя по сохранившимся фрагментам застройки деревень и картографическим документам, замкнутые поселения в прошлом помимо Заонежья, где они бытовали особенно широко, встречались в Пудожском крае, то есть в русскоязычных районах Карелии, в местах первоначальной новгородской колонизации, а также в пределах этнического ареала карел в средней Карелии в Сегозерье вблизи древних Паданского и Селецкого погостов и изредка на границе Олонецкой равнины. Для объяснения характера аре-

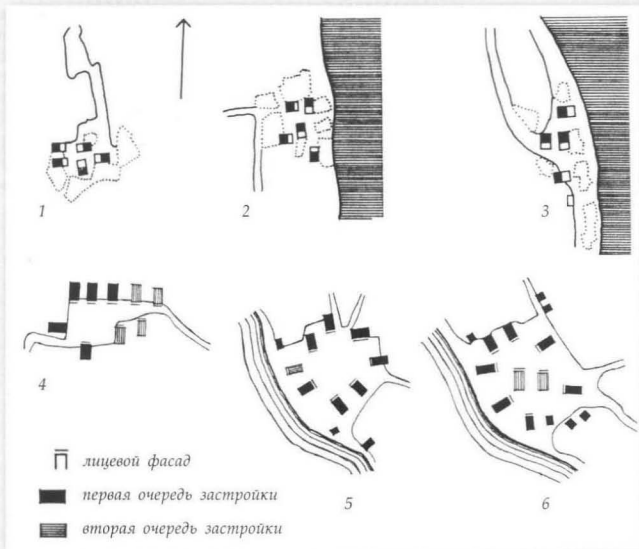

алирования таких поселений вспомним справедливое утверждение М. В. Витова о том, что крестьянская колонизация Севера принципиально отличалась от колонизации боярской и монастырской. Первая из них представляла собой мирное расширение этнической территории, вторая связывалась с феодальным захватом земель и могла не приводить к изменению этнического состава населения [127]. Хотя, нужно добавить, предполагала необходимость создания на колонизированной территории оборо-

Деревня Матчезеро
с фрагментами свободной
однонаправленной
структуры: общий вид
(фото Б. Бойцова,
1960-е гг.), схематический
план

нительных форпостов. То же относится и к западной части Олонецкой равнины, ставшей в начале XVII в. после заключения Столбовского мирного договора порубежьем со Швецией. Отмеченная рядом исследователей генетическая связь замкнутой (кольцевой) формы плана с древними укрепленными поселениями [128] позволяет утверждать, что во многих случаях известные в Заонежье, восточном Обонежье (в Пудожском районе) и на Олонецкой равнине замкнутые поселения являются потомками оборонительных форпостов [129]. Что же касается территорий, освоенных карелами в процессе мирной крестьянской колонизации, то здесь такие поселения могли быть не рудиментами оборонительных заслонов, а являться для переселенцев своеобразными символами, напоминающими о покинутой родине — Приладожье, архитектурный ландшафт которого как порубежья со Швецией в первую очередь определяли укрепленные крепости и селища [130].

Планы заонежских деревень (XIX в.) с компактно-беспорядочными и замкнутыми структурами: 1 — Анисимовщина; 2 — Саловарова; 3 — Скоморохова; 4 — Малая Коровникова; 5 — Большая Коровникова; 6 — Дианова Гора. Выкопировка из плана земель государственных крестьян Олонецкой губернии Повенецкого уезда Шунгской волости [НА РК]

Объяснима и территориальная локализация ареала таких поселений, связанная со спецификой расселения, во многом зависевшего от характера крестьянской колонизации — «залповой», связанной с одновременным относительно массовым притоком переселенцев, или постепенной, рассредоточенной во времени и пространстве. При этом создавались условия в первом случае для консервации привнесенных этнокультурных традиций, противопоставляемых традициям коренного населения и во многом выполняющих этнодифференцирующую роль, во втором — для преобладания интеграционных тенденций, способствовавших формированию компромиссных архитектурных приемов и форм. Естественно, что в первом случае коллективистские настроения должны были проявляться сильнее, и, соответственно, отчетливее ощущается стремление к формированию объемно-планировочных структур с развитым общественным пространством, преимущественно замкнутым или полузамкнутым. Подтверждение тому — фрагмен-

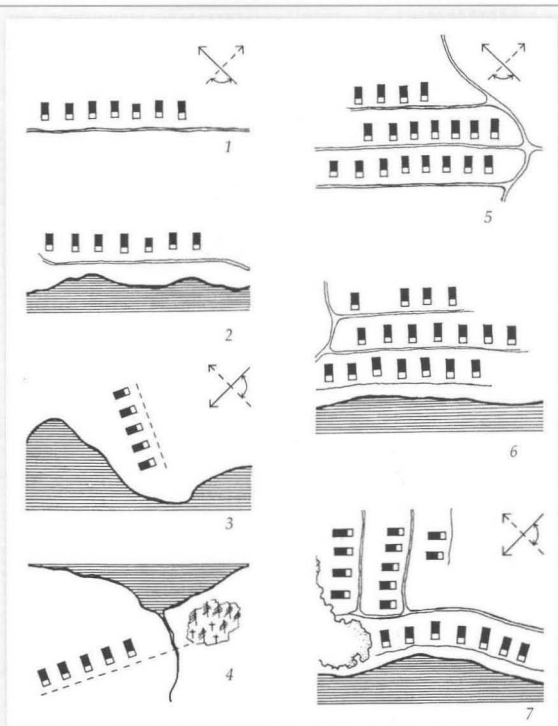
ты или отголоски таких поселений в юго-западном Сегозерье, заселенном в процессе массовой миграции приладожских карел [131]. Кроме того, характерные для замкнутых поселений незастроенные внутренние общественные пространства как нельзя лучше соответствовали потребностям сельской общины [132], что в периоды господства последней и способствовало идеализации замкнутой формы плана. Поэтому можно предположить, что существующие или существовавшие в недавнем прошлом в Карелии остатки замкнутых поселений являются материализованными следами общинной организации долевой деревни, расцвет которой на Русском Севере пришелся на XVI—XVII века [133].

Поселения, названные нами протолинейными, связаны с заселением берегов водоемов или других отчетливо выявленных ландшафтных форм. Здесь структура плана застройки с произвольной ориентацией домов частично подчиняется природным структурообразующим элементам. Однако степень организованности поселений определяется помимо ландшафта композиционными приоритетами или акцентами, задающими направление ориентации домов. Поэтому выявленность рядовых или замкнутых структур во многом зависела от наличия композиционных приоритетов, которые вырабатывались в условиях совместного проживания и деятельности основателей деревни, то есть являлись социально обусловленными. Без осознанных приоритетов-акцентов могли возникать лишь проторядовые или протозамкнутые структуры, по существу являвшиеся в композиционном отношении эмбрионами поселений. Такие архаичные жилые образования с произвольной ориентацией домов возникали в условиях освоения новых территорий в процессе растнутого во времени дисперсного расселения, скорее всего, за пределами массовых миграционных потоков или на их периферии, а также при ослаблении общинных начал в связи с распространением индивидуальных форм землепользования. Не случайно произвольно ориентированные с подобием линейного плана поселения в настоящее время сохранились преимущественно на севере Карелии, где в силу заторможенности социально-экономического развития к концу XIX в. сельская община оказалась наиболее слабой, лишенной устойчивых, закрепленных временем традиций, то есть во многом повторилась ситуация первичного аграрного освоения Карелии.

Смена эмбриональных поселений развитыми рядовыми структурами связана с утверждением в поселении однонаправленной ориентации лицевых фасадов домов. Два важнейшие вида ориентации — на южную сторону горизонта («на лето») и на водоемы. Совмещенная (на юг и на водоемы) и южная ориентация особенно характерны для карел, что связано помимо стремления улучшить инсоляцию жилища с их древнейшими религиозно-мифологическими представлениями, придающими особое значение южной ориентации и отразившимися в особенностях некрокультовых и культовых сооружений карел. Наиболее показательные примеры — известный по археологическим материалам мериди-

ональный финно-угорский способ захоронения с ориентировкой лица погребенного на юг (при синхронных славянских широтных погребениях) [134], местами бытовавший у карел до XX в. [135]; устройство окошек для душ умерших в южных стенках карельских надгробных домиков, развернутых широтно, тогда как на русских «гробницах» такие окошки прорубались с запада [136]; единственное южное окно в молитвенном помещении старых карельских часовен и южная дверь их притвора в отличие от русских часовен-ровесниц, где окна устраивались и с юга и с севера, а дверь в притвор — с запада [137].

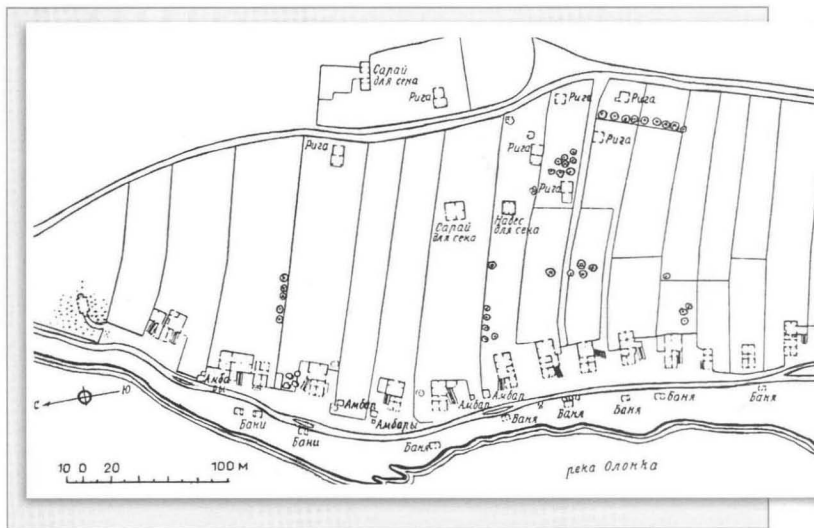
Схемы планов рядовых поселений. Однорядные: 1 — селечно-рядовое; 2 — прибрежно-рядовое с ориентацией на водоем; 3 — прибрежно-рядовое с ориентацией от водоема; 4 — рядовое вдоль перспективы на композиционный акцент. Многорядные: 5 — селечно-рядовое; 6 — прибрежно-рядовое; 7 — прибрежно-селечное.

План прибрежно-
рядовой деревни Кожала
[Габс Р. М. Карельское
деревянное зодчество.
С. 14]

В зависимости от типа заселения поселения с рядовой структурой подразделяются на прибрежно-рядовые, для которых характерна ориентация застройки на водоем, и сележно-рядовые с ориентацией жилищ на южную сторону горизонта — «на лето». В некоторых случаях начертание рядовых структур определялось задачей подчеркнуть направление движения вдоль «лица» домов к естественному или искусственному композиционному акценту. Рядовые структуры могут быть как одно-двух-, так и многорядными. Последние не получили в Карелии такого широкого распространения, как, например, в Архангельской области. Двух- и многорядные поселения образуют иногда относительно немногочисленные смешанные прибрежно-сележные структуры, у которых ближние к берегу ряды домов обращены на водоем, а более удаленные — «на лето».

В Заонежье во второй половине XIX века на восточных берегах водоемов прибрежно-рядовые поселения составляли немногим более 20%, а на западных — 40%, что с учетом очередности заселения берегов озер в Карелии косвенно подтверждает историческую молодость такого приема по отношению к замкнутым и свободным поселениям. Если прибрежно-рядовые поселения встречаются почти повсеместно, то сележно-рядовые, как и прибрежно-сележные — преимущественно в южной части края. Видимо, те и другие являются относительно поздними. Причем первые из них сформировались на ранней стадии заселения водоразделов до

окончательного формирования там сети колесных дорог, иначе они скорее всего приняли бы уличную форму, а вторые на поздней стадии заселения побережья водоемов в условиях смены приоритетов, когда для одних хозяев оставалась привлекательной ориентация домов на водоемы, для других — на южную сторону горизонта. Подтверждение тому — отсутствие прибрежно-сележных поселений на восточных побережьях, в то время как на западных они составляли 16,6% от общего числа поселений [138].

Поздние этапы эволюции поселений ознаменованы постепенной заменой естественных структурообразующих элементов искусственными — площадями и дорогами и формированием уличных структур. Кроме того, этот период был отмечен эпизодическим возрождением поселений с замкнутым планом, распавшихся в период разложения долевой деревни. Примером тому может служить ряд деревень Заонежья и Обонежья, реконструированных во второй половине XIX в. Кроме восстановления, существовало и другое направление преобразования замкнутых поселений — трансформация центральной площади, форма которой усложнялась ответвлениями, удлинялась, а когда при этом длина становилась значительно больше ширины, превращалась в подобие улицы [139]. Отсюда оставался только один шаг к обычным уличным поселениям. По времени это явление совпало с заменой в XIX в. подворного участкового землевладения новым вариантом поземельной общины и, видимо, было связано с осознанным стремлением упорядочить среду обитания с опорой на исторические воспоминания.

Правда, по мнению большинства этнографов, возникновение уличных поселений всецело связано с развитием сети сухопутных

*Деревня Колгостров.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.*

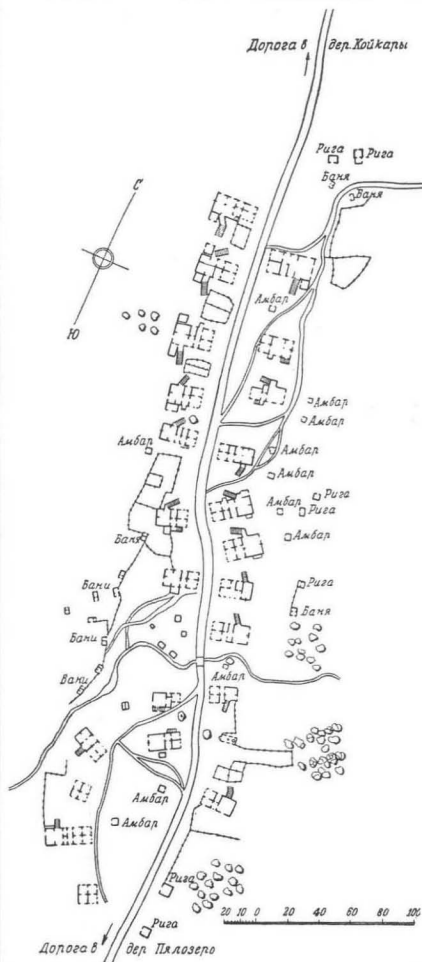

План уличной деревни Юркостров
[Габс Р. М. Карельское деревянное
зодчество. С. 15]

Деревня Большая Сельга.
Фото И. Гришиной, 1992 г.

Фрагмент застройки деревни Маньга
Фото В. Гуляева, 1991 г.

дорог и гужевого транспорта. Причем перестройке планировки (от рядовой к уличной) приписывалось некоторое запаздывание по отношению к развитию транспортных средств и экономическому прогрессу вообще, что, по словам М. В. Витова, определяется «консерватизмом элементов материальной культуры, не связанных непосредственно с производством» [140]. Но в действительности во многих бездорожных уголках Карелии сложилась обратная ситуация — уличные структуры сформировались при полном отсутствии колесных дорог (см. с. 81).

То, что, казалось бы, убедительная концепция этнографов вступила в противоречие с фактами, объясняется недоучетом исследователями психологических аспектов проблемы. Дело в том, что уличная структура, как и замкнутая, наиболее четко противопоставляющая внутреннее пространство поселения наружному, является изначально зарегулированной, предполагающей неизбежность компромисса между идеей целостности поселения и интересами отдельных застройщиков в первую очередь в вопросах инсоляции жилища. Отсюда, как следствие, относительно меньшее количество элементов стихийности застройки со всеми плюсами и минусами такого решения.

Наиболее полно суть уличного поселения можно проиллюстрировать на примере ливвиковской деревни Гонганалица, расположенной на берегу живописного озера Крошнозеро, но демонстративно отвернувшейся от него. Существующая уличная застройка

*Деревня Гонганалица.
Фото Б. Бойцова,
1980 г.*

ее, по-видимому, вторична и возникла не раньше середины XIX в. Дома, поставленные дворовыми фасадами к водоему, обособляют от него внутреннее пространство поселения в направлении, перпендикулярном оси улицы и одновременно подчеркивают раскрытие пространства вдоль оси. Благодаря такому композиционному решению застройка воспринимается в первую очередь изнутри, с улицы, на замыкании которой стоит часовня, окруженная еловой рощей. Таким образом, уличная структура в данном случае, с одной стороны, декларирует приоритетность созданной человеком искусственной среды по отношению к среде природной, а с другой стороны, дополнительно подчеркивает значение архитектурно-ландшафтного акцента поселения.

Во многих деревнях двухсторонняя обстройка улиц служила также и надежной ветрозащитой для наиболее престижного общественного пространства поселений, что в суровых условиях севера являлось немаловажным достоинством. Поэтому, возможно, уже в рамках древней родовой общины у карел сложились какие-то элементы уличной структуры. В пользу такого предположения говорят встречающиеся в карельских рунах упоминания «улиц и длинных закоулков Похель» [141].

Деревня Гонганалица.
Фото Б. Бойцова,
1980 г.

Скорее всего, решающую роль в массовом формировании уличных и улично-рядовых поселений в Карелии в XIX в. сыграла сме-

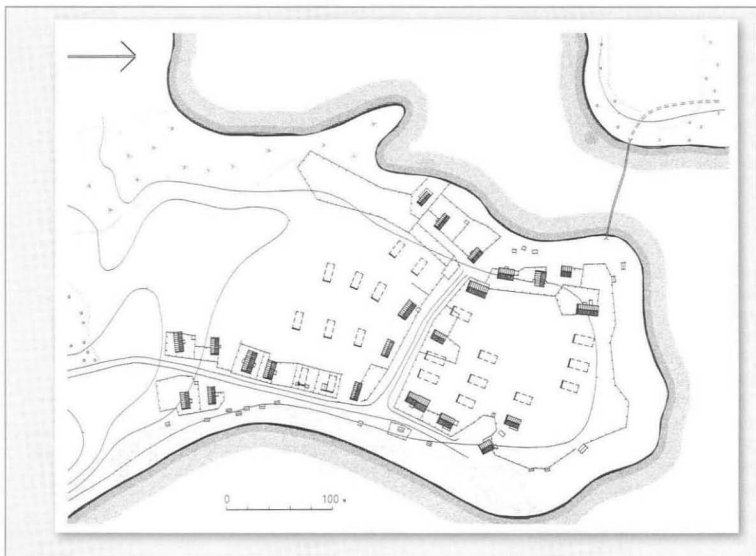

на социальных приоритетов в связи с изменением формы землепользования и, соответственно, усиления общинных начал. Само же по себе развитие транспортных средств и коммуникаций (как сухопутных, так и водных) не являлось первопричиной планировочных изменений, а только ускоряло естественно протекавший процесс. Лишь по мере развития капиталистических отношений в деревне в связи с активизацией торговли и увеличением подвижности населения резко повысилась роль транспортных коммуникаций, которые постепенно к рубежу XIX—XX вв. стали ведущими формообразующими элементами. Способствовала ускоренному переходу к уличным формам и кампания по перепланировке поселений государственных крестьян, развернувшаяся на территории Карелии во второй трети XIX в., и особенно энергичные меры по искоренению «ереси беспорядочности», предпринятые строительным отделом Олонецкого губернского управления в конце XIX — начале XX в., когда были намечены перепланировки многих поселений, на планах которых уездными землемерами наносились красные линии улиц и в соответствии с ними производились дальнейшие отводы [142]. Большинство поселений в это время получило уличную форму зачастую при отсутствии колесных дорог. В настоящее время уличные и улично-рядовые поселения распространены в Карелии повсеместно, численно преобладая в южной и восточной части республики.

Как мы показали, периодическое усиление и ослабление общины приводило к изменению статуса структурообразующих элементов и направлений ориентации, связанных с коллективным регулированием застройки в масштабах всего поселения или его частей, — от общего признания планировочного приоритета до полной нивелировки его значения.

Однако изменение планировочных приоритетов не всегда следовало за поворотами социально-экономической истории. Весьма интересным в этом отношении представляется анализ форм приречных поселений Карелии: на территории расселения карел планировка их фрагментов, а иногда и поселения в целом нередко складывалась по «сележным» принципам (ковровые или рядовые структуры, ориентированные «на лето» — от воды или параллельно береговой линии) и не учитывала такой ярко выраженный структурообразующий элемент, как берег водоема. И это несмотря на то, что на начало XX в. на территории Карелии приречный тип заселения получил большее распространение в волостях именно с карельским населением (см. табл. 1), то есть отчетливо прослеживалось стремление карел селиться у воды.

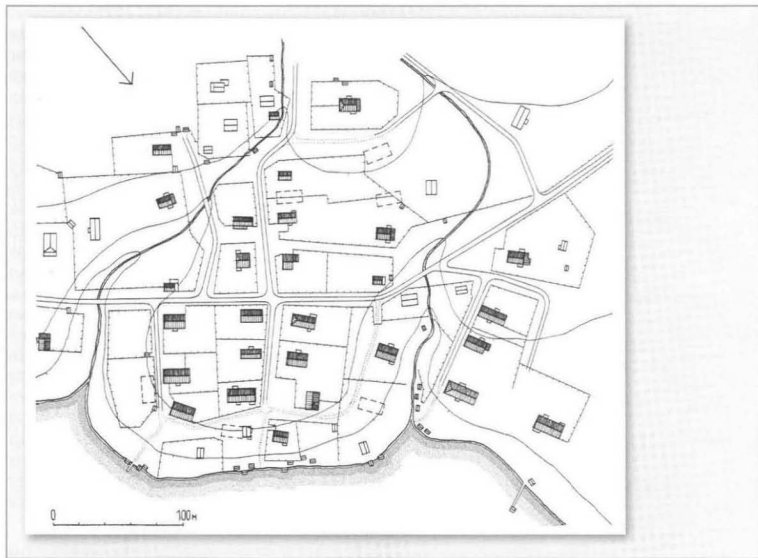
Возможно, «сележные» формы поселений на берегах водоемов могли возникнуть на поздних этапах заселения края, когда северные берега, удобные для ориентации застройки и на воду и на юг, были уже заняты. Но «сележные» по структуре деревни появлялись и в условиях полной свободы выбора благоприятных для заселения берегов водоема.

План деревни
Палнаволоок, 1996 г.
(по обмеру В. Гуляева)

Показательна в этом отношении южнокарельская деревня Палнаволоок, занимающая небольшой полуостров на южном берегу озера Лоянского, несмотря на то, что относится к старейшим поселениям края. (Первое упоминание о Палнаволоке в письменных источниках относится к сер. XVI в. [143]). План деревни, фиксирующий в своем нынешнем состоянии планировочные тенденции XIX — первой трети XX в., делится на две части. Обе демонстрируют предпочтение «селезных» принципов формирования планировочной структуры. Северная, наиболее старая, часть на оконечности полуострова — остатки рядов, ориентированных на юг, в сторону материка. Южная начала складываться в кон. XIX — нач. XX в. вдоль восточного берега, параллельно которому была проложена въездная дорога в деревню. Дома смотрели на дорогу и одновременно на озеро, на восток. При последующей застройке южной части направление ориентации домов к дороге сохранилось и даже самый последний ряд не повернулся к близлежащему западному берегу. Видимо, здесь свою роль сыграл «селезный» приоритет ориентации по солнцу, причем не к заходящему, западному, а к более благоприятному, согласно традиционным представлениям, восходящему светилу [144].

Другой подобный пример — село Суйсарь в Прионежье. Его часть — Суйсарь Северная в настоящее время включает улицу

и параллельные ей два порядка домов, обращенных на юго-восток. Но, судя по следам и остаткам двух старых домов, в прибрежной части ранее существовала рядовая планировка с ориентацией построек на воду. В первой половине XX в. планировочная структура материковой части подчинила себе застройку вдоль берега: вновь строящиеся дома в береговом порядке обращались не на воду, как их предшественники, а на юго-восток. А возникшая по-соседству в 1920-е годы рядовая деревня Кулля, не учитывая близость водоема, полностью повторила «сележные» планировочные принципы Северной [145].

Изложенные примеры иллюстрируют своеобразный факт: в определенные периоды истории водоем теряет свою приоритетность в архитектурно-планировочной организации поселения. Соответственно периодически проявляли себя и «сележные» принципы сложения планировочных форм в приводомых карельских деревнях. Дополнительное подтверждение тому, наряду с рассмотренными поздними их проявлениями, — приводомые деревни с изначально сложившимися структурами «сележного» типа (см., напр., с. 149—152). Нам представляется, что доминирование «сележных» принципов в планировке карельских приводомых деревень, в частности, в случае планов с постройками, ориентированными «на лето» в сторону от воды, знаменует пери-

План деревни
Суйсарь Северная,
1995 г. (по обмеру
О. Кирилловой)

од некоторой архаизации планировочной формы — проявления в ней отголосков древней карельской традиции поклонения южному солнцу. И наоборот, в случае прибрежно-рядовых форм поселений подчеркивается значение водоема, что можно расценить как усиление прагматических начал в архитектурной практике.

Сопоставление «сележных» форм поселения и приводомного заселения выявило примеры несогласованности между планировочными приоритетами, относящимися к разным уровням организации среды. Столкновение между ними связано с активизацией глубинных пластов культурной традиции, заложенных во времена становления этноса и в разной степени проявляющихся в истории его развития. Для карельских деревень результатом такого столкновения становился возврат от прибрежно-рядовых форм поселения к планировке с южной ориентацией от воды. Один из периодов такого преобразования форм приводомных поселений в перв. трети XX в., описанный на примерах Суйсари Северной и Палнаволока, по-видимому, был подготовлен в конце XIX — начале XX в. Именно на это время приходится заметный всплеск этнической самобытности южных карел, который быстрее и ярче всего отразился в архитектурном декоре северных ливвиков [146] и только некоторое время спустя привел в действие более инертный механизм перепланировки деревень. Все это позволяет утверждать, что изменение планировочных приоритетов обусловлено причинами не только социально-экономическими, как было показано выше, но и этнокультурными.

Предположение о влиянии на форму поселений этнических предпочтений северно-российского крестьянства возникло уже

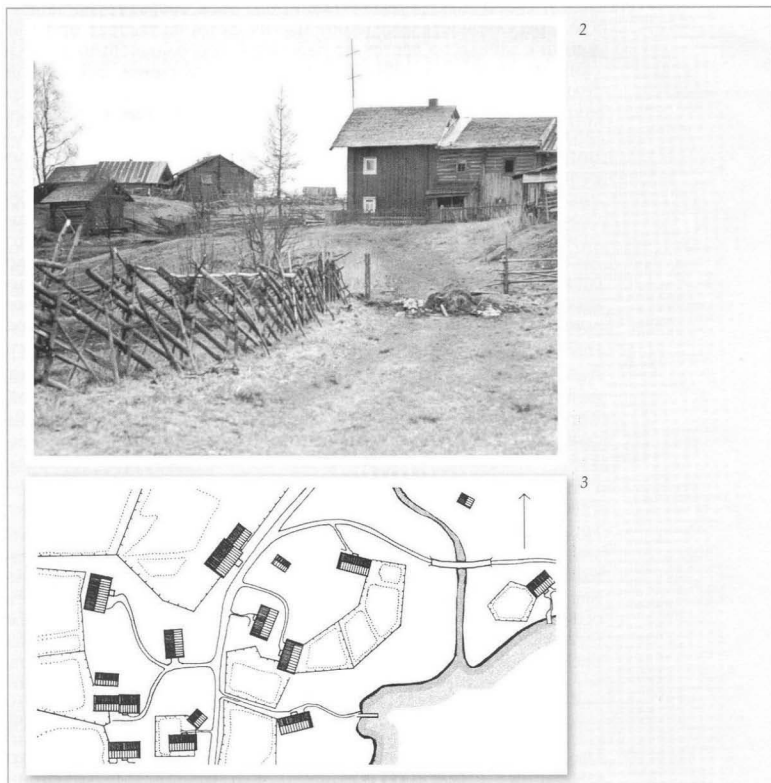
1

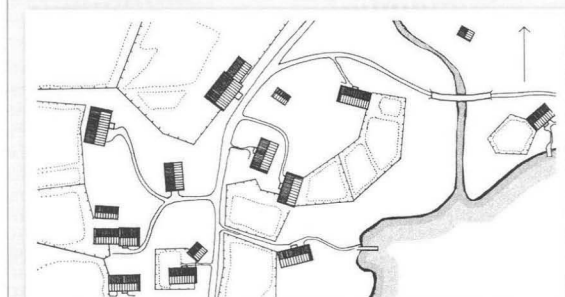
Деревни
с беспорядочной планировкой:

- 1, 2 — Лисья Сельга
(фото В. Гуляева, 1988 г.);
3 — Клецейла (план по
обмеру Н. А. Савина
1950-х гг.)

на рубеже XIX — XX вв., когда русские краеведы-этнографы впервые обратили внимание на «беспорядочный облик» поселений финноязычных народов Европейского Севера, отличный от более регулярного облика северно-русских деревень. Именно тогда на основании непосредственных зрительных впечатлений и сложилось мнение, что «беспорядочность» — финская особенность планировки — является «этническим признаком» [147]. Более того, исследователи в первой половине XX столетия (например, М. В. Едемский, К. К. Романов, Р. М. Табе) даже выделили «финский» и «русский» типы планировки, связывая возникновение последнего с первоначальной новгородской колонизацией Севера. Правда, во второй половине XX в. возможность такой связи опроверг вначале М. В. Витов [148], а затем В. В. Пименов, утверждав-

2

3

ший, что конкретно-исторический подход к изучению формы поселений не дает возможности рассматривать «беспорядочную» планировку как общий для финноязычных народов Европейского Севера признак, свидетельствующий об их культурном родстве, потому что многообразные поселения появились только в конце XVI — начале XVII в. [149]. Однако такая точка зрения не бесспорна, ибо основана на несколько упрощенной трактовке понятия «традиции» как «передачи по наследству» готовых сложившихся форм, а не закрепленных в народном сознании определенных принципов формообразования (о чем уже говорилось выше). Наши наблюдения и изыскания позволяют еще раз обсудить вопрос об этнических особенностях планировочных форм [150].

Важно отметить, что, помимо явного преобладания беспорядочных и свободных объемно-планировочных структур на западе края, регулярность поселений других форм возрастает при движении с запада на восток от районов с преобладающим карельским населением к районам с русским населением. Это обстоятельство позволяет говорить о тенденции к меньшей регулярности как об одной из основных особенностей карельских поселений. Об устойчивости тенденции к беспорядочности планировки в карельских деревнях свидетельствует, например, деревня Соностров Лоухского района, возникшая в 1912 г., когда шесть карельских семей переселились из Кестеньги на Беломорское побережье рядом с устьем реки Сон. Впервые обследовавшая деревню в 1965 г. этнограф Р. Ф. Тароева констатировала, что, несмотря на заранее заданную планировочную схему и четко отбитые красные линии застройки, поселение из-за нагромождения хозяйственных построек и явной аритмии в расположении домов резко отличается от соседних русских поморских сел «беспорядочностью» своего облика [151].

Аналогичная ситуация сложилась и в других карельских поселениях Беломорского Поморья, как на территории современной Карелии (деревни Нильмозеро и Нильмогуба), так и в Мурманской области (деревня Колвица, основанная в конце XIX в. карелами — выходцами из Кестеньги и Ухты, и деревня Травяная Губа со смешанным русско-карельским населением, перенесенная в 1930 г. из зоны затопления на реке Княжая [152]).

Подтвердить реальность факта большей беспорядочности, или меньшей регулярности, карельских деревень оказалось возможным с помощью коэффициентов, характеризующих следующие нарушения регулярности застройки: неперпендикулярность осей домов по отношению к структурообразующим элементам («угловой разброс»), отклонение от средневзвешенной величины расстояний между домами и структурообразующими элементами («линейный разброс»), нарушение ритмики в расположении домов — отклонение от среднего значения интервалов между ними вдоль структурообразующих элементов («аритмия») [153].

Подсчеты, выполненные для сопоставимых разнотипных и со смешанным населением поселений, подтвердили, что тенденция

к «беспорядочности» — наиболее существенный общий признак карельских поселений, их этническая особенность. В свободных объемно-планировочных структурах она предопределяла увязанную с рельефом непринужденно-живописную расстановку домов, а в рядовых и уличных поселениях смягчала их геометричность.

Мы далеки от мысли абсолютизировать эту тенденцию и отрицать воздействие на нее внеэтнических факторов. Более того, можно утверждать, что постепенное упорядочение структуры поселений совпадает с направленностью их эволюции и, следовательно, носит во многом стадийный характер. Но у карел, в связи с уже отмеченным нами особым консерватизмом культуры, стадийные изменения несколько запаздывают и поэтому приобретают этническую окраску.

Дополнительным аргументом в пользу отнесения беспорядочности планировки поселений к числу этнических особенностей карельской архитектуры может служить соотношение этой тенденции с хорошо изученным явлением — развитием сельских поселений путем их укрупнения. В этой связи заслуживает внимания общеизвестная прямая зависимость между размерами поселений и степенью их регулярности: в условиях ограниченных ресурсов сельскохозяйственных угодий по мере укрупнения поселений возникает необходимость тщательнее «подгонять» усадебные участки друг к другу, повышая геометрическую правильность их очертаний и избегая свободной разбросанности, создающей в первую очередь ощущение «беспорядочности». Не случайно в Карелии, как и на Русском Севере в целом, многодворные деревни, как правило, имели более регулярную структуру, нежели малодворные. Но были и исключения. Так, например, в Олонецкой губернии, как уже отмечалось, карельские поселения западных волостей Повенецкого и Петрозаводского уездов в связи с большим объемом рыболовства превышали по дворности русские поселения восточных волостей (см. с. 79), но тем не менее отличались и отличаются до сих пор от последних меньшей регулярностью.

Следовательно, в стадийно более поздней многодворной форме карельских поселений ярче, чем в русских поселениях с меньшей дворностью, проявились черты «беспорядочности», характеризующие более раннюю стадию развития. Такое очевидное противоречие можно объяснить только воздействием этнических факторов. Причем, скорее всего, не некоего абстрактного «культурного родства» финно-угорских народов, против которого возражал В. В. Пименов, и не слишком неопределенных «пережитков родового быта и консерватизма материальной культуры», по Н. Н. Харузину [154], а вполне конкретных причин, связанных с природосообразностью, понимаемой как стремление человека в своей практической деятельности не выходить из круга действительных, интуитивно угаданных или воображаемых природных закономерностей, сообразуя с ними свои представления о физическом и психологическом комфорте среды обитания. Природосообразность — общая черта культуры ряда финно-угорских народов, которые сформировались как этносы в усло-

виях Севера, где природа требовала от человека учета своих особенностей как необходимого условия выживаемости. В отличие от северян финно-угров древнерусская народность сложилась значительно раньше на просторах Восточно-Европейской равнины на территории современной Белоруссии, центральных районов Европейской части России, северных и центральных районов современной Украины и, следовательно, Север для русских — регион вторичного освоения [155]. А поскольку, по справедливому утверждению Ю. В. Бромлея, влияние географической среды сказывалось наиболее сильно в период формирования этноса и его адаптации к своей природной «нише» [156], то культура карел значительно сильнее, чем их соседей североруссов, подверглась влиянию природы. Природосообразность стала ярко выраженным «этническим акцентом» карел.

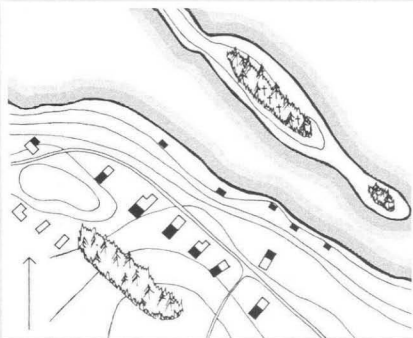
Конкретным проявлением природосообразности является рациональный учет при постановке домов природных факторов — инсоляции, рельефа, направления господствующих ветров, которые предопределили «веер разброса» ориентации лицевых фасадов домов в пределах от юго-запада до юго-востока.

Совершенно в неожиданной форме природосообразность проявляется в деревне Погост Шуэзерского куста, в центре бывшего Шуэзерского погоста, основанного в числе других Лопских погостов не позднее XVI в. При обследовании деревни многое в ней для нас оказалось сюрпризом, начиная с ее местоположения на южном плохом инсолируемом побережье Шуэзера: ведь заселение карельских озер, как уже отмечалось, началось с северных и восточных берегов. Видимо, в данном случае причина аномалии — уникальные ландшафтные условия, обеспечившие естественную ветрозащиту с северо-востока со стороны открытого озера благодаря высокому гребню залесенного острова, с юго-запада — благодаря скальному холму и роще. Микрорельеф и массив зелени создали комфортную среду для проживания людей — сомасштабное человеку полузамкнутое пространство, в котором, как оказалось при внимательном рассмотрении, психологически удалось компенсировать даже недостаточность инсоляции: ярко освещенный солнцем крутой южный берег острова с помощью зеркала озерного пролива бросал «солнечные зайчики» в окна домов, создавая в парадной части изб иллюзию прямого солнечного освещения.

Пример Шуэзерского Погоста показывает, что создание поселений вполне могло стать результатом целенаправленной творческой деятельности крестьян, которая во многом проявлялась уже при выборе места для основания деревни и поднималась на уровень «градостроительного мастерства» в ходе ее развития. Подтверждение тому — деревня Пятельнаволок на Сегозере, изображенная на плане Паданской дачи 1874 г. Деревня имела частично замкнутую структуру с Г-образной площадью, построенной по принципу «перетекающих пространств» с закономерно меняющимися масштабными характеристиками: просторы озера — полуоткрытая передняя площадь (в «перекладине» буквы Г) — изолированное с трех сторон пространство внутренней площади,

судя по плану, достаточно камерное и соразмерное человеку (в «ножке» буквы Г). То, что планировка поселения была продиктована стремлением создать определенный психологический климат для проживающих в нем и учитывала интуитивно угаданные закономерности восприятия пространства, подтверждается помимо убедительной логики общего композиционного решения отдельными деталями — двухрядной застройкой внутренней площади со стороны озера, изолирующей ее от внешней среды, и осмыслением раскрытия внешней площади в озерные дали путем точной постановки часовни на изгибе берега.

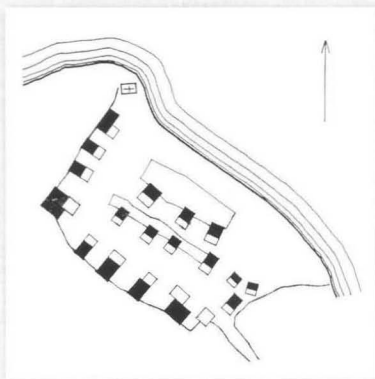

Деревня Шуезеро:
схематический план, общий вид
(фото Б. Бойцова, 1980 г.)

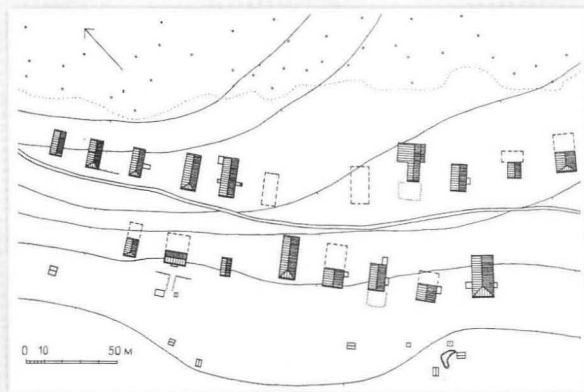

План деревни Петельнаволок,
1874 г. Выкопировка из плана
Паданской дачи [НА РК]

План деревни Южный Двор, 1991 г.
(по обмеру В. Гуляева)

Устойчивые особенности объемно-планировочных структур карельских деревень регламентировались неписанной концепцией их развития, заданной постройками первых засельников и архитектурно-строительными традициями народа — сводом опять-таки неписанных правил, порой элементарно простых, но действующих безупречно. Одно из таких правил — «закон створов», по которому легко определимые в натуре продолжения направлений

боковых фасадов существующих домов становились ограничительными линиями для последующих застройщиков. Тем самым достигались взаимосмещение построек в рядах и, как следствие, беспрепятственный обзор ландшафта из окон жилых помещений. Показательно, что закон створов обычно не превращался в догму. Одно из подтверждений тому — деревня Южный Двор Вегорукского гнезда, в юго-восточной части которой постройка домов неукоснительно следовала закону створов, а в северо-западной — порой нарушала его, поскольку там из-за перепада рельефа ниже лежащие дома не заслоняли окон вышестоящих.

Практическая сметка, пространственное воображение и планировочный инстинкт плотников-зодчих, проявившийся в планировке и застройке многих карельских деревень и, главное, умение вписывать свои сооружения в природное окружение — все это еще раз подтверждает, что нельзя до конца осмыслить эволюцию объемно-планировочной структуры поселений без анализа многообразных задач, стоявших перед народными зодчими.

***

Зонирование поселения во многом определяет его объемно-пространственную организацию и отражает особенности архитектурно-композиционного мышления народных мастеров.

Как отмечалось в разделе о системах расселения, композиция гнезд карельских поселений основывалась на простейшей оппозиции — противопоставлении культовых зон и жилых образований. Тот же прием, видимо, изначально определял композиционную организацию многих карельских деревень, каждой из которых по традиционным правилам полагалось иметь свое кладбище. Оно располагалось в священной роще, игравшей главную роль в композиции карельских деревень. Включающая высокие старые ели, а на юге края — сосны, роща становилась единственным высотным акцентом поселения. Отношение к ней, несомненно, отражает архаичный культ священного дерева, пронизывающего три мира — небесный, земной и подземный. О благоговении, внушаемом деревьями древним карелам, красноречиво свидетельствует «Калевала»:

...Ель растет с главой цветущей
И с ветвями золотыми
На краю поляны Осмо:
На вершине светит месяц
И Медведица на ветках [157].

Расположение кладбища по отношению к деревне во многом определялось особенностями культа предков у карел. Похоронно-поминальный обряд карел в своих основных составляющих почти не отличался от такового у их русских соседей [158]. Однако, судя по фольклорным и этнографическим материалам конца XIX — начала XX вв., культ конкретного покойника у карел усиливался и дополнялся элементами культа ранее умерших родственников, и в частности, культа предков-«прародителей». О важности культа мертвых в жизни карел и финнов свидетельствует финский исследователь У. Харва: «На всех этапах жизни индиви-

дуума и рода принято было обращаться к покойным. Они считались стражами морали, судьями обычаев, блюстителями общественного порядка. В этом отношении даже всевышний бог не мог соперничать с жителями Маналы («подземной страны» — В. О., И. Г.) [159]. Любопытно отметить, что отправляемый на кладбище культ мертвых с дарами покойным сородичам в виде «ветровых платков» — полотенец или кусков материи — иногда выходил за круг родственных связей. Пример тому — могила легендарного Ивана Роккачу (национального героя карельского народа, возглавлявшего в XVII в. борьбу против шведов), являвшаяся на протяжении нескольких столетий объектом массового культового поклонения, что подтверждается множеством привязанных к соседнему дереву «ветровых платков» [160].

Смешение понятий христианских и дохристианских верований прослеживается в обрядовых причитаниях, где встречаются такие словосочетания, как «спасы-предки» или «спасы-прародители», а описания «рая» недалеко уходят от традиционных полужыческих представлений о загробном мире [161], где новоумершего ждет не воздаяние за земную жизнь, а гостеприимство «белых прародителей с восковыми свечечками» [162]. Показательно также, что православная религия не сумела полностью вытеснить языческие

Кладбище
в Пирттигубе. Фото
Б. Бойцова, 1979 г.

представления о предках и их местопребывании в избе образами христианских божеств и святых: в молитвах, произносимых перед иконами в большом углу, карелы часто обращались к своим «пра-родителям» а не к Спасу и другим персонажам христианского вероучения [163].

Карелы гораздо меньше чурались умерших сородичей, чем это было принято у многих народов, и отличались более детализированным этикетом в общении с умершими. Бытовали приглашения покойных почаше наведываться домой, торжественные «встречи» мертвых родственников, их почетные приемы с баней, угощением и столь же торжественные проводы со двора [164].

Нельзя сказать, что все отмеченные особенности карельского культа мертвых никогда не существовали у соседних народов, но при синхронном рассмотрении наблюдается тенденция к консервации языческих элементов в погребально-поминальной обрядности карел. Темпы эволюции этих традиционных карельских верований сильно заторможены: отголоски обрядов, связанных с культом предков у карел, зафиксированы еще в начале 1990-х годов [165], а похоронная причеть — традиционный язык общения с жителями страны мертвых — существовала до 1970-х годов [166].

Священная сосна у могилы Ивана Роккачу на кладбище в деревне Тикша.
Фото И. Гришиной, 1992 г.

Одно из основных представлений культа предков — вера в единство семейно-родовой общности, куда входят и живые, и умершие сородичи. Прочность связи с прародителями, необходимыми для помощи и покровительства, зависела от того, насколько близко они захоронены [167], поэтому кладбище находилось на окраине деревни.

Взаиморасположение кладбищенских рощ и деревенской застройки, видимо, регламентировалось мифологическими представлениями карел. Несмотря на то, что обрядовая практика подтверждает постоянство пребывания мертвых не в абстрактном потустороннем мире, а на родовом кладбище [168], согласно карельскому фольклору загробный мир расположен далеко на севере. Не случайно названия царства мертвых — «Туонела» и «Манала» часто выступают синонимами слов «Похьела» и «Лаппи» (соответственно «Северный край» и «Лопский край») [169]. Если учесть тенденцию карел к почти буквальной реализации представлений, связанных с культом мертвых, то не удивительно, что кладбищенская роща часто находилась именно на северной окраине деревни. Видимо, по тем же причинам следования мифологическим описаниям карельские кладбища устраивались также на островах и на мысах — ведь мир умерших отделен от мира живых рекой Туони.

Направления «жилая зона — кладбище» в разных деревнях отклонялись от строгой меридиональной ориентации в широких пределах. При этом символические координаты в пространстве, окружающем деревню, задавались постановкой первых домов, которые своими фасадами указывали на условные стороны света: лицевым — на «юг», задним — «на север». Любопытно, что в карельском и финском языках близки слова, обозначающие «север» (*pohjola*) и «дальний угол, дно, конец чего-либо» (*pohja*, *pohji*). Последние, описывающие пространственные отношения, кроме того, отчетливо ассоциируются с темой смерти.

Таким образом, зонирование поселения по правилам «мифологического рационализма» делило его на «царство» живых и «царство» мертвых, неразрывно связанных между собой и вместе с тем противопоставляемых друг другу. При этом единство выражалось близостью местоположения и визуальными связями общественно-пространства поселения и кладбища. Противопоставление — обратной по отношению к кладбищу ориентацией домов, при которой кладбищенская роща почти всегда, когда это позволяли реальные условия участка, находилась позади деревни к северу от нее.

Подобное пространственное воспроизведение мифологии в обрядовых действиях, связанных с культом мертвых, зафиксировано также во многих архаичных культурах, в частности в североευропейских [170] и в культуре коренных народов Сибири [171]. Так, у селькупов труп помещали в могиле ногами на север или вниз по течению реки: по их представлениям, мир мертвых находился на севере и попасть туда можно было, лишь спускаясь вниз по реке [172]. Сходными причинами, видимо, вызвана особенность похоронного обряда коми, где существовал обычай провожать

покойника вниз по реке, первоначально занося гроб в верхнюю часть села [173]. Остатки хоронили мертвых лицом к северу или ногами на север, чтобы умершему легче было найти место своего загробного обиталища [174]. Надо сказать, что и у карел в прошлом была широко распространена меридиональная ориентировка погребенных.

Ритуальная и, соответственно, композиционная роль кладбищенских роц карел начала постепенно ослабевать примерно с конца XIX в., причем у людиков, видимо, под влиянием русских соседей, это произошло значительно раньше. Во всяком случае, у них нередко культовые постройки в качестве композиционных акцентов конкурировали с кладбищенскими рощами или даже оттесняли их на второй план.

У русских в Карелии композиционное переосмысление акцентировки поселений, как уже отмечалось, связано с тенденциями нового времени и сопровождалось изменением принципа постановки культовых построек. Так, по наблюдениям Ларса Петтерссона, в Заонежье обычай строить часовни за деревней в роще или другом приметном месте, распространенный до середины XVIII в., со временем все чаще нарушался: уже во второй половине XVIII и в начале XIX в. часовни, построенные непосредственно в самой деревне, составляли примерно третья часть всех построек, во второй половине XIX в. — примерно половину, а в XX в. — подавляющее большинство [175]. В районах с карельским населением древний прием постановки культовых построек сохранялся значительно дольше, что, впрочем, вызвано не только заторможенностью эволюционных процессов, но и религиозным синкретизмом (двоеверием) карел — причудливым соединением христианской обрядовости с доминирующими языческими представлениями и культурами. В этих условиях обычное для периода становления христианства на Русском Севере переосмысление языческих святилищ, включая священные рощи, путем постановки в них часовен привело к переосмыслению самих часовен, которые нередко становились местом языческих приношений.

Характерна в этом отношении часовня, посвященная Петрову дню, на языческом святилище на острове Махосаари на озере Селецком, с которой был связан обычай приносить завещанные платки, полотенца, одежду, шерсть, деньги и различную снедь. Интересно, что после разрушения храма приношения стали складывать у подножия старой сосны [176]. Следовательно, замена часовни деревом не отразилась на характере ритуала. И случай этот — не исключение: после гибели многих храмов Карелии приношения продолжали развешиваться на окружающих деревьях. В кладбищенской роще у деревни Пунчойла своеобразным символом двоеверия стал киот, прибитый к стволу древней ели, совместившей таким образом роль «священного» дерева и христианской реликвии.

В результате языческого переосмысления карельские часовни не могли конкурировать с рощами и композиционно подчинялись им. И даже тогда, когда, преимущественно в XIX в., над ними

*Киот на ели в роце деревни
Пунчойла. Фото И. Гришиной,
1992 г.*

*Кладбищенская роца в деревне
Пертисельга. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.*

Георгиевская часовня
в деревне Пертисельга, XIX в.
Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

надстраивались колокольни, последние в большинстве случаев венчались не характерными для русского населения Карелии высокими шатрами, а низкими колпаками (у карел колпаки составляли 70% от общего количества покрытий колоколен против 14% — у русских) [177]. Идея господства деревьев над творениями человеческих рук наиболее ярко отразилась в Варваринской часовне конца XIX в. в деревне Коккойла, которую без преувеличения можно назвать «архитектурной метафорой» — шишкообразные главы храма, покрытые лемехом в виде стилизованных елочек, воссоздают собирательный образ окружающей рощи, словно утверждая, что только природа достойна поклонения.

Особняком стоят лишь колокольни, надстроенные над часовнями лютиков на стыке карельского и русского этнических ареалов. Они, как и подобные им трехъярусные прионежские храмы, отличаются не только от карельских, но и от русских построек подчеркнуто высотным характером. Этот пример иллюстрирует одну из универсальных закономерностей развития народного зодчества — гипертрофию основных признаков заимствованных форм, принадлежащих народу (в данном случае русскому), влия-

Варваринская часовня в деревне Коккойла,
кон. XIX в. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

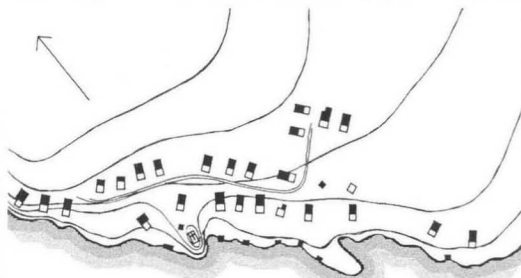
Успенская церковь
в Кондопоге, 1774 г.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

Деревня Викиезеро.
Фото Б. Бойцова, 1970-е гг.

Деревня Маньга. Фото Б. Бойцова, 1970-е гг.

*Деревня Лижмозеро Большое:
схематический план, общий вид
(фото Б. Бойцова, 1979 г.)*

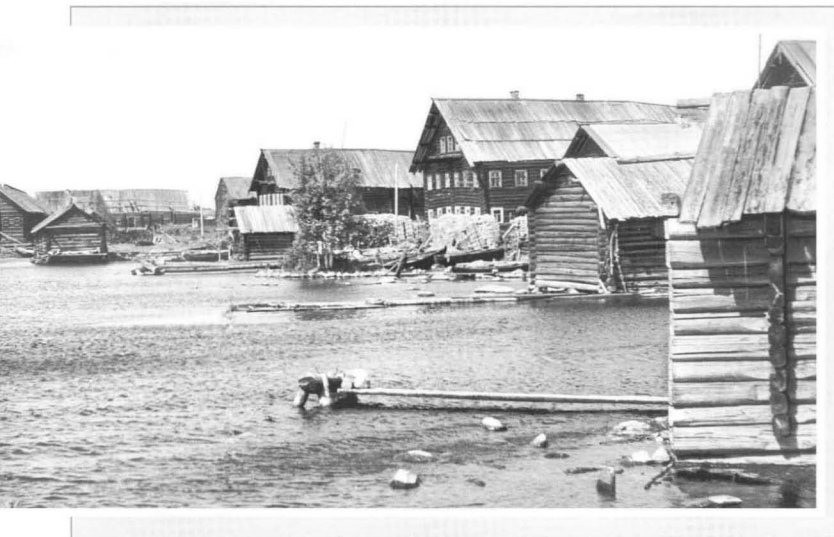

ние которого в процессе этнокультурных контактов оказывалось более сильным [178].

Традиционная содержательная связь между священными рощами и часовнями, а затем и церквями предопределила преемственность в приемах композиционного акцентирования поселений и закономерность в распространении таких приемов на территории Карелии.

Так, деревни без композиционных акцентов количественно преобладают повсюду, но если в районах с русским населением возраст их может быть достаточно солидным, то в границах карельского этнического ареала они в большинстве случаев сформировались не ранее середины или даже конца XIX в. Расположение акцента на продольной оси линейных структур (рядовых или уличных) характерно преимущественно для русских, в то время как применение такого приема карелами в относительно старых поселениях сопряжено с дополнительными условиями: с использованием в качестве основного акцента кладбищенской рощи.

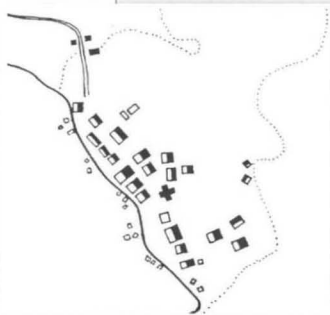
Периферийное расположение акцентов за домами (чаще всего, к северу от них) распространено, главным образом, у собственно карел и ливвиков, а перед фронтом домов — в большинстве случаев у русских и отчасти у лудиков. Применительно к собственно карелам и ливвикам последний прием являлся вынужденным и обычно возникал в противоречивых ситуациях, например, в тех

Деревня Афанасьева Сельга.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

План деревни Сибово,
1869 г. [РГИА]

Деревня Сибово. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

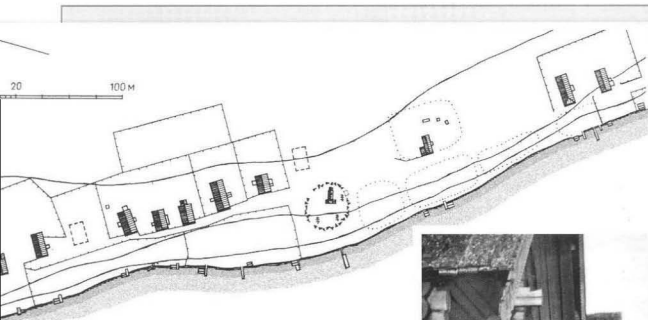

случаях когда единственный участок, удовлетворяющий требованиям, предъявляемым к местоположению кладбища, находился перед фасадами домов. Иногда такая акцентировка связана с поздней реконструкцией и увеличением поселений. То же относится к случаям компромиссной ориентации, когда часть домов ориентируется на рошу, часть — от нее, что обычно объясняется разновременностью застройки и сменой приоритетов в процессе существования поселения. Пример тому — деревня Афанасьева Сельга Пряжинского района (ливвиковский этнический ареал), сформировавшаяся вокруг небольшой ламбы. Застройка, расположенная к югу от кладбищенской роши, видимо, первоначальная, к северу от нее — более новая.

Центрично акцентированные поселения у собственно карел и ливвиков встречаются относительно редко. Зато в Заонежье и других районах Карелии с преобладающим русским населением последний способ постановки акцентов являлся одним из ведущих.

То же относится к расположению акцентов внутри пятна деревенской застройки. Любопытными примерами такого решения могут служить заонежская деревня Сивово с русским населением, расположенная на северо-восточном берегу Великой Губы Онежского озера, и прионежская Суйсарь-на-Острове с русским, а в прошлом — с людиковским населением.

План деревни
Суйсарь-на-Острове,
(по омеру
В. Гуляева, 1992 г.)

Фрагмент застройки
деревни Суйсарь-на-Острове.
Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Фрагменты
застройки деревни
Суйсарь-на-Острове.
Фото В. Гуляева,
1980-е гг.

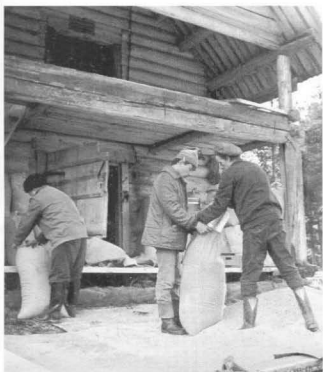
Первая из них была акцентирована Введенской часовней, срубленной в 1865 г., позднее переделанной в церковь, в период интенсивного формирования двух- трехрядной застройки деревни, что внесло коррективу в расстановку домов — вызвало сдвигу части из них, позволившую создать вокруг храма небольшую, раскрытую на озеро площадь и улучшить его обозреваемость как изнутри деревни, так и со стороны водоема. И все же расположение культовой постройки осталось несколько случайным, что характерно для большинства постановок таких построек в ряд с домами. Иная ситуация сложилась в прибрежно-рядовой деревне Суйсарь-на-Острове, отделенной нешироким проливом от материка. Ее объемно-пространственная доминанта — Ильинская церковь, до 1864 г. — часовня, срубленная в XVII в., — была расположена в середине единственного порядка домов, слегка выступая за линию фасадов. Обычно такое расположение акцентов свидетельствует о фронтальности композиции, рассчитанной на восприятие с внешних видовых точек. Но в данном случае акцент-ориентир сконцентрировал на себе не только внешние, но и внутренние визуальные связи. Это стало возможным благодаря постановке храма на наиболее возвышенной части прибрежной полосы и создания перед ним сектора беспрепятственного обзора за счет постепенной взаимной сдвижки близ расположенных домов. При этом была решена и другая задача — улучшено восприятие храма из боковых окон изб, ставших рамками великолепных видовых кадров.

Такая относительно симметричная центрично акцентированная композиция, характерная для районов Карелии с русским населением, полностью сложилась в Суйсари в XIX — начале XX в. Но до этого она была принципиально иной. Видимо, северная, более старая часть деревни, возникшая, судя по датировке домов, во второй половине XIX в. является вторичной и связана с притоком русского населения, в то время как первоначальное ядро поселения располагалось к югу от кладбища на месте ныне существующих поздних домов и, следовательно, былой облик деревни с асимметричным расположением кладбищенской рощи на северном фланге застройки полностью соответствовал религиозно-мифологическим представлениям карел о структуре мира [179].

*Загрузка амбара
в Вокнаволоке.
Фото В. Гуляева,
1988 г.*

Несмотря на важную роль в композиции поселения часовен, церквей и священных рощ, его облик в значительной мере определялся массовыми типами построек и сооружений.

Основная жилая зона состояла из усадеб, в зависимости от формы поселения либо свободно разбросанных и перемежающихся с различными угольями и ландшафтными формами, либо примыкающими друг к другу. Усадьбы в любом случае включали в свой состав жилые дома с коммуникационно-входными пространствами чистого двора и надворными отдельно стоящими постройками — амбарами, располагавшимися обычно «на виду», напротив окон жилища, банями, которые ставились у воды, но преимущественно поодаль от домов из-за своей потенциальной пожарной опасности. В глубине усадебной территории размещались риги, прясла для сушки на открытом воздухе снопов или сена, иногда дополнительные сенные сараи или навесы. Кроме того, на сухих возвышенных местах выкапывались ямы — овоцехранили-

*Амбары в деревне
Вокнаволоке.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.*

ша, в которых до конца XIX в. зимой хранили репу, а начиная с XX в. — преимущественно картофель. Вблизи домов выделялись площадки для дров, а с начала XX в. для этой цели стали строить специальные навесы и сараи, преимущественно на юге Карелии. Для карельских деревень, не только сележных, но и прибрежных характерны колодцы. Из-за высокого уровня грунтовых вод в большинстве случаев они не имеют специальных устройств для подъема воды, но изредка оборудуются колодезными «журавля-

*Застройка прибрежной части деревни
Сяргилахта. Фото В. Гуляева, 1989 г.*

*Прибрежная хозяйственная застройка
в деревне Юшкозеро. Фото Б. Бойцова,
1980 г.*

*Бани у деревни
Харитоновой Гора.
Фото В. Гуляева,
1987 г.*

Банный городок в деревне Юккогуба.
Фото И. Гришиной, 1992 г.

Банный городок
в деревне Юккогуба.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

Прясло для сушки сена.
Фото Б. Бойцова, 1980 г.

Сенной сарай в деревне Венгигора.
Фото И. Гришиной, 1992 г.

ми». В условиях подворно-участкового землевладения основным стимулом для функциональной дифференциации поселений являлись природные факторы, например, водоемы, возле которых группировались бани, создавая предпосылки для формирования особых зон — банных.

*Поленица
в деревне Кинерма.
Фото В. Гуляева,
1991 г.*

После возрождения в XIX в. поземельной общины зонирование стало целенаправленным, что способствовало формированию характерного облика карельских деревень конца XIX — начала XX в. с выделением основной комплексной жилищно-хозяйственной зоны, включающей жилые дома с общественной террито-

*Колодец в деревне Кинерма.
Фото В. Гуляева, 1991 г.*

*Колодец-журавль.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.*

ей у их «лица» — наиболее престижной частью внутридеревенского пространства — и хозяйственной территорией «задов», где к домам примыкают небольшие участки пашни и огородов. На «задах» располагались также отдельно стоящие хозяйственные постройки: дополнительные амбары (помимо основных, стоящих на «виду»), бани, иногда хлева и сараи. Таким образом, комплексные жилищно-хозяйственные зоны включали ряд других, находящихся в эмбриональном состоянии зон, которые при благоприятных условиях формировали самостоятельные структурные подразделения поселений: общественное пространство перед домами превращалось в зону общественного центра, возникающую обычно рядом с культовыми постройками; группировки бань и амбаров складывались в зоны банных и амбарных «городков», а риги, прясла, мельницы, кузницы — в производственные зоны. На берегах водоемов возникали причальные зоны с мостками-причалами, воротами для втаскивания на берег лодок. Такие зоны часто совмещались с банными, а в рыболовецких поселениях нередко преобразовывались в специализированные промысловые зоны с сараями для лодок и сетей (на северо-западе), с рыбными амбарами. Рядом с поселениями, а иногда в самих поселениях

*Вешала для сушки
сетей в Юккогубе.
Фото И. Гришиной,
1996 г.*

*Рубленные отопляемые сарай
для сушки сетей в деревне Погост
(Сельги). Фото И. Гришиной, 1996 г.*

с 1930-х годов стали строиться коллективные скотные дворы, специализированные фермы и другие нетрадиционные новообразования, связанные с коллективизацией сельского хозяйства.

Обычно селение в целом, усадебные участки, а также некоторые зоны (например, кладбищенские) огораживались изгородями с воротами на дороге, с разборными пряслами на местах эпизодического проезда или прохода, с пешеходными мостиками-перелазами в виде наклонных досок на тропках. Коммуникационно-входное пространство и чистые дворы рядом с жилыми домами в большинстве случаев не ограждались. Реже ограда окружала всю территорию усадьбы и еще реже, преимущественно в южной Карелии, перед домами устраивались специальные палисадники.

Традиционными для Карелии были изгороди из косых и горизонтальных жердей. Первые, наиболее распространенные в районах с карельским населением, состоят из наклонных тонких жердей, одним концом воткнутой в землю, а другим опирающихся на перевязи из прутьев, соединяющих парные колья, вбитые в землю с интервалом в 1,5—2 м. (Своеобразие и выразительность облика «косой» изгороди отразились в ее названии на собственно карельском диалекте — *kurensiibine aida*, буквально «журавлиное крыло»). Во втором случае горизонтальные жерди опираются на перевязи кольев. Лишь начиная со второй половины XX в. стали устраиваться ограды из горизонтальных досок, прибитых гвоздями к столбикам, из штакетника. Территорию поселений обычно окружали поля, сенокосы, пастбища и другие сельскохозяйственные угодья.

Деревня Лазарево.
Фото Б. Бойцова, 1970-е гг.

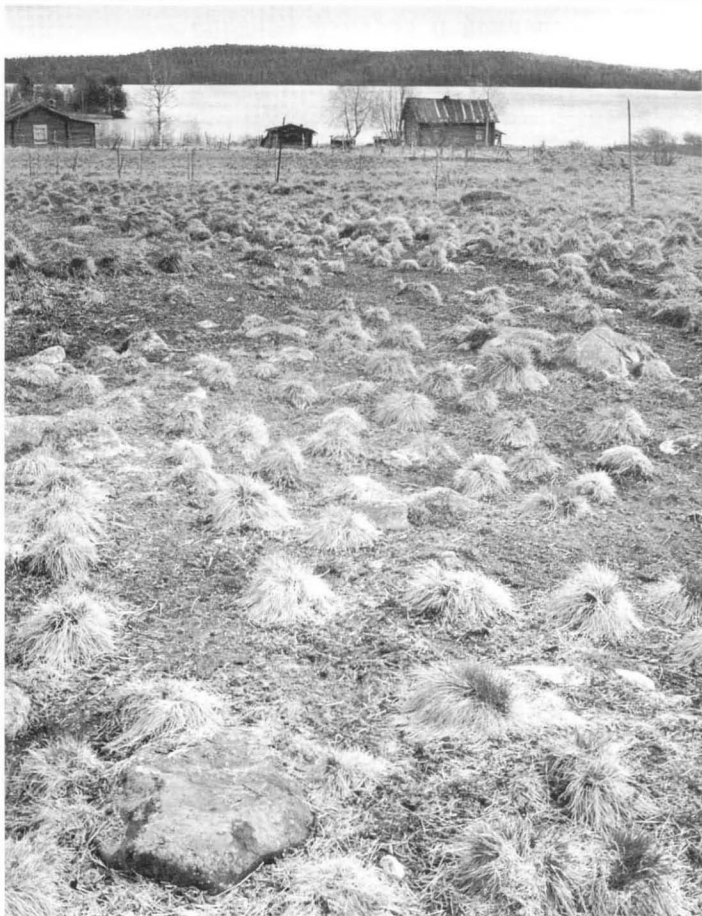
Как уже отмечалось, последний этап формирования карельского этнического ареала на территории Карелии — освоение северной части края, известной также как Беломорская Карелия, — в основном завершился в XVIII в. «Сто лет назад, — писал по этому поводу Д. В. Бубрих, — население Калевальского района еще хорошо помнило о своем переселении, умея во многих случаях указать, кто откуда пришел» [180].

Заселение западной части Беломорской Карелии — бассейна озер Куйто происходило путем массовой миграции, что подтверждается историческими сведениями. Так, до конца XVI в. упоминаются только старейшие поселения — Ухта, Юшкозеро, Сопосалма [181]. До последней трети XVII в. возникли Вокнаволок, Ладвозеро, Ювалакша, Войница, к 1678 г. появились Кондожка, Костомукша, Аконлахти, Минозеро, а численность населения территории составила 426 человек [182]. И только к 1797 г., судя по Атласу Архангельской губернии, в границах рассматриваемой территории было уже 34 поселения, население которых насчитывало 1806 человек, а общее число дворов — 318 [183].

Переселение большими коллективами позволило переселенцам длительное время сохранять в новых условиях традиционные формы материальной и духовной культуры, в том числе планировочные традиции. Массовая карельская миграция привела к изменению этнического состава населения края и его хозяйственного уклада — карелы-земледельцы отгнали на север или ассимилировали саамов — охотников и оленеводов. Несмотря на это, взаимодействие карел с аборигенным саамским населением определило самобытность культуры населения Беломорской Карелии.

Наиболее старые поселения Беломорской Карелии расположены рассредоточенно, на больших расстояниях друг от друга — на берегах озер Куйто, других крупных озер и реки Кемь. В течение XVIII в. подобным образом были освоены все более или менее значительные водоемы. Все поселения, возникшие в первоначальный период заселения территории карелами, в XIX в. развивались как гнездовые объединения деревень, в основном — малодворных. Исключениями являются поселения у северных пределов территории (Тихозеро, Кандонаволок, Охта, Регозеро), в составе которых не зафиксированы отдельные деревни.

В течение XIX в. количество поселений региона выросло до 118, а общее число дворов — до 1509. При этом малодворные поселения, от 1 до 3 дворов, составляли 48% от всех поселений [184]. В 1833 г. Э. Лённрот, путешествуя по Беломорской Карелии, отмечал образование выселков: крестьяне покидали большие деревни в поисках более благоприятного микроклимата для земледелия, так как поля

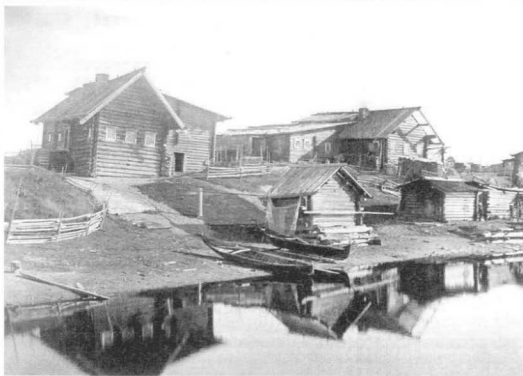
Деревня Тихозеро.
Фото В. Гуляева, 1988 г.

на местах их прежнего проживания часто страдали от заморозков [185]. Скорее всего, потепление, сменившее после середины XIX в. похолодание «малого ледникового периода», еще более активизировало образование выселков. В условиях севера благоприятные изменения климата послужили импульсом к земледельческому освоению дополнительных земельных угодий, что и вызвало возникновение новых поселений и изменение расселенческой структуры. Особенно выражен процесс проходил в Вокнаволоцкой, Ухтинской, Кондожской волостях и почти не сказался в северной Тихозерской и восточной Юшкозерской волостях. Ко второй половине XIX в. относится и появление немногочисленных сележских поселений. В первой четверти XX в. намечавшаяся тенденция к появлению выселков и хуторов продолжается, но уже в 1933 г. фиксируется убывание числа традиционных поселений [186].

Поселения Беломорской Карелии представляют типы объемно-планировочных структур, распространенных у карел. В крупных населенных пунктах — это прибрежно-рядовые, компактные и относительно упорядоченные планировки. Примером такого поселения может служить Ухта (ныне — поселок Калевала) — одно из старейших гнездовых объединений деревень, расположенное на северном берегу озера Среднее Куйто и в устье впадающей в него реки Ухты.

В 1833—1834 гг. Э. Лённрот свидетельствовал, что Ухта — самое богатое и большое село края, насчитывающее более 80 домов [187]. Обращая внимание на особенности облика деревень Беломорской Карелии, путешественник отмечал: по местным обычаям дома строятся вблизи друг от друга, что «... повсюду в российских деревнях живут кучно. Например в Ухтуа более восьмидесяти домов на одних пахотах, точно также в Вуоккиниемеи, Ювялахти

Фрагмент застройки
ухтинской деревни
Мишткала. Фото
И. К. Инха, 1894 г.

Фрагмент застройки
ухтинской деревни
Ламминтохья. Фото
А. О. Вайсянена, нач. XX в.

Фрагмент застройки
ухтинской деревни Ликояя.
Фото И. К. Инха, 1894 г.

и других» [188]. Фотографии И. К. Инха, сделанные в Ухте в 1894 г. и других авторов свидетельствуют о плотности и относительной регулярности застройки поселения.

Многодворность и особенности планировочной структуры Ухты могут быть отчасти объяснены большой долей несельскохозяйственной деятельности среди занятий местных крестьян. По данным земской статистики, в 1907 г. в Ухтинской волости насчитывалось 448 дворов с населением 3076 человек, из которых на долю непосредственно Ухтинского гнезда приходилось 207 дворов с населением 1420 человек [189]. Обращает на себя внимание весьма слабое развитие скотоводства: в том же 1907 г. на один двор

в Ухте в среднем приходилось 1,76 головы крупного рогатого скота, 0,36 — лошадей, 1,43 — овец и 0,067 — оленей. Показатели количества наделной земли на 1 двор и покосов на десятину пашни в Ухтинской волости были ниже средних показателей по всем карельским волостям Беломорской Карелии. Основным источником существования для жителей Ухты являлись торговля с Финляндией (65,56% всех доходов), лесной промысел (7,63%), охота (4,5%), отходничество в Петербург и Архангельск (4,22%) и т. д., в то время как доходы непосредственно от сельскохозяйственной деятельности составили чуть больше 16% [190].

Разносной торговлей, или коробейничеством, крестьяне Беломорской Карелии занимались, по-видимому, уже с рубежа XVIII—XIX вв. Достаточно сказать, что именно карельские коробейники в 1820 г. открыли финскому собирателю фольклора С. Топелиусу существование рунопевческой традиции к востоку от финской границы. По сведениям Э. Лённрота, в 1830-х гг. жители только Вокнаволоцкой волости (в которую в то время входила и Ухта) за зимний сезон совокупно могли получить от разносной торговли доход в сто тысяч рублей [191]. На протяжении XIX в. крупнейшие поселения западной части Беломорской Карелии — Войница, Вокнаволок, Ухта, Ювалакша, население которых занималось приграничной торговлей, увеличили свою дворяность в 2,8—5,7 раза. (Для сравнения: крупнейшие поселения более восточных территорий выросли всего в 1,3—2,5 раза) [192].

Примечательно, что достаточная подвижность населения Беломорской Карелии осуществлялась при полном отсутствии колесных дорог в крае: в начале XX в. единственная дорога, проложенная через поморские села, доходила только до Кеми, а дороги, ведущие из Финляндии, — до приграничных карельских деревень [193]. Тем не менее к этому времени на рассматриваемой территории уже сложились уличные структуры поселений. Примером тому служит деревня Панозеро, некогда бывшая центром самого северного из Лопских погостов — Панозерского.

Панозеро — одна из немногих уцелевших в Беломорской Карелии традиционных деревень и единственная из них, хорошо сохранившая все элементы своей архитектурно-ландшафтной среды. Нельзя сказать, что ее абсолютно пощадило время. Большие фрагменты застройки сформированы домами 1950—1960-х годов, потерявшими масштаб и монументальность, свойственную старым карельским постройкам, разрушена колокольня, искажена церковь, утрачены многие хозяйственные сооружения. Но здесь почти в первозданном виде сохранилась вся сущность традиционной карельской деревни — взаимосвязь застройки и ландшафта, планировочная структура материковой и островной частей деревни, древнее кладбище с еловой рощей и остатками церкви — композиционный центр поселения, притягивающий взгляд из любой его точки. Картину дополняют живописная россыпь бань по берегам реки, великолепные образцы амбаров, остатки жердевых изгородей.

План центральной части деревни Панозеро
(по обмеру К. Савандера, В. Орфинского, И. Гришиной, 1999 г.)

Материковая часть деревни Панозеро. Фото М. Ниеминена, 2000 г. (Jutinkeko)

Центральная часть деревни с кладбищенской роцей и остатками церкви.
Фото М. Ниеминена, 2000 г. (Jutinkeko)

Планировочная структура Панозера отражает три последовательных строительных этапа. Первый из них воплощен в прибрежно-рядовой планировке островной части деревни (бывшей Погостской), дома которой ориентированы лицевыми фасадами одновременно на юг и на реку — основной структурообразующий элемент поселения. В силу многочисленных утрат существующая застройка этой части Панозера, относящаяся преимущественно к 1950-м гг., может рассматриваться лишь как рудимент прежней планировочной системы. Подтверждение тому — фотографии 1926 г. Д. А. Золотарева, на которых видна живописная двухрядная застройка, и свидетельства информаторов о том, что ныне существующие дома в большинстве случаев ставились рядом со старыми. Отдельные из них в руинированном виде сохранились до сих пор. По своему характеру островная часть деревни, преемственно продолжающая относительно древние планировочные традиции — приоритетность южной ориентации жилища и его визуальную связь с водоемом, — внешне напоминает архаичные объемно-планировочные структуры первично-рядовых поселений.

Второй этап — уличная застройка центральной и восточной части материковой деревни (бывшей Мандеры), которая начала формироваться, скорее всего, в XIX в. в связи с повышением значимости внутридеревенского общественного пространства (следствие усиления поземельной крестьянской общины) и мероприятий земских властей по упорядочению застройки сельских населенных мест Российской империи.

И, наконец, третий этап, представленный группой домов в западной части материковой деревни, датируемых 1960-ми гг. Сохраняя подобно островной застройке южную ориентацию

*Хозяйственная
застройка Панозера.
Фото И. Гришиной,
2003 г.*

своих лицевых фасадов, они демонстративно отвернулись от реки. Такую особенность постановки, казалось бы, проще всего можно объяснить влиянием основной, уличной части деревни. Но улица на западной периферии поселения фактически отсутствует, а застройка напоминает архаичные деревушки, возникшие на ранних стадиях стихийного освоения края, когда тенденция к структурной упорядоченности уступала стремлению учитывать особенности ландшафта и приоритетность южной ориентации жилища [194].

Важно отметить, что застройка западной части материковой деревни, судя по фотографиям 1920-х годов, имела прецеденты в Беломорской Карелии, в первую очередь в северных её волостях [195]. Думается, что последний этап застройки Панозера отражает завершающую стадию эволюции традиционных сельских поселений — «откатную волну», то есть возврат на более раннюю эволюционную стадию. Проявления «откатной волны» прослеживаются в планировке многих карельских поселений. Чаще всего они связаны с ослаблением в послереволюционный период административной регламентации архитектурно-строительной деятельности крестьян и, как следствие, с активизацией этнически обусловленных планировочных традиций и соответствующих этим традициям архитектурных приоритетов, включая южную ориентацию жилища и свободу расположения построек, учитывающих особенности рельефа.

Для большинства деревень северной Карелии характерны разбросанные планы малой плотности с отсутствием регулярности в постановке жилых домов. Единственным упорядочивающим началом в таких поселениях является тяготение к ориентации жилища на

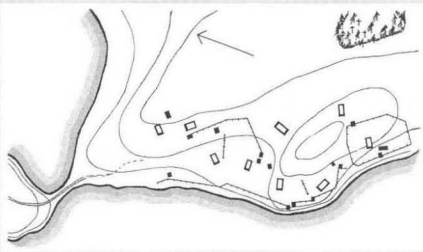

Хозяйственная
застройка Панозера.
Фото И. Гришиной,
1999 г.

южную сторону горизонта. Широкое распространение беспорядочно-разбросанных планировок связано со структурой поселений, часто являющихся конгломератом одно- или малоудворных деревень (что не фиксируется в документах, а выявляется только при топонимических обследованиях) [196]. Кроме того, возможно, карельско-саамские связи, возникшие в период адаптации карельских переселенцев к новым условиям, активизировали присутствующую в карельской культуре «природосообразность», что усилило вписанность в ландшафт северо-карельских поселений и уменьшило степень регулярности их объемно-планировочных структур.

Подобный тип объемно-планировочных структур в северной Карелии представлен многочисленными на сегодняшний день поселениями. Одно из них — деревня Хайколя. Композиция деревни традиционна: жилищно-хозяйственная зона расположена спе-

Схематический план
деревни Хайколя, 1979 г.

Деревня Хайколя.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

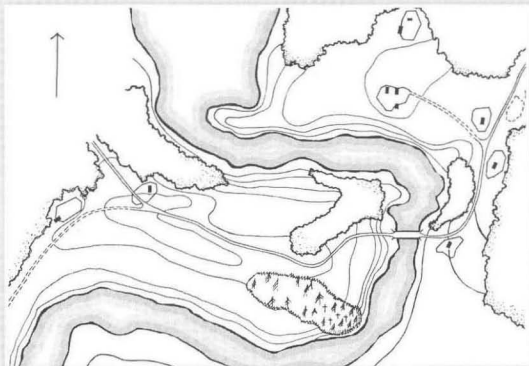

реди, у воды, а культово-погребальная — в священной роще в стороне от застройки, но в непосредственной близости от нее. Постановка домов лишена жестких линейных ограничений, при сохранении в целом ориентации лицевых фасадов на запад — юго-запад и одновременно на озеро в пределах характерного для карел «веера разброса». Живописная свобода в постановке домов предопределена тщательным учетом микрорельефа и других локальных природных условий, являясь таким образом конкретным проявлением «природосообразности» в архитектуре. Объемно-планировочная структура поселения, которую можно классифицировать как свободную с преимущественно однонаправленной ориентацией домов и периферийным расположением рощи, полностью соответствует сути традиционной культуры карел — органическому соединению религиозно-мифологических представлений и рационалистического подхода к решению утилитарных задач.

Северо-запад Карелии подвергся особенно опустошительным разрушениям во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и последующего периода варварского освоения природных богатств края, что привело к утрате подавляющего большинства традиционных поселений, поэтому из-за недостатка фактических данных трудно представить в деталях процесс формирования здесь объемно-планировочных структур поселений. Уникальный пример Ухты, относительно регулярная высокоплотная застройка и многодворность которой особенно примечательна на фоне малодворности остальных поселений Ухтинской волости [197], да и всей Беломорской Карелии, и с учетом крайне низкого сельскохозяйственного потенциала окружающей территории при полном отсутствии колесных дорог, подтверждает необычайную устойчивость традиционных общинных связей, проявлявшихся на бытовом и психологическом уровне и опосредованно отразившихся в облике поселения.

Что касается других поселений, можно лишь предположить, что рядовые формы предшествовали свободным, если импульс их возникновения восходил к патриархальной семейной общине периода массового карельского заселения края, или, наоборот, следовали за ними в случае роста и активного развития поселения в период господства общинного землевладения. В любом случае трехкратная смена в течение двух неполных столетий формы землевладения и землепользования не могла всякий раз сопровождаться изменениями планировочных структур. Все это, видимо, предопределило сосуществование разновременных и разнотипных поселений: гнездовых объединений, отдельных деревень, выселков и хуторов. Последние, как уже отмечалось, являлись переосмыслением исторически сложившегося здесь гнездового расселения. Ко времени возникновения агломераций хуторов во многом забылись традиционные религиозно-мифологические представления, и поэтому в хуторах священные кладбищенские рощи стали преимущественно играть роль композиционных акцентов-ориентиров. Пример таких поселений — гнездовое объединение хуторов Толлорека.

Схематический план
объединения хуторов
Толлорека, 1979 г.

142

КАРЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

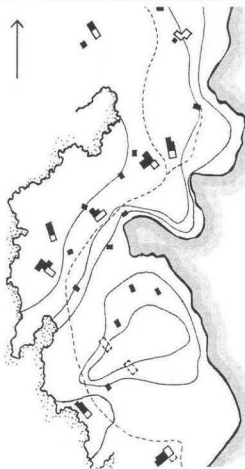
Хутора в Толлореке.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

В восточной части северной Карелии из-за дисперсного расселения карел, испытывавших к тому же сильное влияние местного саамского населения, традиция не смогла стать сдерживающе-регулирующим началом. Как следствие, возникли формы поселений, беспорядочные в полном смысле этого слова, т. е. свободные от каких бы то ни было ограничений, кроме ландшафтных условий. При этом исходным эталоном развития отнюдь не обязательно являлась однодворная структура, поскольку починки ради взаимопомощи при трудоемком первоначальном освоении лесной целины могли основываться несколькими семьями [198]. При этом даже малодворные деревни в структурном отношении, скорее всего, представляли собой подобие поселений в Реболах, описанных этнографом Д. К. Зелениным по архивным материалам середины XIX в. В них дома располагались не по общему порядку, а каждый отдельно. Между двумя соседними усадьбами находилось или небольшое поле, или лесок, или, по крайней мере, огород либо пожня. Вот почему деревня из каких-нибудь 10 дворов занимала пространство более полукилометра [199].

Показательна в этом отношении деревня Нильмозеро в Беломорском Поморье, основанная карелами — выходцами из северо-западной Карелии во второй половине XIX в. (между 1847—1903 гг.) [200], а скорее всего, в конце XIX в. Именно в этот период в связи с кризисом поземельной общины активизировались центробежные тен-

Схематический план
деревни Нильмозеро, 1979 г.

Деревня Нильмозеро.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

денции, приводя к образованию выселков и новых деревень (см. табл. 5 на с. 59). Кроме того, дисперсный характер переселения отдельными семьями не способствовал сохранению традиций и формированию единых для поселения планировочных приоритетов, что и приводило к появлению беспорядочности структуры деревни. Аналогичная ситуация сложилась в старой, первоначальной, части близлежащей деревни Нильмогубы. Таким образом, эволюция поселений в бездорожной северо-восточной части карельского этнического ареала фактически не продвигалась дальше своего начального этапа, ограничившись лишь увеличением дворности. И только в тех случаях, когда через поселения прокладывалась сухопутная дорога или, тем более, оно возникало на уже существующей дороге (как правило, не ранее XX в.), беспорядочная структура постепенно трансформировалась в уличную или непосредственно, или через промежуточный этап — рядовую форму.

Фрагмент плана деревни Нильмогуба
(по обмеру А. Борисова, 2004 г.)

Деревня Нильмогуба.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

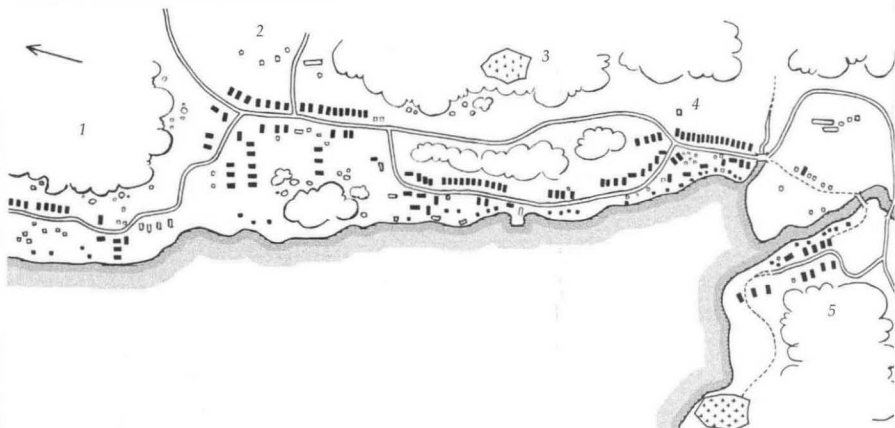
Фото Б. Бойцова

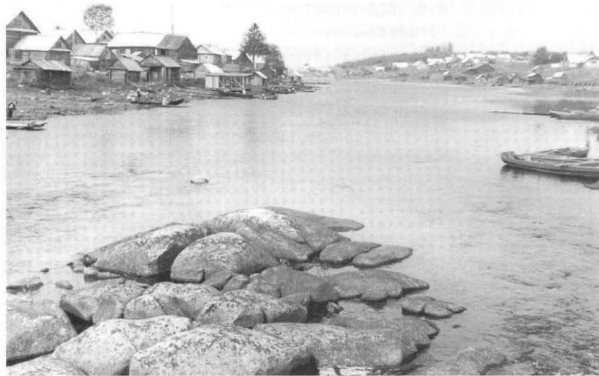

Средняя Карелия была в основном освоена карелами в XIV и XV вв. первой и второй волной их миграции из Приладожья на север. Из наиболее старых поселений в наши дни относительно хорошо сохранилось лишь гнездовое объединение Сельги в Сегозерье, состоящее из деревень Северный Конец, Погост, Берег, Южный Конец и Пряккила, расположенных на месте одного из древних Лапских погостов — Селецкого. Существующая объемно-планировочная структура деревень, сложившаяся, видимо, к концу XIX в., отражает переход от рядовой к уличной застройке. Если деревня Северный Конец сохранила прибрежно-рядовую структуру, то остальные поселения помимо рядовой первоосновы включают элементы улиц. При этом большая часть домов в деревне Погост образует взаимоперпендикулярные ряды: меридиональный, ориентированный на озеро, и три широтных, ориентированных «на лето». Таким образом, планировка и застройка гнездового объединения Сельги на первый взгляд вписывается в известную эволюционную схему преобразования рядовой структуры поселения в уличную. Архивные материалы середины XIX в., проанализированные этнографом Д. К. Зелениным, позволяют наметить и предыдущее звено в эволюционной цепи: основной особенностью всех описанных поселений того времени на рассматриваемой территории являлась беспорядочность их планировки и застройки [201]. По словам исследователя, к середине прошлого столетия многие старинные деревни в районе Падан хотя и были построены без определенного плана, но «составляли как бы круг из двух или трех неправильных линий» [202], что позволяет рассмотреть генетическую связь между

Гнездовое объединение
деревень Сельги:

- 1 — Северный Конец;
  - 2 — Погост;
  - 3 — Берег;
  - 4 — Южный Конец;
  - 5 — Пряккила
- [Тароева Р. Ф.
Материальная
культура карел.
М.: Л., 1965. С. 84]

Деревня Пряжила,
Южный Конец, Берег.
Фото Б. Бойцова, 1980 г.

Деревня Северный Конец.
Фото Б. Бойцова, 1980 г.

Деревня Южный Конец,
вид на кладбище в Пряжила.
Фото Б. Бойцова, 1980 г.

ними и центрично-кольцевыми поселениями, состоящими из домов, сгруппировавшихся вокруг центрального общественного пространства. Социальная основа таких поселений, по распространенному мнению, — остатки крестьянской общины [203].

В этой связи заслуживает внимания и любопытная особенность сохранившейся планировки деревни Погост в Сельгах — взаимоперпендикулярность рядовых порядков домов. Обычно в таких

*Деревня Северный Конец.
Фото Б. Бойцова, 1980 г.*

*Деревня Пряккила.
Фото В. Гуляева, 1992 г.*

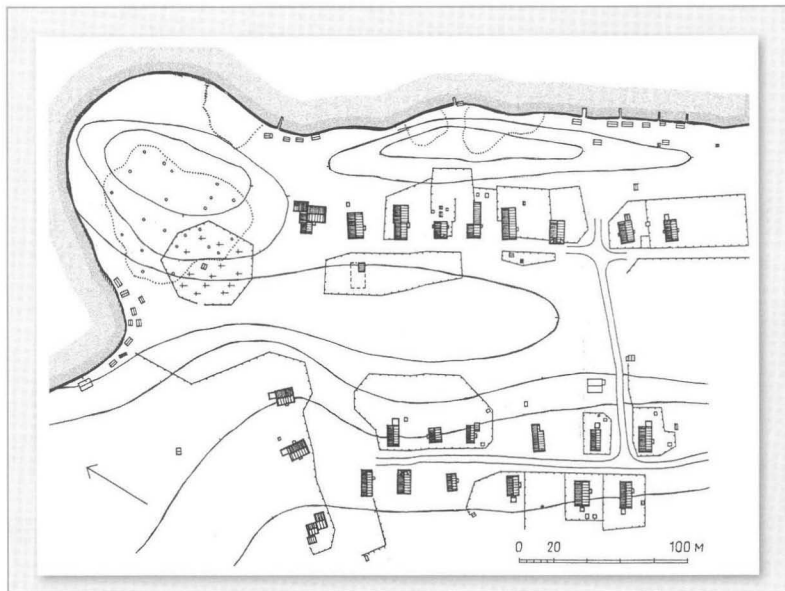

смешанных прибрежно-сележных рядовых структурах ряды, ориентированные «на лето», располагаются вдали от водоемов. Здесь же ситуация обратная, что позволяет усматривать в расположении построек отголосок планировки с полузамкнутым раскрытым к озеру общественным пространством. Примечательно, что такая структура сложилась в старейшей из деревень гнезда, расположенного в юго-западной части Сегозерья, которое, как уже отмечалось, было заселено в результате массовой карельской миграции и расселения мигрантов компактными группами. Коллективная миграция закономерно способствовала консолидации переселенцев, обостряя их коллективистские общинные инстинкты, и в этом случае отголоски замкнутых планировочных структур могут объясняться естественным стремлением самоутвердиться в новых условиях, опираясь на устойчивые традиции, в том числе и приемы формирования поселений. (Последние в Приладожье в годы постоянных шведских набегов часто возводились в виде военных городищ, которые, помимо внешних оборонительных стен, имели дополнительные внутренние заслоны из жилых построек, располагавшихся вдоль периметра стен со стороны вероятного нападения противника [204]) (см. с. 91—92).

Рассмотрим еще одну сегозерскую деревню — Юккогубу на озере Маслозеро [205].

План деревни
Юккогуба, 1992 г.
(по обмеру В. Гуляева)

Деревня Юккогуба (карельское название Прокколя) была основана между 1640 и 1670 гг. [206]. Расположена на мысу южного побережья озера Маслозера, что для относительно старых поселений малонаселенного Сегозерья явно не типично: в первую очередь заселялись северные берега водоемов, позволяющие совместить ориентацию главных фасадов домов на водоем с их оптимальной ориентацией на южную сторону горизонта. Применительно к Юккогубе это тем более необъяснимо, поскольку лучше инсолируемый северный берег озера остался незастроенным, пока в середине XX в. там не появился поселок Маслозеро.

План Юккогубы, 1914 г.
[НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 40]

Окрестности деревни Юккогуба
Фото В. Гуляева, 1992 г.

Неблагоприятные условия инсоляции с лихвой компенсировались ландшафтными достоинствами участка: благодаря местоположению высоко над урезом воды он оказался защищенным от осенне-весенних заморозков, а обзриваемый издалека контур скального мыса, являющийся для поселения своеобразным подножием, видимо, в свое время привлек внимание основателей деревни, а затем, помогая ориентироваться на просторах озера, вызывал у них положительные эмоции, что способствовало эстетизации ландшафтной формы. Возможно, привлекала людей и широкая панорама на Маслозеро, открывавшаяся с окончания мыса.

В течение XVII—XVIII веков Юккогуба росла медленно. В 1707 г. она состояла из пяти дворов, в 1763 г. — из семи [207], но к 1873 г. насчитывает уже 24 двора [208].

Планировочная структура деревни, сохранившаяся до нашего времени, сложилась к началу XX в. В ней максимально использованы ландшафтные особенности участка — пересеченный рельеф мыса с подковообразным плато, охватывающим болотистую низину, выходящую на севере к небольшой бухте, образованной изгибом береговой линии Маслозера. Восточная ветвь «подковы», ограниченная крутым берегом озера с выходами скальных пород, замкнута на северо-востоке залесенным холмом — священной кладбищенской рощей. Наружный контур западной ветви «подковы» с юго-западной стороны плавно переходит в луговую низину.

В настоящее время застройка сосредоточена на ветвях «подковы» и, судя по плану 1914 г., к этому времени уже сложилась в своих основных чертах улица на западной (Мяги) и однорядный порядок

*Везд в Юккогубу
с юга. Фото
В. Гуляева, 1992 г.*

на восточной (Аланго) ее ветвях. Причем улица с северо-западной стороны замыкалась достаточно плотным порядком из 6 домов, ориентированных лицевыми фасадами на юго-восток. Позади этого порядка в 1914 г. стояли еще два, ныне бесследно исчезнувших произвольно ориентированных старых дома. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что именно в северо-западной части современной деревни размещалось первоначальное поселение, представляющее собой компактную группу произвольно ориентированных построек, отделенных болотистой низиной от кладбища на холме. Правомочность такого предположения станет очевидной, если вспомнить, что XVIII в., то есть период, когда Юккогуба сформировалась как многодворное поселение, — время господства подворно-участкового землевладения, пришедшего на смену долевой деревне и пробудившего порожденные малоземельем «эгоистические инстинкты» крестьян (см. с. 61, 88). Это привело к размытию единых планировочных приоритетов и стало препятствовать единству композиционной организации.

Создание поземельной общины способствовало восстановлению коллективных начал в крестьянской среде. Новые принципы формирования поселений складывались на протяжении первой половины XIX в. уже под знаком общинных интересов. Видимо, в это время беспорядочная застройка и была заменена северо-западным порядком домов, которые традиционно для побережий больших водоемов из соображений ветрозащиты были обращены дворовыми фасадами к озеру, а лицевыми, опять-таки традиционно для карел, — на юго-восток. В северо-восточной части деревни также появился короткий ряд домов, ориентированных «на лето».

Связь новой застройки с кладбищем может стать иллюстрацией перемены композиционной роли кладбищенской роши. Если порядок домов, стоявший перед кладбищенским холмом (в 1914 г. еще сохранялись два его дома), продолжал архаичную тему единства и противопоставления загробного мира и мира живых — дома стояли рядом с кладбищем, но ориентировались в противоположную от него сторону, то дома, составляющие ряд к юго-западу от роши, взаимодействуют с ней совсем по-другому. Организованное застройкой общественное пространство перед лицом домов («улица» в своем первоначальном смысле) направлено на кладбищенский холм, поросший высокими елями. Эта часть Юккогубы показывает, что примы организации поселения по законам мифологического «рационализма» (противопоставление жилой зоны и кладбища) сменялись включением основных составляющих деревни в единый ансамбль через использование кладбищенской роши в качестве эффективной композиционной доминанты.

Позднее та же тенденция развивается в северо-восточной половине Юккогубы при формировании меридионального порядка домов.

Развитие планировочной структуры деревни завершилось формированием уютного и сомасштабного человеку пространства. На его реализацию, несомненно, повлияли не только описанные композиционные приоритеты, но и стремление нейтрализовать

основной недостаток местоположения Юккогубы — продуваемость ветрами со стороны озера: короткая улица с двусторонней застройкой вдоль западной ветви плато выстроилась в ветровой тени северо-западных домов, а порядок домов на восточной ветви расположился в ветровой тени роши. Обращенный к озеру дворовыми фасадами, он дополнительно укрыт от холодных порывов ветра с озера скальным гребнем.

Сложившаяся планировка Юккогубы юридически закрепила проектом, рассмотренным и одобренным строительным отделом Олонецкого губернского правления 29 октября 1915 г. [209]. Предложения проекта сводились к регулированию планировки селения путем спрямления красных линий застройки с расширением западной улицы и нарезки усадебных участков для перспективных застройщиков вдоль улицы и восточного порядка домов. Кроме того, в проекте содержалось требование закрыть кладбище и организовать новое вне пределов деревни.

Сопоставление проекта с натурой проиллюстрировало характерную особенность культуры карел — сочетание раскрытости по отношению к заимствованиям извне и повышенной традиционности, проявляющейся в строгом отборе заимствований по принципу их совместимости с собственными культурными традициями.

Троицкая часовня в Юккогубе,
вт. пол. XVIII в. Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

Кладбищенская роща в Юккогубе.
Фото В. Гуляева, 1987 г.

*Застройка
восточной части
деревни Юккогуба.
Фото Б. Бойцова,
1980 г.*

Так, крестьянами была принята на вооружение безусловно рациональная рекомендация проекта в части размещения перспективной застройки. Но геометризм, гипертрофированный масштаб уширенной улицы, механическая регулярность расстановки домов без учета микрорельефа — все эти издержки «кабинетного проектирования» не были исполнены. Осталось не выполненным и требование о закрытии кладбища.

Анализ последующей застройки Юккогубы показал, что вплоть до коллективизации 1930-х годов планировочные традиции развивались в первую очередь в направлении усиления эстетических начал. Так, в этот период заметно возросла роль рощи как внутридеревенского акцента. Идея противопоставления застройки и кладбища несколько затухала, а идея единства, наоборот, усилилась благодаря осознанию рощи как конкретной приметы места, индивидуализирующей облик поселения. Подтверждение тому — перспектива на рощу вдоль фронта восточной застройки, физически раскрывшаяся после сноса одного из двух домов с южной ориентацией фасадов и эстетически осмысленная путем при-

стройки к дому рядом с рошей новой избы, переориентировавшей дом в целом на дорогу, ведущую к роше. Кроме того, в северной части порядка были созданы своеобразные пропилеи из домов, обращенных лицевыми фасадами друг к другу.

В это же время застройка по обеим сторонам улицы стала располагаться в шахматном порядке (по «закону створов»), способствовавшем беспрепятственному обзору из окон домов ландшафтного окружения. Показательно, что в проекте «закон створов» намечен лишь на протяжении отдельных участков улицы, реальная застройка следовала ему неукоснительно.

После 1930-х годов примерно до 1960-х годов традиции стали интенсивно затухать, хотя строительство все же велось либо по проекту 1915 г. с коррективами, задаваемыми существующими постройками, либо на месте обветшавших жилых домов, что, несмотря на снижение художественного уровня самих построек, до известной степени содействовало сохранению привлекательного традиционного облика деревни в целом.

Сопоставление двух сегозерских поселений позволяет заключить, что первичной или во всяком случае одной из первичных для старейших поселений средней Карелии могла быть замкнутая (полузамкнутая) форма поселений. Деревни, складывающиеся как многодворные в XVIII — начале XIX в., представляли собой беспорядочные структуры. Позднее такие структуры преобразовывались, причем композиционной целостности поселений способствовали создаваемые вновь или сохранившиеся кладбищенские роши, которые становились архитектурными доминантами и подчиняли себе стихию жилой застройки. Последняя приобретала более упорядоченную форму за счет однонаправленной ориентации домов (варьирующейся в пределах «веера разброса») в рамках рядовых или, реже, уличных планировочных структур.

ПОСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

Среди многообразия поселений Карелии деревни южных карел занимают особое место. Они отличаются ясностью воплощения традиционного мировоззрения в структуре архитектурной среды, типологическим разнообразием, выразительностью и красоч-

Озеро Сямозеро.
Фото Б. Бойцова

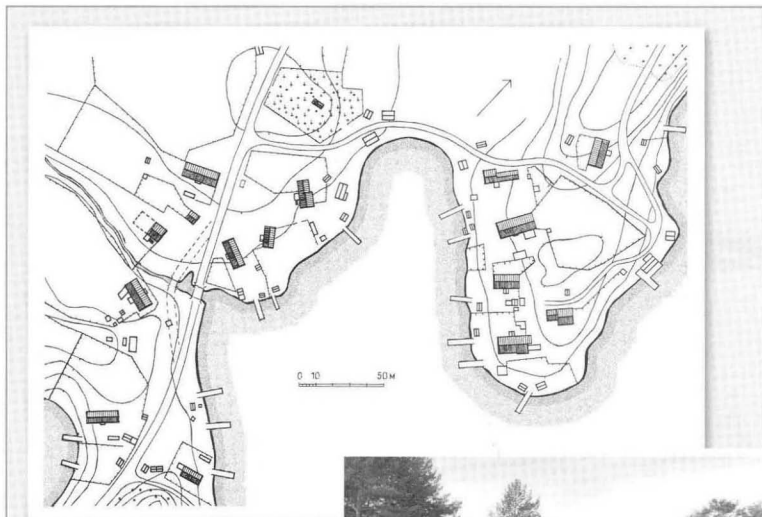
ностью форм, относительно хорошей сохранностью планировочных структур и культурных ландшафтов. Главным образом это относится к поселениям карел-ливвиков, проживающих в юго-западной части края, и особенно к северо-ливвиковским поселениям, наиболее выразительные из которых будут рассмотрены ниже.

Деревня Сяргилахта — одно из старейших поселений юго-западной Карелии, в средневековье входившее в состав вотчинных владений Новгородского митрополита. Первое упоминание о деревне относится к 1563 г. [210].

Сяргилахта расположена на юго-западном берегу Сямозера в исключительно благоприятных ландшафтных условиях: перепад рельефа северо-восточного берега залива и залесенные окрестные холмы создают надежную защиту от холодных северных и преобладающих юго-западных ветров, одновременно обеспечивая продуваемость территории умеренными юго-восточными ветрами, а характер береговой линии водоема позволил сочетать оптимальную инсоляцию застройки с ее ориентацией на озеро. Кроме того, холм на северо-западном берегу залива стал идеальным местом для кладбища, в полной мере отвечающим всем религиозно-мифологическим требованиям.

План деревни
Сяргилахта, 1991 г.
(по обмеру В. Гуляева)

Окрестности деревни Сяргилахта.
Фото В. Гуляева, 1991 г.

Уникален окружающий поселение природный ландшафт и в эстетическом отношении благодаря сильно пересеченному рельефу, живописности береговой линии озера Сямозера и множеству соседствующих с ним озер и лаб. Наконец, защищенные от нагонных волн заливы и бухты благоприятствовали развитию рыболовства.

Единственное, чем обделила природа Сяргилахту, так это сельскохозяйственными угодьями: вблизи поселения к северу и западу от него расположены незначительные по площади сенокосы и пашня. Но, видимо, по мнению первых поселенцев, даже такой существенный недостаток с лихвой перекрывался перечисленными достоинствами участка. Современная планировка селения в своих основных чертах, по-видимому, сложилась уже к концу XVI в. Во всяком случае, к 1582 г. в Сяргилахте насчитывалось семь дворов [211], которые располагались скорее всего на месте существующих ныне усадеб по обоим берегам залива до устья впадающего в него ручья.

Поскольку основным структурообразующим элементом являлась береговая линия водоема, а за четыре минувших столетия рельеф не претерпел существенных изменений, можно полагать, что уже в то время деревня имела подковообразную форму с разрывом застройки на неблагоприятной для строительства подтопляемой территории. Изначальным был и периферийный композиционный акцент — кладбищенская роща, в которой в первой по-

*Центральная часть
деревни Сяргилахта.
Фото В. Гуляева,
1991 г.*

ловине XVIII в. была срублена клетская часовня. На протяжении XVI — начала XIX вв. размеры деревни почти не менялись: к началу XIX в. здесь было шесть дворов [212], и лишь к концу XIX в. Сяргилахта выросла до 9, а к началу XX в. до 11 домов [213].

Длительная стабилизация размеров поселения, а затем его относительно быстрый рост, скорее всего, связаны с ограничением сельскохозяйственных угодий, которое удавалось преодолевать лишь по мере уменьшения удельного веса земледелия и скотоводства в общем объеме крестьянского хозяйства. Рост дворности на рубе-

Восточная часть
деревни Сяргилахта.
Фото В. Гуляева,
1991 г.

Кладбищенская роца
в Сяргилахте. Фото
В. Гуляева, 1991 г.

На кладбище
Сяргилахты. Фото
В. Гуляева, 1991 г.

же XIX — XX вв. привел к застройке юго-западного берега залива, продолжавшейся до 1960—1970-х годов. То, что новое строительство в XX в. велось преимущественно на окраине деревни в соответствии с тенденцией, наметившейся в конце предшествующего столетия, способствовало сохранению исторически сложившейся объемно-пространственной структуры поселения и во многом предопределило относительно незначительные искажения его традиционного облика. И несмотря на то, что в конце XIX — первой трети XX в. на месте старых были построены новые дома, они повторили традиционную структуру своих предшественников.

В настоящее время Сяргилахта имеет прибрежно-рядовую объемно-планировочную структуру, в восточной части деревни однорядную, в западной частично двухрядную. В первом случае застройка, соподчиненная береговой линии озера, более регулярна, чем во втором, где она отличается значительным угловым и линейным разбросом. В XX в. была проложена проходящая через деревню транзитная дорога, соединяющая сямозерские деревни между собой.

Хозяйственные постройки — амбары и бани — группируются преимущественно в прибрежной зоне поселения, что связано с экономией земли. Здесь же устроены причалы для лодок. Огородные участки произвольных размеров и формы расположены рядом с домами и ограждены изгородями из косых жердей, в то время как территория усадеб в целом, зачастую не ограничена, а лицевые фасады домов в большинстве случаев ничем не отгорожены от общественного пространства поселения.

Деревня Кашаилимба — пример характерного для Сямозерья прибрежно-рядового поселения на маленьком озере (ламбе). Водоем лежит в центре естественного амфитеатра, образованного

Деревня
Кашаилимба:
общий вид (фото
В. Гуляева, 1987 г.);
схематический
план, 1979 г.

береговыми склонами. Застройка, сконцентрированная на северо-западном берегу ламбы, композиционно организована периферийным акцентом — кладбищенской рощей с часовней, расположенной на холме к западу от деревни.

Рельеф и кулисы окружающих лесов являются надежными ветро-защитными преградами, способствующими созданию в поселении физически комфортной среды обитания. Психологический комфорт для жителей деревни был предопределен разнообразием ландшафтного окружения и, видимо, сложившимся спонтанно, но эмоционально действенным «сценарием» визуального восприятия: основные видовые точки, расположенные на подходящей к Кашалиламбе дороге, благодаря пересеченному рельефу еще недавно обеспечивали динамику смены видовых картин. Так, сначала в перспективе по ходу движения возникал ориентир — роща, а сама деревня еще была не видна, и лишь по мере приближения к бровке амфитеатра начинал восприниматься четкий ритм домов северной части поселения; затем видовые картины обогащались архитектурным аккомпанементом — застройкой противоположного берега ламбы. Такая последовательность восприятия придавала многоплановость облику деревни, который, впрочем, являлся производным от ландшафта и своей несомненной привлекательностью обязан в первую очередь одномоментному творческому акту — удачному выбору места для основания поселения. К сожалению, в настоящее время деревня стремительно деградирует и в XXI в. ее белая гармония угадывается с трудом.

Естественно, что далеко не всегда природные условия оказываются столь же благоприятными. В частности, в прибрежно-рядовой деревне Павшойла на южном берегу озера Павшеньярви для создания комфортного общественного пространства пришлось прибрежный порядок домов повернуть к водоему своими озадками, а перед лицом построек поставить дополнительный дом в виде элемента уличной застройки.

Деревня
Павшойла.
Фото
В. Гуляева,
1992 г.

Еще более сложна структурно-композиционная организация деревни Кинермы — одного из самых необычных карельских поселений. Расположена деревня в двух километрах от озера Ведлозеро, но не имеет визуальной связи с водоемом (скрыта от него кулисами леса) и решена как чисто сележное поселение, причем является одним из самых древних среди всех известных поселений такого рода в крае. Его история хорошо прослеживается с середины XVI века, когда деревня относилась к Олонецкому погосту и входила в состав вотчинных владений новгородского митрополита. В то время она представляла четырехдворное поселение и называлась «Самсонково Посиденье» [214].

Менее чем за двадцать лет количество дворов деревни удвоилось. Перечисляя сожженные шведами во время похода 1582 г. поселения на Ведлозере, писец отметил, что в деревне «на Кинелмы Самсонково, она ж Михалково» в двух из восьми только что разрушенных дворов крестьяне Кирилко Микулин и Кирилко Микитин уже «хоромы ставят». Остальные шесть дворов еще «стоят пусты» [215].

Если сам факт сележного заселения в столь ранний период можно объяснить непригодностью для застройки южного заболоченного берега озера и, наоборот, концентрацией на возвышенном плато относительно плодородных земель, то причину выбора для

*Деревня Кинерма.
Фото В. Гуляева,
1991 г.*

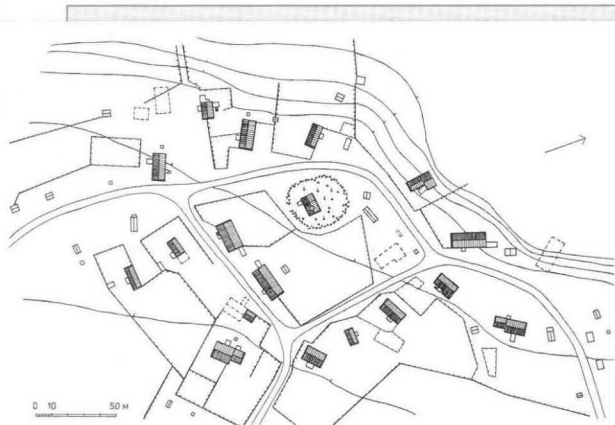

застройки участка на юге Ведлозера, в то время как благоприятные северные берега водоема еще оставались незастроенными, не выдерживают иного объяснения, кроме наличия дополнительных требований к местоположению деревни, возможно, связанных с ее оборонительными функциями на порубежной территории. В пользу такого предположения свидетельствует замкнутая форма ядра поселения в настоящее время с необычным для карельских деревень центричным размещением композиционного акцента — кладбищенской рощи с часовней. Правда, существующий храм Смоленской Богородицы срублен во второй половине XVIII в., но у него, видимо, был предшественник. Косвенное подтверждение тому — храмовая икона, датируемая XVI в. Такому предположению не противоречит и динамика роста деревни: быстрое увеличение дворности в начале второй половины XVI в., а затем длительное сохранение достигнутого уровня в 8 дворов. После очередного уничтожения деревни «литовскими людьми и русскими ворами казаками» она имела все те же 8 дворовых мест, из которых в 1616 г. три были восстановлены, а пять еще пустовали, а к 1628 году число восстановленных увеличилось до шести, а пустовавших соответственно сократилось до двух [216]. Возможно, размеры поселения в данном случае ограничивались не только сельскохозяйственным потенциалом близлежащих земель (который в течение столетия мог быть увеличен как за счет новых расчисток, так и с помощью агротехнических мероприятий), но и оптимальным количеством построек, необходимых и достаточных для использования их в качестве оборонительного заслона. Но как бы то ни было, только во второй половине XIX в. после прокладки дороги из села Ведлозера в Кинелахту начался стабильный рост Кинермы: уже к 1870 г. деревня насчитывает 14, а к началу XX в. — 22 дома [217]. В это время изменилась и ее форма: замкнутая объемно-планировочная структура центральной части поселения с домами, ориентированными лицевыми фасадами к площади с рошей в середине, дополнилась зачатками улиц вдоль дороги к северу и к югу от площади.

Таким образом, структурообразующими элементами поселения стали кладбищенская роща с часовней и транзитная дорога, пересекающая деревню. К началу XX в. окончательно сложилась компактная форма поселения, общая меридиональная направленность которой была продиктована трассировкой дороги. Возможно, конкретизация формы проводилась крестьянами с учетом ветрозащитных соображений. Во всяком случае, анализ ветрового режима в деревне показал, что постановка домов обеспечила семидесятипроцентное снижение скорости ветра на значительной части общественного пространства и в рабочих зонах 79% усадеб. (Возникающие при этом снежные заносы у входов в дома компенсировались устройством высоких наружных крылец) [218]. Выразительный и характерный облик поселения во многом определяется архитектурно-ландшафтной доминантой — еловой кладбищенской рошей с часовней, окруженной оградой из валунов. Дополнительным ландшафтным акцентом является небольшая роща нового кладбища, возникшего в XIX в. в двухстах метрах к востоку от

деревни. Изнутри поселения она просматривается фрагментарно в просветы между домами, а обе рощи как парный композиционный акцент воспринимаются только при подъезде к Кинерме с юга, со стороны Кинелахты. Развитие деревни в традиционном направлении продолжалось вплоть до начала XX в. включительно. На последнем этапе был срублен ряд новых домов на месте и взамен обветшавших, но благодаря соизмеримости масштабных характеристик и сохранению традиционных архитектурно-строительных приемов они не исказили исторически сложившийся облик деревни. К началу XXI века общее число домов сократилось до 17.

План деревни Кинерма
(по обмеру В. Гуляева,
1991 г.)

Северо-восточный въезд
в деревню Кинерма.
Фото В. Гуляева,
1991 г.

Часовня Смоленской
Богоматери в Кинерме,
вт. пол. XVII в. Фото
В. Гуляева, 1991 г.

В настоящее время жилая застройка Кинермы тяготеет к центру поселения, хозяйственные постройки сгруппированы преимущественно на его северной и южной окраине. Разброс ориентации наиболее старых, привлекающих внимание домов деревни, а также произвольная форма оград усадебных участков, окружающих жилую зону и частично кладбищенскую рощу, придают облику деревни непринужденность и живописность, столь характерные для традиционных поселений карел.

Вид на деревню
Кинерма с юга. Фото
Б. Бойцова, 1970-е гг.

Деревня Рубчейла — сележное поселение на ручье Рупчай в междуречье Сямозера, Шотозера и Вагатозера. Основание ее относится к периоду, когда освоение водоразделов починками и выселками стало достаточно распространенным явлением в южной Карелии.

В официальном документе — ревизской сказке 1811 г. о состоянии государственных крестьян Петрозаводского уезда Салменижской вотчины Сямозерской волости Кунгозерского общества перечислены крестьяне мужского пола, перешедшие в обозначенном году из деревни Корзы «в новое поселение Рубчойлы» [219]. Рубчейла отсутствует на плане Петрозаводского уезда, входившем в комплект документов Генерального межевания Олонецкой губернии 1792 г. [220], что подтверждает ее возникновение в начале XIX в.

Расположена Рубчейла на равнине со спокойным рельефом. Ручей, пересекающий ее территорию в направлении с запада на восток, в прошлом дал деревне название и, скорее всего, определил выбор ее местоположения. В настоящее время обмелевший ручей не играет существенной роли в планировке и застройке Рубчейлы, но в прошлом ситуация могла быть иной. По воспоминаниям старожилов, до проведения в 1970-х гг. мелиорации ручей был значительно полноводнее, в нем водилась рыба, а щука поднималась даже в мелиоративные каналы [221]. И все же, по

крайней мере на протяжении второй половины XIX века, по мере роста дворянства деревни композиционная роль ручья уменьшалась, уступая другим организующим застройку началам — южной ориентации домов, а позднее — влиянию транзитной дороги.

К 1873 г. деревня состояла из 10 домов с 62 жителями, а к 1905 г. — из 12 домов с 86 жителями [222]. К этому времени Рубчейла достигла относительно высокого благосостояния: на один двор в ней в среднем приходилось 14,17 головы скота, что больше средних показателей по Кунгозерскому обществу, Сямозерской волости и Петрозаводскому уезду, в состав которых она входила, соответственно, на 62, 98 и 134% [223].

Судя по плану 1909 г., деревня в это время состояла из 13 домов, часовни в кладбищенской роще, трех бань на берегу ручья, амбаров на усадебных участках, четырех риг на окраине поселения. Составитель генплана землемер Петрозаводской уездной земской управы Б. В. Бекеш существенно повлиял на последующую застройку деревни, во многом осуществлявшуюся на рекомендованных им для нового строительства местах.

В то время уже существовали два структурообразующих элемента — транзитная дорога и кладбищенская роща с часовней, сруб-

План деревни Рубчейла,
1909 г. [НА РК]

Кладбищенская роща в Рубчейле.
Фото В. Гуляева, 1991 г.

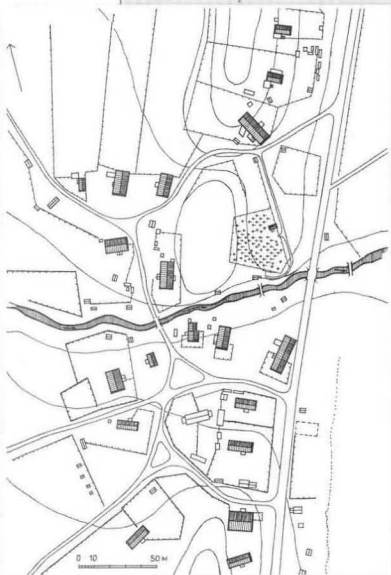

ленной во второй половине XIX в. Суммарное воздействие указанных элементов предопределяло компактную форму деревни, несколько вытянутую с северо-востока на юго-запад вдоль дороги.

Объемно-планировочная структура Рубчейлы преимущественно рядовая, в основном состоящая из нескольких разнонаправленных рядов домов. Два из них в центральной, видимо, наиболее старой части деревни ориентированы фасадами на южную сторону горизонта, два других, к северу и югу от центра, — на дорогу (на восток и юго-восток). Пространство между центральными рядами застроено в соответствии с рекомендацией генплана 1909 г. [224], а одиночные дома позади южного придорожного ряда поставлены без видимого порядка. В основе различия планировки и застройки первоначальной и поздних частей поселе-

Фрагменты застройки деревни
Рубчейлы. Фото В.Гуляева,
1990-е гг.

План деревни Рубчейлы
(по обмеру В.Гуляева, 1991 г.)

ния лежит изменение приоритетов в процессе формирования его структуры — переход от традиционной для карел ориентации жилища «на лето» (на южную сторону горизонта) к ориентации на дорогу, от рядовой — к улично-рядовой форме. Но этот переход не был полным. В частности, так и не было в полной мере реализовано предложение генплана о двухсторонней уличной обстройке части дороги, что подтверждает существование противодействия со стороны застройщиков административному регулированию планировки и застройки деревни. С другой стороны, ряд объективных достоинств генплана Б. П. Бекеша (тактичное вписывание новых построек в исторически сложившуюся структуру деревни, отсутствие жесткого геометризма и т. д.) способствовал реализации многих его положений, несмотря на то, что после 1917 г. они утратили свою юридическую силу.

Непараллельность рядов между собой, а также нерегулярное расположение домов в рядах придают застройке поселения свободно-разбросанный характер, усиливаемый внешне произвольным начертанием отходящих от основной дороги дорог местного значения. Вместе с тем сложная система внутридеревенских пространств композиционно организована доминантой — кладбищенской рощей с часовней, что позволяет рассматривать деревню, как целостный, хотя во многом сложившийся спонтанно архитектурно-природный ансамбль. Дополнительную живописность добавляло ему расположение хозяйственных построек — хлевов-сеновалов и амбаров на территории усадеб, концентрацией бань в пойме ручья и на периферии деревни.

Примерно до 1950-х годов деревня сохраняла свой традиционный облик — новые дома органично вписывались в ее исторически сложившуюся застройку. Лишь во второй половине XX в. начались утраты, включающие зафиксированные на генплане 1909 г. три дома-комплекса, все риги и значительную часть амбаров. В 1937 г. разобрали колокольню Ивановской часовни. Неблагоприятно отразились на облике поселения переделка (укорочение) хозяйственных частей многих домов, естественное обветшание старых построек и возведение внутри пятна застройки чужеродных построек.

Корза, расположенная в нескольких километрах от Рубчейлы, — одно из старейших сележных поселений не только Сямозеры, но и всей юго-западной Карелии, возникшее ранее середины XVII в. Впервые она упоминается в переписной книге 1657 г. под названием «Корзина» [225]. Расположена вдали от крупных водоемов, с севера ограничена большим болотом, с остальных сторон — значительными по площади пашнями и сенокосами.

Судя по отчету генерал-майора М. Матюшкина, в 1718 г. в Корзе насчитывалось три двора [226]. В последующие годы деревня быстро росла: в 1827 г. в ней уже 22 двора и 129 жителей [227], в 1873 г. 29 дворов и 149 жителей, в 1905 г. 32 двора и 226 жителей [228].

В Корзе представлены два типа объемно-планировочной структуры — уличный и рядовой. Первый — в исторической части

Фрагменты застройки
деревни Корза. Фото
В. Гуляева, 1991 г.

деревни, которая в плане имеет компактную форму, вытянутую в меридиональном направлении в соответствии с трассировкой дороги — основного структурообразующего элемента, предопределявшего с параллельной ей улицей специфику застройки поселения вплоть до начала XX в. включительно. Второй тип объемно-планировочной структуры характерен для более новой, восточной части деревни, где дома поставлены рядами, ориентированными на южную сторону горизонта.

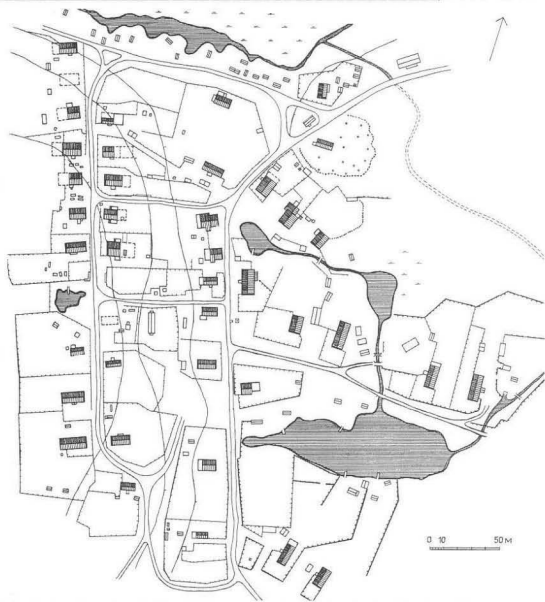
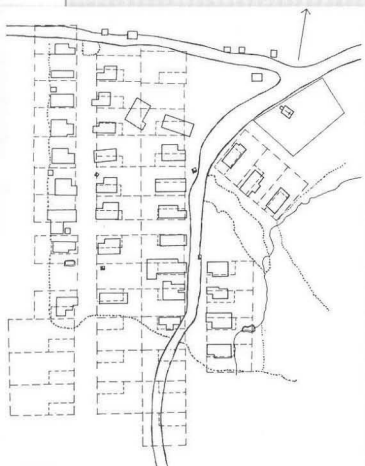
С самого начала поселение имело периферийный композиционный акцент — кладбищенскую рошу с часовней, традиционно расположенную к северо-востоку от жилой застройки.

Уличная структура в Корзе относится к старейшим в Карелии. Судя по плану Петрозаводского уезда конца XVIII в., в деревне к этому времени уже сформировалась улица: дома располагались по обеим сторонам транзитной дороги — ответвления от Сямозерско-Салменижского направления к Вешкельскому погосту [229].

На плане 1902 г., который в принципе идентичен планировочному ядру современного поселения, 27 из 32 домов обозначены как

План деревни Корза
(по обмеру В. Гуляева, 1991 г.)

План деревни Корза,
1909 г. [НА РК]

ветхие [230]. К этому времени изменила трассировку проходящая через деревню дорога: она соединила Салменицу с Эссойлой и пролегла параллельно старой Сямозерско-Вешкельской дороге, уже утратившей свое значение и сохранившей свой след только в структуре плана поселения. Новая дорога стала ведущим структурообразующим элементом в планировке деревни, вдоль нее сложилась вторая меридиональная улица Корзы. Лишь один дом между улицами и ряд из трех домов, ориентированных лицевыми фасадами на юго-запад, нарушали регулярность планировки. Скорее всего, это остатки рядовой структуры поселения, сформировавшейся в восточной части деревни и позднее преобразованной в связи с прокладкой через деревню новой транзитной дороги.

Стремление к дальнейшему упорядочению застройки Корзы отчетливо ощущается и в генплане 1902 г. Так, на чертеже в геометрическом центре пятна застройки изображены 4 колодца, по 2 на каждой улице; нанесены красные линии улиц, границы земельных участков и места предлагаемой постановки новых домов как взамен существующих, так и дополнительных, продолжающих несколько упорядоченное развитие сложившейся к тому времени уличной структуры [231].

В последующие годы застройка деревни проводилась частично в соответствии с генпланом вдоль улиц, где в целом сохраняется регулярный характер, частично на мелиорированной территории к востоку от первоначального поселения, где как уже отмечалось, она носит рядовой характер. Причем взаимосмещения как в пределах отдельного ряда, так и рядов между собой придают застройке свободно-живописный характер, подчеркнутый непринужденно криволинейным начертанием сети мелиоративных канав и прудов. При этом в отличие от уличной структуры западной части деревни здесь обеспечивается оптимальная инсоляция жилых помещений.

Следовательно, существующая планировка и застройка Корзы иллюстрирует спиралеобразный характер развития объемно-планировочной структуры — отход от сложившейся уличной формы поселения к стадийно предшествующей ей рядовой, что было связано с ослаблением государственной регламентации планировки и застройки в первой трети XX в. Такое движение вспять с повтором ранее пройденных эволюционных этапов — одно из проявлений характерной для народного зодчества «откатной волны», скорость которой находилась в обратной зависимости от времени укоренения в народном сознании тех или иных архитектурных приемов и форм. Вот почему исторически молодые уличные поселения часто оказывались недолговечными, особенно в тех случаях, когда в предстории отсутствовали этапы, связанные с тенденциями формирования замкнутых и полужамкнутых пространств. Более того, генетически присущие уличным структурам регулярные начала, как правило, в полной мере в карельской среде не привились.

Одно из подтверждений тому — сравнительный анализ эталона (генплан Корзы), результатов его практической реализации («старая» Корза) и «безэталонного» строительства («новая» Корза). Так, если на генплане обозначенные пунктиром рекомендуемые домовые места расставлены ритмично, перпендикулярно улицам и на равном расстоянии от них, то в натуре постановка домов менее регулярна («аритмия» в «старой» Корзе достигает ± 6 м, угловой разброс — $\pm 6^\circ$, а линейный разброс — ± 4 м) [232]. Что же касается «новой Корзы», то в ней заметно уменьшился угловой разброс в постановке домов в связи с их традиционной ориентацией «на лето» и отсутствием на мелиорируемой территории микрорельефных различий, учет которых в «старой» Корзе усилил непараллельность домов. Но зато новая застройка из-за отсутствия регламентирующих ее красных линий характеризуется более чем двукратным увеличением линейного разброса (10 м против 4).

Функциональное зонирование деревни предопределялось планировочным приемом, применявшимся при формировании каждой из его частей: на западе выделена хозяйственно-бытовая зона на краю болота, где преимущественно сгруппировались бани; на востоке бани и другие хозяйственные постройки расположены, как правило, на усадебных участках с учетом сети мелиоративных канав и прудов. Таким образом, и по характеру функционального зонирования новая часть деревни выглядит более архаично, чем старая.

Деревня Маньга возникла около середины XVI в. В писцовой книге 1563 г. упоминается четырехдворный починок Мангинский, который к началу 1580-х годов вырос до 11 дворов [233]. Дальнейшая история Маньги в XVI—XVIII веках по своему драматизму типична для поселений юго-западной Карелии, расположенных вблизи от русско-шведского порубежья.

В конце XVI в. Маньга была разорена шведами, и процесс ее восстановления затянулся из-за «великой смуты» рубежа XVI—XVII вв. В конце 1610-х годов здесь было 5 жилых дворов и 5 мест дворовых, а «дворы сожгли и крестьян побили черкасы в разоренье». В 1628 г. в Маньге насчитывается 17 дворов с населением около 100 человек (24 семьи). Согласно переписи, предпринятой для выявления торговых людей, в 1639 г. количество крестьянских дворов вновь наполовину уменьшилось в связи с рядом неурожайных лет. К середине XVII в. деревня вновь увеличилась до 14 дворов. В годы Северной войны наступил новый упадок: в конце 1718 г. в описаниях генерал-майора М. Матюшкина зафиксировано только 7 крестьянских дворов [234].

В течение последующего столетия деревня возвратилась к размерам 1628 г.: к 1873 г. в ней 18 дворов и 91 человек населения [235]. Видимо, вскоре после этого Маньга полностью сгорела. Во всяком случае, на плане 1902 г. отмечено, что все дома новые [236]. От старого поселения сохранилась лишь кладбищенская роша с часовней Рождества Богородицы, срубленной во второй половине XVIII в.

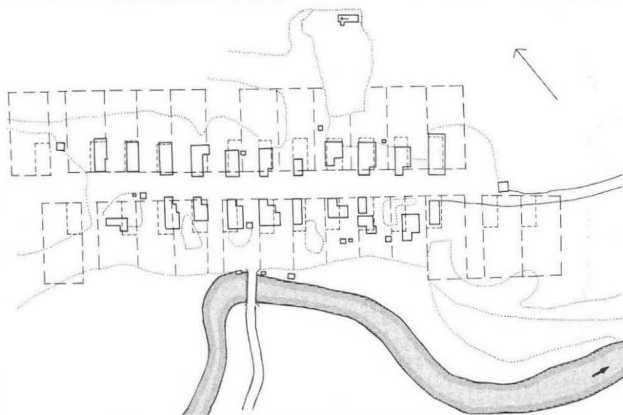
Деревня расположена в устье речки Юлы, впадающей в озеро Маньга, на узкой полосе пригодной для застройки земли, ограниченной с северо-востока высоким холмом, а с юго-запада болотистой речной поймой. Застройка защищена холмом от северных ветров и раскрыта к югу, что обеспечивает оптимальную инсоляцию жилища.

Ландшафтные условия предопределили полосовую, вытянутую с юго-востока на северо-запад форму поселения, что позволяет с высокой степенью вероятности предположить, что возникший в XVI в. починок имел прибрежно-рядовую структуру, которую деревня, по-видимому, сохраняла до пожара в последней четверти XIX в. Транзитная дорога, возникшая, видимо, в XIX в. и проходящая по деревне, благодаря трассировке вдоль реки не внесла существенных изменений в планировочную структуру поселения.

Главный композиционный акцент деревни — кладбищенская рошча, местоположение которой на холме к северо-востоку от жилой застройки на задворках домов полностью соответствует религиозно-мифологическим представлениям карел о мироздании. Часовня Рождества Богородицы благодаря относительно крупным размерам с самого начала стала играть значительную композиционную роль, что в общем не характерно для ливвиковских поселений и, возможно, связано с влиянием соседства людииков. Еще больше возросла роль храма в объемно-пространственной структуре деревни после реконструкции в XIX в., когда над галереей надстроили шатровую колокольню. Ныне храм в окружении сосен (остатков священной рошчи), организует обширное простран-

План деревни
Маньга, 1902 г.
[НА РК]

Часовня
Рождества Богородицы
в деревне Маньга,
вт. пол. XVIII в.
Фото В. Гуляева,
1991 г.

тво и вместе с деревенской застройкой образует выразительный архитектурно-природный ансамбль, который великолепно воспринимается как при подъезде к деревне со стороны Пряжи и Крошнозера, так и из самого поселения.

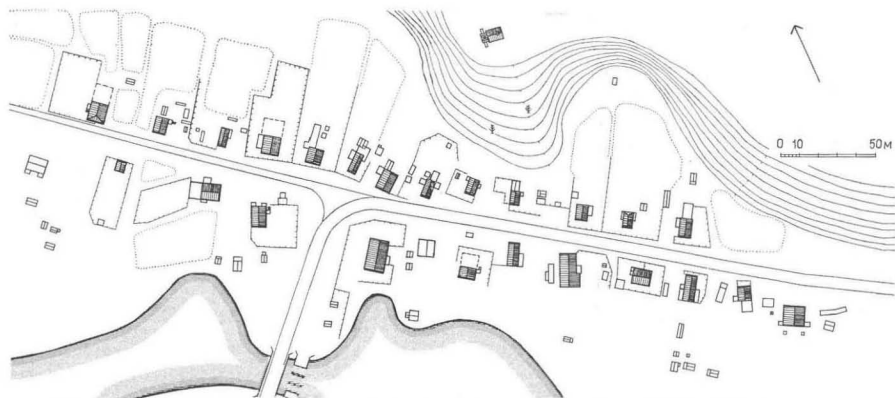
План Маньги 1902 г. характеризует форму поселения на рубеже веков: одноуличную структуру с амбарами, расположенными

*Деревня Маньга.
Фото В. Гуляева,
1991 г.*

*План деревни
Маньга, 1991 г.*

около домов, с ригами на окраине деревни и банями на берегу реки. Нанесенные на генплане пунктиром рекомендации земского землемера были направлены на еще большее повышение в перспективе регулярности планировки поселения.

Начало XX в. — время относительного благополучия деревни, которая по состоянию на 1905 г. насчитывала 24 двора с населением в 129 человек. В это время по усредненному количеству скота на 1 двор Маньга значительно превосходила Олонецкий уезд в целом, в состав которого она входила (соответственно 9,33 против 6,6 головы) [237]. Расцвет Маньги продолжался до 1920-х годов включительно. Примечательно, что к этому времени рекомендации

*Южный въезд
в деревню Маньга.
Фото В. Гуляева,
1991 г.*

*Фрагменты застройки
деревни Маньга. Фото
В. Гуляева, 1991 г.*

генплана по дальнейшему регулированию застройки не только не были выполнены, но, наоборот, уличная структура в северо-западной части поселения частично заменилась прибрежно-рядовой.

После 1930-х годов началась деградация деревни, особенно усилившаяся во второй половине XX столетия. В этот период было утрачено 6 домов, а треть оставшихся заменена мелкомасштабными постройками (не считая заново построенных чисто дачных домиков на юго-восточной окраине деревни). Тогда же хозяйственные части большинства сохранившихся традиционных домов были разобраны или сильно уменьшены в результате перестройки. Показательно, что во второй половине XX в. значительно усилилась регулярность новой уличной застройки преимущественно на юго-восточной окраине деревни. Таким образом, эволюционный процесс, описанный в предыдущем разделе на примере Корзы (возврат от уличной структуры к свободно-рядовой), совершил в Манье новый виток: вернулся к уличной структуре, но уже качественно новой, характерной для дачных поселков XX столетия. Первое изменение направленности развития, по-видимому, связано с ослаблением административной регламентации застройки, что способствовало беспрепятственному проявлению традиций народного зодчества, второе, скорее всего, результат затухания традиций.

***

Анализ поселений Карелии показал, что их развитие протекало не однотипно, как принято было считать, а имело в различных частях края свою специфику. Можно выделить следующие основные эволюционные направления: от свободно-разбросанных к рядовым и от них к уличным поселениям (или прямо к уличным, минуя промежуточный этап); от замкнутых к компактно-беспорядочным и от них к уличным (или от замкнутых к уличным через ряд промежуточных форм); от первично-рядовых к уличным. Различия в направлениях эволюции поселений зависят от природно-географических условий разных частей края и восходят к истории его освоения, включающей мирную крестьянскую или боярско-монастырскую колонизацию, «залповую» миграцию с созданием очагов компактного расселения или постепенное просачивание с дисперсным рассредоточением на осваиваемой территории. При этом развитие поселенческой ткани носило сложный циклический характер. Оно включало круговорот структурных изменений, предопределяемый чередованием форм землевладения и землепользования в рамках оппозиции общинная/индивидуальная с характерными для них центростремительными или, наоборот, центробежными тенденциями, с утверждением или размыванием единых для той или иной деревни планировочных приоритетов. В свою очередь, круговращение растягивалось в пространственную спираль благодаря прогрессу земледелия в направлении от переложных систем к комбинированным (сочетание перелога с постоянной пашней)

и от них к трехпольно-паровым с одновременным совершенствованием агротехники и других видов технического прогресса, включая транспортные средства и пути сообщения.

Абрис спирали развития поселений во многом предопределялся несинхронностью эволюционных процессов, связанной в свою очередь с различными темпами социально-экономического развития районов Карелии, интенсивность которого возрастала в направлении с севера и северо-запада к югу и юго-востоку. В результате создавались условия для единовременного сосуществования объемно-пространственных структур, соответствующих различным эволюционным этапам, а территориальные варианты в эволюционной спирали существенно отличались друг от друга количеством витков — от одного неполного до нескольких полных.

На эволюцию сельских поселений Карелии не могли не оказать влияния архитектурно-строительные тенденции нового времени, которые были юридически закреплены правительственными указами середины XVIII в. о строительстве «сгоревших вновь застраиваемых деревень по образцовому чертежу». Правда, сила традиций снизила эффективность этих указов и даже Генеральное межевание, введенное в губерниях Российской империи во второй половине XVIII в. и усилившее внимание к планировке и застройке сельских поселений, не смогло в широких масштабах придать им регулярный характер [238]. Более эффективной оказалась кампания по перепланировке поселений государственных крестьян, начавшаяся со второй трети XIX в., которая способствовала реализации наметившегося в деревнях перехода к уличным формам. Но в целом, как показывает карельский материал, первопричиной формирования уличных структур явля-

Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

ется не развитие транспортных средств и коммуникаций, а изменение ценностных ориентаций жителей деревни, подкрепленных нормативными установками администрации.

Но помимо общих, универсальных для развития планировки и застройки поселений Карелии закономерностей, проявлявшихся в ареалах всех этнических групп населения края, карельской деревне присущи особенности, связанные с «природосообразностью» (меньшая регулярность и большая «вписанность» в ландшафт) и традиционализмом национальной культуры (устойчивость, инерционность планировочных приемов и форм, заторможенность эволюционных процессов). Вот почему карельские поселения так пассивно и кратковременно реагировали на внешние воздействия «архитектурной моды» и административной регламентации, а при ослаблении воздействий так легко и естественно возвращались на пути своего неспешного развития в гармонии с природой. Вот почему так органичны и неповторимы они — слепки собственной исторической судьбы во всем многообразии ее превратностей и перевоплощений.

Примечания к главе I

1. Девятова Э. И. Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988. С. 7—18. Вопрос о цикличности глобальных климатических изменений широко рассмотрен в специальной литературе (Шитников А. В. Из голоценовой истории озер Евразии // Ритмы и цикличность в природе. М., 1970; Холмцова В. И. Геохронология донных отложений по результатам палинологического анализа // Палинология Онежского озера. Л., 1976; Монин А. С., Шитников Ю. А. История климата. Л., 1979; Дроздов О. А. О временной структуре климатов голоцена и современной эпохи // Известия АН СССР. Сер. географ. 1983. № 4 и др.), но в историко-архитектурном анализе народного деревянного зодчества учтен впервые авторами (Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 13—37).
2. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 13.
3. Девятова Э. И. Указ.соч. С. 11.
4. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962. С. 44.
5. Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. С. 149.
6. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.-Л., 1965. С. 62—65.
7. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала XX века. (Изд. подг. Никольская Р. Ф., Косменко А. П.). Л., 1981. С. 181.
8. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 71—72.
9. Там же. С. 71—75.
10. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 86.
11. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 70.
12. Там же. С. 71.
13. Там же. С. 76—77.
14. Витов М. В. Приемы составления карт поселений XI—XVII вв. // Проблемы источниковедения, Т. V. М., 1956. С. 259; Пименов В. В. К истории сложения типов поселений в Карелии // Советская этнография. 1964. № 2. С. 6—9.
15. Список населенных мест Российской империи (по сведениям 1873 года). XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879. С. 23; Орфинский В. П. Феномен Заонежья // Север. 1992. № 10. С. 52—74.
16. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 121—122.

17. Культура жизнеобеспечения и этнос. (Под ред. Э. Маркаряна). Ереван, 1983. С. 102.
18. Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19—21.
19. Пименов В. В. Указ. соч. С. 5; Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 80.
20. Клементьев Е. И. Этнические аспекты переписи населения 1926 г. // Карелы, финны. Проблемы этнической истории. (Сборник статей и докладов). М., 1992. С. 55.
21. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 79.
22. Пименов В. В. Указ. соч. С. 5—6.
23. Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 55.
24. Пименов В. В. Указ. соч. С. 7—10.
25. Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 53—55.
26. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... С. 173; Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 80.
27. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97.
28. Пименов В. В. Указ. соч. С. 7; Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 80.
29. Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 53, 57. Табл. 5.
30. Пименов В. В. Указ. соч. С. 8—9.
31. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 13—37; Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционные системы сельского расселения в Карелии // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 16—33.
32. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 39.
33. Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 28—35.
34. Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Пространственная организация, композиционные приемы, восприятие. Л., 1982. С. 20.
35. Витов М. В. Гнездовой тип... С. 40.
36. Атлас Карельской АССР. М., 1989. С. 14.
37. Там же.
38. Там же.
39. Шенников А. А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева: Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. СПб., 1993. С. 8—10.
40. Кочкуркина С. И. Указ. соч. С. 149.
41. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 25.

42. Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. [т. 1]. / Рук. авт. кол. А. А. Шапиро. Л., 1971. С. 261; Карелы карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 34.
43. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 24.
44. Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 92—93.
45. Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 55.
46. Видимо, часть этих выселков вместе с материнскими поселениями была принята В. В. Пименовым за уже упоминаемые нами гнезда, «выраженные значительно менее четко» (Пименов В. В. Указ. соч. С. 8—9).
47. Девятова Э. И. Указ. соч. С. 7—18.
48. Обжа — единица поземельного обложения в Новгородских землях XV—XVII вв. Не являясь точной мерой земли, она все же находилась в некотором соответствии с дворовой запашкой («Один человек на одной лошади орет» — Аграрная история Северо-Запада России... 1971. С. 24—29). Лук — единица обложения, соответствовавшая идеальной доле в общевосточном промысловом владении (Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. [т. 1]. / Рук. авт. кол. А. А. Шапиро. Л., 1978. С. 85).
49. Аграрная история Северо-Запада России... 1978. С. 83—85.
50. Там же. С. 83.
51. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974. С. 189—190.
52. По данным М. В. Витова, в XV—XVI вв. в Заонежских погостах прибалтийско-финское население жило большими семейными коллективами, включавшими «детей» и «племя», в то время как русские — малыми семьями с «детьми» и «братию» (Витов М. В., Власова И. В. Указ. соч. С. 35—37).
53. Чернякова И. А. Сегозерье: от Средневековья к Новому времени // Деревня Ююкогуба и ее округа / Отв. ред. Орфинский В. П. Петрозаводск, 2001. С. 44, рис. 2.
54. Муллонен И. И. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Ююкогуба и ее округа / Отв. ред. Орфинский В. П. Петрозаводск, 2001. С. 25—29.
55. Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л., 1980. С. 3; Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел... С. 5.
56. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Сегозерские деревни // Деревня Ююкогуба и ее округа / Отв. ред. Орфинский В. П. Петрозаводск, 2001. С. 79—80.
57. Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. С. 26.
58. Олонецкая губерния. Статистический справочник статистического бюро Олонецкой губернской земской управы. Петрозаводск, 1913. С. 232.

59. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 79.
60. Существуют и чисто архитектурные аргументы консервативности карельских переселенцев в северо-западную Карелию, но они будут рассмотрены ниже, в разделе «Мир крестьянского дома».
61. Витов М. В. Формы поселений европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения института этнографии АН СССР. Вып. XXIX. М., 1958. С. 34—35.
62. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования... С. 24, 33—34.
63. Детязев А. Я. Указ. соч. С. 168.
64. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования... С. 25, 34.
65. Чернякова И. А. Крестьяне Олонецкого края в XVII веке: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Л., 1989. С. 13.
66. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 123—124.
67. Там же. С. 138—140.
68. Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на крайнем севере // Исследования народной жизни. М., 1884. С. 364.
69. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования... С. 25, 35—36.
70. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 23—25.
71. Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1961.
72. Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 79.
73. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования... С. 26, 33.
74. Там же. С. 26, 36.
75. В 1745 г. был принят закон, разрешающий государственным крестьянам ведение ограничений торговли, новый таможенный устав 1755 г. разрешил им беспрепятственно торговать привозным хлебом, а указ от 17 марта 1775 г. расширил промысловые права крестьянства и т. д. (Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 69—80).
76. Кох О. Б. Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII в. // Исследования по истории крестьянства европейского Севера России: Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1980. С. 18.
77. Косвен М. О. Указ. соч. С. 6—7.
78. Там же. С. 118—123.
79. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство... С. 13.

80. Ефименко А. Я. Указ. соч. С. 293, 375.
81. Там же. С. 364.
82. Там же. С. 293—301, 345, 364—370.
83. Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 53—55
84. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Элементы цикличности в развитии народного деревянного зодчества (на примере Российского Севера) // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1999. С. 30.
85. Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 20, 22.
86. Орфинский В. П. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (На примере поселений Русского Севера) // Советская этнография. 1898. № 2. С. 59—61; Гришина И. Е. Этнокультурные особенности гнездовых систем расселения (на примере Карелии и сопредельных территорий) // Архитектура в истории русской культуры. М., 1996. С. 52—60.
87. Смирнова Э. С. По берегам Онежского озера. Л., 1969. С. 78.
88. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 126; Писцовая книга А. Плещеева и подъячего С. Козьмина 1582 г. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) (сведения предоставлены историком И. А. Черняковой).
89. Орфинский В. П. Феномен Заонежья... С. 52—74.
90. Список населенных мест Российской империи (по сведениям 1873 года)... С. 23.
91. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 380, оп. 17, д. 533.
92. Мильчик М. Волость — историко-ландшафтный памятник // Декоративное искусство СССР. 1983. № 11. С. 38.
93. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 10.
94. Славина Т. А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII — начала XX века. Л., 1983. С. 119.
95. Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 82—83.
96. РГИА. Ф. 380, оп. 17, д. 533.
97. Писцовые книги Обонежской пятины ... С. 126.
98. Яскеляйнен А. Т. Некоторые особенности формирования объемно-планировочной структуры заонежских поселений XIX—начала XX века // Кижский вестник. Вып. 2. Петрозаводск, 1993. С. 194—207.
99. Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 89.
100. Там же.
101. Конкка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 75.
102. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 134.
103. Гумилев Л. Н. Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Л., 1967. С. 97.

104. Гумилев А. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1—2. С. 50.
105. Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 19—20.
106. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 341.
107. Там же.
108. Олонецкая губерния. Статистический справочник ... 1913. С. 69.
109. Филиппов Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961. С. 151—188.
110. Естественные и экономические условия рыболовного промысла. Петрозаводск, 1915. Табл. XII; Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. Петрозаводск, 1907.
111. Витов М. В. О классификации поселений // Советская этнография. 1953. № 3. С. 36—37.
112. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... С. 157.
113. Витов М. В. О классификации поселений. ... С. 37.
114. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... С. 157—158.
115. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 82.
116. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности: Дис. на соиск. учен. степени доктора архитектуры. Т. 1. М., ЦНИИТИА, 1975. С. 46.
117. Власова И. В. О формах сельских поселений в Вологодской области (по материалам XIX—XX вв.) // Вопросы аграрной истории. Вып. 1. Вологда, 1968. С. 319.
118. Сборников А. К истории культуры Олонецкой корелы // Олонецкий сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 1875—1876; Тароева Р. Ф. Указ. соч.; Шайжин Н. С. Олонецкий край по данным местного фольклора // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1908 г. Петрозаводск, 1908; Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год Часть II. Петрозаводск, 1866 и т.д.
119. Пименов В. В. Указ. соч.; Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965; Тароева Р. Ф. Указ. соч.; Етоева З. И. Поселения и жилища вепсов конца XIX—начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.
120. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С. 52; Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. М., 1983. С. 26.
121. Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 24.
122. Там же.
123. Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988. С. 32—42.
124. Гришина И. Е. Принципы классифицирования простых планировочных форм сельских поселений // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 204—207; Гришина И. Е. Планировочные приоритеты в развитии традиционных сельских посе-

- лений Карелии // Архитектурное наследство. № 44. М., 2001. С. 55—62.
125. Гришина И. Е. О социальных функциях архитектурно-пространственной среды (на примере сельских поселений) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 42—43.
126. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 42.
127. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... С. 57.
128. Витов М. В. О классификации поселений. ... С. 37; Иконников А. В. Планировочные традиции в народном зодчестве // Архитектурное наследство. № 14. М., 1962. С. 163.
129. О древности замкнутой формы поселений дополнительно свидетельствуют данные о существовании у восточных славян еще в IX в. круглых в плане селений с центральной площадью, куда на ночь загоняли скот. (Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища, хозяйственные строения) // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956. С. 44).
130. Кочкуркина С. И. Указ. соч. С. 39—40.
131. Орфинский В. П. Гришина И. Е. Сельское расселение Сегозерья... С. 79—80.
132. Иконников А. В. Указ. соч. С. 161.
133. Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение ... С. 293, 375.
134. Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 66—67; Кочкуркина С. И. Древняя Корела... С. 47.
135. Орфинский В. П. Загадки «домиков мертвых» // Памятники культуры и мировоззрение. Петрозаводск, 1985. С. 130—132.
136. Там же. С. 136.
137. Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. № 31. М., 1983. С. 17.
138. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 43.
139. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 2. С. 6, рис. 6 г; Яскеляйнен А. Т. Указ. соч. С. 194—207.
140. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... С. 154.
141. Впервые на эту особенность народного эпоса обратил внимание этнограф В. В. Пименов (Пименов В. В. К истории сложения типов поселений... С. 8).
142. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 49—50.
143. Орфинский В. П., Гришина И. Е., Гуляев В. Ф., Чернякова И. А. и др. Историко-архитектурное исследование деревень Большая Сельга, Палнаволок, Лисья Сельга (Олонецкий район Республики Карелия)

/ Петрозаводский государственный университет. Научный руководитель В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1996. Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МК РК. Арх. № 1—140. С. 94.

144. Гришина И. Е. Планировочные приоритеты... С. 60.
145. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Планировка суйсарских деревень // Село Суйсарь: история, быт, культура / под ред. Т. В. Краснопольской, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 1997. С. 69—77.
146. Орфинский В. П., Хейккинен К. К вопросу о формировании этнических символов // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 12—14.
147. Соборнов А. К истории культуры Олонечкой Корелы // Олонечский сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 1873—1876. С. 132; Харузин Н. Н. Очерки истории развития жилища у финнов. Этнографическое обозрение. М., 1893. С. 35—36, 86; Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 56—59 и др.
148. Витов М. В. Формы поселения Европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXIX. М., 1958. С. 34—35.
149. Пименов В. В. К истории сложения типов поселения в Карелии // Советская этнография. 1964. № 2. С. 11—12.
150. Орфинский В. П. Вековой спор...; Гришина И. Е. Этнокультурные особенности гнездовых систем...; Гришина И. Е. Планировочные приоритеты...
151. Отчет Р. Ф. Таровой о работе этнографических экспедиций в Кемском и Лоухском районах КАССР. Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1, г. 1955, оп. 14, д. 18—2, лл. 22—23.
152. Медведев П. П. Деревянное гражданское зодчество Беломорского Поморья (опыт системного анализа с применением ЭВМ). Т. 1: Дис. на соиск. учен. степени кандидата архитектуры. Петрозаводск, 1985. С. 29.
153. Методика определения перечисленных характеристик была разработана под руководством В. П. Орфинского студенткой Петрозаводского университета Т. М. Хрол. (Хрол Т. М. Определение количественных характеристик регулярности планировки и застройки сельских поселений // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1985. С. 18—22.) и развития на основе методов математической статистики П. П. Медведевым (Медведев П. П. Указ. соч.).
154. Пименов В. В. К истории сложения типов поселений... С. 11—12; Харузин Н. Н. Очерки истории развития жилища... С. 35—36.
155. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. С. 11.
156. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 246, 250.

157. Калевала. Карело-финский народный эпос. Собрал и обработал Элиас Лённрот. Перевод А. Бельского. Петрозаводск, 1978. С. 142.
158. Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 212.
159. Цит. по: Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 150.
160. Там же. С. 125—126.
161. Там же. С. 154.
162. Конкка У. С. Указ. соч. С. 36.
163. Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 152.
164. Там же. С. 151.
165. Лавонен Н. А. Из наблюдений о бытовании погребально-поминального обряда в Южной Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 24—47.
166. Конкка У. С. Указ. соч.
167. Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 89.
168. Там же. С. 151, 154.
169. Там же. С. 91.
170. Бутримас А., Гиринкас А. Старые местные и новые погребальные обряды в неолите Литвы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 151—152.
171. Косарев М. Ф. Бронзовый век в Западной Сибири. М., 1981.
172. Там же. С. 248.
173. Несанелис Д. А., Семенов В. А. Природное и культурное в ориентации сельских поселений конца XIX—начала XX вв. на Европейском северо-востоке // Человек и среда его обитания. Региональная научно-практическая конференция: Тезисы докладов. Л., 1989. С. 51.
174. Косарев М. Ф. Указ. соч. С. 248.
175. Pettersson Lars. Äänisniemen kiriollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 40.
176. Орфинский В. П. Культное зодчество Сегозерья // Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. Орфинский В. П. Петрозаводск, 2001. С. 94.
177. Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества... С. 26.
178. Орфинский В. П. Успенская церковь в Кондопоге и ее место в истории деревянного зодчества Карелии // Успенская церковь в Кондопоге: Сб. статей по материалам конференции. Кондопога; СПб., 1996. С. 52—54.
179. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Народное зодчество села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура / под ред. Т. В. Краснопольской, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 1997. С. 73—75.
180. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 43.

181. Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 гг.; Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Сост. Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова, В. Салохеймо. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 181, 213—215.
182. Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Лённрот: К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 34, 38.
183. Российский государственный исторический архив. Ф. 1350, оп. 321, л. 3. С. 835—842.
184. Архангельская Карелия. ... С. 12—22.
185. Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма 1828—1842 (пер. с финского). Петрозаводск, 1985. С. 107.
186. Список населенных мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1926 г.) Петрозаводск, 1928. С. 4—15; Список населенных мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1933 г.) Петрозаводск, 1933. С. 3—6.
187. Путешествия Элиаса Лённрота... С. 99, 127.
188. Там же. С. 97, 137.
189. Архангельская Карелия. ... С. 9—10.
190. Там же. С. 19—21, 24.
191. Путешествия Элиаса Лённрота... С. 99—100.
192. Атлас Архангельской губернии... С. 835—842; Архангельская Карелия. ... С. 12—20.
193. Архангельская Карелия. ... Приложение: Карта Кемского уезда Архангельской губернии.
194. Гришина И. Е., Орфинский В. П. Традиционная застройка Панозера // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003. С. 259—260.
195. Konkka A. Kuvia Kadonnesta Vienasta // Tie Vienaan. Akateemikko Pertti Vortarannan elämäntyöllä omistettu muustojulkaisu. Kajaani, 1999. S. 115, 116, 119.
196. Карлова О. А., Кузьмин Д. В. История поселений Беломорской Карелии в свете данных топонимии // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999. С. 207—215.
197. В Ухтинской волости в 1907 году 64,29% поселений имело не более 3 дворов, 17,86% — от 4 до 20 дворов, 7,14% — от 20 до 30 дворов и столько же — свыше 30 дворов, причем Ухта превосходила самое большое из последних поселений (Ювалакшу) более, чем в 3 раза (Архангельская Карелия. ... С. 20—21).
198. Шенников А. А. Поселения // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 168. Косвенно правомерность такого предположения подтверждают существовавшие в Карелии в прошлом «ромши» — объединения для совместной обработки земли двух-четырех семей, первоначально входивших в состав распавшейся патриархальной се-

мы, а позднее — объединения соседских семей (Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел ... С. 13.)

199. Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. Сборник статей. Вып. V. М.; Л., 1941. С. 121.
200. Медведев П. П. Указ. соч. С. 29.
201. Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 121.
202. Там же.
203. Иконников А. В. Указ. соч. С. 161.
204. Кочуркина С. И. Древняя корела.... С. 40.
205. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Сегозерские деревни. ... С. 84—90.
206. Чернякова И. А. Сегозерье: От средневековья к новому времени. ... С. 53.
207. Там же. С. 54.
208. Список населенных мест Российской империи ... С. 169.
209. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 2, оп. 50, л. 40.
210. Орфинский В. П., Гришина И. Е., Гуляев В. Ф., Чернякова И. А. и др. Историко-архитектурное исследование деревень Кинерма, Корза, Маннга, Рубчейла, Сяргилахта (Прайжинский район Республики Карелия) / Петрозаводский государственный университет. Научный руководитель В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1991. Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МК РК. Арх. № 1—60. С. 149.
211. Там же.
212. Там же.
213. Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. ... С. 75.
214. Орфинский В. П., Гришина И. Е., Гуляев В. Ф., Чернякова И. А. и др. Историко-архитектурное исследование... С. 7.
215. Там же.
216. Там же.
217. Список населенных мест Российской империи... С. 149; Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. ... С. 48.
218. Воронцовская И. Ю., Реут О. Ч. Опыт анализа ветрового режима традиционных сельских поселений на примере Карелии // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998. С. 200.
219. Климух О. В. По следам легенды (история д. Рубчейла) // Сямозерские чтения: доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций / сост. А. А. Васильев. Петрозаводск, 2006. С. 148.
220. РГАДА. Ф. 1356, оп. 1, л. 3342, ч. 3, фр. 4.
221. Климух О. В. Указ. соч. С. 151.

222. Список населенных мест Российской империи... С. 14; Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. ... С. 26.
223. Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. ... С. 26, 28, 44.
224. НАРК. Ф. 2, оп. 50, св. 76, д. 61.
225. Орфинский В. П., Гришина И. Е., Гуляев В. Ф., Чернякова И. А. и др. Историко-архитектурное исследование... С. 45.
226. Там же.
227. Там же.
228. Список населенных мест Российской империи... С. 14; Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. ... С. 26.
229. РГАДА. Ф. 1356, оп. 1, д. 3342, ч. 3, фр. 4. 1792 г.
230. НАРК. Ф. 2, оп. 50, св. 57, д. 90.
231. Там же.
232. О показателях «аритмии», углового и линейного разброса, описывающих степень регулярности планировочной структуры поселения, см. с. 106 настоящего издания.
233. Орфинский В. П., Гришина И. Е., Гуляев В. Ф., Чернякова И. А. и др. Историко-архитектурное исследование... С. 86.
234. Там же.
235. Список населенных мест Российской империи... С. 6.
236. НАРК. Ф. 2, оп. 50, св. 57, д. 89.
237. Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. ... С. 16, 18, 20.
238. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. VI (Архитектура России, Украины и Белоруссии XIV – первой половины XIX века). М., 1968. С. 264.

Дом в деревне Мелойгуба. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Глава 2.

МИР КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА

193

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОМОВ-КОМПЛЕКСОВ

Жилище — ключевое звено в цепи развития народного деревянного зодчества, а среди различных его форм в Карелии и в целом на Русском Севере наибольшее распространение получили дома-комплексы, объединившие под общей крышей или системой крыш помещения разного назначения. В их числе избы, горницы, чуланы, стойловые помещения для скота, сараи-сеновалы — все, что могло потребоваться большой патриархальной семье для ведения натурального крестьянского хозяйства в суровых условиях севера. Недаром многие из таких строений по праву могут быть отнесены к лучшим достижениям традиционной народной культуры.

Из-за недолговечности дерева как строительного материала мы не знаем ни точной даты рождения, ни подробностей возмужания этих удивительных сооружений. Только изредка сохранившиеся

Фото Б. Бойцова

Дом в деревне Верховье.
Фото В. Гуляева,
1988 г.

постройки доносят до нас черты зрелости домов-комплексов, а в большинстве случаев демонстрируют лишь их увядание и деградацию. Но даже осколки бывшего поражают воображение, заставляя размышлять о далеком времени появления домов-комплексов и причинах их породивших. Так чем же вызвано появление крытых дворов? Почему они включались в единый объем с жилищем?

Большинство этнографов и историков архитектуры считает, что крытые дворы возникли для защиты скота от морозов и снежных заносов, а их объединение с жилищем продиктовано стремлением облегчить уход за животными. Действительно, период формирования домов-комплексов соотносится со временем климатических изменений. Как уже отмечалось, в послеледниковую эпоху (голоцен) на смену потеплению «малого межледниковья» пришло похолодание «малого ледникового периода», продолжавшегося почти шесть столетий — с XIII до середины XIX в. — и сменившегося новым потеплением [1]. Катаклизмами климата объясняются, в частности, обрушившиеся на средневековую Русь стихийные бедствия, сообщениями о которых пестрят страницы летописей и записок путешественников [2]. И хотя в «малый ледниковый период» на фоне экстремально суровых зим и сырого холодного лета наблюдались эпизодические повышения температуры, в целом климатические изменения оказались

весьма существенными, что непосредственно повлияло на состояние природных комплексов и опосредованно — на развитие культуры [3]. Именно к XVII—XVIII векам на северо-западе России и приурочено формирование домов-комплексов.

Однако зависимость между изменениями климата и появлением домов-комплексов не столь однозначна. Так, уже в связи с потеплением климата, произошедшим после середины XIX века, на крайнем северо-западе Карелии на рубеже XIX—XX столетий активизировался процесс формирования домов-комплексов. В это время в этой части края архаичные формы сельского хозяйства заменялись стойловым скотоводством и переложным земледелием [4]. Последние закономерно связаны друг с другом, ибо скотоводство культивировалось в Карелии в первую очередь в качестве источника получения органических удобрений для малопродуктивных почв [5]. Отсюда видно, что предпосылки формирования домов-комплексов возникали по мере перехода к более прогрессивным формам земледелия и скотоводства.

Первым, кто высказал такое предположение, а затем разработал его на обширном материале северо-запада России, стал известный исследователь крестьянского жилища и специалист в части архитектурных аспектов аграрной истории А. А. Шенников. Он считает, что ведущую роль в формировании таких сооружений на Русском Севере сыграли «не строительно-технические, не этнические и тем более не эстетические факторы», а ... обыкновенный навоз — единственное в прошлом органическое удобрение, без которого в нечерноземной лесной зоне земледелие на постоянной пашне (без перелогов) было невозможным. Исследователь подсчитал по опытным нормам конца XIX — начала XX века, что на одну десятину пашни требовалось ежегодно в среднем около 720 пудов навоза высшего качества [6]. При этом для обеспечения последнего требования удобрение не должно было промерзнуть, поскольку в замерзшем навозе прекращается процесс его бактериального разложения. После оттаивания процесс возобновляется, но с опозданием, что снижает качество навоза, либо сменяется другим процессом, вызываемым уже не бактериями, а особыми грибами, в результате чего не образуются нужные растениям химические вещества [7]. А поскольку в крестьянском хозяйстве не было утепленных навозохранилищ, то в качестве удобрения мог использоваться только навоз, который в течение стойлового периода накапливался под ногами у скота и весной вывозился на поля. Выполнившие А. А. Шенниковым несложные подсчеты показали, что при толщине навозного слоя в стойле до одного аршина для получения навоза, необходимого для удобрения только одной десятины пашни, площадь стойлового помещения должна была составлять около 27 кв. саженей. И хотя в зависимости от местных условий количество постоянной пашни, приходящейся на одно хозяйство, в пределах Русского Севера колебалось в широких пределах, оно, как правило, значительно превышало десятину, что, по словам А. А. Шенникова, и предопределило внушительные размеры северно-русских крытых дворов [8].

При всей логичности и аргументированности рассуждений исследователя в них имеются дискуссионные моменты. Прежде всего это относится к утверждению о прямой зависимости между размерами крытого двора и потребным для удобрения полей количеством навоза. Даже чисто теоретически такая зависимость могла иметь место лишь при условии, что в качестве стойлового помещения постоянно использовался двор целиком (то есть он являлся архаичным двором-загоном) и, главное, что очистка стойл и вывозка навоза на поля производилась только один раз в году (по утверждению А. А. Шенникова, весной, во избежание промерзания удобрений). Но в действительности дело обстоит иначе: утепленные дворы-загоны уже к концу XIX в. за редким исключением (единичные их примеры сохранились до настоящего времени, в частности, у коми на реке Выме) были вытеснены на Русском Севере холодными дворами с не проконопаченными мхом ограждающими стенами и, как правило, с неплотным притвором входных ворот. Утепленными же были только хлева, встроенные во двор или пристроенные к нему.

Что же касается версии об одноразовой вывозке навоза на поля, то, во всяком случае, применительно к Карелии она опровергается объективными статистическими данными. Так, в Шунгской волости с русским населением в 1905 году только 41,6% навоза вывозилось на поля летом и соответственно 58,4% — зимой. При этом в Кузарандском обществе, где в прошлом жили карелы, к началу XX века уже ассимилировавшиеся, эти показатели выглядели еще более контрастно: 16,5% навоза вывозилось летом, 83,5% — зимой [9]. Подобная ситуация сложилась и в других частях Олонецкой губернии. Например, в Ребольской и Богоявленской волостях с собственно карельским населением летом вывозилось соответственно по 23 и 32,4, а зимой 77 и 67,6% навоза [10], а в проанализированных четырех деревнях Ялгубской волости, населенных преимущественно обрусевшими людями, на лето приходилось только 7,5% от общего количества вывозимого на поля навоза [11]. Показательные данные по восточной Петровско-Ямской волости с русским населением, конкретизирующие сроки вывозки органических удобрений: 19% ранней весной, 81% поздней осенью, но в обоих случаях «по снегу» [12]. Последнее уточнение особенно важно, поскольку проясняет причину вывозки навоза на поля в холодное время года. Дело в том, что летом на воз можно было погрузить в среднем 6—7, а зимой — 15 пудов: разница весьма существенная, если учесть разбросанность сельскохозяйственных угодий, бездорожье и недостаток в крестьянских хозяйствах лошадей [13]. Видимо, ошибочным является и предположение о вывозке удобрений в конце стойлового периода. В действительности дело обстоит как раз наоборот — навоз вывозили преимущественно не в конце прошедшего, а в начале нового стойлового периода, поскольку не перепревший «сырой» навоз, каким он является в используемом стойле независимо от времени накопления, мог вызывать засорение пашни сорняками и в настоящее время применяется селянами главным образом в парниках, где требуется повышенное тепловыделение. Напротив, при осенней вывозке на

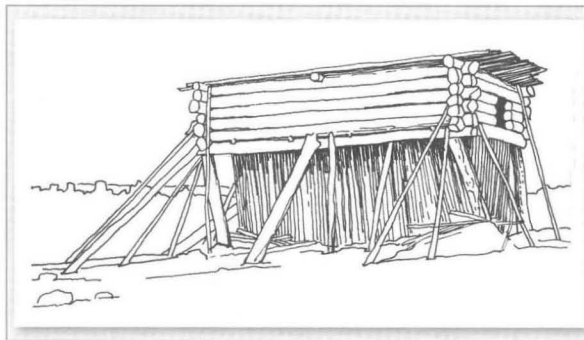

поля навоз, сложенный в кучи, за счет внутреннего тепла не промерзает насквозь, тем более, что снежный покров является надежным укрытием от мороза.

Таким образом, зависимость возникновения крытых дворов от потребностей накопления органических удобрений в зимний период применительно к Карелии во многом не подтверждается. Скорее всего, в XIX в. и ранее картина периодичности вывозки навоза в пределах края была еще более однородна. Подтверждает это наивысший объем зимней вывозки, приходящийся на волости с карельским населением, которое отличалось особым по сравнению с русским традиционализмом, и на Петровско-Ямскую волость, где, видимо, в начале XX в. еще были сильны традиции старообрядчества, способствовавшие консервации быта и приемов хозяйствования.

Не только причины, но и сам механизм формирования домов-комплексов до сих пор во многом остается загадкой. По известной гипотезе финского этнографа начала XX в. У. Сирелиуса [14], позднее развитой современными исследователями — финским этнографом Н. Валоненом [15] и эстонским этнографом А. Ю. Петерсоном [16], дома-комплексы сформировались в финно-угорской среде путем пристройки к жилищу «сарай на столбах» — двухэтажного сооружения с помещениями для скота на первом этаже и сенохранилищем на втором. В свою очередь «сарай на столбах» эволюционировал из простого помоста на столбах, распространенного у финно-угорских народов и служившего для хранения сена при бесстойловом содержании скота.

Несколько иной точки зрения на «авторство» дома-комплекса (дома-двора) придерживался А. А. Шенников. В 1992 г. в своей монографии [17], подытожившей многолетние исследования, он попытался документально подтвердить приоритетность русских крестьян в создании домов с двухэтажными дворами. Не отрицая генетическую связь домов-дворов и помостов на столбах, причем не считая последние изобретением исключительно финно-угров,

*Сарай на столбах
в деревне Чалки,
1901 г. [Ullberg U.,
Tavaststjerna A.,
Kekkonen J.
Kansanomaisia
rakennustapoja
ja koristemuotoja
Karjalasta kahden
puolen rajaa.
Helsinki, 1929. S. 31]*

исследователь на основании многочисленных письменных источников хронологически и территориально конкретизировал эволюцию крытых крестьянских дворов лесной зоны Европейской России. По его мнению, дома-дворы на территории современной Карелии и смежных частей Архангельской и Мурманской областей появились не ранее XVII в. Они были занесены в юго-западное Поморье в виде единичных построек в конце XV — начале XVII вв. скорее всего из Нижнего Подвинья — района Холмогор и Архангельска, где во второй половине XVI в. в среде русских крестьян появились «сараи на столбах», как отдельно стоящие, так и со

*Помост для сена в Инари,
Финляндия. Фото И. Гришиной,
1992 г.*

*Помост для сена, Томская
область. Фото В. Гуляева,
1984 г.*

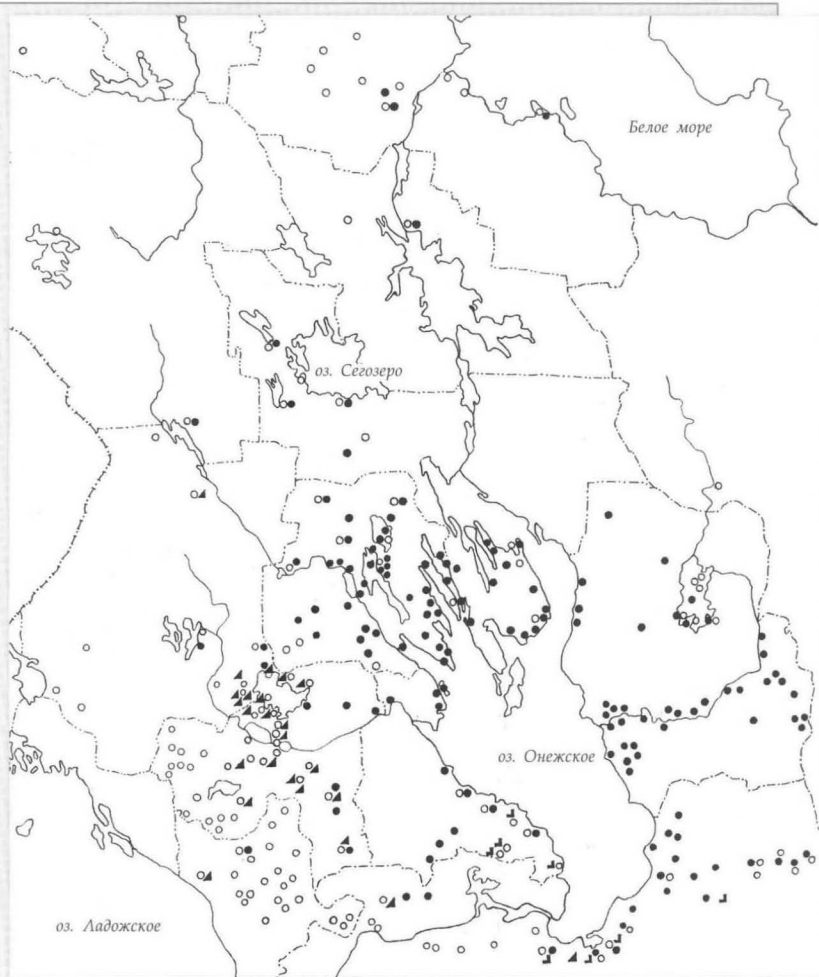

встроенными или пристроенными избами. Длительное время эти новые типы построек сосуществовали параллельно с постепенным вытеснением отдельно стоящих дворов-сараев их блоками с жилищем. С конца XVII — начала XVIII веков в письменных источниках название «сарай на столбах» стало заменяться словом «двор», что рассматривается как свидетельство увеличения размеров сооружения, занимающего площадь, уже соотносимую с площадью дворового участка усадьбы. В последующие столетия усадьбы с крытым двором стали быстро распространяться по территории Русского Севера и к началу XX в. их ареал охватил большую часть региона, в том числе и Карелию. Такова в общих чертах гипотеза А. А. Шенникова [18]. Она вполне убедительна в отношении времени и места появления описываемого им двора-сарая и соответствующего типа дома-комплекса с сараем на столбах. Однако использование исследователем преимущественно письменных источников, не всегда достаточно конкретных, отказ от рассмотрения «промежуточных форм и некоторых редких местных вариантов усадеб» [19], а также недостаток натуральных данных оставляют возможность для развития изложенной концепции.

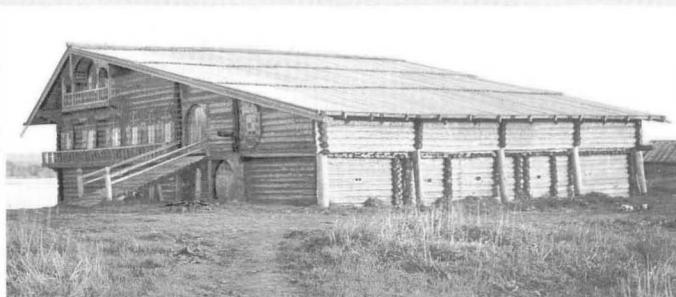
Действительно, как показывают полевые историко-архитектурные обследования, проведенные нами, ареал усадеб с двухэтажным крытым двором на Европейском Севере России делится на две части, граница между которыми по территории Архангельской области и по стыку последней с Республикой Коми проходит преимущественно в широтном направлении, а по Карелии — примерно меридионально. Северная часть ареала архангельских и, соответственно, восточная часть карельских домов-комплексов с двухэтажными крытыми дворами характеризуется наличием столбов, на которых «вывешен» сарай целиком или его озадок над автономными срубными хлевов, что позволяет легко заменить быстро гниющие стены стойловых помещений, не нарушая целостности основного сруба. Такой прием в Карелии распространен на территории с русским и людиковским населением, но, несмотря на его рациональность, он практически не получил развития к западу от упомянутой границы среди собственно карел, ливвиков и прионежских вепсов, где сараи на столбах встречаются лишь в зонах активных контактов между прибалтийско-финским и русским населением.

Совершенно очевидно, что столбовые опоры русских дворов-сараев Карелии являются сохранившимися в силу конструктивной рациональности рудиментами помостов-навесов и производных от них архаичных сараев на столбах. Очевидно и то, что отсутствие таких столбовых опор во дворах-сараях карельских домов-комплексов говорит о том, что последние сформировались, скорее всего, на основе других прототипов.

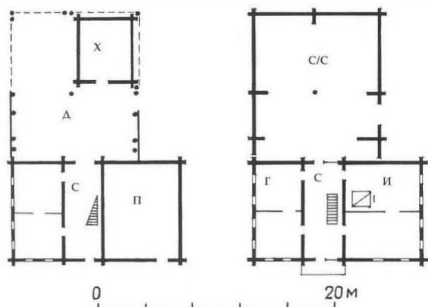
Дополнительное подтверждение тому — применение в карельском и вепском ареале бесстолбных сараев других устройств для облегчения переборки хлевов. К ним относятся консольные выпуски бревен в уровне перекрытия двора, которые могли использоваться для упора «стрел» — временных подпорок для вывешива-

Распространение вариантов конструктивных решений хозяйственных частей домов-комплексов на территории Карелии: ● — хозяйственные части с озадками сараев, вывешенными на столбах; ○ — хозяйственные части с бесстолбными озадками сараев; ▲ — хозяйственные части с консольными озадками сараев; ┐ — хозяйственные части с выпусками отдельных бревен нижних венцов сараев

Дом Ошевнева из заонежской деревни Ошевнево, 1876 г. (музей-заповедник «Киж»). Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

План дома в восточно-обонежской деревне Чуяла, кон. XIX — нач. XX в. Здесь и далее буквами на плане обозначены: И — изба; Г — горница; К — клеть; С — сени; Д — двор; Х — хлев; С/С — сарай-сеновал; П — подклет

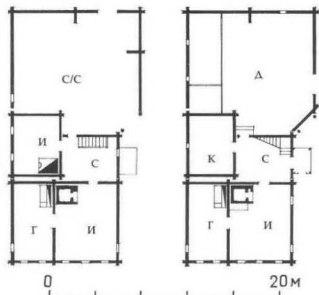

Столб под сараем дома-комплекса в сегозерской деревне Юккогуба. Фото И. Гришиной, 1992 г.

Двор-сарай дома в людиковской деревне Лижмозеро Большое. Фото В. Гуляева, 1987 г.

вания сруба при переборке его нижней части. Видимо, аналогичными соображениями продиктовано устройство консольных выступов задней стены сарая, характерное для бассейна Сямозера и смежных с ним территорий с ливвиковским населением вблизи от людиковского этнического ареала. Правда, иногда консоль сарая поддерживается приставными столбами, но в сочетании с целостным срубом, перевязанным поперечными перерубами хлебов, такие приставки являются всего лишь стационарными «стре-

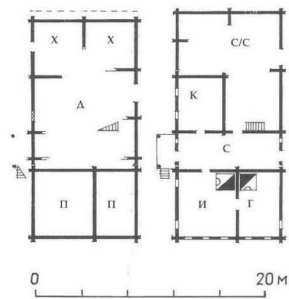
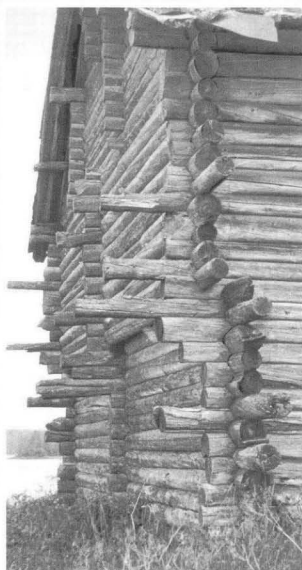
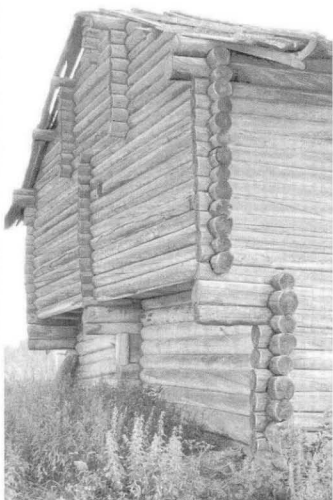
Дом А. А. Андреевой в деревне Печная Сельга, 1910—1912 гг.: планы и двор-сарай (фото В. Гуляева, 1992 г.)

Фрагмент озадка дома-комплекса в вепской деревне Каскесручей. Фото И. Гришиной, 1992 г.

Фрагмент озадка дома-комплекса в деревне Рубчейла. Фото И. Гришиной, 1991 г.

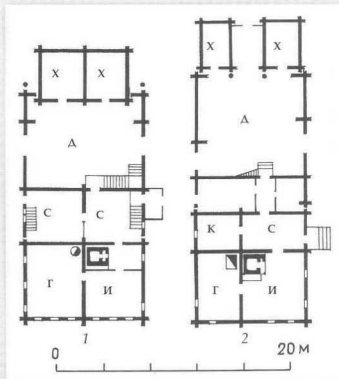
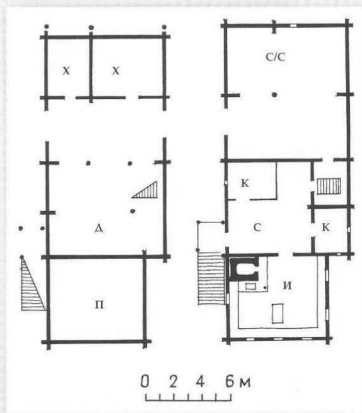
Фрагмент двора-сарая дома-комплекса В. П. Фомина в деревне Павиойла, 1925 г. Фото В. Гуляева, 1992 г.

Дом Григорьевых в деревне Павиойла, 1920-е гг.: планы и фрагмент двора-сарая (фото В. Гуляева, 1992 г.)

Решение хозяйственной части дома-комплекса с приставными столбами в деревне Онгамукса [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 52]

Опорные столбы в оздаках карельских домов-комплексов: 1 — дом М. И. Стафеевой в деревне Пряккила (Сельги); 2 — дом Е. Е. Куропаткина в деревне Гафостров

лами», облегчающими переборку двора, но не обеспечивающими конструктивную независимость стойловых помещений.

Применяются в карельских районах и столбы для местного усиления стен срубов, например, при устройстве в них проемов для встраиваемых во двор хлевов. Но и такие столбы имеют иную конструктивную природу, нежели наружные опоры русских сараев.

Перечисленные устройства, облегчающие переборку срубов стойловых помещений в разных вариантах и сочетаниях, а также паллиативные столбы-подпорки зафиксированы нами и за пределами Карелии на территориях с обрусевшим финно-угорским населением или расположенных на стыках разноэтничных ареалов, например, в Вилегодском районе Архангельской области на территории, населенной некогда народом коми («вилегодская пермида» XVI—XVII веков), в бассейне Мезени и Пинеги к югу от пиротной границы сараев на столбовых опорах, в Посвирье и Верхнем Поволжье.

Таким образом, основное морфологическое отличие «восточного» и «западного» вариантов домов-комплексов сводится к различию конструктивного решения их дворов-сараев — путем вешивания озадка на столбах в первом случае и выполнения в виде единого нерасчлененного по высоте сруба — во втором.

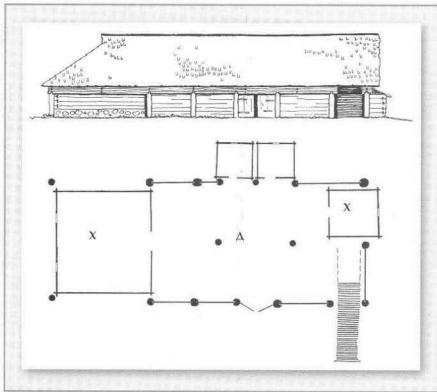
По картине ареализации озадков дворов-сараев на территории Карелии можно предположить, что русскому влиянию в западной части края была противопоставлена самостоятельная и достаточно

устойчивая домостроительная традиция. Вместе с тем нельзя не учитывать, что отдельно стоящие сараи на столбах и, видимо, их предшественники — помосты-навесы — в прошлом были распространены на территории, населенной карелами [20], и, несомненно, оказали влияние на формирование некоторых типов построек, в том числе и дворов-сараев. При этом на ранних стадиях сложения последних генетическая связь между сараями или помостами на столбах и животноводческими помещениями ощущалась особенно отчетливо. Так, в юго-западном Приладожье в районе Кивеннапа финским архитектором Э. Кракстромом в 1940-х годах были зафиксированы отдельно стоящие крытые дворы, огражденные столбами с бревенчатой забиркой, несущими невысокие срубы, внешне напоминающие сараи на столбах. Южнее, в бывшем Кингисепском уезде, Р. М. Габе в ареале смешанной застройки усадеб с открытым двором и находящимися в стадии формирования домами-комплексами в 1926—1927 гг. обнаружил аналогичные ограждения из столбов с забиркой из бревен «в заплот» [21]. Дворы, огражденные дощатой обшивкой по несущим сарай столбам или со стенами «в заплот», зафиксированы нами в 1999 г. в северном Белозерье (Вашкинский район Вологодской области), на территории расселения древней веси. С другой стороны, сформировавшиеся в более ранний период и широко бытовавшие в недалеком прошлом в Карелии отдельно стоящие двухэтажные хлева-сеновалы с увеличенным по площади верхним ярусом, консольно нависающим с одной, двух или трех сторон, уже не имеют опорных столбов, которые, видимо, атрофировались после сооружения за ними срубного ограждения стойлового помещения, способного стать опорой для верхнего яруса. Произошло это, скорее всего, так же, как в широко распространенных на Европейском Севере амбарах с консольно выступающим верхним уровнем (залобником), значительная часть которых эволюционировала от охотничьих помостов для дичи на коренных столбах (высоко обрубленных пнях) [22].

*Крытый двор
в районе Кивеннапы
(по материалам
Э. Кракстрома)*

Надо сказать, что тенденция к объединению стойловых помещений с кормохранилищами в разное время и в различных частях Карелии, видимо, реализовывалась по-разному, и не только в вертикальном, но и в горизонтальном направлении. Так, на северо-западе до недавнего времени сохранялись стадияльно ранние одноэтажные хлева, соединенные шлюзом-предхлевьем с сеновалом. Более того, и двухэтажные постройки генетически не однородны: помимо производных от помостов на столбах, эволюция которых послужила прецедентом для формирования в Придвинье крытых дворов, сенник над хлевом мог вы-

Хлев-сеновал в деревне Рубчейла
(обмер Н. А. Савина, 1953 г.)

Двор-сарай дома в деревне Гаврилово.
Фото И. Гришиной, 1992 г.

растать за счет увеличения объема чердака стойлового помещения. В свою очередь, каждая из отмеченных тенденций могла предопределить направленность развития домов-комплексов. Видимо, сходная ситуация в свое время существовала и в Подвинье. Следовательно, отличие восточного и западного вариантов домов-комплексов в конечном счете связано с совокупностью местных условий, сложившихся в момент их формирования. Для выявления этих условий применительно к Карелии детальнее рассмотрим формирование домов-комплексов в различных частях края.

* * *

Выявленная ранее неравномерность экономического развития Карелии с повышением его интенсивности в направлении с севера на юг и, соответственно, бытование на севере края более архаичных систем расселения и структур поселений позволяют предположить, что аналогично дело обстоит и с формированием домов-комплексов.

Одноэтажный хлев-сеновал в Толлореке.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Исторические сведения о крестьянском жилище северной Карелии немногочисленны и противоречивы. Самое первое из известных нам упоминаний о местных домах-комплексах принадлежит собирателю рун Калевалы Элиасу Лённроту, который в путевых заметках 1830-х годов подробно описывает типичный для окрестностей озера Пяозера крестьянский дом, где в отличие от финских построек помимо «избы с примыкающими к ней клетями, двором, хлевом и прочим, в крестьянском хозяйстве нет других строений, кроме риги и бани и в лучшем случае какого-нибудь отдельного амбара» [23].

С другой стороны, по данным А. А. Шенникова, изучавшего крестьянские усадьбы по письменным источникам, в западной части северной Карелии вдали от моря бытовали «черные», почти поземные избы, в которых до середины, местами до конца XIX в. еще кормили и держали скот [24], что, по мнению исследователя, свидетельствует об отсутствии или недостатке утепленных стойловых помещений, не говоря уже о домах-комплексах.

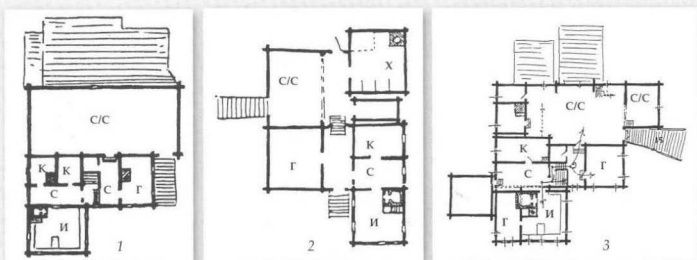
К сказанному можно добавить, что в проанализированных нами письменных документах 1783 г. по северо-западной Карелии — в описаниях крестьянских домов Ивана Кенниева в Вокнаволоке и Наумовых в Алозере указаны постройки, состоящие из избы, сени и чуланов (в первом случае одного, во втором — двух) без каких бы то ни было пристроенных животноводческих помещений [25].

Но из всего этого отнюдь не следует, что содержание скота в избах было единственной формой скотоводства в северной Карелии в XIX в., как и наличие отдельно стоящих изб на северо-западе края в конце XVIII в. не опровергает возможности параллельного бытования там и домов-комплексов.

Серьезным подтверждением фактов бытования домов-комплексов в северной Карелии в XIX в., во всяком случае во второй его половине, служат материалы финских исследователей карельской культуры, побывавших там в 1894 г. Часть Беломорской Карелии и примыкающую к ней с юга территорию (север современного Муезерского района) обследовали Ю. Бломстедт и В. Суксдорф. Опубликованные ими данные свидетельствуют, что в этом субрегионе «старинные дома» с курными избами или вообще не имели приблокированных животноводческих помещений, или включали такие помещения в виде беспорядочных пристроек, в то время как относительно новые сооружения уже представляли собой организованную связь жилой и хозяйственной частей. Промежуточное положение между новыми и старинными домами занимали постройки, называемые авторами просто «старые дома», в которых, несмотря на стремление упорядочить объединение жилища и двора-сарая, хаотичность их блокировки еще не была окончательно преодолена [26].

Судя по фотографиям И. К. Инхи, в это же время севернее, в Ухте, Ювалакше, Войнице, Суднозере, Кестеньге, широко бытовали дома-комплексы, а отдельные из них достигали художественного совершенства и отличались достаточной традиционностью [27]. Несомненно, что в поисках сюжетов для съемки И. К. Инха выбирал постройки «экзотические», отличавшиеся от распространенных в Финляндии. Более объективную архитектурную картину региона рисуют исследователи 1920-х годов.

Обобщая итоги экспедиции 1920-х годов в Беломорскую Карелию — в Ухту, Вокнаволоку и Тихтозеро, Д. А. Золотарев и Л. А. Капица сопоставляют два типа местных жилых построек: избы «старого типа в форме буквы Г, где жилое помещение объединяется с хозяйственными строениями под одной общей крышей» [28], и «значительное количество построек нового типа, где жилая часть со-

Планы домов-комплексов в Беломорской Карелии: 1 — дом в деревне Аконлахти; 2 — дом в деревне Шаповара; 3 — дом в деревне Минозеро. [Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelische Gebäude und ornamentale Formen aus Zentral-Russisch-Karelien. T. 1. Helsingfors, 1902. S. 53, 55, 59]

Застройка деревни
Ювалакша. Фото
И. К. Инха, 1894г.
[Kaukonen V.
Kansanrunon Kauko-
Karjalaa ja Kalevalan
synty. Porvoo, 1984.
S. 27]

вершенно отделена от хозяйственной» [29]. Характеризуя старый тип как «осложненный», а новый — как «упрощенный» и описывая их ареалы, Д. А. Золотарев отмечает, что «старая Ухта, как местный центр, выделялась своим разнообразием и обилием сложных, даже громоздких двухэтажных построек, как она выделяется и теперь своими новыми постройками». В отношении рядовых селений лишь приграничные волости выделяются по различию в степени сохранения старых и распространения новых типов построек. Здесь, с одной стороны, еще сохраняются старинные постройки, с другой стороны, встречаются появившиеся за последние десятилетия сооружения, в которых жилой дом отделен от двора [30]. Оба автора объясняют распад связи жилой и хозяйственной частей новейшими финскими влияниями [31].

Результаты работы архитектора Р. М. Габе, опубликовавшего схематические планы домов-комплексов села Ухта и деревень Вок-

наволоок, Суднозеро, Чикша, существенно продвигают понимание процессов развития жилища Беломорской Карелии. И хотя, к сожалению, планы не дают возможности однозначно судить о внутренней структуре построек, но по ним угадываются разные типы домов-комплексов — и «глаголи», и «брусы» с уширенным двором-сараем, и равноширокие «брусы» [32]. Примерно такую же картину смешения разных типов домов-комплексов застали финские исследователи В. Кауконен и В. Уомала в 1940-х годах на юго-западе Беломорской Карелии в окрестностях озера Каменного (Киитехъярви) в деревнях Аконлахти, Миозеро, Мунанкилахти, Тетриниemi и несколько севернее в деревне Пирттигуба [33]. Сделанные ими фотографии общих видов деревень свидетельствуют, что старые «глаголи» находятся в меньшинстве и, по-видимому, вытесняются более упорядоченными новыми «брусами».

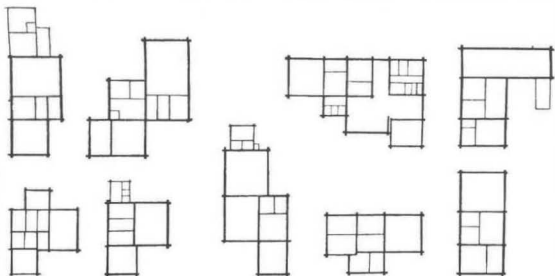
Крайний северо-запад Беломорской Карелии обследовался историко-архитектурными экспедициями много позднее, в 1950-х годах [34]. В это время в деревнях по берегам Пяозера никаких следов домов-комплексов, объединяющих жилье и хозяйственные помещения, обнаружено не было. Южнее, в окрестностях озера Топозера, судя по довоенным постройкам, наряду с отдельно стоящими жилищами строились также дома-комплексы, имеющие вид конгломерата разновременных срубов. Примером такой постройки может служить дом Карпова в деревне Кизрека [35]. Сходная картина наблюдалась и на северо-западе Калевальского района, в бассейне Тихтозера, с той лишь разницей, что здесь на фоне распространения неупорядоченных блокировок жилых и хозяйственных помещений встречались дома-комплексы с организованной связью разнофункциональных частей. Больше всего построек в 1950-х гг. сохранялось в деревне Кандонаволоок. В своей совокупности они как бы моделировали процесс сложения местного типа дома-комплекса. Так, один из заброшенных

*Дом в Толлореке
без пристроенного
двора-сарая (фото
Б. Бойцова, 1970-е гг.)*

Схематические
планы домов-
комплексов
в поселениях
Беломорской Карелии
Ухте, Вокнаволоке,
Суднозере и Чикше
[Габс Р. М.
Карельское
деревянное зодчество.
М., 1941. С. 237]

домов состоял из двух приставленных друг к другу срубов, из которых передний, более новый, был занят избой, а задний — сенями и двумя чуланами, подклет под которыми использовался в качестве хлева. (По свидетельству местных жителей, в 1957 г. заднему срубу было более 100 лет.) Во втором доме жилая часть состояла из двух изб с сенями между ними. Перпендикулярно боковой стене сеней и задней избы был поставлен «на отставе» двор-сарай, соединенный с жилищем более низкой вставкой-переходом и являющийся как бы прообразом домов-комплексов с организованной Т-образной связью. И, наконец, третий дом, да-

1

2

3

Дома северо-запада Беломорской Карелии. Обмер В. Орфинского, 1957 г.:
1 — дом Карпова в деревне Кизрека; 2, 3 — дома в деревне Кандонаволок

тируемый началом XX в., представлял сложившуюся однорядную связь разнофункциональных частей [36].

До настоящего времени сохранились дома-комплексы, подобные топозерским и тихтозерским, срубленные выходцами из северо-западной Карелии в поморских деревнях. Один из них — дом У. Ф. Кошкиной в деревне Нильмозеро, относящийся к началу XX столетия. Это постройка с неорганизованной связью жилой и хозяйственной частей, первая из которых — две разноширокие избы с сенями в межсрубном пространстве — связана переходом с одноэтажным двором «на отставе», на чердаке которого устроен сеновал. Двор — ядро хозяйственной части дома. Впритык к нему поставлены почти равновеликие срубы стойловых помещений, северный из которых ныне утрачен, а западный, предназначенный для содержания овец, — проходной, связанный дверным проемом с примыкающим к нему с севера хлевом для коровы. Сарай для сена поставлен на отлете и связан с домом только жердевой изгородью.

Дом У. Ф. Кошкиной в деревне Нильмозеро: план и общий вид.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

Весьма любопытен дом Е. В. Антоновой в деревне Нильмогуба, построенный карелами — переселенцами из Кестеньгской волости. Он представляет собой дом-комплекс с неорганизованной связью жилых и хозяйственных помещений, перекрытых самостоятельными крышами. Первоначальное ядро комплекса (1913 г.) — двухконечный дом, состоящий из стыкованных «впритык» срубов передней избы и озадка с сенями и неотапливаемой горницею. В 1914 г. срубили двор-сарай с пристройками двух хлевов, из которых в настоящее время сохранился только один. Двор соединили с сенями переходом-преддворьем. В 1928 г. к первоначальному сеням был пристроен сруб избы с сенями, с одного из торцов которых устроили парадный вход в дом, а к другому в 1940-х годах с помощью перехода присоединили небольшой

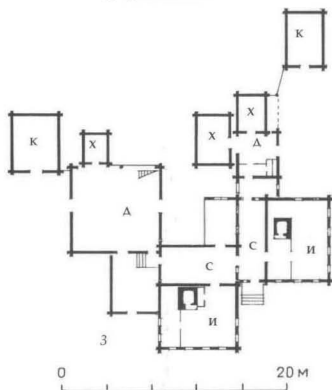
Дом Г. В. Антоновой
в деревне Нильмогуба.
Фото В. Гуляева
и И. Гришиной, 1992 г.

двор «на отставе» с одним пристроенным хлевом. Развитие дома продолжалось и во второй половине XX в., когда к новому двору был пристроен второй хлев, частично реконструированы другие животноводческие помещения и поставлены два амбара: один почти вплоты к углу двора-сарая, другой, связанный с домом жердевой изгородью, — с трехметровым разрывом.

Примером жилого комплекса с неорганизованной связью может служить дом И. М. Каллио, до недавнего времени стоявший в деревне Пирттигуба бывшей Вокнаволоцкой волости. Он представлял собой группировку разновеликих объемов, включающих помимо избы и складских помещений теплый просторный хлев и сарай-сеновал, не имеющие внутренней коммуникационной связи как между собой, так и с жилищем. Интересно, что здесь же, в Пирттигубе, в конце XX в. еще сохранялись две жилые постройки. Одна из них — дом М. П. Каллио, относящийся к 1903 г., с виду вполне сформировавшийся дом-комплекс типа «брус» с уширенным двором-сараем, но без внутренней связи между жилой и хозяйственной частями, превративший комплекс в две отдельные постройки. Надо сказать, что и одноэтажная пристройка перед хлевом, равная последнему по площади, выглядит как шлюз-предхлевье, а не полноценный двор.

Как показывает беглый обзор исторических сведений о состоянии жилищ в Беломорской Карелии, в большинстве случаев единовременные «срезы» по этой обширной территории обнаруживают сходную картину — отдельно стоящие жилые и хозяйственные постройки сосуществуют с комплексным жилищем,

План дома Г. В. Антоновой в деревне Нильмогуба: 1 — в 1913 г., 2 — в 1940-е гг. [Тарова Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л., 1965. С. 191], 3 — в 1992 г.

а последнее представлено формами, обладающими разной степенью упорядоченности и организованности, — от хаотических блокировок до сформировавшихся домов-комплексов классических типов «глаголь», а в XX веке — и «брус». Однако при этом для каждого локализованного во времени и пространстве фрагмента архитектурной картины региона достаточно сложно определить, в каком направлении идет преобразование жилища. Что иллюстрирует пестрое сочетание разных форм крестьянской усадьбы — процесс распада или формирования домов-комплексов?

На этот счет существуют разные мнения. Известный исследователь крестьянского домостроительства Севера А. А. Шенников, используя краеведческие, этнографические и историко-архитектурные данные разных лет [37], выдвинул следующую версию формирования домов-комплексов в регионе: «В начале XX в. в северной Карелии хотя уже имелись крытые дворы, но способы их соединения с домом сильно варьировали, и еще не все части имели общую крышу. В крайнем северо-западном углу Карелии эво-

Дом И. М. Каллио
в деревне
Пирттигуба,
сер. XIX в. Фото
Б. Бойцова, 1979 г.

План дома
И. М. Каллио

люция усадеб еще больше задержалась. В начале XX в., когда туда впервые проникли исследователи, там двухэтажные крытые дворы строились отдельно от домов. Сначала это объясняли новейшими финскими влияниями. Но современные исследователи признали, что усадьбы с отдельно стоящими двухэтажными крытыми дворами — это остаток варианта усадьбы (с открытым двором. — И. Г., В. О.), ранее существовавшего на всем севере. По-видимому, это были постройки того же типа, что «сарай на столбах» (начальное звено формирования домов-комплексов — И. Г., В. О.) в Кемском уезде в 1578 г.» [38].

Приведенная цитата отражает основные противоречия между концепцией последовательного эволюциониста А. А. Шенникова (как он сам себя называл) и нашими представлениями о развитии деревянного зодчества в целом и домов-комплексов в частности.

Как известно, краеугольным камнем теоретических воззрений эволюционистов стал постулат об одностороннем линейном характере эволюционных преобразований, позволивший на основании отрывочных сведений из различных документов заполнять лакуны фактических данных с помощью иноэтнических (инокультурных) аналогий, конструируя целостную концепцию развития крестьянского домостроительства. При этом абсолютизация необратимой поступательности исторического процесса нередко приводила к отождествлению архаичных прототипов со структурно сходными, но стадийно более поздними постройками. Как следствие — упрощение и «омолаживание» эволюционного процесса. Ибо стоит, согласившись с мнением исследова-

телей начала XX в., признать отдельно стоящие дворы не прототипами (по А. А. Шенникову), а рудиментами распавшихся домов-комплексов, как эволюция домостроительства в противоположность мнению эволюционистов представится сложным нелинейным процессом [39].

Выше мы уже отмечали, что возникновение домов-комплексов на северо-западе России в XVII—XVIII вв. в целом совпадает с «малым ледниковым периодом», но в северо-западной Карелии, наоборот, уже не в связи с похолоданием, а на фоне потепления климата, произошедшего после середины XIX века, среди усадеб с открытым двором начали складываться особые типы домов-комплексов с неорганизованной, хаотической связью жилых и хозяйственных построек — упомянутые выше дома в Кизреке, Кандонаволоке и генетически связанные с ними дома в Нильмозере и Нильмогубе. Сложившаяся здесь ситуация интересна тем, что дает возможность проследить, как тенденция к блокировке жилых и хозяйственных построек возникла вслед за перемещением к северу южной границы оседлого оленеводства и подсечного земледелия, которые бытовали здесь соответственно до 1950-х и 1920—1930-х годов [40], и переходу к переложному земледелию и стойловому содержанию скота.

Сказанное объясняет появление тенденции к формированию домов-комплексов в северной Карелии на рубеже XIX—XX веков. Но, как видно из приведенных выше исторических сведений, развитое комплексное жилище уже существовало в XIX веке в бассейне озер Куйто в Ухтинской, Вокнаволоцкой и Кондокской волостях, зафиксировано оно и севернее — в Кестеньгской и Олангской волостях, что явно противоречит положению о возникновении домов-комплексов лишь в условиях достаточно масштабного сельского хозяйства. В самом деле, бассейн озера Куйто, как и большая часть севера материковой Карелии, принадлежит ко второму северному озерному агроклиматическому району с прохладным и коротким летом, холодной и длинной зимой, пригодному лишь для возделывания культур, нетребовательных к теплу. Еще более сурова природа крайнего северо-запада Карелии. Здесь по современному агроклиматическому районированию находится наиболее холодный подрайон Маанселькя — Беломорского агроклиматического района, который даже в настоящее время, в разгар «последнеледниковья», характеризуется экстремальными климатическими условиями и непригоден для возделывания сельскохозяйственных культур [41].

Примеры сформировавшихся домов-комплексов в XIX в. отмечены почти по всей территории Беломорской Карелии, но наиболее широко они представлены в зоне влияния Ухты.

При исследовании систем расселения Карелии нами был выявлен «ухтинский феномен» — существование гнездовой системы расселения в районе бассейна озер Куйто, предполагающее достаточную развитость аграрной культуры в явно неблагоприятных климатических условиях (см. с. 57—58). Подтверждение тому — обнаруженные там экспедицией 1957 г. наряду с однокамерными двухкамерные риги. Между тем на большей части территории Карелии

тконцу XIX в. господствовали однокамерные снопусушные постройки (с единым помещением для сушки и обмолота). Вместе с тем, как показали обследования Карелии, Посвирья и Каргополья, на северо-западе России прослеживается прямая зависимость объемно-планировочного решения риг (однокамерных, однокамерных с навесом, двухкамерных с пристроенным гумном — помещением для обмолота) от уровня развития сельского хозяйства [42]. И лишь в северо-западной Карелии эта закономерность нарушалась.

Впрочем, северо-западные двухкамерные риги не тождественны одноптиным южным постройкам, отличаясь от них большим сходством с жилищем. На генетическую связь с последним указывает также общее наименование риг и промысловых избушек (*meččarihi*) [43] и сходство с банями, являвшимися, как известно, производными от архаичных форм жилища. Показательно, что не только двухкамерные, но и однокамерные северо-карельские риги отличаются от однокамерных южных риг: в первом случае колосники из жердей для сушки снопов многоярусные, во втором — одно-двухъярусные. Естественно, что в ригах с общим помещением для сушки и обмолота многоярусные колосники менее рациональны, так как колосники нижних ярусов мешают размаху цепов при обмолоте. Это указывает на заимствование многоярусных колосников из двухкамерных сооружений, позволяя предположить в данном случае первичность двухкамерных риг [44]. А раз так, то эволюция снопусушных сооружений в XIX в. на северо-западе Карелии имела обратную направленность, что проще всего можно объяснить постепенной деградацией построек, занесенных извне, в неблагоприятной для ведения сельского хозяйства природной ситуации.

Возможно, нечто подобное происходило и с домами-комплексами в Ухте и ее ближних и дальних окрестностях. Во всяком случае, на это указывает факт длительного сохранения в составе домов-комплексов обширных животноводческих помещений, значительно превосходивших по площади собственно жилище и не отвечавших мизерному количеству содержавшегося в них скота и лошадей. Действительно, по данным земской статистики, в среднем на одного жителя Вокнаволоцкой, Кондожской и Ухтинской волостей в начале XX в. приходилось только 0,2 коровы, 0,06 лошади и 0,4 овцы [45]. То, что вопреки местной практике хозяйствования такие дома все-таки существовали и притом достаточно долго, поддается только одному объяснению: они не сформировались на берегах озер Куйто в XVIII в., а скорее всего, были занесены сюда вместе с массовой миграцией собственно карел.

Как мы отмечали, рассматриваемый субрегион был освоен карелами к XVIII в., а заселение района Ухты, по-видимому, осуществлялось путем массовой миграции (см. с. 57—58). В этом случае в мышлении и поведении карел-переселенцев могла присутствовать некая тенденциозность, предопределенная устойчивыми традиционными стереотипами архитектурно-строительной деятельности, сложившимися в иной хозяйственной ситуации. Гарантом длительного сохранения и воспроизведения домостро-

ительных традиций могла стать уцелевшая в условиях массовой миграции сельская община. Обычно, когда мигрировали достаточно компактные группы населения, община продолжала функционировать в пути и способствовала адаптации традиционной культуры к новым условиям [46].

В карельско-финском порубежье Ухта играла роль главного административно-торгового центра. Не исключено, что местные дома-комплексы выполняли престижные функции, связанные с оживленной торговлей с Финляндией и активными межэтническими контактами, и потому композиционно акцентировались, принимаясь, по-видимому, местным населением как своеобразные этнические символы [47]. Дополнительным подтверждением тому могут служить деревни Ладвозеро Вокнаволоцкой и Тетриниеми Кондопской волостей, являющиеся единственными в северо-западной Карелии поселениями, к которым в 1907 г. подходили колесные дороги из финляндских приходов Суомсалми и Кухмониеми [48]. В этих и соседних деревнях по состоянию на первую половину XX в. застройка включала дома-комплексы, аналогичные постройкам Ухты, и, видимо, также выполнявшие в свое время этносимволические функции.

Гипотеза об особой роли домов-комплексов в бассейне озер Куйто в какой-то мере объясняет относительно длительную сохранность традиции их возведения. Иная ситуация сложилась в более северных волостях — Тихтозерской, Кестеньгской, Олангской. Здесь, судя по упомянутым выше наблюдениям Э. Лённрота, еще в первой половине XIX в. бытовали дома-комплексы, которые, однако, распались относительно быстро. Основная причина тому — ориентация населения на преимущественное оседлое («избенное»)

В Беломорской
Карелии.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

В Беломорской
Карелии.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

оленоводство, которое не нуждалось в стойловых помещениях и, соответственно, не способствовало традиции возведения комплексного жилища. Правда, по мнению этнографа А. А. Капицы, границы оленеводческого ареала первоначально охватывали всю Беломорскую Карелию, включая ее южную часть, и лишь со временем сместились к северу [49]. Однако такую точку зрения не разделяют некоторые финские исследователи. В частности, этнолог Ю. Юхани Кортесалми, специально исследовавший оленеводство на севере Беломорской Карелии [50], пришел к выводу, что оно распространилось там вскоре после появления оседлого населения в XVIII в. и было перенято от финнов, в свою очередь заимствовавших его ранее от лесных саамов. Подтверждение тому, по словам финского исследователя, — не только технологическая общность, но и тождественность терминологии. Первоначально оленеводческий ареал представлял полосу, протянувшуюся вдоль финско-карельского порубежья от деревни Тирозеро (Тийро) Тихтозерской волости и до западных деревень Олангской волости Пяозерского погоста. Но вскоре он принял форму клина, направленного и постепенно расширяющегося на восток, в сторону Белого моря. Изначально карельское оленеводство ориентировалось на использование обученных животных только для домашних нужд, в первую очередь перевозки грузов на небольшие расстояния в условиях таежного бездорожья, для чего крестьянскому хозяйству необходимо было незначительное количество оленей. Но постепенно основной доход оленеводы стали получать от извоза. При этом в хозяйстве требовалось уже не менее 22—25 обученных оленей, необходимых для одного рейда. И, наконец, акцент был перенесен на продажу оленины, а в отдельных случаях на комплексное использование оленей для торговли и извоза, что способствовало значительному увеличению их поголовья.

По данным Ю. Ю. Кортесалми, максимальный рост оленьего стада на западе Беломорской Карелии приурочен к 1890—1920 г. Причем пик этого роста приходится на начало XX в. и связан с общевропейской конъюнктурой — возросшим спросом на оленину на мировом рынке, стимулировавшим развитие оленеводства в Финляндской Лапландии и, опосредованно, на западе Беломорской Карелии.

Развитию оленеводства в Карелии способствовала периодическая миграция населения приграничной Финляндии на территорию русской Карелии с XVI до начала XVIII в. включительно. В частности, в Тихтозерскую, Олангскую и Кестеньгскую волости мигрировало большое количество населения из Куусамо — одного из центров оленеводства северной Финляндии [51].

Если сопоставить неоленоводческие (южные) и оленеводческие (северные) волости северо-западной Карелии по состоянию на 1907 г.,

то в первых из них на душу населения в среднем приходилось 4,36 пуда хлеба своего урожая против 6,01 пуда во вторых (на 37,8% меньше), в то время как на душу населения в южных волостях приходилось в среднем 0,18 десятины пашни против 0,11 десятины в северных (наоборот, на 63,6% больше). Такая диспропорция может быть объяснена только различным плодородием пахотной земли. Последнее в сходных природно-климатических условиях в основном зависело от количества вносимых удобрений, т. е. от численности скота. И в самом деле, в южных волостях количество приходящегося на душу населения крупного рогатого скота, лошадей и овец было меньше, чем в северных, соответственно на 25, 36,4 и 35,6% [52]. Анализ прочих показателей подтвердил, что относительная обеспеченность населения оленеводческих поселений собственным хлебом в начале XX в. зависела, в конечном счете, от развития оленеводства, рентабельность которого, как уже отмечалось, к этому времени значительно возросла, что позволяло на вырученные деньги приобретать и содержать большее количество скота и, соответственно, лучше удобрять пашину.

Можно предположить, что по отношению к домостроительству переориентация хозяйственной деятельности населения северных волостей Беломорской Карелии сыграла двоякую роль: стимулировала распад домов-комплексов на ранней стадии оленеводства, а затем по мере увеличения его рентабельности, способствовавшей повышению продуктивности земледелия за счет увеличения масштабов стойлового скотоводства, наоборот, создала предпосылки для формирования нового поколения комплексного жилища. Такие предпосылки реализовались к рубежу XIX—XX вв. в связи с потеплением климата после окончания малого «ледникового периода» (середина XIX в.), несмотря на возможное сохранение в культуре края отголосков домостроительных традиций финнов — переселенцев из Куусамо, а вполне вероятно — и субстратного саамского населения.

На основании всего вышеизложенного можно смоделировать следующую цепочку эволюционных преобразований жилища в Беломорской Карелии: дома-комплексы первого поколения — отдельно стоящие дома без пристроенных животноводческих помещений — дома-комплексы с неорганизованной связью жилых и хозяйственные построек — организованные дома-комплексы второго поколения.

Впрочем, не исключено, что домостроительные традиции карел на период их миграции в Беломорскую Карелию определялись не готовыми формами домов-комплексов, а лишь тенденцией к их сложению. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся документы 1783 года, описывающие крестьянские дома в Алозере и Вокнаволоке, которые не имели пристроенных дворов. Так, дом Ивана Кенниева в Вокнаволоке состоял из одной избы на подклете с сенями, чуланом и крыльцом. Изба имела всего три волоковых окна, из которых только одно было снабжено «стеклянной оконной», что позволяет предположить: оно выходило на лицевой фасад, в то время как два других окна — на боковые.

Приведенное описание показывает, что дом Кенниева, скорее всего, представлял собой постройку бедняка. Но тем не менее при нем был один, по-видимому, отдельно стоящий хлев [53]. Это подтверждает, что во второй половине XVIII в. в Вокнаволоке хотя и культивировалось стойловое скотоводство, но при небольшом количестве скота в малоимущих хозяйствах оно не привело к формированию домов-комплексов.

Более представительен дом Наумовых в деревне Алозеро. «Изба старая (выделено нами. — И. Г., В. О.) с крыльцом, в ней волоковых окошек 6, в них окончин стеклянных 4, печь каменная с рундуком и прилавкой. Двери с крюками на петлях железных. При избе сенцы со внутренней отделкой, в коих одно окно красное с оконницей, в коих два чулана с двумя дверьми, из них в одном окно красное с оконницей...» [54]. Из описания следует, что дом включал старую и, следовательно, срубленную не позднее чем в первой половине XVIII в., традиционную для карел шестиоконную избу (с тремя окнами на лицевом фасаде, с одним и двумя — на боковых), с обычной для северо-западной Карелии каменной печью, но с необычным припечным устройством — «каржиной» (о чем свидетельствует упоминание «прилавки») вместо преобладающего в более поздних постройках субрегиона «козоно». Поскольку в документе отмечен возраст только избы, можно предположить, что сени были построены позже, но, по-видимому, не позднее начала второй половины XVIII в. (в противном случае их, скорее всего, назвали бы «новыми»).

Светлые сени с красным окном и наличие второго красного окна в «белом» чулане — редкость для старинного крестьянского жилища Карелии, и свидетельство относительной зажиточности хозяев. Но отсутствие каких-либо упоминаний о пристроенных животноводческих помещениях говорит о том, что материальное благополучие само по себе не являлось в это время причиной, обязательно приводящей к строительству домов-комплексов. Как мы показали выше, это явление всегда вызывалось сочетанием нескольких причин, ведущей из которых в каждый конкретный период времени могла быть и высокая степень развитости сельского хозяйства, и повышенная традиционность культуры, и выполнение комплексным жилищем престижных и этносимволических функций.

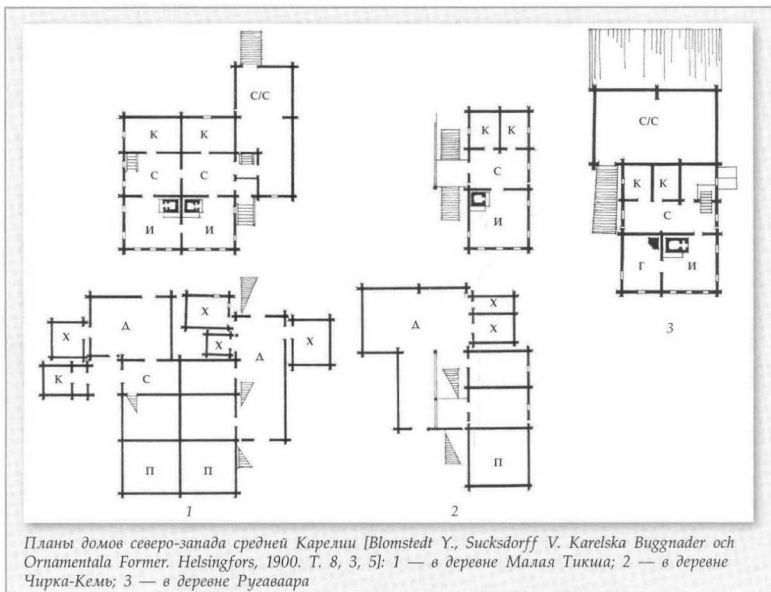
***

Крайне скудные исторические сведения о развитии жилища на территории средней Карелии, большая часть которой была освоена приладожанами в XIV—XVI вв. Лишь из «Поденной записки» правителя Олонецкого наместничества Г. Р. Державина достоверно известно, что в конце XVIII в. на юго-востоке средней Карелии — в Повенецком уезде — еще сосуществовали дома-комплексы, отдельно стоящие дворы-сарай и сеники на хлевах и конюшнях [55]. Несколько иная ситуация сложилась на северо-западе субрегиона. Здесь, по данным финских исследователей Ю. Бломстедта и В. Суксдорфа, в конце XIX в. степень упорядоченности домов-комплексов напрямую зависела от возраста до-

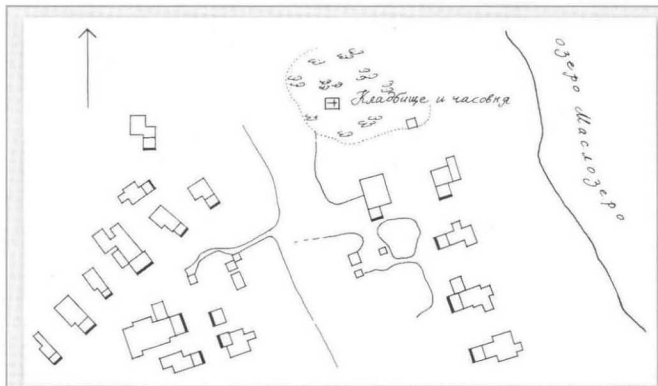

мов. Причем самые старые дома могли вовсе не иметь пристроенных животноводческих помещений [56].

Сопоставление воссозданной финскими исследователями картины, сложившейся к концу XIX в. на северо-западе средней Карелии (север современного Муезерского района), с ситуацией в северной части края (Калевальский и Лоухский районы) подтверждает, что прослеживающиеся тенденции блокировки жилых и хозяйственных частей с постепенным упорядочением формы и структурной организации домов-комплексов в целом связаны с заменой оседлого оленеводства более прогрессивной формой скотоводства со стойловым содержанием скота. Такая замена на рассматриваемой территории, с учетом возраста зафиксированных Ю. Бломstedтом и В. Суксдорфом построек, скорее всего, проходила в начале XIX в., что не противоречит данным Л. А. Капицы о смещении в XX в. к северу южной границы оленеводческого ареала и предположению Р. Ф. Таровой о более широком в прошлом его распространении по территории Карелии [57]. Формирование домов-комплексов в связи с переходом к стойловому скотоводству в более южной части субрегиона, судя по наблюдениям Г. Р. Державина, происходило на протяжении XVIII в. Разумеется, переход этот был достаточно протяженным по времени и, несомненно, протекал на разных территориях не синхронно.

Планы домов северо-запада средней Карелии [Blomstedt Y., Sucksdorff V. *Karelska Buggnader och Ornamentala Former*. Helsingfors, 1900. Т. 8, 3, 5]: 1 — в деревне Малая Тикиша; 2 — в деревне Чирка-Кемь; 3 — в деревне Ругаваара

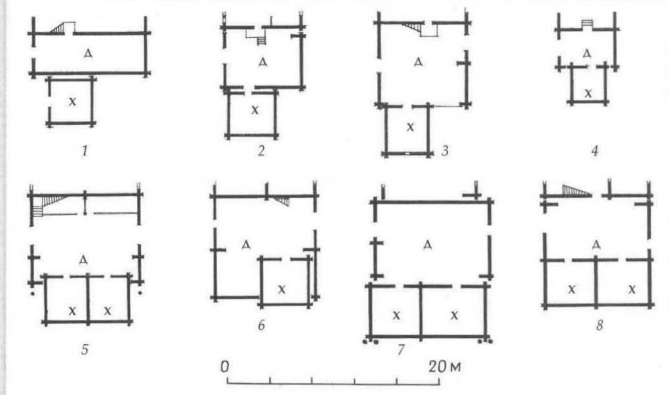
Дома-комплексы на плане деревни Юккожуба 1914 г.
[Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2, оп. 50, д. 40.]

Обращает на себя внимание явное сходство между зафиксированными Ю. Бломstedтом и В. Суксдорфом постройками муезерских карел и изображениями домов-комплексов Ухты на фотографиях того же времени, что свидетельствует об их генетической связи, восходящей, скорее всего, к периоду миграции карел в северо-западную Карелию.

Вместе с тем натурные обследования сохранившихся среднекарельских построек и анализ картографических материалов второй половины XIX — начала XX в. показали, что и на остальной территории средней Карелии бытовали жилищно-хозяйственные комплексы, по абрису плана напоминавшие современные им сооружения ухтинских и муезерских карел. Такая архитектурная общность домов-комплексов позволяет предположить, что собственно карелы в средней и северо-западной части края были носителями единых, достаточно определенно выраженных традиций домостроительства, по-видимому, восходящих к приладожской кореле.

Детальное обследование существующих построек подтвердило, что традиционная блокировка двора-сарая с жилищем в средней Карелии отличалась устойчивостью, свидетельствующей о ее относительной древности. Одно из подтверждений тому — включение сеней, как правило, в сруб хозяйственной части, а не жилища, подтверждающее, что во всех случаях, даже в сооружениях 1960-х годов, при возведении жилого передка предполагалась последующая пристройка хозяйственной части с коммуникационно-входным помещением.

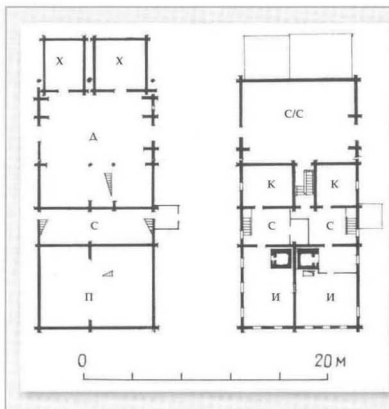
В средней Карелии встречаются различные приемы структурно-функциональной организации дворов-сараев, которые позволя-

Развитие двора путем пристройки и встройки хлевов: 1 — дом Диевой М. Я., 1950-е гг.; 2 — дом Дрозд М. Г., 1960-е гг.; 3 — дом Понькина М. Г., 1930-е гг.; 4 — дом Юргина И. М., 1940-50-е гг. (все из деревни Юккогуба); 5 — дом Стафеевой М. И., 1924 г. (деревня Пряккиля); 6 — дом Ложкина З. И., 1956 г. (деревня Юккогуба); 7 — дом Филатовой М. М., кон. XIX в. (деревня Юккогуба); 8 — дом Дорофеевых, нач. XX в. (деревня Руга)

ют наглядно представить последовательность преобразования архаичного нерасчлененного в плане двора-загона в конструктивно целостный сруб, включающий двор и стойловые помещения (чаще всего два), выделенные перерубами. Промежуточные звенья эволюционной цепи отражают пристройку хлевов ко двору снаружи, а затем их постепенную «встройку» — введение вовнутрь через проемы в ограждающих стенах двора. Промеи при увеличении пролетов обычно укреплялись столбами. При полной встройке стойловых помещений двойные стены могли ликвидироваться либо путем замены ограждения двора столбами (по аналогии с восточным вариантом домов-комплексов), либо путем перехода к целостному срубам (в соответствии с западной тенденцией). Таким образом, в процессе развития хозяйственных частей среднекарельского комплексного жилища возникала возможность их дальнейшего формирования по типу русских дворов-сараяв, но в этих условиях роль «блюстителя чистоты форм» принимала на себя традиция — различные варианты с применением столбов зафиксированы преимущественно в зонах этнических контактов с русскими соседями, где карельская традиция домостроения оказывалась менее устойчивой. Видимо, аналогичный механизм перехода к многостенному срубам двора действовал и в других частях собственно карельского ареала.

На первый взгляд противоречивым в приведенном примере выглядит то, что более архаичные формы дворов-сараяв представле-

Дом Огреева И. А.
в деревне Юккозуба,
1960-е гг.

Дом Н. Н. Привина и В. В. Мошкина
в деревне Пряккила, 1906 г.

ны в самых молодых постройках (1950—1960-х годов). Это явление можно объяснить только «откатной волной» в эволюции деревянного зодчества периода деградации, когда в связи со снижением общего уровня строительной культуры и ослаблением традиции возникает подобие движения вспять с повтором ранее пройденных этапов. Действию «откатной волны» подвергаются и абсолютные размеры двора-сарая — он укорачивается и понижается: более старые хозяйственные части — двухэтажные, более молодые — полтораэтажные с уменьшенной высотой верхнего уровня или одноэтажные, практически представляющие только двор.

Таким образом, процесс, подобный деградации первого поколения домов-комплексов ухтинских карел в XIX в., в средней Карелии начался почти на столетие позже, но не привел к распаду домов-комплексов. Изменению подверглись лишь их составляющие, в первую очередь хозяйственные части. Сказалась разница причин, приведших к ослаблению традиции: изменение сельскохозяйственной направленности ухтинских крестьянских хозяйств под влиянием климата и насильственное отторжение крестьян от земледелия и скотоводства после 1930-х годов, результаты которого мы наблюдаем в средней Карелии.

При натурных обследованиях выявилась еще одна любопытная особенность: в среднекарельских поселениях сохранившиеся традиционные постройки начала XX в. отличаются от своих предшественников XIX в., известных по литературным источникам, большей регулярностью объемно-планировочной структуры.

Особенно наглядно эта тенденция проявилась на юго-востоке субрегиона в Сегозерье, возможно, благодаря русским и людиковским влияниям. Здесь постройки начиная с рубежа XIX—XX веков отличаются от своих предшественников большей геометри-

ческой правильностью планов и преимущественным объединением жилых и хозяйственных частей общим двускатным покрытием. До 1930-х годов упорядочение объемно-планировочных решений домов-комплексов проходило при сохранении их прежних масштабных характеристик.

После 1930-х годов адаптация ранее возведенных жилищно-хозяйственных комплексов к новым условиям выразилась в реконструкциях с целью уменьшения или в полной разборке дворов-саев. Новые же дома-комплексы, возведенные после 1930-х годов, уменьшили свои абсолютные размеры, сохранив, хотя и упростив под влиянием «откатной волны», структурные части и взаимосвязи между ними. Но в этом случае «откатная волна» наложилась на продолжающую действовать тенденцию рубежа XIX—XX веков к упорядочению жилищ, в результате чего возврат к прошлому оказался не полным — повторились не архаичные формы, а их упрощенные геометризованные интерпретации.

***

Южная часть карельского этнического ареала расположена в междуречье Онежского и Ладожского озер в полосе среднетаежных урочищ преимущественно в пределах IV южного агроклиматического района [58]. В южной Карелии кроме карел-ливвиков и людиков проживают прионежские вепсы и русские (часть последних в переписях населения второй половины XIX в. записывалась карелами или чудью). Запад субрегиона в недалеком прошлом был населен ливвиками, финнами и вкрапленными в их среду собственно карелами — не изменившими своего местожительства прямыми потомками приладожской корелы.

Разнообразие ландшафтных условий (равнинно-низменная южная часть территории, ограниченная с юго-востока Олонецкой возвышенностью, сменяется на севере местностью с холмисто-моренным рельефом), этническая пестрота населения, нестабильная во времени административно-территориальная организация — все это в своей совокупности во многом предопределило сложность и неоднозначность картины формирования жилища в южной Карелии.

Восточная часть субрегиона с русским населением охватывается «придвинским» ареалом домов-комплексов с озадками сараев, вынесенными на столбах. Остальная территория входит в состав западного ареала, характеризующегося, как отмечалось выше, отсутствием столбовых опор и конструктивно однородным по высоте срубом хозяйственной части комплексного жилища. При этом на территории расселения людиков, занимающих буферную зону между русскими, ливвиками и собственно карелами, дома-комплексы, помимо очевидного восточного признака — сарая на столбах, включают характеристики, роднящие людиковские постройки с аналогичными сооружениями других этнических групп карел.

В историко-архитектурном отношении южная часть карельского этнического ареала сохранилась относительно хорошо, за исключением крайнего юго-запада, но и этот субрегион благодаря рабо-

там финских исследователей начала XX века У. Ульберга, А. Таващерна, Я. Кекконена [59] и С. Паулахарью [60] освещен достаточно полно. Известны и более ранние свидетельства. В XIX в., по описанию А. Хейкеля и Н. Н. Харузина, в южной Карелии еще бывали курные избы, не имевшие пристроенных хозяйственных частей. В 1827 г. Халиниусом были обследованы постройки, состоящие из двух изб с сенями между ними. Концом XVIII—началом XIX в. датируется однокамерная курная изба из деревни Петроваара Тохмоярвской волости (позднее перевезенная в Сортавальский городской парк) [61].

При совместном анализе названных материалов, дополненных натурными наблюдениями авторов, можно констатировать, что в начале XX в. в южной Карелии, особенно в юго-западном субрегионе, сосуществовали как дома-комплексы с одноэтажными и двухэтажными хозяйственными частями, так и отдельно стоящие хлевасеновалы, дворы-сарай и жилища. А до начала XX века включительно на значительной части территории юго-западной Карелии, так же как и на севере края, еще прослеживался переход от дворов-загонов к дворам с хлевами, при котором последние трактовались в виде наружных пристроек к двору, а не характерных для русских автономных срубов, устанавливаемых под навесом сарая.

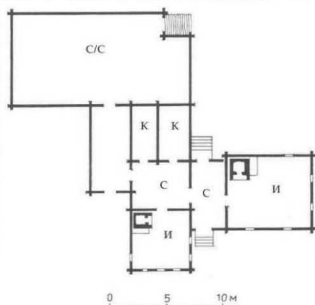
Сходство процессов сложения карельского комплексного жилища в разных субрегионах подтверждает почти буквальное повторение на уровне плана домов из деревни Мууанто в северо-западном Приладжье и уже упоминаемого нами карельского дома из деревни Нильмогуба на Белом море. Показательно, что в Приладжье, как и в северной Карелии, в некоторых случаях для увеличения площади двора к нему пристраивались дополнительные дворики. Примерами могут служить приведенные У. Ульбергом, А. Таващерна и Я. Кекконеном хозяйственная часть «курной избы» в деревне Пепенсаари вблизи Суоярви, решенная в виде двух дворов — первоначального двора-загона и пристроенного к нему хлева с двором-предхлევьем; ряд построек с основным двухэтажным двором-сараем с пристроенным к нему одноэтажным двором; дом-комплекс в деревне Кондусельга с конгломератом трех дворов, один из которых проходной [62].

Более развитые компактные и упорядоченные из приладжских домов-комплексов также сходны по многим признакам с аналогичными северно- и среднекарельскими сооружениями. Их общими характеристиками являются составное многостатное построение срубов и сохранение параллельных стен в местах стыковки, произвольность расположения перерубов, выделяющих хозяйственные, а иногда и дополнительные жилые помещения, относительно широкое распространение самостоятельных покрытий над различными частями домов.

Но кроме того, в Приладжье зафиксированы постройки, иллюстрирующие еще более архаичные стадии формирования комплексного жилища корелы. По нашему предположению, тенденция к сложению здесь домов-комплексов возникла в рамках более общей направленности к блокировке отдельно стоящих усадеб-

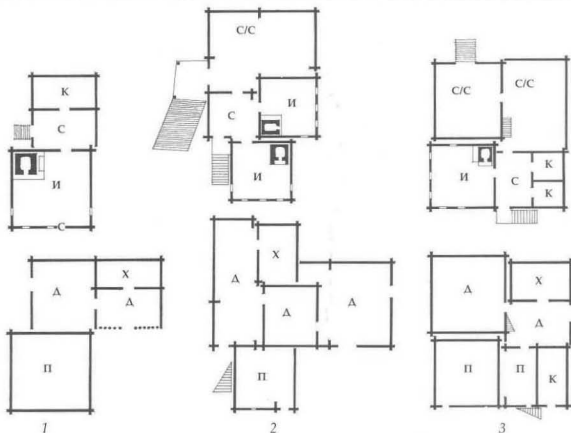
ных построек — изб, клетей, небольших, в связи с незначительными масштабами скотоводства, хлевов. Включаемый таким образом в комплексное жилище хлев становился прототипом для архаичного двора-загона, возникающего при дальнейшем развитии дома. Отсюда и отсутствие столбов в озадке производного от такого прототипа собственно карельского двора-сарая. Далее, по мере необходимости, двор-загон вновь обрстал пристройками хлевов, которые при постоянно действующей тенденции к упорядочению формы (как мы видели на примерах из Сегозерья) «поглощались» объемом дома-комплекса. В этом процессе в Приладожье, так же

Дом в деревне Мууанто [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 46]

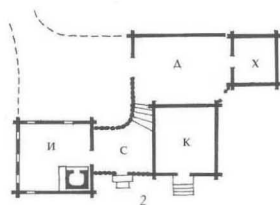
Развитие хозяйственной части путем пристройки дополнительных дворов:

- 1 — дом в деревне Нинисельга (Олонецкий район);
- 2 — дом в деревне Кондусельга;
- 3 — дом в деревне Пененсаари [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 44, 52, 48]

1

2

Формирование дома-комплекса
«по месту»:
1 — усадьба в деревне Яловаара
[Ullberg U., Tavaststjerna A.,
Kekkonen J. Kansanomaisia
rakennustapoja ... S. 42];
2 — дом в деревне Мыезеро
[Blomstedt Y., Sucksdorff V.
Karelska Buggnader ... T. 3]

как в средней и северной Карелии, ярко проявлялся принцип формирования домов-комплексов «снаружи вовнутрь». Этот принцип известный финский архитектор Алвар Аалто образно определил как рост, начинающийся «с одной неприятной клеткой или с разбросанных клеток-эмбрионов, построек-зародышей — помещений для людей и скота» [63].

Есть все основания полагать, что кроме описанного механизма формирования дома-комплекса в северо-восточном Приладожье существовала и другая тенденция — сложение комплексного жилища путем спонтанного, видимо, растянутого во времени объединения отдельных построек разного назначения и примыкающих к ним коммуникационных пространств с образованием крытого двора «по месту». Производными от архаичных домов-комплексов такого типа в собственно карельском ареале являются известные по XIX веку примеры включения в состав дома-комплекса значительного дворового пространства, причем не только хозяйственного, но и полифункционального, с животноводческой и «чистой» (коммуникационно-входной) зонами. В этом случае основной вход в жилище организовывался через преддворье или предсенье, выгороженное во дворе. Судя по литературным данным, такие решения в прошлом были распространены в средней Карелии [64], а их отголоски зафиксированы нами и южнее. Но все возникшие таким путем дома-комплексы либо сохранили конструктивно цельный сруб двора-сарая без столбовых опор, отсутствующих и у прототипа — «двора по месту», либо по каким-то причинам вытеснили столбовую конструкцию прототипа вендовой. (То, что столбовая конструкция могла на определенном этапе быть достаточно распространенной, подтверждают уже упомянутые нами выше дворы «в заплот» Кивеннапы и находящиеся в стадии формирования дома-комплексы Кингисеппского уезда).

На материалах северо-восточного Приладожья мы рассмотрели тенденцию формирования домов-комплексов на поземном уровне. Ответ на вопрос — как появились двухэтажные дворы-сарай? — могут подсказать полувстроенные взвозы, единичные примеры которых в разное время были зафиксированы почти повсюду, где побывали собственно карелы, включая обширные ареалы их расселения в средней и северной Карелии и небольшие анклавов в Зонежье. Полувстроенные взвозы — единственно возможное устройство для въезда воза с сеном под боковой скат крыши невысоких сараев, возникновение которых по аналогии с существующими на Русском Севере постройками можно представить как «вырастание» чердака-сеновала над стойловым помещением через промежуточную форму — полуторазэтажный двор-сеновал. По-видимому, именно так эволюционировали дома-комплексы собственно карел. Подтверждением правомочности предположения о направленности развития снизу вверх могут служить существовавшие в начале XX века в пределах ареала двухэтажных карельских дворов-сараяв старинные постройки с одноэтажными дворами [65].

Приладожские дома-комплексы являлись не только преемниками архитектурных традиций карелы, но и способствовали распространению этих традиций на восток, в пределы ареалов северных (сямозерских и вешельских) и средних ливвиков (пряжинских и северно-олонецких). Непосредственными проводниками таких влияний могли быть переселенцы из северо-западного Приладожья.

Особенно ощутимым было сходство между собственно карельскими и среднеливвиковскими домами-комплексами. К числу общих для них признаков относятся развитие жилища путем нерегулярных пристроек и повышенная «пространственность» микропланировочного подхода к формированию домов-комплексов с включением в их состав полифункциональных дворов.

Примечательно совпадение ареала этих наиболее неупорядоченных из ливвиковских домов-комплексов, расположенных в пределах юго-запада бывшего Петрозаводского и севера Олонецкого уездов, с зоной относительно примитивного земледелия с наименьшим по Олонецкой губернии процентом подсеки [66] и наименьшим по сравнению с южными и северными ливвиками объемом скотоводства: на одного жителя здесь в начале XX в. приходилось по 0,22 лошади и 0,38 коровы, что на 16% меньше, чем на севере, и на 20% — чем на юге субрегиона [67]. Как следствие менее благоприятных условий для хозяйственного развития, связанные с последним архитектурно-строительные процессы протекали менее интенсивно, что в свою очередь создавало предпосылки для длительности сохранения архаичных приемов и форм.

В постройках северных ливвиков общность с собственно карельскими домами-комплексами прослеживается на уровне пространственно-планировочного ядра дома, включающего межуровневую лестницу в хозяйственной части, заключенную в своеобразную лестничную клетку — сруб, примыкающий к сеням, а также элементы нерегулярности во внутренней структуре дома, связанные с развитием по принципу «снаружи вовнутрь». Э. Лённрот, побывавший

в деревнях северных ливвиков в 1841 г., описывая сложное устройство местных домов «со множеством ходов и выходов, всевозможных помещений», отмечал, что, «не имея многолетнего опыта проживания в доме и не зная, где что находится, подвергаешь себя опасности заблудиться здесь» [68]. В симметричных и лаконичных внешних объемах северно-ливвиковских домов следы развития «снаружи вовнутрь» проявляются в сохранении составного характера сруба с произвольными не увязанными по горизонтали и вертикали пе-

Дома-комплексы южной Карелии:
1 — дом в собственно карельской деревне Контро [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 58];
2 — дом И. Д. Яковлева в северно-ливвиковской деревне Нижняя Салма, 1924 г.;
3 — дом А. Г. Кичугиной в лудиковской деревне Лижмозере Большое, 1925—1926 гг.;
4 — дом В. С. Родионовой в южно-ливвиковской деревне Большая Сельга, посл. четв. XIX в.

Двор-сарай дома А. Г. Кичугиной
в Лижмозере Большом.
Фото И. Гришиной, 1992 г.

рерубами, многочисленными конструктивными швами в наружных стенах, в широком распространении встроенных срубов, сохраняющих параллельные стены в месте стыков.

Вместе с тем жилища северных, сямозерских, ливвиков благодаря более интенсивному развитию и заметному русскому влиянию характеризуются большей, чем собственно карельские и среднеливовиковские дома-комплексы, упорядоченностью плана и объемов. Но при этом они обладают яркой особенностью, отмеченной в свое время еще Р. М. Габее, — коньковым выносом задней стены сарая над хлевами. Такое решение, отличающееся и от русского приема «сарая на столбах», и от карельского «сарая на углах», встречается везде, где взаимодействуют традиции «русского» и «карельского» устройства дворов-сараяев, но, как правило, лишь на узкой полосе противопоставления разноэтнических строительных культур.

Проводниками русских строительных традиций в Сямозерье являлись людики, в большей степени испытавшие на себе нивелирующее воздействие русской культуры. Так, людиковские дома-комплексы обладают наибольшим сходством с русскими, но вместе с тем отличаются в целом несколько меньшей регулярностью по отношению к аналогичным русским постройкам, что, в частности, выражается характерной для них «невписанностью» хлевов в объем дома с выступами стойловых помешений, перекрытых самостоятельными крышами, за грани стен сарая. Иная картина наблюдается у сямозерских ливвиков, которые привели заимствования в соответствие собственным традициям (адаптации заимствований в данном случае, скорее всего, способствовала практика выполнения подобных форм при строительстве отдельно стоящих хлевов-сеновалов — см. с. 205) и на волне второй этнизации местной культуры смогли противопоставить русскому влиянию собственный конструктивный прием [69]. Во многих случаях эстетическая осмысленность консолей сарая дает возможность предположить, что они могли являться не только этнодифференцирующими признаками, но и этническими символами, маркирующими этническое порубежье, имеющее вид уже не полосы, а пятна — убедительное, на наш взгляд, подтверждение, что значительная часть исследуемой территории в свое время являлась зоной этнического сопоставления [70].

Характер ареализации признаков собственно карельской традиции строительства домов-комплексов с учетом истории расселения карел по территории Карелии и за ее пределами дает возможность гипотетически предположить, что центр формирования карельского дома-комплекса возник на земле летописной корелы в Приладожье и, видимо, достаточно давно. Правда, экскурс в прошлое для установления времени появления там первых домов-комплексов затрудняет недостаток документальных сведений о ранней истории карельского жилища. Но существуют косвенные данные для суждения по этому поводу, основанные на анализе домов-комплексов Верхнего Поволжья, где с XVII в. соседствовали карелы и русские.

На тверской земле крестьянские усадьбы с одноэтажным крытым двором получили распространение в середине XIX в. и окончательно сформировались к его концу [71]. Вместе с тем среди верхневолжского ареала усадеб с одноэтажным крытым двором исторически сложился ареал усадеб с двухэтажным двором, локализовавшийся в пределах территорий компактного проживания тверских карел, переселившихся сюда в первой половине XVII в. из захваченного шведами западного Приладожья. Распространение двухэтажных дворов у карел подтверждается рядом описаний Тверской губернии XVIII—начала XX вв. [72]. Характерные для двухэтажных дворов-сараев взвозы были зафиксированы здесь в 1930-х годах [73], а в 1983 году экспедицией с участием авторов при общей картине взаимопроникновения русской и карельской традиции строительства домов-комплексов (создание «компромиссных» полудвухэтажных дворов-сараев с пониженным сараем или развитым чердаком над двором с высотой продольных стен в 2—4 бревна) в домах карел были обнаружены полувстроенные или полностью встроенные в объем двора-сарая взвозы. Примечательно, что подобные элементы встречаются и в западном Заонежье, где в первой половине XVII в. также осела часть карельских переселенцев-приладожан, став соседями русского населения [74]. Ранее полувстроенные взвозы уже послужили нам для аргументации гипотезы о развитии двора-сарая карельского дома «снизу вверх». В Верхнем Поволжье на существующих постройках мы обнаружили все отдельные этапы этого вырастания, которые в обратной последовательности («откатная волна») прошли двухэтажные дома-комплексы в процессе нивелирования карельской и русской архитектурной традиции.

В связи со сказанным напрашиваются два предположения: либо карелы сформировали дома-комплексы с двухэтажными дворами уже на тверской земле, либо принесли в Верхнее Поволжье готовые формы, возникшие на территории Карелии. Многие говорят в пользу второго предположения. В самом деле, после периода миграции, а «исхода» карел в тверской край закончился в 1656—57 годах, необходим адаптационный период, в том числе и для утверждения мигрантов как этнической целостности в инокультурном окружении. Он закономерно сопровождается некоторой архайзацией архитектурных приемов и форм, повторением в новых условиях устоявшихся, традиционных решений. По-видимому, адаптационный период можно соотнести с пиком самобытности строительной культуры тверских карел, тем не менее не предполагающим архитектурных новаций. В дальнейшем исторически шел постепенный процесс нивелирования карельской и русской строительной традиции, результаты которого мы видим в наши дни.

Здесь же надо отметить, что распространенные точки зрения об отсутствии в Верхнем Поволжье двухэтажных домов-комплексов до последней трети XVII в. во многом основывались на «Альбоме Мейерберга» — известном иконографическом источнике 1661 г., иллюстрирующем маршрут поездки австрийского посла в Москву через Новгород и Тверь. Однако в альбоме приведены панорамы крупных придорожных сел, а мигрировавшие карелы расселялись

преимущественно в глубинке — на залесенных территориях и пустошах, за что некоторые компактные группы карел до сего дня русские соседи прозывают «дикими».

Если говорить о «приладожском варианте» зарождения домов-комплексов тверских карел, то наиболее вероятным, на наш взгляд, временем для этого являлся не конец XVII в., как предполагал А. А. Шенников [75], и даже не первая половина столетия в разгар русско-шведской войны и начала массовой миграции карел (после Столбовского мирного договора 1617 г.), а скорее всего XVI в., когда существовали объективные предпосылки для архитектурно-строительных новаций, вызванные социально-экономическим подъемом края в связи с освобождением карельских крестьян от новгородской боярщины. Правда, в проанализированном А. А. Шенниковым письменном документе 1571 г. — в описи 82 запустевших крестьянских усадеб, расположенных севернее города Корелы на территории, захваченной шведами, отсутствуют какие-либо сведения о существовании там крытых дворов. Не исключено, конечно, как считал А. А. Шенников, что таких сооружений в Корельском уезде в XVI в. еще не существовало, но возможны и другие предположения: новые типы жилища просто не успели укорениться на периодически разоряемой порубежной территории, или были разобраны шведами в первую очередь, поскольку в 13 из описанных усадеб не момент описи жилые избы вообще отсутствовали [76]. И хотя сокращенный состав усадебных построек А. А. Шенников объяснял проживанием корелы в банях подобно тому, как это делали порой беднейшие крестьяне Финляндии, Эстонии и Латвии [77], применительно к Приладожью на этот счет нет конкретных подтверждений. Вряд ли правомерно относить к категории «беднейших» основную часть освобожденных от новгородской боярщины приладожан XVI в. Если же в силу разных причин население рассматриваемой локальной территории было исключением, то совершенно очевидно, что не оно являлось потенциальным проводником новых строительных решений. Тем более, что известно: экономическая ситуация на Карельском перешейке значительно ухудшилась только в 1660—1670-е годы, а до этого край переживал время процветания [78], что весьма существенно, поскольку позволяет отнести формирование приладожских домов-комплексов к первой половине XVI века, то есть примерно ко времени зарождения комплексного жилища в Придвинье.

В пользу гипотезы об относительно раннем (в пределах XVI в.) начале формирования приладожских домов-комплексов свидетельствуют и скопления навоза, обнаруженные при археологических раскопках Корельского городка в проходах между жилыми сооружениями, что, по мнению археолога А. Н. Кирпичникова, подтверждает наличие древних пристроенных к жилищам стойловых помещений [79] — весьма вероятных предшественников крытых дворов.

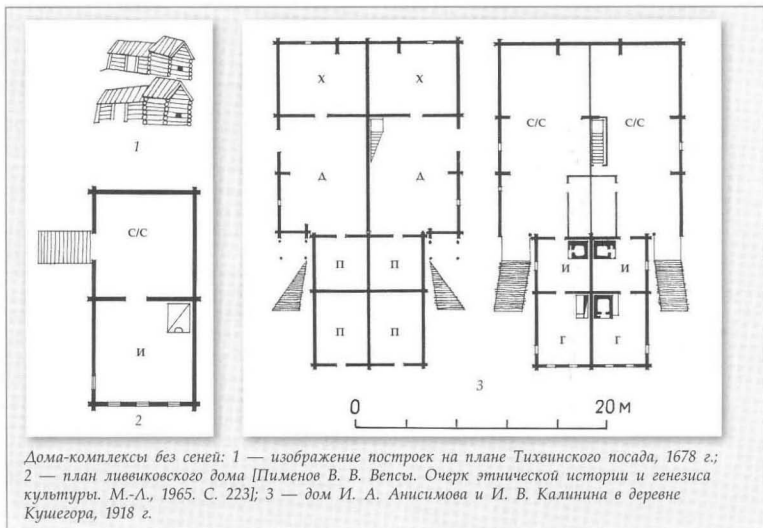
Таким образом, хотя время формирования домов-комплексов в собственно карельской крестьянской среде точно не установлено, есть достаточно веские основания считать Приладожье цент-

ром формирования таких сооружений, территориально независимым от Придвинского центра.

Вместе с тем гипотеза об общности происхождения собственно карельских домов-комплексов отнюдь не говорит о моноцентричности эволюции таких сооружений в пределах Карелии. Если сравнить жилища запада и северо-запада южной части края (ареалы собственно карел и зоны влияния их строительной культуры) с аналогичными постройками крайнего юга субрегиона, то можно констатировать отличие последних, выражающееся в отсутствии пристроек и составных срубов, в относительной упорядоченности плана, более регулярной организации объема. Эти особенности, характерные для домов-комплексов, бытовавших на Олонецкой равнине, позволяют предположить, что в районе Олонца эволюция жилища проходила иначе.

Как известно, восточно-приладожский культурно-экономический общекарельский центр начал складываться в XVI в., а к XVII в., после захвата западного Приладожья Швецией, его роль значительно возросла [80]. Здесь по ряду признаков развитие жилища появилось достаточно рано. Подтверждение тому — изображение жилых домов с высокими подклетами на известном плане Олонецкой крепости 1690-х гг. и проанализированные В. В. Пименовым единичные письменные источники XVII в. [81].

Можно предположить, что здесь, на юге Карелии, в силу местных условий распространение стойлового содержания скота и, соот-

Дом без сеней
И. А. Анисимова
и И. В. Калинина
в деревне Кукушегора,
1918 г. Фото
В. Гуляева, 1992 г.

ветственно, возникновение домов-комплексов совпало по времени с завершением формирования 2-, 3-камерного жилища. При этом для стойловых помещений первоначально могли использоваться имеющиеся в наличии помещения домов, в первую очередь сени, которые, возможно, получили двойное назначение — теплового щюза перед жильем и стойлового помещения. Основанием для такого предположения являются зафиксированные у олонекских ливвиков дома-комплексы без сеней со входом в жилье по взвозу через сарай. Ряд исследователей, опираясь на трактовку В. И. Равдоникаса археологических находок в Старой Ладоге [82], считали такие дома пережитком архаичного решения дома-комплекса [83]. Правда, архитектор Ю. П. Спегальский убедительно опроверг правоту такой гипотезы применительно к раннему средневековью [84], но сама по себе в иных хронологических границах она представляется вполне вероятной. Впрочем, в данном случае можно обойтись и без интерпретации археологических данных: о древности использования взвозов олонекскими ливвиками в качестве входа в избу неопровержимо свидетельствует сохранявшийся до недавнего времени в Олонекском районе «культ взвозов» (см. с. 427—429), игравших важную композиционную роль в облике жилища и поражавших самобытной архаичностью декоративной обработки своих столбов, рассчитанных, по словам Р. М. Габее, «на особый эффект резного дерева» [85] и трактуемых в наиболее старых домах как языческие обереги-идолы.

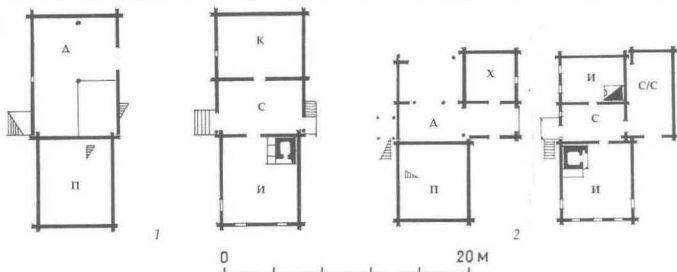
Дом А. В. Ярагина в деревне Матчезеро,
кон. XIX — пер. треть XX в.

Скорее всего, формирование южно-ливвиковских домов, включавших жилище и сени-двор, происходило на поземном уровне путем модификации комбинированных сеней, а затем сарая-сеней, которые, по нашему мнению, обусловили развитие дома-комплекса как бы по спирали от однокамерного отдельно стоящего жилища к двухкамерному, включающему сени, от него вновь к однокамерному без сеней, но уже в рамках дома-комплекса, и, наконец, опять к двухкамерному с сенями, выгороженными из пространства двора. Дом-комплекс, сформировавшийся или формирующийся на поземном уровне, в дальнейшем мог трансформироваться по высоте: применительно к жилой части за счет подполья, постепенно вырастающего в подклет, применительно к двору — за счет выделения чердака, перерастающего затем в сарай.

Подобные преобразования по горизонтали и вертикали полностью соответствуют тенденции развития построек по принципу «изнутри наружу» с помощью внутреннего разделения имею-

Дом М. Ф. Гужиной
в деревне Сигнаволок,
1918 г. Фото В. Гуляева,
1992 г.

Дома с расположением двора под жилой частью дома: 1 — дом в деревне Ильина Гора [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 36]; 2 — дом М. Ф. Гужиной в деревне Сигнаволок, 1918 г.

щихся помещений. В целом такой способ развития домов у ливвиков выражен явно отчетливее, чем у собственно карел. Видимо, действием тенденции к внутреннему разделению можно объяснить и образование многостенного сруба двора, столь характерного для домов ливвиков, — выгораживание перерубами хлевов в объеме двора-загона архаичного типа, внешне отличающегося от первоначального двора-сени лишь большими размерами. Напомним, что двор с хлевами в виде целостного сруба у собственно карел обычно формировался путем развития «снаружи вовнутрь», что легко прослеживается даже в относительно новых и, казалось бы, полностью сnivelированных постройках.

Примером поздней модификации комплексного жилища в соответствии с рассмотренной южно-ливвиковской тенденцией может служить дом А. В. Ярагина, срубленный в XX веке в деревне Матчезеро на северо-востоке Олонечского района. Он включает сени-двор — двухэтажное полифункциональное помещение, на первом этаже которого организована поземная входная зона с междуэтажной лестницей, а позади нее — хлев и выделенное перерубом из коротышей место для стойла-выгородки. На втором этаже частично с помощью переруба, частично за счет перепада отметок полов устроена ниша миниатюрного сарая с загрузочными воротами в задней стене.

Судя по материалам У. Ульберга, А. Тавашерна и Я. Кекконена, в бывшем Олонечском уезде и на сопредельных территориях в начале XX века существовали архаичные дома-комплексы, дающие возможность представить еще один путь формирования комплексного жилища, которое более органично преобразовывалось в развитые дома-комплексы с двухэтажными дворами-сараями: в трехчастном жилище (изба-сени-клеть) двор занимал подклет или подклет и подсенье одновременно, клеть в дальнейшем могла преобразовываться в сарай. Аналогичный процесс мог происходить и при двухчастном жилище (изба-сени) с высоким подсеньем. В 1992 году авторам удалось зафиксировать в деревне Сигнаволок Пряжинского района редкий на сегодняшний день ливвиковский дом с двором под сенями и задней избой.

Первоначальным использованием части жилища под животноводческое помещение объясняется как отсутствие столбовых опор под сараем в более развитых позднейших домах-комплексах, так и регулярное решение объема дома, где хозяйственная часть структурно подобна жилой. Если первое характерно для всего карельского ареала, то применительно ко второму подобие частей комплексного жилища у южных ливвиков фиксируется даже в незначительных на первый взгляд нюансных особенностях: хозяйственная часть таких домов, как правило, делалась короче аналогичных построек в других частях Карелии и преимущественно равнялась по длине жилой части с сенями. При этом обращает на себя внимание нередкое отсутствие перерубов в продольных стенах сарая, двора или обоих одновременно, даже при относительно значительной их длине. Последнюю особенность проще всего можно объяснить соотносительностью с образной ха-

рактистической прототипа хозяйственной части — комбинированных сеней или клетки на подклете, сруб которых из-за небольших размеров не нуждался в конструктивных перерубах. В дальнейшем закреплённый традицией зрительный образ постройки, видимо, сыграл роль эталона, во многом повлиявшего на трактовку двора-сарая, выросшего из помещений жилища, не только в части отсутствия столбовых опор (о чем уже говорилось), но и применительно к конструктивному решению сруба в пределах, обеспечивающих его устойчивость.

Тесная взаимосвязь жилых и стойловых помещений, предопределившая особенности южно-карельского жилища, не редкость для народной культуры. Пример тому — избы удорских коми с хлевами в подызбье и дополнительным входом в стойловое помещение через люк в полу [86]. Подобный симбиоз известен и в западной Европе, где были распространены жилищно-хозяйственные комплексы, называемые «длинными домами», которые, судя по археологическим данным, уже в XIV в. на территории нынешних Нидерландов включали жилую и хозяйственную части, разделённые перегородками. Каждая часть имела отсеки, использовавшиеся в одних случаях в качестве жилых помещений, в других — как стоила для скота. (Отсюда и распространённое название таких построек — «жилой хлев-дом») [87]. Со сходным планировочным решением в натуре авторы ознакомились в Финмарке (Северная Норвегия) на примере «гамме» — саамских жилищно-овцеводческих построек с каркасно-дерновыми стенами-покрытиями. Подобные, но только срубные постройки с плоской дерновой крышей — «тупы» — зафиксированы в начале XX в. и у русских саамов (лопарей) в районе Кандалакши и на Кольском полуострове [88].

Отсутствие строгой функциональной дифференциации частей домов-комплексов помимо жилища южных ливвиков в той или иной мере характерно для построек всего карельского ареала края. Распространённым приемом является расположение стойловых помещений или части двора в подсенье или в подклетах под жилищно-бытовыми помещениями [89]. Это особенно отчетливо прослеживается на относительно ранних стадиях формирования домов-комплексов. Например, большинство приладожских, средне- и северно-ливвиковских домов, планы которых включены в сводные таблицы упомянутой выше монографии У. Ульберга, А. Тавашерна и Я. Кекконена [90], фиксируют различную степень взаимопроникновения жилых и хозяйственных частей в рамках дома-комплекса.

Можно предположить, что у карел размещение скота в специально оборудованных помещениях, являющихся частью жилища или непосредственно к нему примыкающих, на психологическом уровне было подготовлено временным пребыванием животных в избах. Правда, такого обычая, в прошлом распространённого в Финляндии и в других регионах Севера в период развития там бесстойлового скотоводства, по словам Р. Ф. Тароевой, в Карелии не знали [91], но это утверждение опровергается уже приводимыми выше наблюдениями: карелы, дисперсно расселившиеся на севере края, даже в XIX в. кормили и держали скот в избах и, по-

видимому, до возникновения домов-комплексов аналогично поступали и в других частях карельского этнического ареала.

Для традиционной культуры карел свойственна особая консервативность в отношении связанных со скотоводством обычаев, примет и запретов [92], зачастую более древних и устойчивых, нежели соответствующие сельскохозяйственные представления, хотя земледелие, как уже отмечалось, являлось основой хозяйственного уклада карельских крестьян. Возможно, в этом сказалась опосредованная преемственность между скотоводством и охотой, с которой в духовной культуре прибалтийско-финских народов связаны особенно древние религиозно-магические напластования [93].

Об особой ценности домашнего скота в крестьянском хозяйстве карел говорит то, что его покровителями стали самые влиятельные духи карельского мифологического пантеона — духи умерших предков, в то время как о прямом соотношении земледельческой магии с культом предков свидетельств нет [94]. «Внезапные болезни или падеж скота обычно объясняли неудовольствием покойников, к ним прямо обращались с просьбой способствовать удаче в скотоводстве. Жертвование домашних животных покойникам — явление весьма распространенное у прибалтийско-финских народов» [95].

Отсюда становится понятным размещение скота в подклетах: ведь там по поверьям карел и обитали души могущественных основателей рода. Впрочем, незримое присутствие прародителей пронизывало всю среду крестьянского дома. Отголоски их пребывания придавали особое значение большому углу и печи, а во время обрядовых торжеств их еще раз дополнительно приглашали в избу. На кладбище у душ предков тоже были свои жилища — «намогильные домики». Может быть, местом пребывания душ умерших

Дом-комплекс
южных ливвиков.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

действительно могло быть только реальное жилище или сооружение, ассоциативно с ним связанное? Может быть, в этом заключается стремление приблизить стойловые помещения к «зоне влияния» покровителей? Это предположение может объяснить и черты уподобления дому хлева у карел: это уже упоминавшиеся очаги в хлевах на севере Карелии, а также традиция, по которой хлев, подобно архаичному, еще без окон, жилищу, входом обращался на юг.

Мало того, сближение характеристик жилища и построек для скота, поддержанное и усиленное симбиозом жилой и хозяйственной частей в рамках дома-комплекса, нашло отражение и в конструктивных решениях двора-сарая в целом. Так, столбовая конструкция, не применявшаяся при строительстве изб и клетей, сохранялась в уже упоминавшихся отдельно стоящих дворах Кивеннапы, сочеталась с венцовой конструкцией в хозяйственных частях ингерманландских домов-комплексов, находящихся в 1920-х годах в стадии формирования, и была вытеснена венцовой техникой во дворах-сараях уже давно сложившихся карельских домов.

В разной степени приемы «одомашнивания» хлева, а затем и хозяйственной части дома-комплекса распространены во всем карельском ареале. Но только у южных ливвиков они сыграли роль формообразующего фактора при зарождении домов-комплексов. При этом в южно-ливвиковских домах уподобление частей друг другу и их композиционная взаимосвязь достигались путем ассоциативно-образной трактовки хозяйственной части как «дома для животных». Вне зависимости от того, как возникла такая трактовка — спонтанно или преднамеренно, она отчетливее всего проявилась в облике характерных для олонечких ливвиков домов-комплексов с асимметрично уширенным двором-сараям и с самостоятельными двускатными крышами над жилой и хозяйственной частями, менее отчетливо — в равношироких, но разновысоких постройках и едва угадывается в тех случаях, когда жилая и хозяйственная части домов-комплексов объединены общей двускатной крышей. Такая нивелировка объяснима с учетом закономерного изменения во времени генетически обусловленных образных характеристик строений под воздействием универсальных тенденций к упорядочению архитектурных форм.

Если двор и хлев «одомашнивались» как бы на уровне идеи, то сарай хозяйственной части обживался физически. Особенно ярко это проявлялось у южных ливвиков, где сарай при нередком отсутствии сеней служил обширной прихожей. Здесь хранилась не только хозяйственная, но и бытовая утварь, а пол перед входом в жилье нередко застилался яркими домоткаными дорожками.

Сарай являлся универсальным складским помещением, которое традиционно для северно-русской крестьянской культуры совмещалось с устройством дополнительных спальных мест, особенно летом. В этой роли сарай часто выручал своих хозяев, когда в дни крестьянских деревенских праздников количество приезжающих гостей в несколько раз превышало население деревни [96].

На сарае выполняли различные хозяйственные работы, в том числе мололи муку, для чего устанавливался специальный столик

с ручным жерновом. Здесь шили лодки, мастерили сани. Активная тенденция к «обживанию» привела к структурным изменениям сарая: на его площади стали выделять холодные клетки и, начиная с XX в., отапливаемые горницы и дополнительные встроенные избы.

***

Рассмотрев специфику формирования домов-комплексов в различных частях Карелии, перейдем к обобщениям. Анализ архитектурного материала показал, что в регионе не существовало однозначной зависимости между формообразованием домов-комплексов и любым отдельно взятым природно-климатическим, хозяйственным или этническим фактором. Тем не менее действие таких факторов в разных сочетаниях приводило к сходному результату, о чем свидетельствует общность форм домов-комплексов, сложившихся к концу XIX века на всей территории расселения собственно карел, включая карельские ареалы в Олонецком и Тверском краях [97].

Возвращаясь к вопросу о происхождении домов-комплексов, представленному нами в начале главы, отметим, что основной, наиболее примечательной их особенностью является частичное включение в замкнутый объем дома окружающего пространства — усадебного двора, ставшего главным помещением и ядром формирования хозяйственной части сооружения. Отсюда и одно из его названий — дом-двор, которое, как и другое распространенное название — дом-усадыба, свидетельствует о промежуточном положении таких сооружений между объемно-пространственными образованиями — усадьбами как частями поселения — и собственно объемами-оболочками, ограничивающими интерьер. И как следствие — сложный характер эволюции таких домов, сочетающий тенденции, характерные для эволюции объемно-пространственных образований и отдельных построек.

В самом деле, усадьбы подвергались рассмотренным нами ранее характерным для поселений, а следовательно, и для их частей, уплотнению и повышению регулярности застройки, что применительно к домам-комплексам проявилось в стремлении к блокировке отдельных построек и к последующему упорядочению сложного объема. Такой процесс изначально характерен для любой архитектурной деятельности, осознанно или интуитивно направленной на формирование среды обитания в противовес стихийным формообразующим силам природы. Что касается сельской усадьбы, то степень ее упорядоченности зависит от хозяйственно-культурного типа населения. При присваивающем хозяйстве (собирательстве, охоте, рыболовстве) у человека не появлялось необходимости в существенных масштабах физического преобразования окружающей среды. Воздействие на природу осуществлялось преимущественно на магическом уровне, а «средообразование» ограничивалась сферой отдельных построек — жилища, лабазов, клеток. Показательны в этом плане саамские промыслово-оленьеводческие усадьбы, представляющие собой россыпь на обширной территории мелких, преимущественно однокамерных построек.

При переходе к пашенному земледелию сфера физического воздействия на природу значительно расширялась. Это, видимо, и было тем толчком, который привел к активному освоению пространства усадьбы и к формированию комплексов построек. Отголоски значения земледелия в процессе «окультуривания» пространства усадьбы зафиксированы в некоторых животноводческих обрядах Карелии. Так, в Сегозерье, чтобы выгнать из стойлового помещения злого духа (*haldie*), который беспокоил скот, убирали навоз, вспахивали землю в хлеву и засевали ее обычными для полей и подсеки культурами [98].

Таким образом, и уплотнение, и упорядочение объемно-планировочной структуры усадьбы, приводящие к формированию домов-комплексов, как и соответствующие преобразования поселений в целом, носили стадиальный характер, predetermined в конечном счете соотношением присваивающих и производящих начал в хозяйственном укладе крестьян. Но в связи с особой традиционностью крестьянской культуры карел ее промысловая подоснова, а равно и соответствующие пространственно-планировочные стереотипы организации как поселений, так и усадеб, включая дома-комплексы, долго удерживались в карельской крестьянской среде, превращая степень беспорядочности в один из основных этнодифференцирующих признаков организации материальных структур. Ранее мы уже отмечали, что меньшая регулярность при прочих равных условиях является основной отличительной особенностью карельских деревень по отношению к русским поселениям. То же в полной мере относится к решению микропланировочных задач при формировании жилищно-хозяйственных комплексов и преобразованиях их внутренней структуры.

Развитие «изнутри наружу» и «снаружи вовнутрь» — два принципа формирования карельских домов-комплексов, первый из которых в чистом виде проявлялся только у южных ливвиков, а второй в качестве основной тенденции — в постройках собственно карел и в зонах влияния их строительной культуры. При этом во втором случае в качестве сопутствующих направлений принимали участие упорядочение формы и ее внутреннее развитие, способствовавшие адаптации пристроек. Эту особенность карельского деревенного зодчества Алвар Аалто очень точно охарактеризовал как «планомертную гибкость, покоящуюся на развитии» в результате чего «большая карельская изба» (дом-комплекс. — В. О., И. Г.) может сравниться с биологической группой клеток, для которых постоянно открыта возможность к достижению более масштабного и совершенного архитектурного целого [99].

Лишь в архаичном жилище и в поздних сооружениях на излете «откатной волны» развитие путем пристроек выступало в «чистом виде», приводя к беспорядочным группировкам объемов. Само по себе развитие путем пристроек в народном зодчестве носило стадиальный характер и, скорее всего, не имело прямой этнической обусловленности. Пристройки, по форме и объему в наибольшей степени отвечающие своему назначению, при отсутствии закрепленного традицией образного эталона нового,

складывающегося типа сооружения были наиболее простым средством удовлетворения спонтанно возникающих потребностей крестьянской семьи.

Относительная консервативность строительной культуры карел и соответственно замедленные темпы ее эволюции способствовали длительному сохранению развития карельских домов-комплексов «снаружи вовнутрь». Следы этого приема фиксируются даже во внешне относительно регулярных постройках. Не случайно известный исследователь деревянного зодчества Карелии Р. М. Габее, проанализировав дома северо-западной Карелии, отметил необычайное разнообразие, сложность и «запутанность» их планировки в противоположность постройкам восточной и южной Карелии, где «с первого взгляда на внешний вид дома уже вполне точно ориентируешься в его плане». Далее исследователь сравнивает большие и сложные строения Ухтинского района с «хоромами, которые рублились в отдаленные от нас времена плотниками Новгородской и Московской Руси» [100], косвенно указывая на стадийную дистанцию, разделяющую особенности композиционного мышления в русском и карельском деревянном зодчестве.

Блокировка и упорядочение, как универсальные тенденции развития, могли привести и действительно приводили к формированию усадеб как с крытым, так и с регулярно обстроенным открытым двором. При этом в последнем случае проявлялись те же тенденции, что и в домах-комплексах, в чем можно легко убедиться на примере усадеб в Финляндии, где застройка открытых дворов менялась в направлении с востока на запад от разбросанно-беспорядочной в приграничье с Карелией до компактно-упорядоченной в юго-западной Финляндии [101], то есть практически зеркально по отношению к картине, иллюстрирующей переход от нерегулярных карельских к регулярным северно-русским домам-комплексам. Таким образом, в обоих случаях территориальный срез в широтном направлении характеризует основное направление развития крестьянского жилища, а точка отсчета находится на стыке двух строительных культур, где в результате противоборства разнонаправленных тенденций исторически сложилась ситуация, способствовавшая сохранению наиболее архаичных форм. Разумеется, приоритетность усадьбы с открытым или крытым двором во многом определялась природно-климатическими условиями, но такие условия являлись не единственным и, более того, не главным фактором выбора. Подтверждение тому — бытование домов-дворов в средней полосе России и, наоборот, усадеб с открытым двором в Финляндии.

Скорее всего, направленность развития крестьянских усадеб зависела от сложного комплекса факторов и условий, которые в конечном счете и предопределили тот или иной облик усадьбы как с открытым, так и с крытым двором. Назовем некоторые наиболее очевидные из этих факторов, действующих относительно несинхронно и независимо друг от друга. Это уже упомянутое стремление к блокировке и регулярности застройки усадьбы. Универсальные по своему характеру тенденции конкретизировались в зави-

Замости от степени развития скотоводства и связанной с ним «идеологии» (скотоводческая магия и поверья), которые находили отражение в типах отдельно стоящих помещений для скота, в их взаимосвязях с другими постройками усадьбы и в особенностях решения хозяйственной части дома-комплекса. Но главная морфологическая характеристика последнего зависит от соотношения степени развития жилой и хозяйственной частей на момент формирования дома-комплекса. В самом деле, восточная тенденция возникла в условиях опережающего развития хозяйственной части — «сарая на столбах», а затем крытого двора, которые сформировались в своих основных чертах в то время, когда само жилище еще представляло собой простейшую однокамерную избу с хлебопечкарной печью и свободно разбросанные вокруг нее холодные однокамерные клетки (кладовые-спальни) [102], видимо, подобные сохранившимся до сих пор постройкам саамских усадеб Финляндии и Норвегии. Процесс формирования дома-комплекса в этих условиях сводился к присоединению к композиционному ядру и самому крупному сооружению усадьбы — двору-сарая — жилых помещений, которые легко пристраивались либо встраивались в него. Современными аналогами таких пристроек являются поземные зимники, сохранившиеся в Каргополье, на Пинеге и Мезени и в ряде других районов Архангельской области. Примером встроенных жилых помещений могут служить известные на всем Русском Севере архаичные скотные избы, избы-«заднююхи» и «боковухи» в хозяйственной части домов-комплексов, некоторые из которых сохранили любопытные рудименты — окна в стене, выходящей в сени пристроенного позднее передела с чистойлетней избой, со временем ставшей основным жилым помещением дома. В процессе длительного развития дома в русле восточной тенденции двор-сарай неизменно оставался структурно-функциональным ядром сооружения. Он упорядочивал даже сложные в плане образования, сводя их в идеале к простому и цельному объему под двускатным покрытием.

В пределах карельского этнического ареала, за исключением людиков, во многом воспринявших русские приемы формообразования жилища, развитие осуществлялось иначе: либо «по месту» с параллельным формированием жилой и хозяйственной частей, совершенствующихихся в рамках комплекса, складывающегося по принципу «растущего дома», либо с опережающим развитием жилища, которое к моменту возникновения потребности к блокировке со стойловыми помещениями успевало полностью сформироваться, но еще не закрепиться традицией, что позволяло переоборудовать под стойла имеющиеся в наличии помещения (южно-ливвиковский вариант), или стать традиционным, что заставляло для хлебов делать специальные пристройки (второе поколение ухтинских домов).

Соответственно облик карельских домов-комплексов в этих трех случаях был различен: цельный архитектурный организм со сложным взаимопроникновением жилых и хозяйственных помещений, сохраняющий следы формирования путем пристроек; относительно регулярная постройка с композиционным уподоб-

лением жилой и хозяйственной частей друг другу; хаотический конгломерат разновеликих объемов.

Таким образом, общие предпосылки развития жилища карел от отдельно стоящих построек к домам-комплексам возникали по мере перехода от архаичного бесстойлового содержания скота к более прогрессивным его формам, в свою очередь связанным с потребностями совершенствования и интенсификации земледелия, но при этом характер эволюционных процессов в различных частях края имел свою специфику, которую проще всего можно объяснить различным соотношением темпов эволюции жилой и хозяйственной частей. Для выявления последнего, помимо рассмотренных нами общих для домов-комплексов закономерностей и тенденций развития, необходим детальный анализ конкретных типов взаимосвязи жилых и хозяйственных частей, их составляющих.

Многообразие тенденций развития домов-комплексов привело к многообразию бытующих в Карелии конкретных форм таких сооружений, что значительно усложнило их систематизацию. Переход от накопления информации о комплексном жилище к осмыслению закономерностей его развития потребовал детальной систематизации материала. Однако существующие классификации усадеб и домов-комплексов малой типологической емкости зачастую оказывались для этого непригодными. Так, в этнографических классификациях усадебной застройки последняя подразделяется на застройку с открытым и крытым двором. В обоих случаях внимание исследователей акцентируется на геометрической конфигурации комплексов построек или домов-комплексов, а в рамках последних — в первую очередь на способе соединения («связи») жилой и хозяйственной частей между собой [103], что в целом согласуется с трактовкой усадеб как объемно-пространственных структур, основной характеристикой которых является взаиморасположение и взаимосвязь объемов. Вместе с тем комплексное крестьянское жилище — единое сооружение, что должно отразиться в описаниях не только способов связи частей, но и особенностей архитектурной формы самого сооружения.

Впервые с такой целостной позиции к исследованию русского народного жилища Севера и Верхнего Поволжья подошел И. В. Маковецкий, но попытка исследователя объединить в одноуровневой классификационной системе разнородные признаки, характеризующие планировку домов-усадеб и объемно-планировочную структуру жилища, привели к нарушению главного принципа любой научной классификации — сопоставимости рассматриваемых характеристик. Пример тому — классификационное подразделение жилища на четырехстенки, пятистенки, двойни, шестистенки и кошели, из которых для первых четырех основополагающими являются особенности планировки собственно жилища, а для последнего — характер связи жилой и хозяйственной частей [104].

Естественным путем дальнейшей детализации классификаций жилища может стать разведение по разным типологическим подсистемам структурно-функциональных и объемно-пространственных характеристик домов-комплексов. Но думается, что, несмотря на объективную необходимость развития классификаций народного жилища, нельзя забывать, что любая органическая целостность отнюдь не равнозначна механической сумме составляющих ее частей. Поэтому подход к систематизации домов-комплексов в рамках одноуровневых классификаций неизбежно остается элементаристским, не учитывающим сложности архитектурного формообразования — опосредованного воздействия способа компоновки объемов на структурную доводку каж-

дого из них и отражение функциональных особенностей элементов на облике комплекса в целом.

В самом деле, принято считать, что характер связи жилой и хозяйственной частей дома-усадьбы предопределяется взаиморасположением построек вокруг открытого двора непосредственно перед образованием на основе этих построек жилищно-хозяйственного комплекса [105]. Но такое суждение, основанное на устойчивости в народном сознании сложившихся стереотипов функционально-пространственных связей, нельзя абсолютизировать применительно ко всему Русскому Северу, и не только потому, что известно немало примеров перехода от беспорядочной застройки открытого двора непосредственно к жилищно-хозяйственным комплексам, но и в связи с тем, что приоритеты, связанные со структурно-функциональной организацией и семантикой отдельных помещений, способны вносить существенные коррективы в композицию комплекса в целом. И хотя в большинстве случаев такие поправки вызывают лишь нюансные отличия форм, именно на этих особенностях чаще всего в народном деревянном зодчестве основываются этнические акценты и предпочтения и потому осмысление причин, их породивших, способно сыграть существенную роль в выявлении национального своеобразия архитектуры и, шире, культуры того или иного этноса.

Нельзя забывать и о другом: при систематизации любых явлений народной культуры целесообразно учитывать представления самого народа, выражаемые в названиях, как правило, точных и метких, которыми наделялись в первую очередь наиболее распространённые формы. Такими формами применительно к домам-комплексам Карелии являлись «кошели» и «брусы». Вместе с тем предельно обобщённая терминология крестьян, обычно основанная на внешних ассоциациях, далеко не всегда отвечает требованиям современных исследований, в частности, вступая в противоречие с обоснованной выше необходимостью систематизировать не только основные признаки, но и нюансные особенности построек.

Подтверждением сказанному может служить классификация Р. М. Габё, в которой, оперируя только двумя народными терминами, исследователь не сформулировал понятие «глаголя» и не отделил его ни от «кошеля» [106], ни от «бруса», хотя справедливо отнес к последнему, не ограничиваясь его эталонным определением, разновысокие постройки при равношироком плане, брусы с уширенным сараем и отглагольные, по нашей терминологии, брусы [107].

В значительной степени укрупнила классификационные подразделения Р. Ф. Тароева, сведя все многообразие домов-комплексов к трём типам связей: 1 — однорядной (в простейшем виде изба-сени-двор); 2 — «охватом» или L-образной, когда хозяйственная часть заметно шире избы и сеней, а взвоз часто устраивается спереди; 3 — Г-образной или Т-образной, когда двор пристраивается к сеням сбоку напротив входной двери [108]. Естественно, что столь высокая степень обобщения при классифицировании снижает «разрешающую» способность классификаций, не позволяя

систематизировать все многообразие существующих сооружений. Кроме того, вне классификации оказались «копели». Правда, последние в чистом виде в пределах карельского этнического ареала почти не встречаются, но, во-первых, в прошлом здесь бытовали формы, промежуточные между копелями и глаголями, и, во-вторых, отсутствие копелей, бытующих на сопредельных территориях, не позволяет проводить сопоставительный анализ исследуемых форм, во многих случаях необходимый для определения их генезиса и последующей эволюции. Именно эти исследовательские задачи и предопределили особенности разрабатываемой нами классификации домов-комплексов, отдельные ключевые положения которой рассмотрим в настоящей главе.

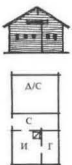
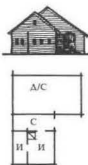
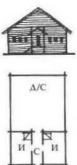
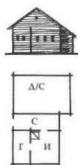

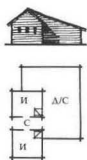
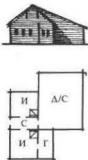
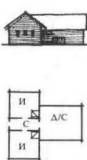
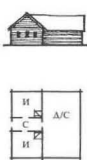

Поскольку изложенные в начале главы закономерности возникновения домов-комплексов моделируются на высших классификационных уровнях, систематизация взаимосвязи жилых и хозяйственных частей проведена нами на уровнях типологических групп и отдельных типов построек, намеченных на основе классификации связей жилой и хозяйственной частей, предложенной Е. Э. Бломквист [109], но разведенной на разные уровни с учетом их существенных структурных особенностей. При этом типы намечены с учетом синкретичных признаков, включающих характеристики как плана, так и объемного решения построек: форму плана и положение конька крыши относительно оси развития комплекса (последняя проходит от «жилого» или преимущественно «жилого» фасада к «хозяйственному»). Иногда направленность развития дома-комплекса не определяется однозначно, что тоже является важной структурной характеристикой.

Все известные на Русском Севере, в том числе в Карелии, дома-комплексы типологически могут быть подразделены на пять групп.

Группа 1 объединяет композиционно не оформившиеся постройки с неорганизованной связью жилой и хозяйственной частей и с произвольной системой покрытий, включающей в эмбриональном виде все описанные ниже формы связи.

Группа 2 объединяет дома с последовательной связью жилой и хозяйственной частей, расположенных друг за другом, в ряд вдоль конька крыши (отсюда и этнографический термин «однорядная связь»). При этом ось развития дома-комплекса также проходит параллельно коньку или конькам при системе крыш. В таких домах функционально однородными — жилыми или хозяйственными — являются торцовые фасады. В группу в качестве типов включены: «БРУСЫ», в своем основном варианте и подварианте представляющие собой равноширокий, вытянутый в продольном направлении объем под общей двускатной крышей (при разной этажности частей «брус» может быть перекрыт двумя крышами, коньки которых последовательно продолжают друг друга на разных уровнях); «ОТГЛАГОЛЬНЫЕ БРУСЫ» — переходная форма от «бруса» к «глаголю», сооружение с последовательной связью и уширенным двором-сараем (как правило, имеющим на выступающей части ворота, ориентированные к лицу дома), придающим плану Г-образную форму; «ЛОЖНЫЕ БРУСЫ», отвечающие основопола-

ДОМА С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ			
БРУСЫ		ОТГЛАГОЛЬНЫЕ БРУСЫ	ЛОЖНЫЕ БРУСЫ
			
			
ДОМА С ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ			
ДВОЙНЫЕ ДОМА	КОШЕЛИ	ОТГЛАГОЛЬНЫЕ КОШЕЛИ	ЛОЖНЫЕ КОШЕЛИ
			
			
ДОМА СО СВЯЗЬЮ ОХВАТОМ		ДОМА С ПОПЕРЕЧНОЙ СВЯЗЬЮ	
ГЛАГОЛИ	ЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛИ	ПОПЕРЕЧНЫЕ ДОМА	ЛОЖНОПОПЕРЕЧНЫЕ ДОМА
			
			

Типы домов-комплексов

гающим признакам домов-комплексов с последовательной связью и сходные по объему с «брусами», но отличающиеся от них структурой плана, характерной преимущественно для «кошелей»: если в предыдущих типах последовательной связи оси развития частей дома-комплекса совпадали с направлением развития комплекса в целом (оси «изба-сени», или «изба-сени-клеть», и «сени-двор-са-

рай» параллельны направлению «жилая часть — двор-сарай»), то для «ложного бруса» ось развития жилой части направлена перпендикулярно коньку при общей крыше или конькам при отдельных крышах с параллельными коньками. Части дома-комплекса, как правило, имеющие прямоугольные планы, в домах с параллельной связью объединяются своими продольными сторонами, располагаясь как бы параллельно и друг другу, и коньку (отсюда термин «параллельная связь»). В таком доме функционально однородным является фасад, находящийся под свесом крыши, — «боковой», а на торцы сооружения выходят как жилые, так и хозяйственные помещения. Группа включает следующие типы: «ДВОЙНЫЕ ДОМА» — постройки, представляющие собой раздельную параллельную связь, при которой срубы жилой и хозяйственной частей перекрыты самостоятельными крышами (аналогичный этнографический термин — «двухрядная связь»); «КОШЕЛИ» — постройки с параллельной слитной связью, при которой жилая и хозяйственная части, разделенные одной капитальной стеной (а не коридором-шлюзом в межсрубном пространстве, как в двойных домах), объединены общей двускатной крышей или системой крыш (по распространенному мнению, термин возник благодаря основанному на вместительности таких домов их ассоциативному сходству с одноименными крестьянскими котомками, сплетенными из бересты или лыка); «ОТГЛАГОЛЬНЫЕ КОШЕЛИ» — Г-образные в плане постройки с параллельной слитной связью; «ЛОЖНЫЕ КОШЕЛИ» — постройки, по объему и абрису плана сходные с «кошелем», но по особенностям связи жилой и хозяйственной частей отвечающие признакам «глаголя»: в «ложных кошелях» не выявлено приоритетное направление развития комплекса, и так как хозяйственная часть полностью охватывает жилую с двух смежных сторон, отсутствуют фасады, на которые выходят только жилые помещения. (В случае, когда жилая часть охватывает хозяйственную, отсутствуют «чисто хозяйственные» фасады). Последняя характеристика в «ложных кошелях» выражена даже более последовательно, чем в «глаголях».

Группа 4 объединяет дома со связью охватом — с полным или неполным Г-образным планом, с одним направлением конька (коньков) крыши, но с двумя осями развития, среди которых, как правило, трудно выявить приоритетную. Последнее обстоятельство предопределено тем, что жилая и хозяйственная части охватываются с двух смежных сторон. Группа включает: «ГЛАГОЛИ» — постройки с Г-образной связью, при которой хозяйственная часть, охватывая в плане жилище, не доходит до фасада передка, структурно выделенного в объеме сооружения и перекрытого самостоятельной крышей; «ЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛИ» — постройки, отличающиеся от собственно «глаголей» тем, что в них жилая часть охватывает хозяйственную.

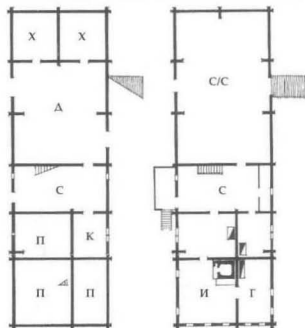
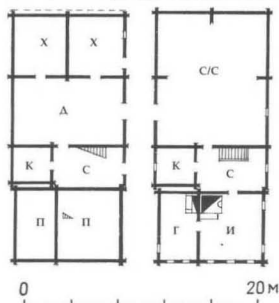
Группа 5 объединяет постройки с поперечной связью и, как правило, с Г- или Т-образным планом. Жилая и хозяйственная части в таких домах перекрыты раздельными крышами с взаимно перпендикулярными коньками. Группа включает: «ПОПЕРЕЧНЫЕ ДОМА» — постройки с Г- или Т-образным планом; «ЛОЖНОПОПЕРЕЧНЫЕ ДОМА» — постройки с равношироким планом, но перекрытые крышами с взаимно перпендикулярными коньками (промежуточная форма между «поперечными домами» и «кошелями»).

Дома-комплексы всех типов подразделяются на варианты в соответствии с различиями в абрисе планов (в рамках основополагающего принципа их компоновки) и подварианты с учетом формы покрытий.

К рубежу XIX—XX вв. из всех домов-комплексов наибольшее распространение в Карелии получили более упорядоченные постройки — брус, равноширокий вариант которых господствует почти повсеместно. В пределах карельского этнического ареала он преобладал у лудиков, что проще всего можно объяснить русским влиянием, а также у южных и северных ливвиков, что в обоих случаях, как ранее отмечалось, связано с относительно

Дом-брус В. П. Фомина
в деревне Павшойла, 1925 г.:
планы и общий вид. Фото
В. Гуляева, 1992 г.

Дом-брус
И. П. Филиппова
в деревне
Каменьнаволок:
планы и общий вид.
Фото В. Гуляева,
1992 г.

развитым скотоводством и, соответственно, с несколько ускоренными темпами эволюции жилищно-хозяйственных комплексов, а применительно к южным ливвикам, кроме того, с генетической предрасположенностью к упорядочению структуры двора — в связи с изначальной геометрически правильной формой прототипа — помещений сеней или задней клетки.

Из других типов домов-комплексов с последовательной связью определенные ареалы имеют только отлагольные бруссы, распространённые преимущественно на территориях расселения собственно карел и ливвиков.

Наиболее распространенными из других типов домов-комплексов в Карелии являлись кошели, преобладавшие в Заонежье, на востоке, и глаголи — на западе региона. При этом кошели в чистом виде характерны только для районов с русским населением, а у собственно карел и ливвиков они, видимо, были чрезвычайно редки. По литературным источникам известна лишь одна такая постройка — кошель в собственно карельской деревне Лувозеро [110].

Подобные заонежским асимметричные кошели встречались в Архангельском Беломорье [111] и в некоторых других районах Архангельской области, например, в деревнях Шульгус Няндомского района [112], Орлово [113] и Гужево на Каргопольщине [114], а также в Вологодской области [115], но там они, видимо, являлись исключением. Но зато «симметричные» кошели (с симметричной двускатной крышей) широко бытовали у коми-зырян [116]. Двойные дома, в прошлом распространенные на Русском Севере [117], в Карелии зафиксированы только на востоке Обонежья и в пограничной с русским Посвирьем части Олонецкой равнины у михайловских карел, где они, по сведениям Р. Ф. Таровой, строились плотниками — выходцами из русских уездов [118]. Таким образом, ареал двойных домов как бы огибал Карелию с юго-востока.

Глаголи в XIX—начале XX в. бытовали преимущественно в районах с карельским населением, составляя 40% от общего числа домов-комплексов [119]. Значительно реже они встречались в Заонежье и Обонежье. Известны глаголи и в сопредельных русских областях [120], но представлены там в гораздо меньшем количестве.

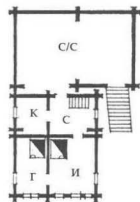
Дома-комплексы с поперечной связью встречались реже перечисленных выше сооружений. Несколько большее распространение они получили на юге у прионежских вепсов и на востоке — в Заонежье и Обонежье.

Указанные ареалы домов-комплексов, по-видимому, не были стабильными, и, во всяком случае, количественное соотношение различных типов построек закономерно менялось во времени. Эту тенденцию нагляднее всего можно проиллюстрировать на примере полярных для региона типов — бруссов и кошелей.

Судя по имеющимся данным, в целом по Карелии среди 60 известных домов-комплексов, датированных концом XVIII—началом XIX в., было 25 равношироких бруссов и 15 кошелей (соответственно 36,23 и 21,74%), из проанализированных 330 домов-комплексов

Ливвиковский дом-комплекс типа «отгаляльный брус» с уширенными сенями. Фото Б. Бойцова, 1980 г.

0 20 м

План дома-комплекса типа «отгаляльный брус» (дом А. И. Кузнецовой в деревне Кинерма, эт. пол. XIX в.)

второй половины XIX в. количество равношироких брусков составляло 174 (52,73%), кошелей — 40 (12,12%), а из 407 построек начала XX в. уже 325 составляли равноширокие бруссы (79,8%) и только 8 — кошели (1,97%) [121]. Аналогично изменялось во времени соотношение между отгаляльными и равноширокими брусками — количество первых из них уменьшалось по отношению ко вторым.

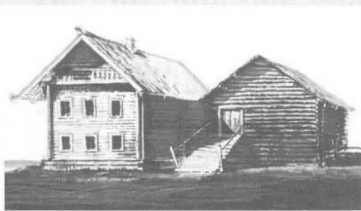
Таким образом, изложенные выше некоторые закономерности формирования домов-комплексов Карелии, связанные с изменением формы скотоводства при различном соотношении уровней развития жилой и хозяйственной частей, можно конкретизировать с учетом типа связи между частями и ареалов таких типов.

Типологические особенности развитых домов-комплексов, возникших в результате блокировки жилища со структурно организованной хозяйственной частью, то есть преимущественно в ходе восточной («придвинской») тенденции, проще всего можно объяснить следующим образом: когда такие комплексы складывались на основе двухчастного жилища, связь жилых и хозяйственных помещений чаще всего делалась последовательной, поскольку в этом случае самым естественным решением было присоединение двора к свободной задней стене сеней. Когда ядром формирования дома-комплекса являлось трехчастное жилище, двор-сарай мог пристраиваться только к боковой стене сеней, противоположной входу в дом. Видимо, так возникла параллельная и поперечная связь.

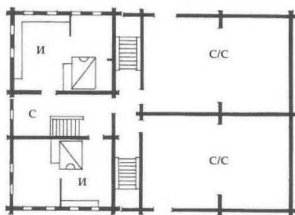
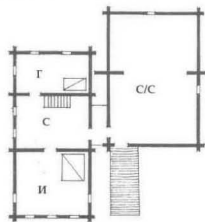
Как уже отмечалось, последовательная связь на юге Карелии в ходе «олонецкой» тенденции возникала как из двухчастного, так и из трехчастного жилища путем преобразования в хозяйственную часть в первом случае сеней, во втором — задней клетки. Что же касается западной («приладожской») тенденции, реализовавшейся в ходе параллельного формирования домов-комплексов и их отдельных частей путем пристройки, то здесь помимо наиболее естественной при обстройке жилого ядра связи охватом могли возникать все другие виды связи. Правда, комплексное жилище в этом случае на начальном этапе своего формирования,

видимо, долгое время представляло спонтанное соединение жилых и хозяйственных помещений.

Изложенное иллюстрирует общую схему формирования типов домов-комплексов путем блокировки их частей. Но развитие этим не исчерпывалось: одни типы становились основой для сложения других. Подтверждением тому может послужить сравнение кошелей и двойных домов, имеющих в общих чертах сходную планировку. Однако в последних в отличие от кошелей жилую и хозяйственную части нередко разделяет продольный коридор. По мнению М. В. Витова, «раздельная двухрядная связь» генетически восходит к замкнутой застройке открытого двора, а шлюз-коридор между частями дома-комплекса является своеобразной reduktion той части двора, через которую входили в дом [122]. Такая концепция находит подтверждение в деревянном зодчестве финнов Ленинградской области [123]. Но, по-видимому, нельзя рассматривать двойные дома только как трансформацию усадеб с замкнутой застройкой открытого двора, отсутствовавшей в большинстве регионов Русского Севера: при определенных условиях такие сооружения могли возникать и непосредственно из свободной усадебной застройки путем сближения срубов жилых и хозяйственных частей. По нашему мнению, именно так возникло большинство двойных домов Архангельской области [124].

Двойной дом Воеводова в деревне Яковлевская, кон. XIX в. Обмер В. Орфинского и В. Розина, 1953 г.

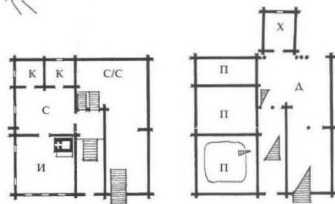
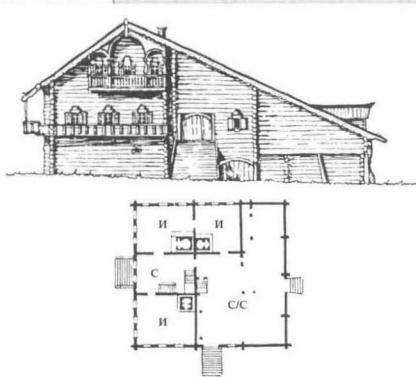
Двойной дом Ушакова в деревне Гужево Плещецкого района Архангельской области. Обмер В. Орфинского и В. Розина, 1953 г.

Казалось бы, параллельную слитную связь естественнее всего рассматривать как дальнейшее развитие двойных домов путем ликвидации разделительного коридора-шлюза и внутренней стены двора-сарая. Но, видимо, такой путь формирования кошель не был универсальным. Во всяком случае на территориях компактного расселения финно-угорских народов — карел и коми-зырян. Происхождение домов-комплексов последних архитектор И. Н. Шургин убедительно связал с местной спецификой формирования таких сооружений на основе открытого двора с помещением для сена посредине, хлевами с одной стороны, избой и клетью — с другой. При объединении комплекс перекрывался характерной для коми общей крышей, состоящей из двух стыкованных на коньке «внахлест» односкатных крыш. При тождественной структуре плана в зависимости от устройства входа (под скатом крыши или под коньком) различаются два типа домов-комплексов — «сысольский», представляющий собой «симметричный кошель», и «вымский» — по нашей терминологии, «ложный брус». При этом последние постройки внешне напоминают распространенные в Архангельской области дома-брусы с жилой частью в виде шестистенки с двумя продольными перерубами (с заулком, или чуланом, между жилыми помещениями). Как справедливо отмечает исследователь, внешнее сходство при коренном различии структурно-функциональной организации указывает лишь на взаимовлияние построек, имевшее место на ранних стадиях их развития [125]. То есть ложные брусы коми-зырян, скорее всего, произошли от симметричных сысольских кошей под влиянием брусов, сформировавшихся на соседних территориях с русским

Дом-кошель Лепсина в заонежской деревне Кузнецы, вт. пол. XIX в. (по обмеру А. В. Ополовникова 1949 г.)

Дом-кошель в деревне Луовозеро [Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader ... Т. 6]

населением. И наоборот, дома сысольского типа, по-видимому, самобытны, а участие в их генезисе двойных домов не имеет никаких конкретных подтверждений и, с учетом всего вышеизложенного, представляется маловероятным.

Любопытен проведенный И. Н. Шургиным сравнительный анализ сысольского дома с характерными для восточной Карелии кошелями, эпицентр которых локализован в Заонежье. У обоих типов жилищ сходная планировка, а различие определяется, в первую очередь, размерами двора и сений. В заонежских кошелях двор значительно превышает по площади жилую часть, а сени примерно в полтора раза шире, чем сени в симметричных кошелях коми-зырян, и отделены от сарая стеной, отсутствующей в сысольских домах. Из-за разной величины жилой и хозяйственной частей заонежские кошели имеют асимметричное покрытие с коньком, проходящим, чаще всего, по оси жилой части, и, соответственно, с более пологим скатом над двором-сараем, но при этом над фасадом собственно жилища нередко с помощью декоративного свеса имитировалась самостоятельная двускатная крыша. Возможно, декоративный свес является рудиментом одного из ранних этапов формирования дома-комплекса, когда он представлял собой поставленные рядом срубы трехчастного жилища и двора-сарая под двускатными крышами [126]. Приведенный анализ, думается, подтверждает высказанную нами ранее версию о генетической близости асимметричных кошелей и двойных домов [127], различие между которыми связано с вполне вероятным влиянием карельских домостроительных традиций, носителями которых на ранних стадиях формирования домов-комплексов могли быть приладожские карелы, в XVII в. мигрировавшие в Заонежье. Последним, как и коми-зырянам на востоке, возможно, принадлежала «идея» объединения параллельно поставленных жилой и хозяйственных частей общей крышей. И хотя заонежские кошели принято считать сугубо «русским» типом крестьянских домов (не случайно Р. Ф. Тароева даже не включила параллельную связь в классификацию домов-комплексов карел), предположение об их происхождении в результате межэтнических контактов, на наш взгляд, вполне правомерно. Оно подтверждается как косвенными прецедентами, так и рядом особенностей сохранившихся и достоверно известных построек.

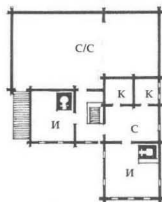
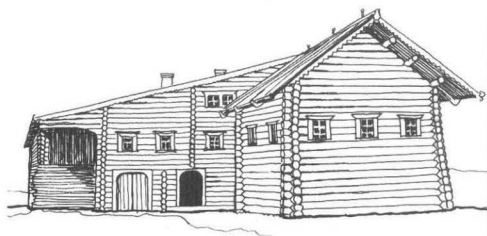
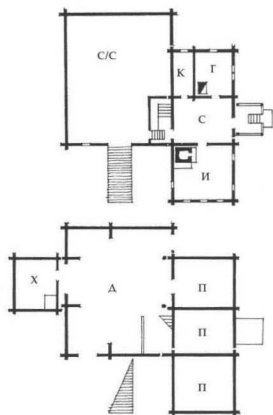
К числу первых относится, в частности, обострение художественно-образных характеристик русских культовых построек, выступающих в условиях этнического порубежья в качестве не только религиозных, но и этнических символов, что особенно ярко проявилось в Преображенской церкви в Кижях [128]. Пример всемирно известного храма убедительно подтверждает, каким сильным импульсом художественного самовыражения и самоутверждения народа способно стать творческое соревнование разноэтнических строительных культур. В противоположность культовому зодчеству, где пальма первенства безусловно принадлежала русским плотникам-зодчим, при строительстве жилых домов в Заонежье во второй половине XVII — начале XVIII в. столкнулись, видимо, соизмеримые и примерно одновозрастные карельская и русская

архитектурные традиции. Отсюда, как следствие, сложились благоприятные условия для творческого диалога, равноправное участие в котором немногочисленных карельских переселенцев, вполне вероятно, связано с их пассионарностью [129].

Предположения о карельско-русских контактах в Заонежье не покажутся необоснованными и при сопоставлении зафиксированного Ю. Бломстедтом и В. Суксдорфом кошельа в деревне Лувозеро с заонежскими кошельями. Сходство между ними прослеживается не только в общем объемном решении, но и в устройстве декоративного ската, имитирующего на плоскости торцового фасада дома несуществующую крышу. Свес-рудимент в обоих случаях выполняет декоративные функции, иначе он, скорее всего, просто бы не сохранился. Вопрос лишь в том: о чем свидетельствует этот рудимент? Выше мы уже предполагали, что декоративный скат указывает на происхождение кошельей от двойных домов, жилая часть которых перекрывалась самостоятельной двускатной симметричной крышей. Несколько иные выводы о генезисе декоративного ската можно сделать, основываясь на интересном наблюдении архитектора К. К. Романова: в 1920-х годах в Заонежье наряду с ныне господствующими геометрически упорядоченными кошельями (с абрисом плана, близким к квадрату), бытовали, по

Дом-комплекс типа «отглазольный кошель» в деревне Лувозеро [Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader och Ornamentala Former. Helsingfors, 1900. Т. 5]

Дом-глазоль в деревне Лувозеро [Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader ... Т. 7]

нашей терминологии, отглагольные кошели со взаимосмещением жилой и хозяйственной частей, а также постройки, у которых смещенная в глубину хозяйственная часть была позднее достроена заподлицо с торцовым фасадом жилой части [130]. В первом случае выступающая часть жилища имела собственную крышу, фасадная часть которой сохранялась при последующей достройке дома до полного кошения. Этот прием затем повторялся при строительстве новых домов-комплексов с параллельной слитной связью.

Учитывая, что на западе средней Карелии с лувозерским кошелем соседствовали и отглагольные кошели, и глаголи, можно предположить, что в собственно карельском ареале был еще только намечен переход к более регулярным полным кошениям, тогда как в Заонежье такой переход осуществлялся масштабнее и последовательнее.

Таким образом, декоративный скат на торцовых фасадах заонежских кошелей может служить для аргументации их происхождения от отглагольных кошелеев и, возможно, от глаголей, подобно тому, как это происходило на территории компактного расселения собственно карел. Возможно и то, что в Заонежье эти преобразования происходили не без участия карел-мигрантов. Однако в собственно карельском ареале кошели получили самобытные структурно композиционные характеристики. Так, в лувозерском кошеле декоративный фронтон акцентировал главный фасад, включающий «лицо» избы и торец двора-сарая со входами в дом, во двор и на сарай, зрительно вычленив жилое ядро сооружения при сохранении ощущения единства всех остальных его частей, «делегировавших» на фасад свои основные элементы — входы. Следовательно, в данном случае ложный фронтон композиционно и семантически более обоснован, нежели на кошениях Заонежья, что, несмотря на единичный пример, опровергает возможное предположение о его заимствовании у русских.

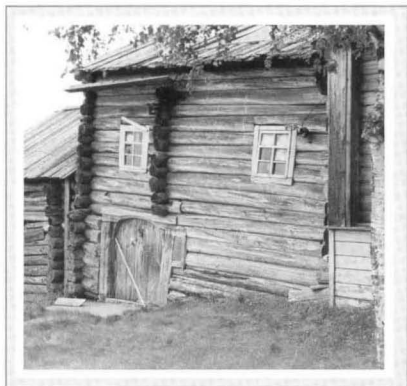
Надо сказать, что для лувозерского кошения, как и для карельских отглагольных кошелеев, а также собственно глаголей, характерно стремление ориентировать на южную сторону горизонта не только окна переднего жилища, о чем уже говорилось выше, но и входы как в дом, так и во двор — еще одно подтверждение приоритетности «полуденного» мира, что, кстати, нашло отражение даже в «правилах» финско-карельской животноводческой магии, содержащих прямые указания во избежание «сглаза» не устраивать двери хлебов с северной стороны [131]. То же стремление предопределило популярность не только отглагольных брусков, позволяющих обращать «на лето» ворота дворов и сараев, но и разношироких жилых частей с сенями, выходящими за боковые грани стен передка, что позволяло вход в дом и окна на лицевом фасаде избы ориентировать в одну сторону. (По нашим наблюдениям, такой прием бытует и у тверских карел). Аналогичными соображениями, видимо, руководствовались и южные ливвики, направляя к югу пандусы взвозов — главных входов в дом и устраивая для этого разворотные площадки перед воротами сараев, расположенных на боковых фасадах равношироких брусков.

Несмотря на свою почти эталонную типичность в деталях, в целом кошель в Лувозере для карел, как уже отмечалось, уникален, что связано со встройкой передней избы в объем дома. Во всех остальных случаях как в постройках, промежуточных между кошельми и глаголями, так и в собственно глаголях передняя изба, как правило, выступала из объема дома, что, по-видимому, связано с особой устойчивостью и традиционностью ее форм.

Для карельских глаголей характерно сочетание двускатных крыш с общим коньком — равноскатной симметричной над передком и разноскатной асимметричной над задней частью сооружения. Показательно, что такая же система крыш преобладает в отглагольных брусах у собственно карел и средних ливвиков в противоположность самостоятельным двускатным покрытиям над жилыми и хозяйственными частями таких домов-комплексов в восточной части края и на юге Олонецкой равнины. И здесь еще раз хочется сослаться на Алвара Аалто, считавшего главным архитектурным принципом «карельской избы» (дома-комплекса. — В. О., И. Г.) отсутствие «раз и навсегда заданного уклона крыши». Нельзя не удивляться интуиции финского зодчего, сумевшего увидеть в разноуклонности покрытий карельских глаголей «строительную системность» и «сохранившуюся в свежем виде связь с природой, своего рода борьбу за жизнь, которая оказалась в состоянии создать ... откровенные, живые и гибкие формы» [132]. Видимо, по достоинству оценить потенциальные возможности таких покрытий сумели и русские заонежане, объединившие с их помощью жилую и хозяйственную части своих домов.

Сруб сеней дома
Прохорова в деревне
Панозеро, кон. XIX в.
Фото И. Гришиной,
1999 г.

В ходе эволюции обобщающие универсальные тенденции, такие как упорядочение и рационализация структуры построек, способствовали повсеместному вытеснению усложненных типов домов-комплексов, характерных для карел, более простыми и рациональными, в идеале представляющими собой единый прямоугольный объем под общим покрытием. Однако результаты этого процесса в разных частях карельского этнического ареала были различными. Ярким примером локального своеобразия домов-брусом может послужить жилище деревни Панозеро, расположенной на восточной окраине северно-карельского этнического ареала [133].

Судя по словам местных жителей, подтвержденных фотографиями Д. А. Золотарева, здесь еще в 1920—1940-е годы существовали дома типа «глаголь», аналогичные известным по всей Беломорской Карелии домам-комплексам первого поколения. Но уже к концу XIX в. они были существенно потеснены домами типа «брус». При этом отглагольные «брусы» постепенно заменялись равноширокими постройками в результате развития жилой части в поперечном направлении — замены жилого передка-четырехстенка, включающего только избу, пятистенком, состоящим из избы и горницы, разделенных продольным перерубом.

В общем виде переход от «глаголя» к равноширокому «брусу» закономерно связан также и с упрощением внутренней структуры дома-комплекса, в частности, его коммуникационно-входного узла. (Примером такого упрощения может служить упоминаемый выше дом М. П. Каллио в деревне Пирттигуба — см. с. 212). Однако местные дома-«брусы» сохранили, хотя и в несколько редуцированном виде, коммуникационно-входной узел предшествующих им «глаголей», совмещая в сложной пространственно-планировочной структуре сени и предсенье. Панозерские сени, во внешнем облике дома отмеченные живописным размещением разновеликих окон, расчленены по высоте, как правило, на три уровня: нижний со входами во двор и подклеты; средний со входом в переднюю избу, связанный с нижним уровнем лестницей; верхний со срубом встроенной клетки, боковой избы и проходом на сарай. Вход в боковое жилье и клеть может осуществляться со второго или третьего уровня сеней.

Сени с предсеньем, как уже отмечалось, появились в северно-карельских домах-«глаголях» в связи с формированием комплексного жилища «по месту». На фасаде дома предсенье было выделено двухстворчатыми воротами с арочным навершием — несомненно, более выразительным решением входа, нежели обычные двери. Надо сказать, что рудименты такого входного узла, в свое время широко представленного в домах на западе Беломорской Карелии, в настоящее время сохранились только в Панозере и стали своеобразными знаками, указывающими на связь оригинального местного решения сеней со своим прототипом.

Срубы панозерских сеней можно разделить на две большие группы по структуре плана. К одной из них относятся «продольные» сени — срубы, где собственно коммуникационно-входное помещение имеет прямоугольный план и вытянуто вдоль боковой стены. Вторую группу составляют Г-образные сени, более развитые по сравнению с «продольными» за счет присоединения к последним поперечного помещения, равного по ширине корпусу дома.

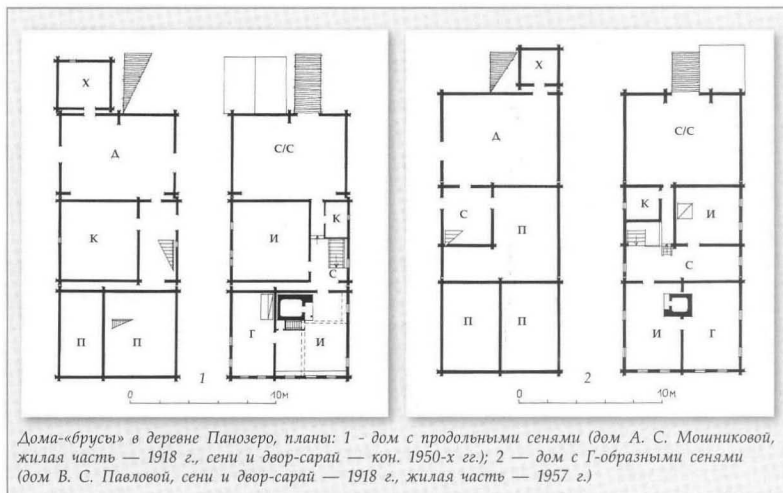
Анализ плановой структуры сеней помог обнаружить возможные прототипы панозерских домов-комплексов среди иконографического материала по жилищу собственно карел, относящегося как к северной Карелии, так и к Приладожью. Преобразования, которые приводили к домам с продольными сенями, могли осуществляться на основе «глаголя», подобного известному дому Фомы Сиркия из Лувозера [134], путем переноса блока боковой избы с предсеньем на место сеней и встроенных амбаров. Получавшийся таким образом разноширокий «брус» уравнивался при развитии сруба жилых помещений и уменьшении ширины сарая. В качестве предшественника дома-комплекса с Г-образными сенями можно представить постройку, подобную дому Шемейки и другим домам из северо-западного Приладожья [135]. В этом случае изменения сводились к уравниванию ширины сарая и сеней с преобразованием последних, включающим организацию прохода на сарай и развитие встроенного в сени помещения от амбара к жилой клетю и к избе. Но при обоих вариантах сохранялся приоритет поземного, характерного для карельских «глаголей» входа че-

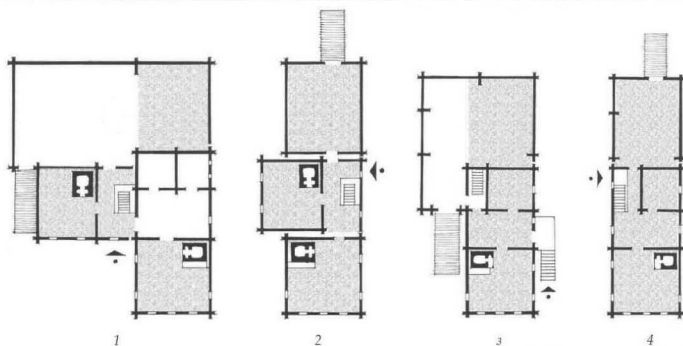
рез выгороженное во дворе предсенье, а применительно к конкретным примерам из Панозера — также и распространенный в северно-карельском жилище встроенный в сени амбар (клеть).

Отметим, что северно-карельские дома-комплексы первого поколения в Панозере не переживали стадии распада, как это происходило на западе Беломорской Карелии, а продолжали развиваться до конца 1950-х годов, сохраняя при этом преемственную связь с «классическими» образцами собственно-карельского крестьянского жилища.

Можно предположить, что на устойчивость домов-комплексов в Панозере повлияли активные контакты панозерцев с русскими поморами, традиция строительства домов-комплексов у которых не прерывалась до последнего времени. С той же причиной могло быть связано гораздо более раннее, чем на западе Беломорской Карелии, возникновение тенденции к замене домов-«глаголей» «брусами». Подтверждение тому — сохранение усложненной структуры плана панозерского дома при упрощении его общего объемного решения в противоположность постройкам на западе субрегиона, где элементарная внутренняя организация домов-«брусов» больше соответствовала их внешнему облику.

Похоже, что формирование домов-комплексов типа «брус» в Панозере вызвано не столько внутренними механизмами саморазвития архитектурной формы, сколько внешними влияниями, так как при всяком заимствовании в народном зодчестве перенимаются прежде всего именно внешние признаки формы. При этом внутренняя организация панозерских домов-комплексов сохраняла

Варианты карельских домов-«глаголей» (1,3) — возможные прототипы панозерских «брусов» (2,4): 1 — дом Ф. Сиркия в деревне Луовзеро [Blomstedt Y., Sucksdorff V. *Karelska Buggnader...* Т.7]; 2 — дом-«брус» с продольными сенями; 3 — дом Е. Шемейки в деревне Суйстамо [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. *Kansanomaisia rakennustapoja ...* S. 50]; 4 — дом-«брус» с Г-образными сенями

признаки карельского «глаголя». Примечательно, что описанный процесс происходил на востоке субрегиона, в зоне этнического сопоставления карел с русскими поморами, где возникали формы с повышенным семантическим статусом, способные играть роль этнических символов [136]. Такими формами для панозерцев и стали, по-видимому, интерпретации элементов традиционных собственно-карельских домов.

Подводя итоги рассмотрения типологии домов-комплексов, следует заметить, что мы далеки от мысли абсолютизировать выявленную соотношенность типов комплексного жилища с перечисленными территориальными ареалами и направлениями формообразования: нельзя исключать возможность возникновения в различных частях Русского Севера сходных комбинаций формообразующих факторов, способствующих конвергентности развития и, соответственно, сложению однотипных взаимосвязей жилых и хозяйственных частей. Но все же полные качественные и количественные аналогии невозможны из-за «этнической тенденциозности» выбора акцентов и предпочтений, присущей любой народной культуре. Применительно к зодчеству карел такой тенденцией стала его повышенная традиционность, но ее действие из-за несинхронности эволюционных процессов — некоторой заторможенности развития одних и ускоренного развития других частей дома-комплекса — в каждый конкретный промежуток времени приводило к различным результатам, что и препятствовало архитектурной унификации традиционной карельской деревни.

ИЗБА: НАЧАЛО ДОМА

Изба — ядро формирования жилой части крестьянского дома, а еще в недалеком прошлом — единственное отапливаемое помещение жилищно-хозяйственного назначения, оборудованное духовой хлебопекарной печью. Но кроме того, изба — это необычайно емкий символ, отражающий вековые представления крестьян о мироздании. «Семантический статус» избы как жилища, определяемый, по словам этнографа А. К. Байбурина, соотношением ее «знаковости» и «вещности», видимо, постоянно менялся во времени, но неизменно, во всяком случае на обозримом протяжении истории, оставался своеобразной точкой отсчета при упорядочении человеком окружающего пространства [137].

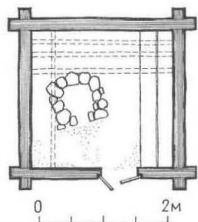

Интерьер курной избы в доме Елизарова из заонежской деревни Середка, 1880 г.
(музей-заповедник «Киж»). Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Со строительства избы некогда началось крестьянское освоение Севера. Как выглядела она в те далекие времена? Существенные сведения по истории народного домостроения несут в себе сохранившиеся простейшие постройки. У многих из них общие предки с крестьянскими домами — архаичные формы жилища, типы которых, вытесняясь более прогрессивными формами, не исчезали, а лишь, меняя свое назначение, использовались в качестве хозяйственных построек. Облик древнего прототипа еще в 1930-х годах воспроизводился в формах временного жилища — лесных избушек для рыбаков, охотников, лесорубов [138]. Последние вместе с хозяйственными постройками помогли исследователям гипотетически сконструировать цепочку эволюции жилища от палаша к землянке и от нее к наземному сруб с плоским, односкатным и двускатным покрытием [139].

Одно из ключевых звеньев этой цепочки — «пырь», названную этнографом Н. Н. Харузиным «последней формой общефинского первобытного жилья» [140], можно проиллюстрировать на примере почти тождественной ей, за исключением крыши и некоторых деталей, охотничьей избушки, обнаруженной нами в 1991 году в окрестностях деревни Келкозеро в Водлозерье (построена, судя по автографу на стене, до 1929 года). Избушка представляет собой

Промысловая
избушка близ
деревни Келкозеро,
нач. XX в. Фото
В. Гуляева, 1991 г.

План промысловой
избушки близ деревни
Келкозеро

рубленный «в погон» низкий срубик без окон, с крохотной дверью на деревянных пятах, с земляным полом, с перекрытием из бревенчатого наката, с легкой пологой крышей, слеги которой опираются с торцов на два коротышпа. Удивительно архаичен интерьер постройки: рудимент нар — дощатый настил, поднятый над земляным полом всего на 7 см, встроенные жерди у боковых стен под потолком для развешивания скарба, отсутствие дымоволока — дым при топке диагонально расположенной рядом со входом печи (в прошлом каменки) уходил прямо в дверь. Похожая безоконная курная охотничья избушка была зафиксирована нами также в 2006 г. в округе деревни Вожегоро в Выгозерье.

Подобные отголоски прошлого можно встретить не только в чаше лесов. Строго говоря, каждая традиционная деревня — пример сосуществования построек, одни из которых (амбары, бани и риги), изменив свое содержание, в принципе сохранили архаичные формы прототипа, а другие (жилые дома) прежнее содержание воплотили в измененных формах. Вот почему совместное рас-

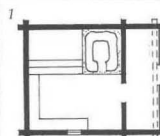
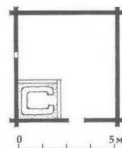
*Риги в деревне
Юккогуба, кон.
XIX — нач. XX в.:
интерьер, общий вид.
Фото В. Гуляева,
1987 г.*

*Бани в деревне Кинерма, 1950-е гг.
Фото В. Гуляева, 1991 г.*

*План риги в деревне
Юккогуба*

*Планы бань: 1 — в деревне Гимолы;
2 — в деревне Графостров*

смотрение тех и других помогает лучше понять историю развития крестьянского домостроительства.

Экскурсу в прошлое могут помочь и символические потомки архаичного жилища — «намогильные домики» («срубцы», «гробницы», «гольцы») — четырехстенные срубки под крышей, сохранившиеся преимущественно в северо-западной Карелии. Существует гипотеза, что эти удивительные строения — пережиток некогда бытовавшего на Олонецком перешейке надземного захоронения, при котором над гробовищем с телом покойного насыпался невысокий курган [141]. Правда, параллельно в северо-западном Приладожье существовал и другой способ захоронения, когда гробовище помещали в могильную яму [142]. После отмирания курганных обрядов оба способа захоронения могли сnivelироваться. При этом гробовище как бы раздвоилось: домовина с покойником заглубилась в землю, а ее символическое изображение в виде «намогильного домика» оставалось на поверхности земли. Но в любом случае гроб-домовина являлась «вечным жилищем» покойника и поэтому закономерно отражал в себе черты реального жилища.

Даже в конце XIX—начале XX вв. в Карелии было принято в похоронных причитаниях обращаться с просьбой к гробовищику устроить вечное жилище покойного с элементами реального дома:

Сделайте в вечном домике
окошечко хоть с петушинный глазок,
пусть смотрит из своего жилища.
И поставьте для моей дорогой милости
в уголочке вечного домика печечку
хоть с ласточкино гнездышко [143].

И это не поэтическая идеализация — в древних захоронениях в Приладожье и Челмужах обнаружены очаги, сложенные из камней [144], а обычай устраивать окошки в стенках гроба местами в Карелии сохранился до наших дней. Даже крышка домовины нередко завершалась коньком-шеломом, причем, что особенно интересно, прежде она делалась плоской [145] и, следовательно, в характере оформления гроба прослеживаются отголоски эволюции покрытия жилища. В большей степени, чем в гробах-домовинах, сходство с жилищем проявляется в «намогильных домиках». Оно охватывает как общее объемное решение, так и детали — приемы рубки стенок, шеломы, резные причелины, а порой и миниатюрные курицы и потоки.

Обращение к сооружениям некрокульта как носителям символически-образных интерпретаций бытовавших или ныне бытующих архитектурно-конструктивных форм, а также использование аналогий развитого жилища с простейшими постройками при исследовании конструкций и декора карельских построек, по нашему

Охотничья избушка
в Выгозерье. Фото
А. Косенкова, 1996 г.

опыту, может быть весьма плодотворным. В условиях недостатка и информативной ограниченности археологических данных, иконографических и письменных материалов простейшие постройки являются дополнительным источником, позволяющим приблизиться к ранним этапам развития народного жилища.

Никогда не забудется первая встреча с традиционной карельской избой, вызвавшая ощущение гармонии и умиротворяющего покоя. Тщательно отесанные стены из толстых бревен, мощные матицы, поддерживающие потолок, широкие неподвижные лавки вдоль стен и полки-полабочники над ними, массивные косяки и гладкое, вытесанное из толстых досок полотно дверей, огромная печь на рубленом деревянном подпечье с печным столбом и отходящими от него под прямым углом полками-воронцами — все рационально, ничего лишнего, надуманного, и вместе с тем все удивительно красиво. Здесь и почти скульптурная пластика

Кладбище в деревне Суднозеро.
Фото В. Гуляева, 1988 г.

Некрокомплекс в деревне Шуезеро.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Фрагменты намогильных сооружений
на карельских кладбищах. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

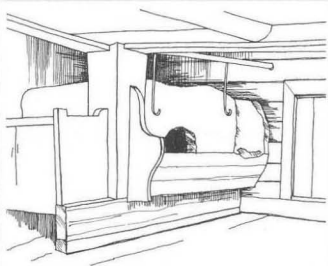
Намогильный домик на
кладбище Толлореки. Фото
Б. Бойцова, 1979 г.

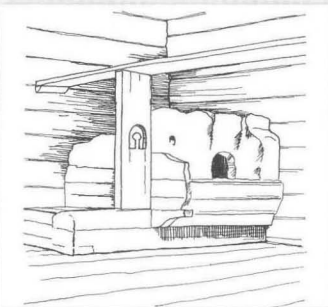

скругленных углов стен, свободно вылепленной печи с мягкими очертаниями и непринужденно нарисованными деталями. Здесь и контраст материалов, фактуры и цвета: дерева — с глинобитной печью, гладких стен, пола и потолка — с неотесанными от пола до уровня лавок венцами, охристых стен — с чисто выскобленным до белизны полом и с темным потолком.

В одних случаях художественный эффект возникал как явление, сопутствующее конструктивным или функциональным решениям. Так, высокий порог и низкие двери являлись своеобразным указателем масштаба, зрительно увеличивающим размеры помещения, хотя основная их задача — препятствовать попаданию холодного воздуха из сеней. Пластика скругленных углов возникала исходя из особенности отески стен сруба изнутри. Кроме того, такой прием облегчал мытье стен и препятствовал промерзанию углов. Точно так же скульптурные формы глино-

Черная печь в деревне Луозеро [Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader ... Т. 46]

Черная печь в деревне Ахпойла [Габе Р. М. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. № 5. М., 1955. С. 86]

Черные печи в деревнях Кутчезеро и Крошозеро [НА РК, 1936 г.]

битных печей обусловлены особенностями строительного материала и способами производства работ.

В других случаях чисто утилитарный прием превращался в эстетический. Так, в курных избах нижняя часть помещения тщательно мылась, а верхняя, выше полок-воронцов, оставалась закопченной. (Отсюда и возникло название — «воронец»). По свидетельству Р. Ф. Тароевой, чтобы потолок не выглядел грязным во время топки печей, на угли бросали яичную скорлупу, дым от сжигания которой придавал прокопченной поверхности блеск масляной покраски [146]. По традиции уже в белых избах потолки тоже чаще всего окрашивались в темный цвет. Кроме того, такая покраска при низко расположенных окнах значительно увеличивала кажущуюся высоту помещения, создавала цветовой контраст и четко отделяла потолок от стен.

Печь в доме
М. П. Каллио
в деревне Пирттигуба,
кон. XIX—нач. XX в.

Современного, особенно городского, человека старинная крестьянская изба поражает своей первозданной, вырастающей из самой сути форм и материалов поэзией. Но какой воспринимали ее в прошлом сами хозяева?

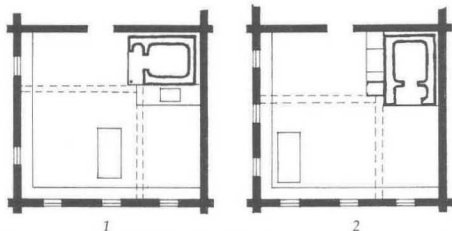

По свидетельству фольклориста У. С. Конкка, в северной Карелии, расставаясь с девичеством, невесты в ритуальных причитаниях прощались с избой и предметами, выражавшими, по их мнению, сущность жилища, — со столом, с медными образами на лобной (лицевой) стене, с печным столбом и зольным шестком печи [147]. Подтверждением семантической значимости перечисленных деталей интерьера является их широкое использование в семейных обрядах карел, главная роль в которых отводилась языческому центру дома — печи, связанной с культом предков и наделенной целебными и обережными свойствами: отъезжающим членам семьи давались ладанки с золой из печи и землей из подполья; меняя дом, хозяева не забывали захватить из старой печи угли или золу, а провозжаа покойника, брали с собой найденные в печи камешки, которые после возвращения с кладбища бросали обратно в печь, предварительно коснувшись ее ладонью [148].

В большинстве домов прошлого столетия печи «били» из глины с добавлением в нее камней, которые, по словам Р. Ф. Таровой, способствовали лучшему нагреванию и сохранению тепла. Иногда печи выполняли из естественного камня. И лишь позднее их стали выкладывать из кирпича-сырца. Печи, как правило, устанавливались на деревянном подпечье, которое, как и сама печь, скорее всего, было заимствовано у русских, на что указывают названия как печи в целом («русская»), так и ее элементов. Впрочем, учитывая связь печи с культом предков, антропоморфные названия последних у карел могли возникнуть самостоятельно. Подтверждение тому — еще большая образность, чем у русских, некоторых терминов, например: у русских «устье» — у карел «печной рот» (*kiukuanšuu*), «колпак» — «печной лоб» (*kiukuan očča*), верхняя поверхность печи — «печная спина» (*kiukuan šelka*) [149].

Постановка печи предопределяла планировку избы и ее функциональное зонирование, игравшее важную роль в регулировании поведения членов семьи в ритуальной и повседневной обстановке. У собственно карел, а также у северных и средних ливвиков печь в прошлом, как правило, ставилась в углу у задней стены рядом со входом и ориентировалась устьем к боковой стене («боковая ориентация»). Только у южных ливвиков, а иногда у людииков (пре-

Постановка печи в избах:
1 — изба с «карельской»
постановкой печи;
2 — изба с «русской»
постановкой печи

имущественно в Кондопожском районе) преобладала ориентация печного устья к лицевой стене («прямая ориентация»), наиболее распространенная у русского населения края и сопредельных областей, а также у прионежских вепсов. На территориях, где в прошлом происходили активные межэтнические контакты, например, в Заонежье, бытуют оба приема ориентации печи. По давней исследовательской традиции первый из приемов ориентации печи принято называть «финским», второй — «русским» [150]. План избы с «боковой ориентацией» печи считается стадияльно более ранним и сохраняется у основной массы карельского населения в силу большей инерционности (консервативности) их архитектуры по сравнению с зодчеством русских [151].

Отходящие от печного столба взаимно перпендикулярные полки-воронцы символически (без физического выгораживания) делили помещение на три части: «мужскую половину» с «большим» («красным», «святым») углом у передней стены по диагонали от печи; расположенную рядом с ней «женскую половину» с «задним углом» у передней (фасадной) стены, с женским и детским местом сбоку от печи; «дверной угол» с местом для приготовления пищи перед устьем печи [152].

Разделение избы на две «половины» отчетливо сохранилось у карел, видимо, в силу особого традиционализма их культуры. Этот обычай восходит своими корнями к родовому строю: женщины «чужого рода», выходящие замуж, несмотря на обряды приобщения к семье мужа, все-таки во многом оставались в ней чужими и имели своих собственных предков-покровителей. У северных карел это явление нашло отражение в устройстве двух домашних «иконостасов», располагавшихся вдоль лицевой стены: один — в мужской половине в большом углу на полке, параллельной главному фасаду, а не на характерной для других частей Карелии и большинства регионов Русского Севера диагональной полке-божнице, как особо подчеркивает У. С. Конкка, другой — в женской половине на простенке между крайним и средним окном [153]. По предположению Ю. Ю. Сурхаско, сохранению такого расположения икон в северо-западной Карелии способствовал старообрядческий обычай, предписывавший членам семьи необходимость иметь индивидуальные образа [154]. Религиозные реликвии придавали особое значение всей лицевой стене, что имело давнюю традицию, поскольку, по распространенному мнению, христианские образа заняли в избе место языческих оберегов. Во всяком случае об устойчивости дохристианских представлений у северных карел применительно к «лицу» избы свидетельствовал бытовавший до недавнего времени обычай во время свадебных обрядов втыкать в щель фасадной стены глухариный клюв или челюсть рыбы-«охранительницы» — щуки [155]. Понятно и размещение тотема именно над средним окном: еще в недалеком прошлом среднее косячатое («красное») окно, относительно большое по размерам, фланкировалось двумя волоковыми окнами, освещающими большой и задний углы. Такое выделение окна на фасаде и в интерьере, несомненно, было связано с его особой ролью в обрядовых ситуациях. Оно требовало и специальной за-

питы: через широкий проем среднего окна «враждебным силам» сподручнее было проникать в избу, нежели через узкие щели в прошлом волоковых боковых окон.

Возможно, с сакральностью лицевой стены у карел связана и традиционная постановка стола у ее середины. Обычно стол ставился торцом к стене, но в некоторых случаях разворачивался параллельно ей, что чаще всего диктовалось недостатком глубины избы в связи с малыми габаритами последней или особой громоздкостью печи, занимавшей до четверти площади помещения.

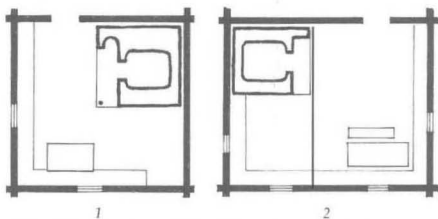
Впрочем, возможно, постановка стола вдоль передней стены — более древний прием. Во всяком случае, судя по литературным источникам, именно так устанавливался стол в архаичных избах с одним окном на лицевом фасаде [156], а также в подавляющем большинстве случаев в избах с двухоконными фасадами [157], и только в развитых помещениях с тремя окнами на передней стене торцовая постановка стола стала у карел преобладающей. Это явление проще всего можно объяснить чисто утилитарными причинами: освещенность поверхности стола зависела от расстояния

«Карельский» способ постановки стола в заонежской деревне Сибово. Фото В. Гуляева, 1991 г.

Избы с черными печами в деревнях юго-западной Карелии:

- 1 — изба в деревне Муянто [Ullberg U., Tavoaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 42]
- 2 — изба в деревне Раумааара [Paulaharju S. Karjalainen talo. Helsinki, 1983. S. 23]

до источника света, что в древности при маленьких окнах предопределяло постановку стола вдоль лицевой стены, а по мере увеличения световых проемов позволило перейти к торцовой его постановке, имевшей и функциональное преимущество. В самом деле, стол, поставленный на границе мужской и женской половины, являлся одновременно и дополнительной преградой между ними, придававшей большую определенность зонированию избы.

Но как бы то ни было, постановка стола по оси помещения могла способствовать закреплению традиции трехоконности лицевого фасада избы — архитектурного приема, возможно, заимствованного относительно поздно у русских [158] и ставшего одним из этнодифференцирующих признаков карельского жилища на большей части территории края.

Правда, иногда, например, на свадьбах, стол по русскому обычаю сдвигался в большой угол, но такая сдвижка, скорее всего, связана с элементами свадебного обряда, интерпретируемыми обрядность северно-русской свадьбы [159]. По-видимому, и постоянную постановку стола в большом углу у карел (преимущественно у людиков), и, наоборот, у середины стены в русском жилище этнического порубежья можно связать с русским влиянием — в первом случае и с карельским — во втором.

Заслуживает внимания упоминание Р. Ф. Таревой постановки стола карелами у середины передней стены с четным количеством окон [160]. По нашим наблюдениям, четырехоконные лицевые фасады в избах карел были достаточно редки, но в любом случае такая постановка являлась своеобразной данью форме традиции при забвении ее содержания — связи местоположения стола с окном.

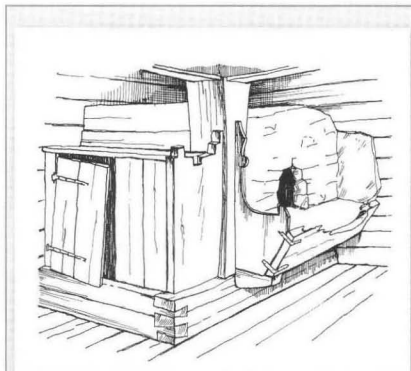
Самой престижной частью избы являлась мужская половина и, в первую очередь, ее большой угол, называемый в обрядовых плачах «перекрестком двух лавок», проходящих вдоль лицевой и боковой стены. В большом углу помещали покойника, в нем сидела невеста в определенный момент свадьбы и ложилась спать в последнюю ночь перед уходом из родительского дома [161]. Здесь находилось почетное гостевое место.

Самым примечательным местом в женской половине избы являлся «каржинный» или «голубчинный» угол, получивший свое название от расположенного в нем крытого входа в подполье в виде невысокого ящика с подъемной крышкой — «каржины» (с.-к. *karsina*; люд. *karzin*; ливв. *luandal*), бытовавшей преимущественно в южной Карелии, или шкафчика с дверями — «козоно», характерного для северной части края и аналогичного русскому голбцу. В обоих случаях для спуска в подполье служила крутая и узкая лестница без перил. Иногда такие устройства у карел и у русских называли «верхней каржиной» или «верхним голбцом» в отличие от «нижней каржины» или «нижнего голбца» — собственно подполья под избой. Чаше употреблялось общее название, подчеркивающее, что входное устройство являлось структурно оформленной частью подпольного пространства. Связь припечного устройства для вхо-

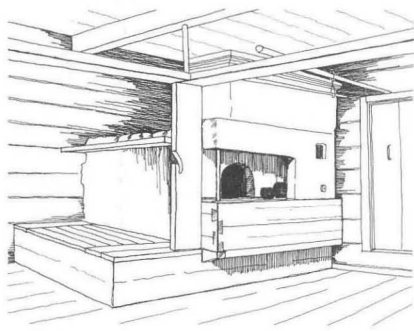

да в подполье и самой печи не случайна. Она вне зависимости от конструктивного оформления определялась, по-видимому, и утилитарными, и ритуально-магическими причинами. Подклет использовался как хозяйственное помещение для хранения овощей, картофеля и скоропортящихся продуктов. Там же иногда устанавливались жернова. Близость входа в подклет и кухонной зоны избы рациональна. С другой стороны, подклет, как и печь, связан с культом предков. В нем некогда было принято хоронить прародительницу рода, которая в дальнейшем продолжала покровительствовать живущим в доме потомкам, в частности, помогала рождению, для чего при особо сложных родах ее опускали в подполье или помещали на ступеньку лестницы, ведущей в него [162]. Обычно в Карелии некоторые обережные действия с использованием печи и подклета дублировали друг друга. Так, возвратившиеся с кладбища участники погребения после прикосновения рукой к печи заглядывали в подклет [163], что подчеркивало его семантическую связь с печью.

Не случайно поэтому припечным входам в подпольное пространство — голбцу (козоно) и каржине — карельские крестьяне уделяли особенно много внимания. По мнению Р. М. Габе, «будучи необходимой частью печи в избах с подпольем в местах с преобладающим русским населением, голбец может считаться изобретением исключительно русским, и устройству его в избах карел является результатом русского влияния» [164]. С ним можно было бы согласиться, тем более что карельский термин «козоно», несмотря на «финское» звучание, скорее всего является производным от слова «казенка» [165] — одного из распространенных русских названий голбца. Поэтому вполне правомерно связать распространение козоно в северной Карелии с влиянием русских поморов.

Черная печь с козоно в селе Реболы [Blomstedt Y., Sucksdorff V. *Karelska Buggnader* ... Т. 47]

Печь с каржиной в доме А. М. Никитина в деревне Инжунаволок, XIX — нач. XX в.

Вместе с тем обращает на себя внимание в принципе сходный с голбцом прием оформления спуска из сарая во двор в виде сруба с дверями («лестничной клетки») на сарае и крутого открытого лестничного марша во дворе. Такие «лестничные клетки» иногда выполнялись в виде пониженного сруба с наклонным покрытием или тесового шкафа-выгородки, сходного с «полугольцом» (пониженным голбцом). В настоящее время «лестничные клетки» на сараях и их модификации сохранились в пределах ареалов средних и северных ливвиков, но, судя по литературным данным, в прошлом были распространены на западе края [166] и, возможно, связаны с традициями приладожской карелы. Отмеченные аналогии указывают на связь структурно-семантической организации избы и подполья в одном случае, сарая и двора — в другом, что подтверждает ранее высказанную гипотезу о генетическом родстве подклета избы со стойловыми помещениями двора-сарая в домах карел.

Видимо, можно спорить о конвергентном происхождении козоно у карел или о влияниях на его возникновение русского голбца, но каржина, скорее всего, является чисто карельским изобретением, по крайней мере на северо-западе России, на что, в частности, указывает ее преимущественное распространение в Карелии, а за ее пределами — на территориях совместного проживания русских и карел (в Тверской, Ленинградской и Новгородской областях), причем во многих случаях, по нашим наблюдениям, под карельским названием (не только в карельских, но и в русских постройках).

Известны в Карелии и переходные формы от голбца к каржине, бытующие преимущественно в этническом порубежье — в Заонежье и Прионежье. Такие припечные устройства (у русских под названием «рундук») объединили в себе каржину и рудимент голбца — посудный шкафчик с поддерживаемой им широкой припечной полкой, у карел называемой «каржинлауда», в Заонежье — «прилавок», у тверских карел — «голбец» при названии каржиной низкого припечного устройства для входа в подклет. Во многих случаях полка вместо шкафчика впереди поддерживается поставленной перпендикулярно печи тесовой стенкой, что, видимо, характеризует последний этап преобразования голбца в каржину. В процессе упрощения и рационализации жилища в XX веке в связи с окончательным забвением мифологических смыслов устройства крестьянской избы и каржина, и козоно заменились чисто утилитарным устройством для входа в подклет в виде люка в полу.

Описывая карельскую избу второй половины XIX века, А. Соборов указывал, что в ней «под потолком, который от дыма черен как уголь, приделаны нары». О полатах, которые в начале XX века встречались в постройках карел, упоминает Р. Ф. Тароева [167]. Но в настоящее время этот элемент интерьера в карельских избах — исключение, зафиксированное нами, в частности, в боковой избе дома Федотовых в сямозерской деревне Лахта. Полати, по-видимому, были заимствованы у русских, что подтверждается обозначаю-

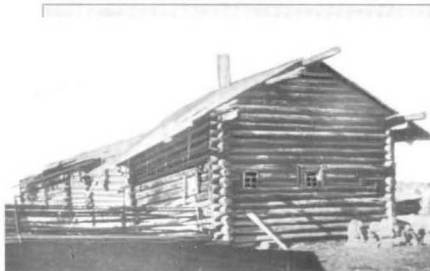

щим их термином — *palat't'i* с.-к., лив; *palat'* — люд. Произошло это, скорее всего, относительно недавно, поскольку вышли они из употребления значительно раньше, чем у соседнего русского населения, что с учетом традиционализма карельской культуры можно объяснить только воздействием эволюционной «откатной волны» в условиях малой укорененности полатей в крестьянском быту. Впрочем, помимо исторической молодости их атрофии, возможно, способствовали и композиционные соображения: расположенные при боковой ориентации печи в глубине избы, они должны были создавать ощущение дробности пространства, в то время как пониженная подполотная зона у входа при прямой ориентации печи, наоборот, подчеркивает просторность основной части помещения. Не случайно сохранившиеся полати в пределах карельского этнического ареала были зафиксированы преимущественно у лудиков и южных (олонецких) ливвиков, для которых, как уже отмечалось, характерно относительно широкое распространение «русского» приема постановки печи.

Так же, как и полати, встроенные деревянные кровати в карельских избах — редкость. Для собственно карел в прошлом были характерны так называемые «доски для подушек» (*pieluslaudat*), использовавшиеся при отсутствии кроватей для сна на полу и убиравшиеся на день. «Доска для подушек» представляла собой резную доску-спинку, скрепленную с наклонным дощатым подголовником [168].

Есть в карельских свадебных обрядах любопытная деталь: во время «окручения» — убирания головы по-женски — невесту чаще всего усаживали посреди избы, иногда у печного столба или шестка печи, причем в плачах, особенно в северной Карелии, часто упоминались «дымные отдушины», через которые «последние девичьи волюшки» улетали «милыми крылатыми птичками» или убежали «крестовыми лисицами». Скорее всего, под отдушинами подразумевались потолочные дымоволоки курных изб [169].

По свидетельству А. Соборнова, еще в конце XIX в. жилища карел-бедняков имели, как правило, черные печи, а в описаниях

Дом с курной избой в Повенецком уезде [НА РК, нач. XX в.]

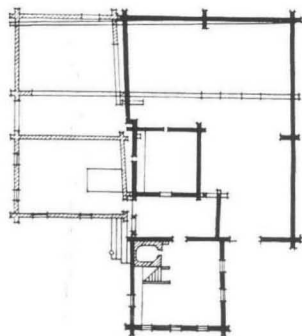
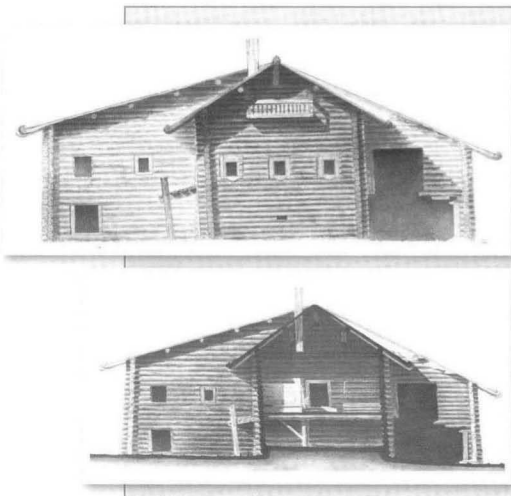

Дом с курной избой в деревне Кутчезеро [НА РК, 1936 г.]

старой Карелии и, в частности, села Ведлозера 1912 г. говорится: «...есть дома с печами еще старинной кладки без труб. Дым уходит в отверстие потолка» [170]. Бытовали курные избы в Карелии почти до конца 1930-х годов, а последние два хорошо сохранившихся дома с такими избами, построенные во второй половине XIX в., один из авторов обследовал в 1952 г. в карельской деревне Эльмитозеро. Дым в них удалялся в квадратное отверстие на потолке — потолочный дымоволок, к которому на чердаке примыкали круглые дымники, сделанные в одном случае из дуплистого дерева полуметрового диаметра, в другом — из дощечек, скрепленных подобно бочке обручами. Потолочный дымоволок закрывался снизу специальной крышкой на петлях, которая поддерживалась палкой, упиравшейся в воронцы. Судя по следам в избах, в которых в свое время черные печи были заменены белыми, у карел бытовали потолочные дымоволоки, круглые дымники на чердаке и описанная выше боковая ориентация печи, установленной в углу у задней стены [171]. О том же применительно к карелам, проживающим как на территории их основного расселения, так и за ее пределами, в Верхнем Поволжье, свидетельствуют литературные источники [172]. Аналогичное устройство дымоудаления бытовало и в Финляндии, что подтверждается, в частности, экспонируемой в музее Сеурасаари под Хельсинки курной избой усадьбы Ниемеля из Конгинкангаса (средняя Финляндия), а также чертежами, опубликованными У. Т. Сирелиусом [173].

Вместе с тем в пограничных с Карелией Каргопольском и Плесецком районах Архангельской области, где еще в 1950-х годах сохранялось значительное количество курных изб [174], последние

Дом с курной избой в деревне Эльмитозеро.
По обмеру В. Орфинского и В. Розина, 1952 г.

имели иную систему дымоудаления: дымовоклок устраивался в задней стене избы, а в сених к нему примыкал прямоугольный в сечении дощатый дымник, верхняя часть которого, перекрытая двускатной крышей, выполнялась в виде вытяжного устройства, напоминающего по принципу работы современный дефлектор [175]. Печь при этом в большинстве случаев ориентировалась устьем к лицевой стене. Стенной дымовоклок и дощатая дымница, судя по литературным источникам, широко бытовали у североруссов в Онежском, Вельском, Тотемском, Шенкурском, Пинежском уездах Архангельской губернии и на Вологодчине [176], что позволяет утверждать, что такой способ дымоудаления типичен для курных изб русского населения на сопредельной с Карелией территории. Что же касается русских районов последней, то здесь сохранилась лишь одна курная изба в доме Елизарова из заонежской деревни Середка (ныне перевезен в музей-заповедник «Киж»). По способу дымоудаления и постановке печи она занимает как бы промежуточное положение между курными избами Карелии и сопредельных русских областей: дым в ней удалялся через потолочный дымовоклок, как в карельских избах, а установленный на чердаке прямоугольный дымник и прямая ориентация печи соответствуют приемам, характерным для северных великоруссов. Судя по описаниям К. Н. Романова и В. Майнова, аналогично решалось дымоудаление и в других, ныне утраченных, курных избах Заонежья [177].

Интересно, что Д. П. Осипов отметил потолочный дымовоклок в постройках Харинской волости (современная Вологодская область), где, по его словам, были сильны традиции коренного «чудского» (угро-финского) населения. И хотя новгородцы вытеснили аборигенов, но, «... создавая определенный тип постройки в условиях сурового климата, видимо, не могли отрешиться от некоторых приемов плана и формы финских жилищ. Преемственная связь, как это видно на примере лесных зырянских избушек, — сохранилась» [178].

Курная изба А. А. Макаровой в деревне Илекинская Каргопольского района Архангельской области. Обмер В. Орфинского и В. Розина, 1953 г.: 1 — разрез; 2 — дымник

Разумеется, авторы отдают себе отчет, что в настоящее время курные избы в большинстве случаев утрачены, а выборочные исследования минувших лет не позволяют воссоздать целостную картину распространения различных вариантов дымоудаления на территории Русского Севера. Поэтому в сопоставительный анализ были включены генетически родственные постройки — черные бани, в которых решались такие же задачи по удалению дыма через дымоволоочные отверстия и дымоходы, как и в курных избах. Анализ подтвердил правомерность вывода о различии между «русским» и «карельским» (шире — прибалтийско-финским) способами дымоудаления из жилища [179]. Более того, на территории расселения южных ливвиков был выявлен совпадающий с ареалом прямой ориентации печи в избах ярко выраженный ареал банных стенных дымоволоков — щелевых окон на противоположной входу торцовой стене [180]. Поскольку в банях нередко «консервируются» элементы архаичного жилища, можно предположить, что такое расположение дымоволока является отголоском дымоудаления, когда-то существовавшего в избах. Несмотря на то, что ситуация у южных ливвиков нетипична для всех прочих этнодиалектных групп карел («русскую» планировку южно-ливвиковских изб мы отмечали выше, см. также — с. 249—295), выявленное совпадение ареалов позволяет связать способ дымоудаления из курных изб с постановкой и ориентацией печей и отнести такую связь к ранним этапам развития жилища. Правомерность такого подхода дополнительно подтверждает то, что отличительные особенности курных изб карел — потолочные дымоволоки встречаются и у других финноязычных народов.

Можно предположить, что в архаичном жилище прибалтийских финнов, подобно известной избе конца XVI в. Хуаула в Финляндии, очаг располагался в центре помещения, а дым выпускался в отверстие в перекрытии [181]. Поскольку первоначально жилище не имело окон, а естественное освещение и дополнительное дымоудаление могли осуществляться через открытую дверь, в угол рядом с нею и была перенесена печь, заменившая на одном из этапов развития открытый очаг. При этом устье печи, естественно, было ориентировано к боковой, ближайшей ко входу стене. Угловому расположению печи могла предшествовать ее промежуточная постановка у противоположной по отношению к двери стены с поворотом устья ко входу. Не случайно, судя по археологическим данным, оба приема постановки печи параллельно бытовали в средневековом Новгороде [182] и, возможно, в качестве отголосков предистории древнего жилища до сих пор встречаются в ригах Карелии. Е. Э. Бломквист относит их к наиболее архаичным в противоположность исторически молодой прямой ориентации печи [183].

По-видимому, из двух конкурентоспособных вариантов постановки печи рядом со входом с боковой ориентацией устья была признана предпочтительной и закрепилась традицией. Преобладающее распространение у русских прямой ориентации печи легко объяснимо с помощью высказанной Е. Э. Бломквист гипотезы о том, что наметившийся в средневековые тип русской избы с тремя окна-

ми на лицевом фасаде предполагал удаление дыма через среднее окно, приподнятое несколько выше боковых [184], к которому, естественно, и обращалось устье печи. Правда, такое предположение основывалось на рисунках из альбома А. Мейерберга и изображений на плане Тихвинского посада, которые допускают известные разночтения. В частности, вторую часть гипотезы о том, что дымники стали применяться лишь после замены среднего волокового окна «красным», опроверг И. В. Маковецкий, отметив, что натурные обследования ряда старинных изб на реках Сухоне, Вычегде и Онеге подтвердили одновременное применение световых волоковых окон и специальных дымоволочных, расположенных в стене сеней рядом с печью. Об этом же говорят письменные источники XVI в., в том числе порядные книги Троице-Гляденского монастыря 1622 г., в которых содержится прямое указание плотникам сделать «по подобным местам три окна и четвертое дымоволочное», а «дымник делать дощатый в закрой» [185].

Приведенные сведения, опровергая возможность причинной связи между заменой среднего волокового окна косящатым и применением дымника, вместе с тем подтверждают, что «русский» способ дымоудаления из курных изб является достаточно древним, хотя и связан со стадильно более поздней прямой ориентацией печи.

Что же касается «финского» приема дымоудаления применительно к территории Карелии, то его совершенствование относится к сравнительно недавнему времени, что, видимо, связано с консерватизмом традиций карельского домостроения. Косвенным подтверждением тому может служить преобладание в пределах карельского этнического ареала черных бань с дымоудалением через двери и потолочные дымоволоки без дымников.

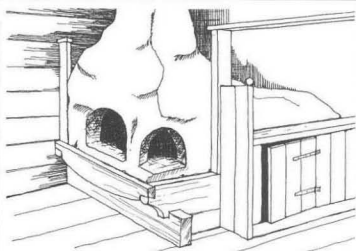
Видимо, не слишком долгую историю в Карелии имеет и сама хлебопечкарная духовая печь. Некоторые представления о ее становлении можно получить по рудиментарным деталям, таким, как камелек (*piisi*), распространенный в прошлом в северной Карелии, — очаг в виде угловой ниши в массиве печи с собственным дымоходом. По предположению А. А. Капицы, печь с камельком — гибрид русской печи с открытым очагом, подобным тем, которые в прошлом устраивались в саамских вежах [186]. Правда, некоторые исследователи видят в камельках подражание финским каминам [187], но первая версия представляется более правомерной. Во всяком случае в Сибири в старообрядческих скитах нам встречались печи с камельком, возникшие в результате контактов русского старожильского населения с приобскими хантами и селькупам, для которых характерны каминобразные очаги-чувалы. По-видимому, подобно камельку, в остальных частях Карелии возникли «жаратки» — ниши для углей с одной или двух сторон шестка русской печи, которые фактически являлись дополнительными открытыми очагами: в них в прошлом заделывался крюк для подвешивания котла или устанавливался таганок, под которым разводился огонь.

С многофункциональностью традиционной избы связано включение в ее структуру элементов хозяйственного назначения, среди

которых заслуживают особого внимания встроенные и подвесные грядки-жерди для сушки дров, сетей и одежды. Они располагались в верхней зоне помещения рядом с печью или независимо от нее. Такие грядки в наиболее простом их варианте — в виде продольных пристенных жердей — мы уже отмечали в стадиально ранней лесной избушке в Водлозерье. Развитые, иногда двухуровневые системы грядок из взаимно перпендикулярных жердей зафиксировал С. Паулахарью в Приладожье [188]. А. А. Шенников связал генезис грядок с полатями, которые, по его мнению, в качестве спальных мест начали использоваться лишь сравнительно недавно, уже после того, как в курных избах появились дымоходы, через которые дым уходил из верхней зоны помещения. А до этого грядки предназначались, скорее всего, для сушки снопов и лука,

Печь с камельком
в деревне Вокисозеро.
Рис. В. Орфинского, 1956 г.

представляя собой настилы из жердей-«колосников» — производных или прототипов аналогичных устройств в ригах и овинах [189]. Такая гипотеза не только подтверждает высказанное нами ранее предположение об исторической молодости полатей применительно к карельскому жилищу, но и высвечивает одну из характерных особенностей народного зодчества в целом — преимущественное заимствование приемов и форм, бытующих у других народов (в нашем случае — русских полатей) лишь при возникновении предпосылок для их восприятия в собственной практике.

В отношении полатей у карел таких предпосылок могло быть несколько. Это и распространение жердевых грядок, и характерные для карельских изб «орзи» — бревна для гнутья и просушки полозьев саней (*orsi* с.-к.; *orzi* ливв; *orz* — люд.), которые врубались под потолком у боковой стены и, по нашему мнению, ассоциативно связаны с пристенными жердевыми грядками. В свою очередь сами грядки и «орзи» могли быть «подсказаны» подбалочными связями — бревнами, врубленными в наружные стены избы перпендикулярно матацам потолка и внешне напоминающими прогоны балочной клетки, но фактически не всегда являющимися таковыми. На то, что нижние элементы такой «балочной клетки» предназначены работать преимущественно на растяжение, нередко указывают зазоры между ними и вышележащими матацами потолка

и, часто, меньший, чем у последних, диаметр. Такое конструктивное решение в настоящее время в Карелии сохранилось только в южном и юго-западном Заонежье. Но бытовало, судя по экспонатам музеев деревянного зодчества, в карельском анклав в Финляндии и зафиксировано в начале XX в. С. Паулахарью в Приладожье [190]. Это подтверждает предположение, что в прошлом описанная конструкция была характерна для собственно карел и уже ими занесена в Заонежье. Подбалочные связи, скорее всего, возникли в архаичных постройках с совмещенным перекрытием, где они обеспечивали жесткость сруба в перпендикулярном следам на правлении. Впоследствии, когда после появления потолка стало возможным устраивать продольные связи-перерубы на чердаке, подбалочные связи сохранились, видимо, как рудименты, в отдельных случаях используемые в качестве дополнительных опор для потолочных мatic при сводчатых и трапезиевидных перекрытиях путем установки специальных подпорок, а при плоских потолках — в качестве прогонов [191]. Но в любом случае, независимо от генезиса, ассоциативное сходство между подбалочными связями, «орзи» и жердевыми грядками не вызывает сомнений.

Таким образом, многие элементы избы на обозримом отрезке истории непрерывно эволюционировали. Естественно, что при изменчивости частей целое не могло оставаться неизменным и поэтому распространенное мнение о «многовековой законсервированности» облика и обустройства крестьянских изб — явное преувеличение [192].

По гипотезе А. А. Шенникова, первоначально крестьянская изба имела не жилое, а преимущественно хозяйственное назначение, в то время как жили крестьяне, возможно, кроме старшей супружеской пары, в неотопливаемых клетях — кладовых-спальнях, являвшихся прототипами амбаров. Возможность существования неотопливаемых жилых клетей исследователь основывает большей выносливостью наших предков по отношению к холодам [193]. Но, видимо, применительно к раннему периоду формирования крестьянского жилища такого обоснования и не требуется — как уже отмечалось, до и в начале малого ледникового периода климат в Карелии и, видимо, на Русском Севере в целом отличался от нынешнего.

Было у избы, кроме хозяйственно-производственного, еще одно назначение: в ней с помощью обрядовых действий отмечались самые значительные события в жизни крестьянской семьи — введение в семейный круг новорожденного, свадьба, прощание с покойным, поминальные пиры с приглашением всех почивших прародителей. Предположение, что крестьянский дом в прототипе представлял собой одновременно и своеобразный домашний храм [194], в значительной степени относится к карелам, в избе которых роль главного покровителя и оберега играла печь. Не случайно короб с младенцем, первый раз внесенным в избу, ставился на шесток к устью печи, что, по словам Ю. Ю. Сурхаско, может рассматриваться как приобщение новорожденного члена семьи к наиболее значимой семейной святыне [195]. Любопытно, что своего рода святилищем

была у карел и баня, в которой совершались наиболее древние магические действия, связанные с языческой символикой воды, — гадания, ворожба, обряд «невестинной бани» [196] — видимо, не совместимые с присутствием христианского начала, которое с определенным временем появилось в избе. Таким образом, баня вместе с формой архаичного жилища унаследовала и вытесненный из него христианством наиболее архаичный пласт магии.

Интересно, что не только ключевые ритуалы семейной обрядности карел, но и развлечения — игры, праздничные беседы — проходили под покровительством духа очага в избе, а иногда и в ее архаичном аналоге — риге, как это отмечалось, например, в Сегозерье [197]. Там же обыденные посиделки могли устраиваться в банях, но сведения о подобном использовании амбаров и сараев дома-комплекса нам неизвестны.

Развитие избы не может рассматриваться вне жилища, безразлично, самостоятельного или входящего в состав дома-комплекса. Уже на ранних этапах укрупнения усадебной застройки к избе стали пристраиваться сени. Появление простейших двухкамерных домов при сохранении на территории усадьбы отдельно стоящих кладовых-спален могло и не приводить к функциональному переосмыслению избы. Преимущественно хозяйственное назначение последней некоторое время, видимо, сохранялось и в рамках трех- или многокамерного дома, включившего помимо избы и сеней одну или несколько клетей, по-прежнему служивших кладовыми-спальнями. Во всяком случае, длительное использование клетей в качестве жилых помещений косвенно подтверждается сведениями о наличии в них даже в XVIII—XIX веках икон — атрибутов жилища [198]. Но в дальнейшем в рамках единого сооружения, включающего помещения разного назначения, развитие избы пошло по пути функциональной интеграции — превращения преимущественно хозяйственного помещения в многоцелевое жилищно-хозяйственное, то есть в ту традиционную избу, которая, соответствуя периоду расцвета деревенского зодчества, отождествляется в нашем сознании с канонической «окончательной» формой основного помещения крестьянского дома, но в действительности является кульминационным, достаточно продолжительным, но все же лишь одним из этапов развития таких помещений.

Изменение роли избы стало возможным благодаря функциональному, вначале без структурных изменений, преобразованию связанных с избой клетей из кладовых-спален круглогодичного обитания в летние спальни. Кроме того, для разгрузки главной избы в некоторых случаях в подклете, в пристройке или в хозяйственной части дома оборудовалась специальная скотная изба для приготвления поила для скота — отголосок архаичного помещения преимущественно производственного назначения. Впрочем, скотные избы, типичные для некоторых регионов Русского Севера, в Карелии не получили широкого распространения.

В дальнейшем летние кладовые-спальни превращались или в чисто складские (кладовые, чуланы) или в дополнительные жилые по-

мещения. Впрочем, этот последний этап развития клеток в жилом доме приурочен уже к следующему витку эволюции избы — к возврату ей функций преимущественно хозяйственного помещения, что произошло на позднем этапе развития народного жилища, когда для функций проживания стала использоваться горница.

Совершенствование избы и дома в целом, безусловно, связано с изменением представлений о комфорте и стремлением к индивидуализации быта. Но ни то, ни другое не было первопричиной изменений структуры жилища, отразивших в конечном счете специфику земледелия на разных стадиях аграрного освоения Русского Севера: переложные и комбинированные системы из-за трудоемкости работ по устройству подсеки требовали кооперации труда земледельцев, для чего в Карелии, как уже отмечалось, создавались «ромши» (вначале родственные, а затем соседские объединения нескольких хозяйств с целью совместной обработки земли), а также вплоть до XIX в. существовали многопоколенные неразделенные семьи. Сохранению таких семей способствовала и фискальная политика правительства — подворное налогообложение объективно стимулировало укрупнение крестьянских дворов и, наоборот, ограничение подсеки рамками наделной земли и, соответственно, увеличение в крестьянском хозяйстве доли постоянной пашни, а также замена подворного полупшным налогообложением создали предпосылки для разделения семей.

Важно отметить, что в прошлом самостоятельные постройки — клетки и избы, объединившись в единый жилой дом (или жилую часть дома-комплекса), развивались отнюдь не синхронно: полному циклу эволюции избы, связанному с отсутствием, появлением и затем вновь с утратой преимущественно жилой функции, соответствовал полупшкл развития клеток от кладовых-спален к чисто складским или чисто жилым помещениям.

Взаимосвязь отмеченных тенденций очевидна: по мере расширения жилой функции теплой избы с одновременным сокращением состава семьи отпадала необходимость в круглогодичных холодных спальнях, а последующая функциональная дифференциация основного помещения дома привела к возникновению горниц, с которыми уже не могли конкурировать клетки, специально не приспособленные для жилья. Тем более, что в домах-комплексах дополнительные летние спальные места могли устраиваться и на сарае, и в сенях, в которых с этой целью нередко встраивалась стационарная деревянная кровать.

Долгое время в Карелии эволюция жилой части дома не нарушала издавна установившегося порядка: отапливаемыми делались только избы, а горницы оставались холодными. Лишь во второй половине XIX в. и преимущественно в начале XX в. появились печи и в горницах, чаще всего — лежанки, реже — голландки и круглые печи в металлических кожухах, а иногда — русские печи (обычно в тех случаях, когда в перспективе намечался раздел дома на две семьи или на территориях, где традиции отличались особой устойчивостью). Во второй половине XX в. в Карелии получили распространение встраиваемые в шесток русской печи

или пристраиваемые к ней плиты и дополнительные отопительные очаги-подтопки.

В многокамерном жилище, где сохранялось ключевое положение традиционной избы, последняя долго не изменяла свой старинный «наряд», созданный в первую очередь встроенной мебелью и стационарным оборудованием — печью с каржиной или козано, воронцами, пристенными лавками и полками-полавочниками, прибитым к стене открытым посудным шкафчиком. Под стать встроенной была и немногочисленная передвижная мебель, в первую очередь столы, обычно низкие, не выше подоконника, состоящие из съемной столешницы, резного, часто раскрашенного высокого подстоля на низких ножках с выдвигаемым ящиком или шкафчиком с двухсторонними дверцами, или, наоборот, низкого подстоля на высоких резных ножках. С. Паулахарью и Р. М. Габе зафиксировали в Карелии столы на длинных полозьях, позволяющих легко передвигать их с места на место. (В этнографической литературе такие столы обычно называют «финскими»). Столы на «ящиках», известные и у североруссов, широкое распространение получили у ливвиков и людиков, в то время как у северных собственно карел бытовали раздвижные столы и столы на козлах, аналогичные столам соседней Финляндии. Формальное сходство подтверждается терминами, свидетельствующими об источниках заимствования разных типов столов: *stola* — у ливвиков и людиков, *pöytä* — у собственно карел [199].

Своеобразный колорит интерьеру избы придает традиционное оборудование — деревянные кадки для воды, медные или керамические рукомойники, размещавшиеся обычно на видном месте у печного столба или во входном углу.

Для освещения помещений вплоть до начала XX в., а также в годы Великой Отечественной войны 1940-х гг. использовалась березовая лучина, которая вставлялась в специальные кованые светцы,

Горница с печью-лежанкой
в доме Ф. А. Пыжина
в деревне Еркова Новинка,
1917 г. Фото В. Гуляева,
1992 г.

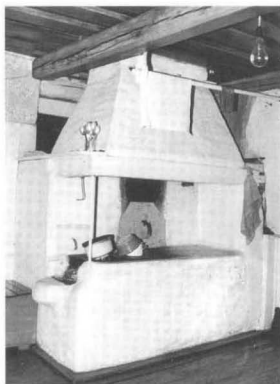
обычно вбитые в печной столб. У зажиточных крестьян начиная с последней четверти XIX в. применялись керосиновые лампы.

Еще в 1950-х годах в карельских деревнях изредка встречались зыбки (люльки) для грудных детей, которые подвешивались на конце жерди-опека, прикрепленной к потолочной матице. Раскачивалась зыбка ногой с помощью привязанной к опечу веревочной петли.

«Все эти предметы, — отмечает Р. М. Габеев в описании интерьера карельского жилища, — сохраняют просторность избы, не загромождая ее ничем лишним. Здесь достаточно места, чтобы расположиться всей семье у обеденного стола и отдохнуть на карзине или на лежанке, или заняться своей домашней работой. Во всей внутренней обстановке избы мы не увидим ни одного лишнего случайного предмета, который можно было бы исклю-

1

2

3

Печи со встроенными плитами в домах:
1 — В. Н. Архипова
в деревне Маньга;
2 — И. К. Поттнова
в деревне Гафостров;
3 — А. И. Кузнецовой
в деревне Кинерма.
Фото В. Гуляева,
1991—1992 гг.

чить без нарушения насущнейших потребностей крестьянского обихода» [200]. Правда, в настоящее время традиционный интерьер карельских изб сохранился только в порядке исключения, а в большинстве случаев настолько модернизирован, что его первоначальный облик лишь угадывается за «косметикой» обоев и передвижной мебелью, заменившей лавки, грядки и воронцы.

Изначально менее традиционными и стилистически целостными являлись горницы с передвижной мебелью, отражавшей веяния преходящей моды. Лишь печь-лежанка, в большинстве случаев оставшаяся неизменной, преемственно связывает облик горниц с интерьером крестьянских построек былых времен.

В северо-западной Карелии модернизация жилища началась значительно раньше, чем на юге, уже на рубеже XIX—XX столетий затронув не только горницу, но и избу. «Здесь, — по словам Р. М. Табе, — чувствуется борьба двух начал: деревенского и городского, — элементы городской обстановки кажутся особенно неожиданными при внешней архитектуре избы, типичной для крестьянских построек этого района» [201]. Правда, последнее замечание не совсем точно — ускоренная эволюция затронула не только интерьер, но и, как мы покажем ниже, экстерьер жилища северо-западной Карелии.

Дом Андреева в деревне Тулосозеро. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Развитие многокамерного жилища протекало по нескольким направлениям, первоначальное из которых характеризовалось увеличением состава помещений по оси развития (продольная тенденция) путем блокировки срубов — изба, изба-сени, изба-сени-клеть или клетки, с преобразованием последних в горницы. Постепенно принцип развития «снаружи вовнутрь» усложнился сопутствующей тенденцией к преобразованию помещений путем внутреннего разделения, касавшегося как сеней, так и избы. В первом случае помещения в сенях, например, чулан, вначале выгораживали перегородкой, а затем перерубом. Во втором случае в связи с дифференциацией избы в рамках продольной тенденции развития ее символическое зонирование сменялось разделением занавесками, низкими перегородками-экранами, а затем высокими перегородками до потолка, выделяющими кухонный угол избы в самостоятельное помещение для приготовления пищи. До тех пор пока такое разделение осуществлялось в порядке приспособления имеющегося помещения в процессе эксплуатации дома, оно не вызывало изменения пропорций сруба избы. Лишь на более позднем этапе эволюции последний стал удлиняться, приобретая продольно-прямоугольную форму, а затем, после замены перегородки бревенчатой стеной, превратился в пятистенник с поперечным перерубом с расположением горницы в передней части сруба.

Прецедентом передков-пятистенников с поперечным перерубом, состоящих из двух помещений, были пятистенные постройки, включающие избу и сени. Их появление связано с конструктивным совершенствованием передка — превращением его из составного в целостный сруб. В отдельно стоящем жилище этот процесс проходил, видимо, уже на ранних эволюционных этапах, представляя собой конструктивное переосмысление сложившейся функциональной схемы составного двухкамерного дома. Что же касается домов-комплексов Карелии, то в них включение сеней в сруб жи-

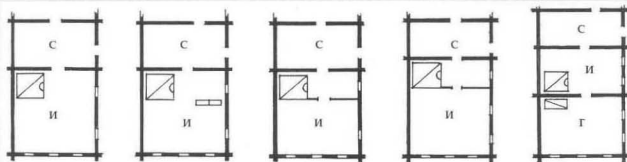

Схема продольной тенденции развития жилой части домов-комплексов

лой части зафиксировано у вепсов и у русских в постройках XIX в., а у карел, в связи с устойчивостью традиции строить комплексное жилище по очередям, получило распространение только в XX столетии. То же относится к выполненной в виде целостного сруба двухконечной жилой части домов-комплексов, состоящей из двух жилых помещений с сенями между ними.

В композиционном отношении продольная тенденция развития сопровождалась геометрическим упорядочением структуры дома, в первую очередь при размещении оконных проемов на боковом фасаде передней избы. При боковой ориентации печи в избе на ее боковой фасад выходило два окна: одно из них расположено спереди в большом углу, а другое — позади напротив устья печи; при прямой ориентации — одно или два приближенных к большому углу окна. Такая оконность боковой стены избы сменялись тремя ритмично прорубленными окнами вне зависимости от направления печного устья и, следовательно, без функционально обусловленного дифференцирования освещенности помещения. Последнее решение, получившее уже во второй половине XIX в. широкое распространение у русского населения Карелии, у собственно карел и ливвиков встречается достаточно редко и преимущественно в относительно новых домах.

Наружный вход в противоположность внутренним входам в помещения обычно располагался перпендикулярно оси развития жилища. Любопытно, что предпосылки для такого решения в отдельных случаях возникали уже в рамках одночастного дома. Подтверждение тому — изображение однокамерной избы со входом в боковой стене на рисунке начала XVII в. А. Хуттеериса [202].

Возможно, такой наружный вход в однокамерных постройках возник при композиционно-семантическом переосмыслении фасадов жилища, когда в связи с появлением световых проемов послед-

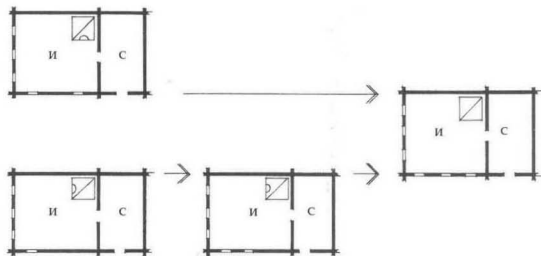

Схема геометрического упорядочения боковых фасадов дома

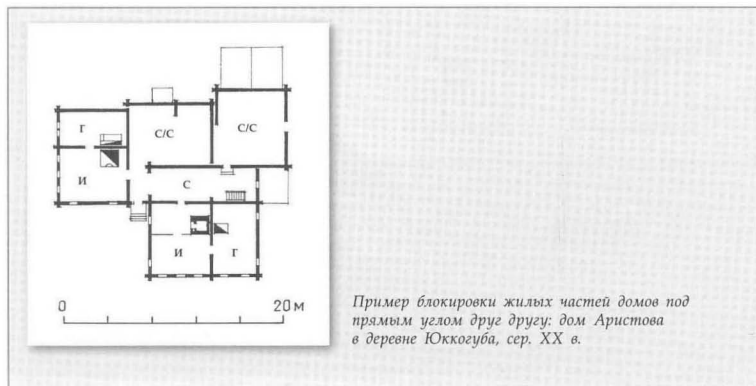

ние стали более приоритетными, нежели вход, который в качестве компромиссного решения, чтобы не оборачиваться к северу (на «задворки»), переместился с торца на боковую стену. В дальнейшем в двух- и многокамерных жилищах такое решение стало традиционным во всех случаях, когда внутренняя структура дома не позволяла одинаково ориентировать лицевой фасад и вход.

Развитие жилища «снаружи вовнутрь» могло осуществляться путем не только рядовой блокировки срубов, но и пристройкой их под прямым углом друг к другу, как это делалось во многих регионах Русского Севера при строительстве зимников — разновидности зимнего жилища, используемого в качестве скотных изб. Такое решение применительно к функционально равноценным жилым избам в Карелии возникало при формировании композиционно неорганизованных домов-комплексов или их жилых частей и зафиксировано преимущественно в пределах собственно карельского этнического ареала. По мнению Н. Валонена, в Финляндии такой тип жилища был заимствован в раннем средневековье из Готланда [203], но его появление в Карелии, скорее всего, связано с конвергентностью формообразования под воздействием универсальной тенденции к блокировке при отсутствии четко выявленных композиционных приоритетов, то есть на относительно ранней стадии эволюции.

Преобразование жилища в рамках домов-комплексов затрагивало не только жилую, но и хозяйственную его часть путем устройства между ними блока дополнительных жилых помещений, клетей или кладовых с проходом между ними во двор-сарай, а также выделения на площади сарая дополнительных жилых помещений.

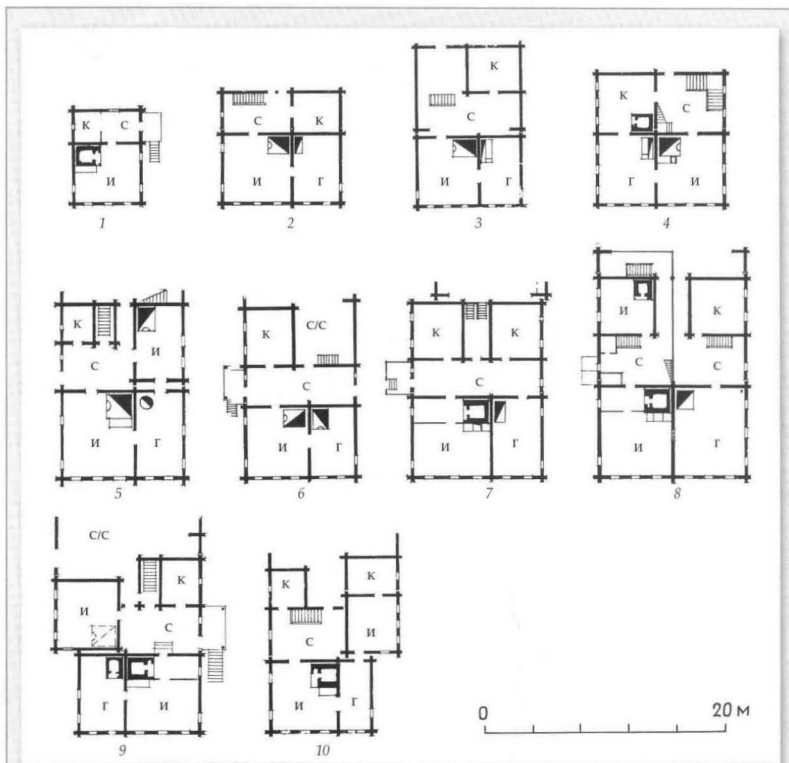
Параллельно с начальными этапами роста жилища вдоль оси развития — появлением сеней (или двора-сарая, выполнявшего функции коммуникационно-входного помещения при одночас-

Пример блокировки жилых частей домов под прямым углом друг другу: дом Аристова в деревне Юккогуба, сер. XX в.

ном жилище в домах-комплексах), видимо, возникла другая эволюционная тенденция — «поперечная». Она также могла осуществляться двояко: путем блокировки или внутреннего разделения помещений.

Примеры выделения жилых помещений на площади сени и сарая домов-комплексов:

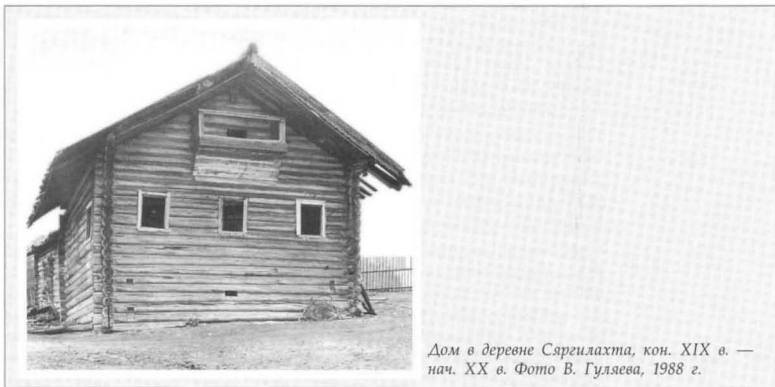
- 1 — дом Л. Н. Ларионовой в деревне Колатсельга, кон. XIX в.;
- 2 — дом С. Ф. Сергеева в деревне Ламбисельга, XIX—XX вв.;
- 3 — дом М. Д. Максимовой в деревне Кукойнваара, вт. пол. XX в.;
- 4 — дом Ю. А. Базрова в деревне Большое Гангозеро, кон. XIX в.;
- 5 — дом Н. Д. Мудрякова в деревне Рубчейла, вт. пол. XIX в.;
- 6 — дом А. и В. Григорьевых в деревне Павшойла, 1920-е гг.;
- 7 — дом Е. А. Крупичкиной в деревне Пряккила, вт. пол. XIX в., 1930-е гг.;
- 8 — дом М. А. Коппаловой в деревне Пряккила, 1918—1921 г.;
- 9 — дом Е. В. Лукиной в деревне Чуйнаволо, нач. XX в.;
- 10 — дом Е. Н. Рогаткиной в деревне Лагиламба, 1912 г.

Рассмотрим вначале второе направление, более очевидное в силу его относительной исторической молодости и, соответственно, в большей степени сохранившее промежуточные формы, воспроизводящие отдельные эволюционные этапы. В Карелии такое развитие жилища осуществлялось на первых порах путем постепенного расширения сруба избы. Внешним его проявлением стало увеличение числа окон на лицевом фасаде от одного до трех в пределах карельского этнического ареала и до четырех — у вепсов и русских. К началу XX в. четырехоконные избы, по наблюдениям авторов, стали преобладающими на территории сопредельных с Карелией русских областей.

Мы уже неоднократно отмечали недоиспользование карелами «эволюционного потенциала» той или иной универсальной тенденции развития, что, по-видимому, связано с некоей «нормой» допустимых изменений, обеспечивающей совместимость преобразуемых форм с устойчивыми традиционными установками. В частности, лишь в период упадка народного зодчества в условиях ослабления регламентирующей роли традиций в пределах карельского этнического ареала смогло завершиться упорядочение размещения окон на боковых фасадах изб и формирование пятистенков с поперечным перерубом, первое из которых противоречило рационалистическому подходу к освещению интерьера, второе — привычке строить дом-комплекс по очередям.

Показательна в этом отношении и «незавершенная эволюция» композиции лицевых фасадов карельских изб, трехоконность которых, как уже отмечалось, стала одним из этнодифференцирующих признаков карельского жилища на большей части территории края. Надо сказать, что избы с тремя окнами на главном фасаде в Карелии достоверно бытовали уже в XVII в., о чем свидетельствуют планы Олонца 1649-го, 1690-х и 1702-го годов. Важно отметить, что характер застройки Олонецкого городка, по-видимо-

Дом в деревне Саргиллахта, кон. XIX в. —
нач. XX в. Фото В. Гуляева, 1988 г.

му, предопределили перевезенные в него избы из окрестных деревень, часть хозяев которых воеводами Ф. Волконским и С. Елагиным были «записаны» в посадские люди, а часть — в «пашенные солдаты» [204]. Но несмотря на достаточно раннее укоренение в Карелии трехкоконных изб, на крайнем западе [205] и юге края (на Олонечской равнине) долго продолжали бытовать двух-, а изредка и однококонные по лицевому фасаду дома, а также зафиксированные авторами переходные формы в виде изб с асимметричным расположением двух окон на лицевом фасаде, смещенных к большому углу (например, дом Куропаткина в среднекарельской деревне Гафостров). Что же касается четырехкоконных изб, то они встречаются преимущественно на востоке Карелии в этническом порубежье (например, в Поморье) и, в виде исключения, у калевальских (ухтинских) карел.

Действительно, на лицевой фасад изб второго поколения домов-комплексов ухтинских карел нередко выходит по 4 окна — модернизация интерьера на северо-западе проходила более интенсивно, чем на юге края. Это явление, как отмечает Р. Ф. Тароева, объяснялось не этническими, а социально-экономическими причинами: в конце XIX в. в связи с развитием лесных промыслов, приносивших большие доходы, богатые крестьяне и сельские торговцы получили возможность приобретать городскую мебель, а торговля с Финляндией привела к знакомству с финскими формами жилища, которые оказали заметное влияние на интерьер избы зажиточных карельских крестьян [206]. Естественно, что в избы бедноты эти изменения проникали значительно медленнее. Существенно не затронули они, как показали историко-архитектурные обследования 1950-х годов, и некоторые глухие деревни. Отсюда, как следствие, — разброс сосуществующих форм жилища от двухкоконных по лицевому фасаду построек до четырехкоконных изб, от архаичных подчеркнуто традиционных до осовремененных интерьеров. Причем те и другие адаптировались в местной архитектурной традиции, предопределив ее специфику — полярность сосуществующих тенденций развития. И это — еще одно из проявлений «ухтинского феномена», наглядно подтвердившего зависимость традиций в народном зодчестве не только от этнических, но и от социально-экономических причин и конкретных условий бытования.

Противоречивая на первый взгляд картина одновременного распространения в Карелии композиций фасадов изб, отражающих различные эволюционные этапы, объяснима с учетом характерного для народного зодчества сосуществования прототипов и производных от них.

При исследовании сложных явлений несомненный интерес представляет анализ исключений из правила, каковым в данном случае является ареал южных ливвиков в окрестностях Олонца, где издревле появились трехкоконные, но в настоящее время преобладают двухкоконные по лицевому фасаду избы и где, Напомним, распространена прямая ориентация печей, возникшая достаточно давно и закрепленная в абсолютном большинстве слу-

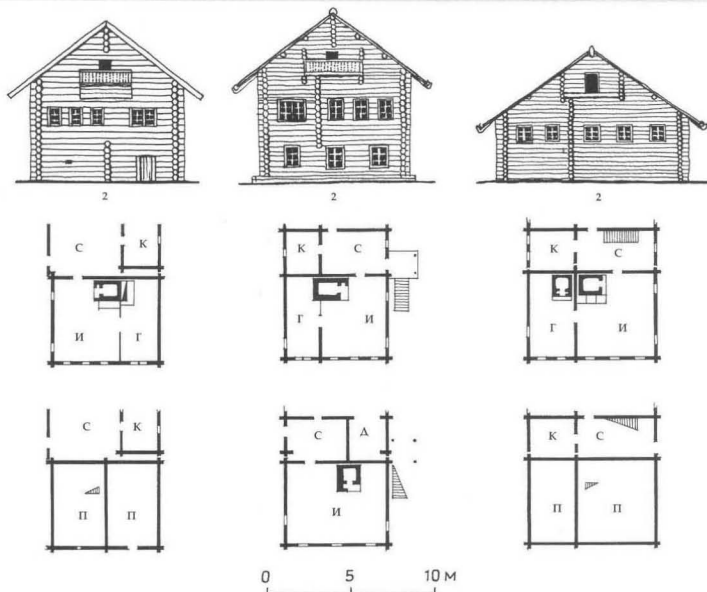

чаев (85,7%) в структуре боковых фасадов изб с единственным окном, сдвинутым к большому углу.

Можно предположить, что здесь такому расположению печи также издавна соответствовал «русский» прием дымоудаления. Подтверждение тому — трехоконные фасады домов с дымоволоками в центре, изображенные на упомянутых иконографических документах. Такую постановку печи, также как трехоконность лицевых фасадов изб в глубине ареала южных ливвиков можно связать с влиянием русского «культурного десанта», по-видимому, приуроченного ко времени основания Олонца и превращения его в центр уезда. Примером подобных межэтнических контактов на севере России могут служить Крещенские ярмарки в Важгорте (Удорский район Республики Коми), которые оказали заметное воздействие на архитектурно-строительную деятельность населения окрестных деревень [207].

Иначе дело обстояло с лицевыми фасадами южноливвиковских изб, тенденция к увеличению количества окон которых в своем развитии повернула вспять. Возможно, это произошло в середине XVIII в. в связи с изменением размеров и заполнения оконных проемов, когда вместо волоковых стали применяться косячатые окна с деревянными остекленными рамами [208]. Но дороговизна стекла, как и слюды до него, была одинаковой на всей территории Карелии. Поэтому применительно к окрестностям Олонца можно высказать несколько версий, объясняющих возврат к архаичному решению фасада избы. Это может быть и реакция на интенсивное обрусение, в условиях которого двухоконность избы становилась этническим символом или, наоборот, следствие слишком быстрого развития, когда четырехоконный по фасаду сруб стал разделяться симметричным продольным перерубом, на равновеликие избу и горницу, и уже это решение стало отличать южных ливвиков от их русских соседей, у которых при четырехоконных лицевых фасадах домов преобладали пятистенки не с продольным, а с поперечным перерубом. Наконец могло сказаться и воздействие на оконность сруба эволюционной «откатной волны» — в 1930-х годах в период сплошной коллективизации в Карелии участились случаи строительства домов с двухоконными фасадами. Видимо, даже в те годы многооконность сруба оставалась показателем зажиточности крестьянской семьи, и под угрозой раскулачивания у селян возникало инстинктивное стремление уменьшить внешнюю престижность дома при сохранении его значительных размеров.

В интерьере развитие жилища в поперечном направлении вызвало в XIX в., преимущественно во второй его половине, смещение очага к середине входной стены избы, что стало возможным после замены громоздкой черной печи, занимавшей от 1/4 до 1/6 площади помещения, относительно небольшой белой печью. Следующий этап — отделение запечного или части припечного пространства занавеской, продольной перегородкой, в том числе шкафной, а затем бревенчатой стеной, доходящей до печи. Последняя форма являлась переходной от четырехстенка к пя-

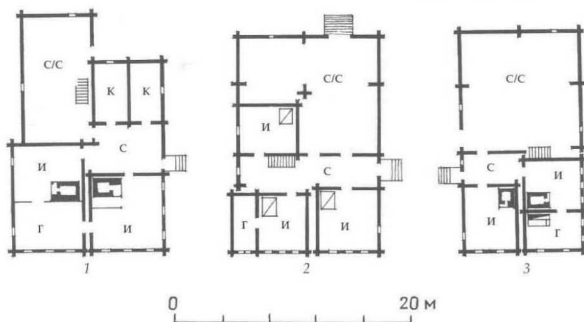

Преобразование четырехстенков в пятистенки: 1 — дом В. Ф. Болошаева в деревне Салменица, 1913 г.; 2 — дом Смирновой в деревне Угмойла [Табл. Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 32—33]; 3 — дом в деревне Кудамгуба (обмер В. Орфинского, 1952 г.)

тистенку с продольным перерубом и, соответственно, к появлению горницы в передке дома рядом с избой.

Другое направление развития пятистенков путем боковых пристроек трехстенного сруба или блокировки двух четырехстенков с последующей заменой составного целостным срубом полностью соответствует основному принципу формирования сложных построек у собственно карел «снаружи вовнутрь». По мнению И. В. Маковецкого, сложение нового типа жилища, объединяющего в срубе-пятистенке избу и горницу, связано как с ростом бытовых потребностей и экономических возможностей крестьян, так и с конструктивным совершенствованием построек, поскольку продольный переруб увеличивал жесткость срубов [209].

Противоречивы мнения исследователей о времени появления пятистенков. Судя по достоверно известным постройкам, в начале второй половины XIX в. в пределах карельского этнического ареала пятистенки составляли 29,6% от общего числа жилых до-

Дома-двойни:

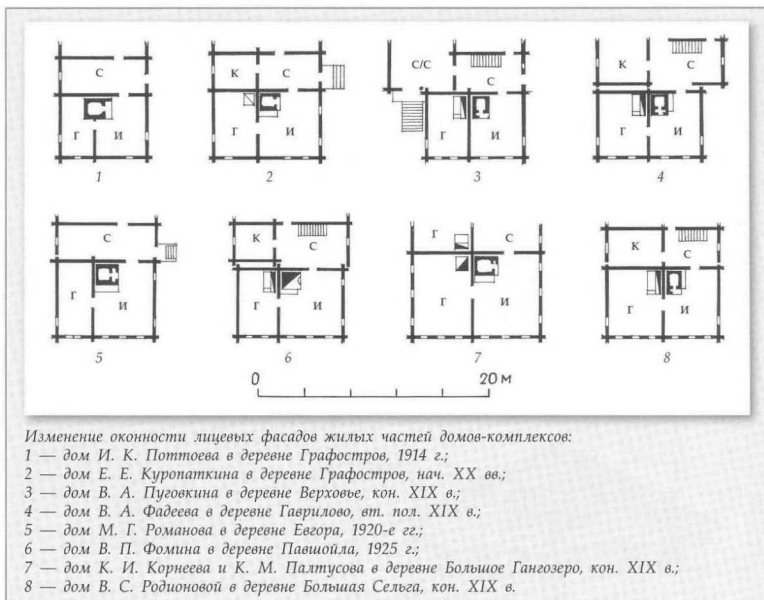
- 1 — дом Скворцовой в селе Кондопога
[Габс Р. М. Карельское деревянное
зодчество. М., 1941. С. 24];
2 — дом Дмитриева в деревне Вагзово
(обмер В. Орфинского, 1952 г.);
3 — дом Л. Д. Журавлевой
в деревне Кимусельга

*Дом Дмитриева в деревне Вагзово,
фасад. Обмер В. Орфинского, 1952 г.*

мов, среди строений рубежа XIX—XX вв. этот показатель повысился до 88%, к середине XX в. составил 81,2%, а по отношению к домам, построенным во второй половине XX в., снизился до 18%, отразив тенденцию к усложнению структуры жилища, а затем к ее упрощению в связи с «откатной волной» в эволюционном процессе. Последнее обстоятельство еще раз подтвердило, что наметившаяся в годы сплошной коллективизации деградация крестьянского жилища приняла массовый характер лишь во второй половине XX столетия.

Экстраполируя эту тенденцию в прошлое, можно заключить, что пятистенки в крестьянском зодчестве — исторически молодой тип жилища. Вместе с тем, как отмечает И. В. Маковецкий, подобные пятистенкам планировочные решения, по археологическим данным, в XIII в. бытовали в Новгороде и в XIV в. в Москве. В различных вариантах этот тип планировки — «клетки с перерубами», «чердаки с перерубами», «светлицы пятистенные» — встречается в Московской, Новгородской, Архангельской, Пермской

и других областях на протяжении XVII—XVIII столетий [210]. Разумеется, при изучении крестьянского жилища нельзя всецело полагаться на сведения о средневековых городских и посадских постройках, как, впрочем, и полностью игнорировать эти сведения, поскольку связь города и деревни, пусть сложная и опосредованная, но существовала всегда. Во всяком случае обследованная архитектором Д. В. Милеевым изба XVIII в. в селе Брусенец (Нюксенский район Вологодской области) уже представляла собой законченный пятистенник [211].

Анализ сохранившихся и достоверно известных «передков» жилых домов в виде пятистенников с продольным перерубом позволяет заключить, что их эволюция в Карелии полностью укладывалась в рамки тенденции к упорядочению архитектурных форм и внешне выражалась в придании большей регулярности и симметричности лицевым фасадам домов путем уравнивания количества выходящих на фасад окон избы и горницы, а затем и уравнивания ширины помещений. Показательно, что для собственно карел и ливвиков (преимущественно северных и средних) характерны пятистенники с асимметричным продольным перерубом и тремя окнами избы и двумя или одним сдвоенным окном горницы на лицевом фасаде, а для русских, вепсов, людиков и, частично, южных

ливвиков — пятистенки как с асимметричным, так и с симметричным перерубом, но в обоих случаях с одинаковым количеством окон избы и горницы (для русских в Карелии — 3+3 окна, для вепсов и южных ливвиков — 2+2, для русских соседней Архангельской области — 4+4). Данные инвентаризации деревянного зодчества в Карелии показывают, что пятистенки с различным количеством окон на лицевом фасаде по сторонам разделительного переруба составляют у собственно карел — 88%, у северных и средних ливвиков — 87,8%, у южных ливвиков — 66,7%, у людиков — 43,7%, у вепсов — 4,8%, у русских (включая обрусевших карел) — 35,1%.

Особенно наглядно зависимость композиции фасадов пятистенков от этнических традиций населения прослеживается в Заонежье, где, как уже отмечалось, в прошлом происходили активные межэтнические контакты. Так, на западе Заонежского полуострова, где в 1870-х годах насчитывалось 6 карельских поселений (ныне обрусевших), асимметричные пятистенки составляли 54%, на севере и северо-востоке Заонежья (12 карельских поселений) — 70%, в то время как на юге и юго-востоке (2 карельских поселения) — 28%, а в центре полуострова, где карельских поселений вообще не было — 26% [212].

Таким образом, с учетом характера эволюции можно утверждать, что карелы как бы «канонизировали» один из промежуточных этапов развития сруба-пятистенка, в то время как в вепсских и русских постройках сруб продолжал эволюционировать в направлении упорядочения решения лицевой фасада.

«Своеобразной чертой развития русского народного зодчества» назвал И. В. Маковецкий силу и устойчивость местных традиций, локализовавшихся на отдельных территориях. Так, применительно к пятистенкам он отмечал, что в Верхнем Поволжье изба делалась больше горницы, а количество окон на переднем фасаде равнялось пяти (3+2), а на севере, в Беломорье, оба помещения были одинаковы, а количество окон достигало восьми

Дома с пятистенными жилыми частями:
1 — Е. В. Лукиной в деревне Чуйнаволок, нач. XX в.;
2 — Исакова в деревне Харитоновой Гора, кон. XIX в.
Фото В. Гуляева, 1980—1990-е гг.

(4+4) [213]. На фоне такого разнообразия пятистенков их тождественность в пределах основного ареала расселения карел и верховолажского карельского анклава явно не случайна и позволяет связать строгую традиционность и устойчивость их структуры с общекарельской традицией. В свою очередь, с учетом всего изложенного выше, возникновение такой традиции можно объяснить патриархальностью бытового уклада карел, в силу которой возможность разделения семей с переоборудованием горницы во вторую избу долгое время не предусматривалась при сооружении домов. Таким образом, и в этом случае стадийный признак построек стал этнической особенностью деревянного зодчества карел, ограничившей «эволюционный потенциал» тенденции упорядочения структуры жилища в карельской среде.

Во многих частях Русского Севера поперечная тенденция развития жилища привела к формированию шестистенков с двумя продольными перерубами [214]. Но в Карелии такие дома являются исключениями. Их примерами могут служить дом Трофимова и Шаталова в деревне Лумбуши (начало XX в.) и зафиксированный Р. М. Табе дом в деревне Семчегора (правда, в виде стыкованного сруба) [215].

Объединение продольной и поперечной тенденций развития жилища привело к формированию шестистенков-крестовиков с двумя взаимно перпендикулярными перерубами. В простейших из них — в домах с неполным продольным перерубом — произошло воплощение в рамках единого сруба ранее сформировавшихся функциональных схем четырехстенной избы и сеней с выделенным в последних помещением, а также пятистенка с продольным перерубом и сеней. (Подобно тому, как это произошло в пятистенках с поперечным перерубом, объединивших

в едином срубе избу и сени). Отсюда оставался только один шаг до позднего усложненного крестьянского жилища в виде шестистенка-крестовика с двумя полными взаимно перпендикулярными перерубами. Наиболее распространенные варианты таких срубов в Карелии в районах с русским, вепсским, лудиковским и, реже, южноливвиковским населением включают либо три жилых помещения и сени, либо четыре жилых комнаты, когда сени расположены в примыкающем срубе. У собственно карел, северных и средних ливвиков шестистенки-крестовики, особенно в последнем, чисто жилым их варианте, широкого распространения не получили, поскольку они возникли у них только в XX в., преимущественно после 1930-х гг., когда крестьяне, как правило, уже не смогли возводить сложные и дорогостоящие сооружения.

Помимо двух горизонтальных тенденций для народного жилища характерно и третье, вертикальное, направление развития — от землянки и полужемлянки к наземному срубам, от него к постройке на подклете и к двухэтажному дому. После замены бесчердачного совмещенного покрытия-перекрытия крыши с чердаком вертикальное развитие жилища приходило и за счет устройства в чердачном пространстве дополнительной летней горницы-светелки. В XX в. она иногда частично выступала за габариты основной крыши, образуя мезонин, а при оборудовании печкой превращалась в комнату для круглогодичного проживания.

Представление о ранних стадиях «вырастания» жилища можно получить на примере хозяйственных построек, в первую очередь, бань, реликтовые формы которых — бани-полужемлянки были обнаружены Р. Ф. Таровой в деревне Железная Гора на Олонецкой равнине [216].

На протяжении XIX в. по Карелии в целом количество поземных и одноэтажных на подклете домов уменьшалось (соответственно от 5,3 и 81,6% в первой половине столетия до 4,3 и 67,8% во второй его половине), а двухэтажных увеличивалось (от 13,2 до 28%). В начале XX в. сохранилась направленность изменения соотношения одноэтажных и двухэтажных домов (57,7 и 36%), но несколько возросло число поземных построек (6,3%). В целом сходная картина наблюдалась при синхронном территориальном ареализировании. Так, в северной, средней и южной Карелии в 1970-х гг. соотношение домов различной этажности менялось следующим образом: поземные постройки — 18,8, 5,1, 3,5%; одноэтажные на подклете — 78,1, 79,5, 63%; двухэтажные — 3,1, 15,4, 33,6%. В то же время по юго-западной и юго-восточной Карелии эти соотношения выглядели следующим образом: поземные постройки — 6,1 и 0,8%; одноэтажные на подклете — 71,2 и 59,1%; двухэтажные — 22,7 и 40,2% [217]. Приведенные данные легко объяснимы: увеличение этажности домов характеризует направленность их эволюции, интенсивность которой, как неоднократно отмечалось, в целом увеличивалась в направлении с севера на юг и с запада на восток.

Изложенной закономерности не противоречит некоторое несоответствие показателей территориального и хронологического рас-

пространения жилища разной этажности: увеличение относительного количества одноэтажных на подклете построек в средней Карелии по сравнению с северной частью края связано с относительно широким бытованием на севере поземного жилища. В свою очередь последнее явление, характерное в начале XX в. для Карелии в целом, возникло благодаря имущественному расхождению крестьянства в условиях капитализации деревни, проходившему наиболее контрастно на торгово-лесопромышленном северо-западе (район Ухты) и на рыболовецко-промысловом северо-востоке (Беломорское Поморье), где поземное жилище строилось беднейшими из крестьян. Что же касается показателей по Карелии в целом, то они отразили в первую очередь зависимость формирования жилища от аграрного развития края, что проявилось как в усредненных размерах срубов, высота которых колебалась в пределах от 14-16 венцов на севере до 18-21 венца на юге (при среднем диаметре бревен в 30-40 см), так и в высоте подклетов, которые на юге края, как правило, значительно выше, чем на севере [218], а у русских на 1-5 венцов выше, чем у карел, что подтверждается подсчетами Р. Ф. Тароевой, сделанными для северной Карелии [219].

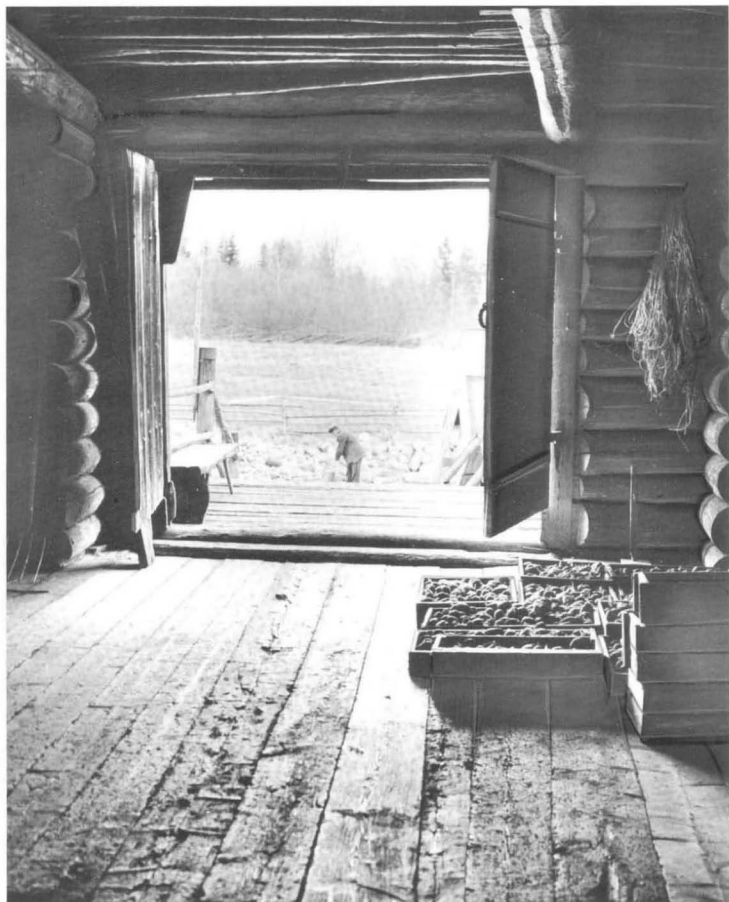
Низкие подклеты высотой до 0,5 м и отсутствие подклетов на юге края зафиксированы только в наиболее древнем жилище и в поздних модификациях XX в., в то время как на севере они применялись на протяжении всего XIX и XX вв., при этом число их сокращалось к середине XIX в., затем вновь вырастало. Средние подклеты высотой до 1,5 м характерны для северной части края, а высокие (выше 1,5 м) и очень высокие (более 2,0 м) широко бытовали в средней и господствовали в южной Карелии. Несоответствие высоты подклетов природно-климатическим условиям подтверждает, что повышение подпольного пространства в первую очередь является стадийным признаком развития жилища по вертикали. То же можно сказать непосредственно об увеличении высоты жилых помещений, хотя пик последнего процесса в Карелии пришелся на первую половину XIX в., что связано с зависимостью высоты изб от способа дымоудаления: при топке по-черному дым скапливался в верхней зоне помещений, что стимулировало как повышение высоты срубов целиком [220], так и сохранение архаичных типов двускатных, «сводчатых» и трапециевидных в поперечном сечении потолков, отражавших переходные формы от совмещенных покрытий-перекрытий к разделению их на чердачное перекрытие и кровлю [221].

Превращение одноэтажного жилища в двухэтажное нередко осуществлялось путем переоборудования подклетов, для чего в некоторых случаях под помещений первого этажа заглублялся ниже поверхности земли. Иногда при этом в помещении даже сохранялась лестница, ведущая из рундука (каржины) в подполье [222]. Но существовало и второе направление развития — надстройка одноэтажных домов, что подтверждается как сезонной дифференциацией этажей (на первом этаже обычно размещалось зимнее, на втором — летнее парадное жилище), так и относи-

тельной архаичностью решения нижних помещений, что свидетельствует об их большей укорененности в местной традиции и, соответственно, устойчивости форм. Так, в двухэтажных домах иногда нижний этаж срублен в виде четырехстенка с тремя окнами по лицевому фасаду, а верхний — в виде пятистенка с асимметричным перерубом [223]; на лицевом фасаде нижней горницы прорублено одно сдвоенное окно, в верхней горнице — два, а на боковом фасаде изб соответственно одно и два, или два и три окна; русские печи на первом этаже у людиков и обрусевших карел нередко имеют традиционно карельскую боковую ориентацию, а на втором этаже — прямую, «русскую», отражая последовательность аккультурационных процессов на востоке карельского этнического ареала. Во всех перечисленных случаях решение первого этажа по отношению ко второму отражает более ранние этапы эволюции.

Таким образом, для народного жилища Карелии характерна «тройная несинхронность» развития — неравномерность преобразования однотипных построек на разных территориях, разнотипных на одной и той же территории, и, более того, различных частей (помещений) одного и того же сооружения. Причины тому в первом случае — неоднократно отмечавшаяся территориальная неравномерность социально-экономического развития, в двух других случаях — различная степень традиционности форм — чем они архаичнее, тем устойчивее против внешних воздействий. Существует и другая закономерность: независимо от времени укоренения устойчивость формы тем выше, чем менее изменчиво ее функциональное содержание. Например, амбары и чуланы сохранялись в неизменном виде дольше, чем жилые помещения, а в составе дома-комплекса хозяйственная часть в целом была подвержена нововведениям меньше, чем жилая.

Интерьер сарая южно-ливинковского дома. Фото В. Гуляева, 1988 г.

Как уже отмечалось, отсутствие или наличие крытого двора в составе постройки является ключевым признаком, который позволяет отличать простую блокировку ранее разбросанных на территории усадьбы срубов жилого, скотоводческого, складского назначения от дома-комплекса — качественно нового образования, включающего помимо прочих помещений часть усадебного пространства — двора. Последний использовался в качестве выгульной площадки, позволявшей в течение всего стойлового периода не выпускать животных наружу. В Карелии продолжительность такого периода составляла почти две трети года, и в эти долгие 8 месяцев скот находился на попечении хозяйки дома — «большухи». У лошадей был менее затворнический образ жизни и за ними в основном ухаживали мужчины.

В каждом крестьянском доме-комплексе был у скота и свой особый дух-покровитель — дворовой. Чтобы задобрить его, в первый день после отела корову доили дважды и молозиво оба раза выливали в навоз. Не обделялась вниманием и сама отелившаяся корова, которой на пять дней раньше, чем людям, давали отведать собственного молока. Ей же полагалось съесть первый блин, когда на тринадцатый день после отела на молоке растворяли «большую стряпню». Вообще магические обряды и запреты пронизывали собой весь цикл работ по уходу за скотом [224], подчеркивая, что скотоводство издревле играло важную роль в крестьянском хозяйстве. Вот почему крытый скотный двор, облегчавший уход за животными, и стал ядром хозяйственной части дома-комплекса подобно тому, как изба стала его жилым ядром.

Мы уже говорили о сложении домов-комплексов и о формировании их хозяйственных частей по горизонтали и вертикали. В первом случае кормохранилище пристраивалось ко двору или выгораживалось в нем. Во втором — преобразовывалась верхняя часть дворового пространства: в полуторазэтажных хозяйственных частях устраивалось место для хранения кормов либо на перекрытии хлевов, либо на специальном настиле, или оборудовался чердак-сеновал. При дальнейшем росте последний превращался в сарай, что знаменовало превращение полуторазэтажной хозяйственной части в двухэтажную. В дальнейшем дополнительный сеновал устраивался в пространстве чердака над сараем с помощью трансформируемого, как правило, жердевого, перекрытия.

В составе дома-комплекса и двор, и сарай продолжали развиваться самостоятельно в соответствии с генетическим кодом, заложенным еще в их бытность узко-специализированными сооружениями. Так, архаичные крытые дворы повторили структурные особенности наиболее ранних отдельно стоящих скотоводческих построек — пригонов, или загонов, для скота, представлявших собой отгоро-

женные с боков, но открытые сверху площадки. Устройство над такими площадками навеса превращало их в примитивные крытые дворы, включение которых в состав домов-комплексов поначалу могло производиться с сохранением единого нерасчлененного внутреннего пространства, в котором свободно разгуливал скот. Пережитки таких дворов на Русском Севере, в том числе в Карелии, сохранились до сих пор. Впоследствии функциональная дифференциация дворового пространства привела к устройству жердевых выгородок, а затем и хлевов, возникших путем пристроек, встроек и внутреннего разделения, о чем подробно рассказыва-

Интерьер сарая в доме
И. А. Анисимова
и И. В. Калинина
в деревне Кукшигора, 1918 г.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

Интерьер двора в доме
Захаровых в деревне Ватчала,
сер. XIX — пер. пол. XX в.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

лось выше. Таким образом, эволюция крытых дворов в своей прогрессирующей фазе отразила переход от бесстойлового к стойловому содержанию скота, что структурно выразилось в разделении дворового пространства на собственно двор (помещение для выгула) и стойловые помещения. Каждое из этих помещений хотя и медленно, но изменялось. Так, собственно дворы в настоящее время подразделяются на дворы-предхлевья, по площади меньшие, чем стойловые помещения, и просторные собственно дворы. Поскольку первые из них в конце XIX — начале XX в. были характерны для хозяйств бедноты, то некоторые исследователи объясняют их появление социальными причинами. Но, по нашему мнению, социально-экономический фактор в данном случае способствовал лишь консервации стадияльно раннего явления.

Представляя собою часть усадебного пространства, интегрированного домом-комплексом, крытый двор мог вначале сохранять присущую этому пространству полифункциональность. Эволюция сопровождалась дифференциацией двора с вынесением за его пределы чистой входной зоны, а вслед за нею и хозяйственно-бытовой, которая иногда структурно оформлялась в виде примыкающего ко двору навеса. Промежуточным этапом, характерным для домов-комплексов карел, сформировавшихся «по месту», как уже отмечалось выше, являлось выделение в пределах двора самостоятельного коммуникационно-входного помещения — предсени или преддвора.

Обычно во дворах устраивалось двое ворот для сквозного проезда или одно — и для въезда, и для выезда. Кроме того, через ворота в случае пожара можно было быстро выгнать скот наружу. Естественно, что одни ворота целесообразнее устраивать в просторных дворах, позволяющих лошади с возом свободно развернуться. Но как раз в этом случае, с учетом соответствия размеров дворов и количества содержащегося в них скота, требовалось больше эвакуационных выходов. Поэтому увеличение числа ворот соответствовало росту дворов, а наличие одних ворот являлось пережитком стадияльно раннего этапа их развития.

Как уже отмечалось, стойловые помещения могли выполняться в виде срубов, полностью или частично автономных, а также связанных с крытым двором в единую срубную конструкцию. Сами стойловые помещения делались не теплыми (то есть не имели, как правило, отопительных устройств), а утепленными: рубились из бревен с промшленными пазами и обогревались за счет тепловыделений животных и навоза. Лишь на северо-западе Карелии в животноводческих помещениях устанавливались специальные очаги для приготовления поила. При большом количестве скота к двору могли пристраиваться или встраиваться в него специальные скотные избы, к которым во многом переходили производственные функции основного помещения дома-комплекса. Однако у карел они не получили распространения.

Входы в хлева делались внутренними (со двора), а в конюшни — наружными или двойными — наружными и внутренними, что

связано с особым режимом их эксплуатации и повышенной заботой о сохранности в случае пожаров наиболее ценных для крестьянского хозяйства животных. Видимо, те же причины предопределили длительное сохранение в усадьбах с крытым двором отдельно стоящих конюшен-сеновалов.

Сараи — и простейшие монофункциональные и усложненные полифункциональные помещения — в первую очередь использовались в качестве кормохранилищ для скота: на них устраивался сеновал, складывался на зиму, а в плохую погоду досушивался березовый, ивовый и рябиновый лист, развешивались березовые веники для овец. Отдельно хранились кормовые добавки — скошенная на болотинах осока, квашенные грибы и рыбные отходы [225].

И хотя при разбросанности сенокосных угодий сено обычно хранили в стогах прямо на полях и уже потом по мере необходимости привозили домой по санному пути, просторные сараи оказывались в крестьянском хозяйстве незаменимыми, позволяя досушивать сено в непогоду и хранить его, не допуская перегрева и тем более самовозгорания. Скоту сено сбрасывали через специальные люки-прорези в полу над хлевами или над двором, когда в последнем устраивались ясли.

Для загрузки развитых сараев лошадь втаскивала воз с сеном на дровнях по широкому пандусу-взвозу. Лишь после 1930-х годов в связи с уменьшением масштабов личного скотоводства на излете эволюционной «откатной волны» сено стали загружать вилами с земли либо через традиционные широкие ворота, сохранившиеся от лучших времен, либо используя уменьшенные загрузочные проемы, в некоторых районах Русского Севера даже получившие специальные названия — «метальницы». При этом, естественно, взвозы на большей части Карелии постепенно атрофировались и лишь на Олонецкой равнине широко бытовали до последнего времени, нередко традиционно оставаясь главным входом в жилище через сарай не только при отсутствии, но и при наличии сени, что, как уже отмечалось, связано со спецификой формирования южно-ливвиковских домов-комплексов.

Картину развития сараев от скромной постройки на столбах или рубленного «в реж» сенного амбара «пухко» до самого просторного помещения традиционных домов-комплексов можно воссоздать на примерах ныне существующих сооружений: с одной стороны, возникших в результате «откатной волны» деградирующих сараев, получивших массовое распространение после сплошной коллективизации 1930-х годов, и поздних модификаций, подобных сараю-нише в доме А. В. Ярагина в олонецкой деревне Матчезеро (см. с. 236), с другой стороны, отдельно стоящих сеновалов, пристроек сеновалов к домам-комплексам, хлевов-сеновалов и, наконец, сараев над дворами.

В структурном отношении эволюция сараев осуществлялась в рамках описанных горизонтальной и вертикальной тенденций развития домов-комплексов, а их функциональное развитие осу-

ществлялось путем добавления дополнительных помещений — встроенных амбаров, клетей, горниц и изб.

На сарае устраивались отхожие места, которые в старину решались в виде ничем не огражденных отверстий в полу, а позднее отделялись от остального пространства сарая дощатой перегородкой. При дальнейшем совершенствовании появился дощатый стульчак, а перегородки изредка заменялись рублеными стенами. В XX в. у карел все чаще стали устраиваться выносные люфт-клозеты в виде пристроек к крытому двору и другим усадебным сооружениям.

Учитывая основное назначение сарая, важную роль в них играла вентиляция, способствующая лучшей сохранности кормов. Она осуществлялась за счет горизонтального сквозного проветривания через световентиляционные проемы и особенно эффективно через щели в стенах при их рубке «в реж», а также путем вертикального проветривания в разношироких хозяйственных частях через щели в полу консольных расширений сараев. Впрочем, интенсивное неуправляемое проветривание могло осуществляться только в примитивных сеновалах, в то время как в сараях, используемых для разнообразных занятий и сна, во избежание сквозняков приходилось ограничиваться проветриванием через окна-продухи и, главное, через ворота, значительный проем которых обеспечивал эффективный воздухообмен.

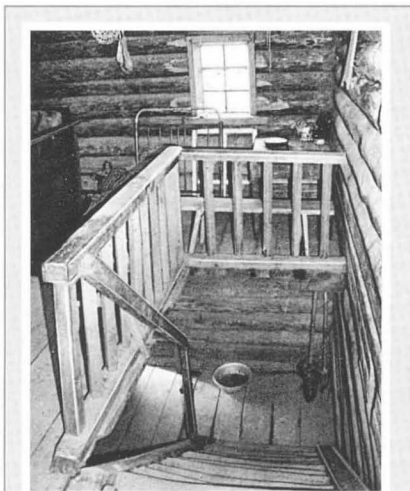

Сени — коммуникационно-входные помещения, связывающие жилые и хозяйственные части домов-комплексов. Относительно ранние этапы их эволюции отражают элементы исследованных авторами построек — ветрозащитные устройства из наклонных жердей перед входом в жилище в старообрядческих скитах Томского Приобья и дощатые тамбуры или трехстенные приставные срубы в постройках приобских хантов.

Двухкамерное жилище (изба-сени) было известно восточным славянам уже с X в. [226], но в крестьянских постройках Карелии сени появились не ранее XVI—XVII вв. [227]. При этом их эволюцию можно проиллюстрировать на примере бань [228]. Так, в Карелии к началу XX в. однокамерные бани без предбанников преобладали на севере, а двухкамерные, с предбанниками, — на юге республики [229]. Такое несоответствие структуры построек природно-климатическим условиям края проще всего может быть объяснено неоднократно отмечавшейся заторможенностью развития крестьянских построек на севере. То, что появление сеней в жилище служило прецедентом возникновения предбанников («сеньцов») в банях, ныне ни у кого не вызывает сомнений. Но более конкретное рассмотрение эволюции бань привело к любопытным выводам. Так, в юго-западной Карелии новые бани в большинстве случаев имеют дощатые предбанники, характерные для переходного периода от однокамерных к двухкамерным, в то время как в относительно старых постройках преобладают срубные предбанники, в том числе в составе срубов-пятистенков. Более того, в поздних дощатых предбанниках прослеживается большая архаизация, чем в относительно ранних: в банях после 1960-х гг. такие предбанники выполнялись, как правило, целиком каркасно-обшивными, а в более ранних постройках в большинстве случаев имели основание из выпусков бревен боковых стен помещения. Видимо, преобладание в XX в. построек с дощатыми предбанниками можно объяснить воздействием «откатной волны», а примитивизация конструктивного решения предбанников после 1960-х гг. дополнительно

Сени дома
А. А. Ермолаева
в деревне Рубчицала,
кон. XIX в. Фото
В. Гуляева, 1991 г.

связана с деградацией плотницкого ремесла, вызванного люмпенизацией карельской деревни.

Последовательность преобразования конструктивных решений предбанников в ходе «откатной волны», возможно, иллюстрирует относительно ранний период формирования карельского жилища, когда сени могли возникнуть как несколько запоздавшая реакция крестьян на похолодание, связанное со сменой в XIII в. малого межледниковья ледниковым периодом. При этом они могли выполняться в виде легкой пристройки-тамбура, защищающего вход в жилище от непогоды. Но если такое явление и происходило в действительности, оно, по-видимому, отражало не основное и, во всяком случае, не единственное направление развития жилища. Возможно, массовое появление сеней связано с возникновением объединительной тенденции в крестьянских усадьбах, когда сени стали играть роль связующих звеньев или переходов между объединяемыми срубам. Косвенным прецедентом такой тенденции являлось формирование хоромных комплексов в городах северо-западной Руси, в которых сени играли роль соединительных звеньев. Архитектор Ю. С. Спегальский на основании письменных, иконографических и археологических данных наметил следующую схему эволюции сеней: каркасные галереи IX—X вв. — каркасные переходы и промежуточные соединительные вставки, связывающие отдельные срубы хоромных комплексов, — рубленые сени XVII—XVIII вв. [230]. Архитектор Г. В. Борисевич на основании анализа новгородских ямских книг заключил, что в конце XVI—XVII вв. в Новгороде крае сени строились в каркасной технике [231]. В Карелии в XVI—XVII вв. помимо каркасных были распространены ограждения сеней из вертикальных бревен. В частности, сени дощатые и «в стоячий забор» упомянуты в купчей от 1612 г. «на мельницу, двор и землю в Шуе Корельской» [232]. Позднее сени стали выполняться преимущественно в срубной технике, но, видимо, до начала XIX в. изредка продолжали применяться архаичные ограждающие конструкции. Пример тому — зафиксированные в конце XIX в. Ю. Бломstedом и В. Суксдорфом в Муезере, на северо-западе средней Карелии, сени в виде гибкой соединительной вставки между избой и двором. Они имели криволинейное ограждение из вертикальных бревен (см. рис. на с. 229) [233].

Впрочем, генетически сени Карелии восходят не только к соединительным вставкам: на юге Олонецкой равнины, в противоположность остальным частям края, они, как отмечалось, выделялись из объема сарая южно-ливвиковских домов-комплексов на втором витке эволюции хозяйственных частей, производных от комбинированных сеней-хлевоов.

Подобное решение, видимо, конвергентно возникло и на востоке Европейского Севера в бассейне реки Мезени, где до недавнего времени, по наблюдениям авторов, сосуществовали начальное и конечное звенья эволюционной цепи — совмещенные сени-сарай и сени, выделенные в интерьере хозяйственной части капитальной стеной, а также промежуточные формы между ними —

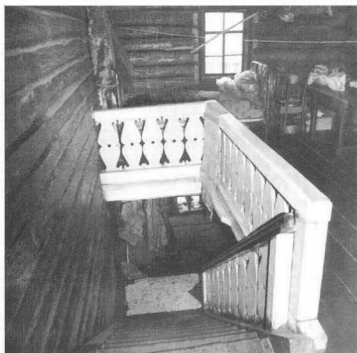
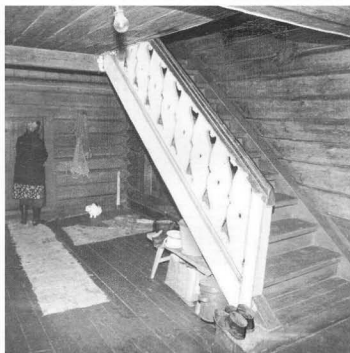

сени, отделенные от сарая с помощью преграды постепенно повышающейся капитальности — дощатой перегородки, венчатой стены с широким открытым проемом, частично заполненным дощатой перегородкой, а затем замененным дверями. Преемником этого преобразования являлась эволюция наружных ограждений сеней от легкой каркасной конструкции к комбинированной каркасно-срубной и от нее — к срубной.

Но вне зависимости от генезиса структурно-функциональная роль сеней и их местоположение в рамках домов-комплексов во многом определялись удельным весом скотоводства в общем объеме крестьянского хозяйства. Так, анализ сохранившихся построек показал, что в пределах карельского этнического ареала сени, встроенные в хозяйственную часть домов-комплексов, абсолютно преобладали в конце XIX — первой трети XX в. (94,1%), во второй трети столетия составляли только 27,3%, оттесненные на второй план сенями, встроенными в жилую часть домов, а к концу 1960-х гг. были полностью вытеснены последними: жилая часть, включающая в свой состав сени, могла постоянно эксплуатироваться без строительства двора-сарая, который таким образом становился возможной, но не обязательной частью дома.

Естественно, что за минувшие столетия сени существенно изменили свой облик. Представление об их внешнем виде в позднее средневековье можно получить по иконографическим документам XVII в. Наибольшего доверия в этом отношении заслуживают изображения на плане Тихвинского посада 1670-х гг., которые были выполнены по государеву указу для разрешения многолетней земельной тяжбы двух тихвинских монастырей — мужского Успенского и женского Введенского — и потому, видимо, должны были отличаться относительно большой точностью. На фраг-

Сени дома А. Н. Чеснокова в деревне Сяргилахта, кон. XIX — нач. XX в. Фото В. Гуляева, 1987 г.

менте плана 1678 г., на котором изображена деревня Стретилово, отчетливо виден трехчастный дом, полностью соответствующий распространенной формулировке письменных источников: «изба да клеть на подклете, меж ними сени». Последние размещены в самостоятельном срубе, более низком, чем связываемые им срубы избы и клетки. Подобные постройки, как со срубными, так и с комбинированными сенями (тесовыми на срубном подсене), видны и на других фрагментах плана — в Введенской слободе или Большом посаде [234].

На изображениях комбинированных сеней тихвинских домов обращают на себя внимание «красные» косячатые окна, контрастирующие с волоковыми оконцами изб, что подтверждает репрезентативность сеней, являвшихся уже в то время, по крайней мере в посадском жилище, парадными, светлыми и просторными, хотя и неотапливаемыми помещениями. Не случайно на Русском Севере в прошлом в них устанавливали божницы с иконами [235], принимали гостей, устраивали пиры, играли свадьбы, воспоминания о которых, в частности, сохранились в свадебных причитаниях на Печоре:

Станем мы да в новые сени,
Во новые сени да во холодные,
На гладкие полы да на еловые ...[236].

Сени нередко упоминаются и в карельском фольклоре [237]. Так, в одном из северокарельских плачей говорится об устраиваемых во время свадьбы «прощальных игрищах» подруги невесты в сенях ее дома. В сенях также причитает мать невесты, когда в избе происходит ритуал оберега молодых [238]. Эти упоминания не дают представления о реальном облике сеней, но они косвенно свидетельствуют о противопоставлении статуса избы, где разыгрывается свадебный обряд, и сеней, где во время отдельных эпизодов свадьбы находились «отчуждаемые» от невесты подруги или мать. Действительно, на севере Карелии преобладали чисто утилитарные коммуникационно-входные помещения, небольшие по площади, часто без потолка и прямого естественного освещения. Но на юге края в сенях можно встретить деревянные кровати под пологом, шкафчик для продуктов, пристенные лавки, а внутренние лестницы нередко оборудованы нарядными ограждениями из резных дошчатых балясин, подтверждая внимание, которое обращали народные строители на художественное оформление входного помещения, являвшегося своеобразной визитной карточкой дома. Наибольшее распространение парадные сени получили у русского населения края, и прежде всего, в Заонежье.

Надо сказать, что обустроенные сени с потолком, как и вообще горизонтальные потолки в крестьянском строительстве России, — явление исторически молодое. Подтверждение тому — зафиксированное на многочисленных иконографических источниках XVII в. среднее (дымоволоочное) окно на торцовых фасадах изб, поднятое выше верхнего окладного венца [239]. Очевидно, что в сенях потолки стали применяться еще позже, причем в некоторых регионах

Русского Севера (например, в Республике Коми), по нашим наблюдениям, в традиционных постройках вообще не получили широкого распространения. И хотя в Карелии устройство потолков в сених — дело обычное, но в ряде случаев, особенно на севере и западе края, судя по следам и сообщениям информаторов, они возникли в результате относительно поздних реконструкций XIX — начала XX вв. Правда, беспотолочные сени зафиксированы, как правило, в бедняцких постройках, но, думается, социальная подоплека в данном случае содействовала лишь сохранению относительно архаичного стадияльного признака жилища, что косвенно подтверждается на примере карельских бань, в которых чердачные перекрытия над предбанниками («сенцами») устраиваются, как правило, только на территориях, где эволюция деревянного зодчества протекала более интенсивно (например, в Сямозерье у северных ливвиков или у русских Прионежья).

Еще более показательно в этом отношении освещение сеней. Так, сени без окон во второй половине XX в. преобладали в традиционных постройках на севере Карелии (61,9%), относительно редко встречались на юго-западе (23,6%) и являлись исключением на юго-востоке края [240]. Видимо, неосвещенные сени, как и отсутствие в них потолков, — стадияльно ранние признаки, либо сохранившиеся в качестве пережитков, либо возрожденные к жизни «откатной волной» там, где более поздние решения не успели укорениться.

Сени дома В. С. Павловой в деревне Панозеро, 1918 г.: 1 — нижний уровень; 2 — средний уровень; 3 — верхний уровень. Фото И. Гришиной, 1999 г.

1

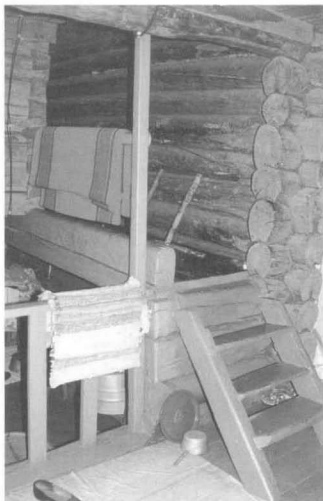

Развитие сений в вертикальном направлении связано с тенденцией «вырастания» жилища из земли. После поднятия последнего на подклет перепад высот между поверхностью земли и полом основных помещений первоначально компенсировался с помощью наружных крылец, и лишь позднее для этой цели стали устраиваться внутренние лестницы и, соответственно, двухэтажные сени. Распространение такого приема еще до появления двухэтажных домов объясняется желанием улучшить связь жилья с обоими этажами хозяйственной части, а также распространением рационалистических тенденций нового времени: в климатических условиях Карелии очистку от наледи наружных лестниц производить труднее, чем расчищать проход в снегу к поземному входу, особенно в пределах карельского этнического ареала, благодаря преобладающей там юго-западной ориентации домов, совпадавшей с направленностью господствующих ветров, что в свою очередь обеспечивало продуваемость и препятствовало образованию сугробов во входных зонах при наиболее распространенном в последние столетия боковом входе в жилище. Видимо, аналогичными соображениями были порождены и получившие некоторое распространение в начале XX в. в домах с невысоким подклетом полутораэтажные сени с внутренней поковой лестницей («внутренним крыльцом»).

Скорее всего, в результате противоборства двух тенденций в Карелии в XIX в. возникло компромиссное решение — устройство

2 3

в двухэтажных сенях дополнительно к поземному входу, расположенному на уровне подклета, парадного крыльца, ведущего непосредственно на жилой этаж. То, что двойные входы сохранились и в некоторых двухэтажных домах, дополнительно подтверждает формирование последних путем переоборудования под жилье подклета.

Представления о приоритетности того или другого типа сеней не были устойчивыми. Во всяком случае, если до середины XX в. двухэтажные сени вне зависимости от этажности жилища у карел явно преобладали, то во второй половине столетия они нередко стали вытесняться в одноэтажных домах сенями с наружными крыльцами. Это происходило не только при новом строительстве, но и при реконструкциях некоторых старых зданий. Впрочем, последнее явление связано не столько с действием «откатной волны» в ходе эволюции, сколько с ухудшением эксплуатации домов: несвоевременная замена нижних венцов приводила к деформациям стен подклетов и соответственно к вынужденной замене двухэтажных сеней одноэтажными.

КАРЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ: ПРАЗДНИК ПОВСЕДНЕВНОСТИ

317

Примером развитого карельского жилищно-хозяйственного комплекса может служить дом М. Я. Яковлева из северно-ливвиковской деревни Клешейла (с 1966 г. находится в музее-заповеднике «Кижь»).

Дом был срубен в 1880-1890-х годах артелью местных плотников с участием хозяина Максима Яковлевича Яковлева. То, что для строительства были привлечены наемные рабочие, свидетельствует о зажиточности хозяев: семье Яковлевых в те годы принадлежали 12 десятин пахотной земли, водяная мельница, 5 лошадей, дюжина коров и до 25 овец [241].

Дом М. Я. Яковлева из деревни Клешейла, 1880—1890-е гг. (музей-заповедник «Кижь»).

Фото В. Гуляева, 1980-е гг.

Документальных сведений о возведении дома не сохранилось, но по аналогии с другими постройками южных карел конца XIX в. можно думать, что предвосхищал и сопровождал процесс его строительства и последующего обживания ряд ритуальных действий, основанных на сочетании рационального практического опыта с религиозно-мифологическими представлениями, верованиями и запретами. Такой мировоззренческий симбиоз, предопределявший строительную обрядность в крестьянской культуре многих народов, включая североруссов, особенно ярко проявлялся у карел в силу природосообразности их культуры.

Начинали заготовку леса для дома с затесов в сухих борах приглянувшихся деревьев — кондовых сосен с плотным ядром и тонкой заболонью, от стволов которых обух топора при ударе со звоном отскакивал, не оставляя вмятин. Рубили лес зимой, пока деревья не пробудились от зимней спячки. Вывозили заготовленные бревна по санному пути. Но не только наличием свободного времени и удобством зимней вывозки объясняется выбор сезона заготовки леса: в спящем дереве содержится много естественного антисептика — смолы, которая к зиме вытесняет древесные соки, защищая растение от возможного разрушения при замерзании влаги. Поэтому заготовленная зимой древесина значительно долговечнее и в ней не заводится «внутренняя гниль» [242].

Не все пригодные для строительства деревья шли в дело, подвергаясь дополнительному отбору с религиозно-мифологических позиций. В частности, категорически запрещалось рубить деревья в священных рощах. Учитывалось и то, как падало срубленное дерево: на постройку не годились стволы, зависавшие на соседних ветвях, и, наоборот, беспрепятственное падение деревьев на землю являлось хорошим предзнаменованием, сулившим успешное строительство дома [243].

Большое внимание карелы обращали на выбор местоположения жилища в пределах «степени свободы», обусловленной общей планировкой поселения. В нашем случае беспорядочная планировочная структура деревни Клешейлы позволяла в полной мере применить двухступенчатый поиск, на первом этапе которого оптимальный участок определялся на основании практических и эстетических соображений, учитывающих возможность функциональной организации территории, условий инсоляции, ветрозащиты, микрорельефа для подбора выразительного природного «постамент» для дома, ориентации окон на красивые ландшафтные перспективы и т. п. На втором этапе определялась символическая, ритуальная пригодность участка: с помощью примет или гаданий выявляли возможное воздействие выбранной территории на судьбу дома, а значит, и на судьбу его обитателей [244]. До настоящего времени у карел сохранился способ определения пригодности выбранных участков с помощью скворороды и овечьей шерсти. Кроме того, существовали способы целенаправленного усиления желательных свойств лучшего жилища с помощью магических обрядов. В Сямозерье к их числу относились получение у духов — «хозяев земли» разреше-

ния на строительство дома и «выкуп земли» — закладка под пересечения стен монет (иногда вместе с пряжеными пирожками) или ячменных зерен [245].

Сооружение жилища необходимо было вписать в годовой цикл крестьянского хозяйствования, органично связанный с цикличностью природы и календарной обрядностью. По справедливому утверждению А. К. Байбурина, сакральной точкой годового цикла являлось наступление Нового года (в традиционном календаре — последней недели великого поста), «когда в мифологической ретроспективе Космос рождался из Хаоса». Причем начало всего сущего реализовалось в серии «начал», включая начало нового календарного цикла и начало строительства нового дома, что и обеспечивало связь календарной и строительной обрядности. Существовали универсальные, бытовавшие в разных районах поверья, что начинать рубить дом следовало ранней весной, в новолуние, а период строительства должен захватывать Троицу («Без Троицы дом не строится») [246]. Универсальность таких представлений, по-видимому, связана с общими для Севера природными закономерностями: по данным лесоведов, после снятия коры смолывыделение срубленного зимой дерева происходит в связи с повышением температуры в мае-июле. В это время выступающая на поверхность бревен смола создает защитную оболочку. Будучи поврежденной, что неизбежно происходит при рубке сруба, защитная оболочка восстанавливается всего на 10—15%. Поэтому в местах повреждений древесины быстрее загнивает, что и ограничивает оптимальный срок рубки срубов июнем [247]. Не случайно, по нашим наблюдениям, на Русском Севере среди 48 домов, точно датированных по надписям на кронштейнах, фиксирующим год, месяц и число завершения сруба, 44 были срублены до июня включительно и лишь 4 с июля по октябрь.

Бревна для срубов, заготовленные в конце зимы и во избежание растрескивания лишь частично окоренные, просушивались в штабелях. Осенью с них окончательно снимали кору и оставляли досушиваться до весны, когда производилась рубка временных срубов — «черновых» ярусов, расположенных обычно вблизи от будущего дома, в которых бревна еще некоторое время выстаивались в виде подогнанных друг к другу венцов. Период сооружения таких срубов, уязвимый со сроками смолывыделения, довольно удачно вписывался в земледельческо-скотоводческий календарь, лишь частично совмещаясь с севом яровых (конец апреля — середина мая) и заканчиваясь до сенокосной страды (12 июля — 20 августа) и сева озимых (20 июля — 15 августа) [248]. При такой технологии строительных работ окончательное сооружение сруба сводилось к сборке из готовых элементов-венцов [249], что с учетом характерного для карел строительства по очередям могло растягивать возведение жилища на несколько лет с временными разрывами между этапами. Это было тем более важно, что, несмотря на обилие строевого леса, дом-комплекс в Карелии в конце XIX в. обходился крестьянам

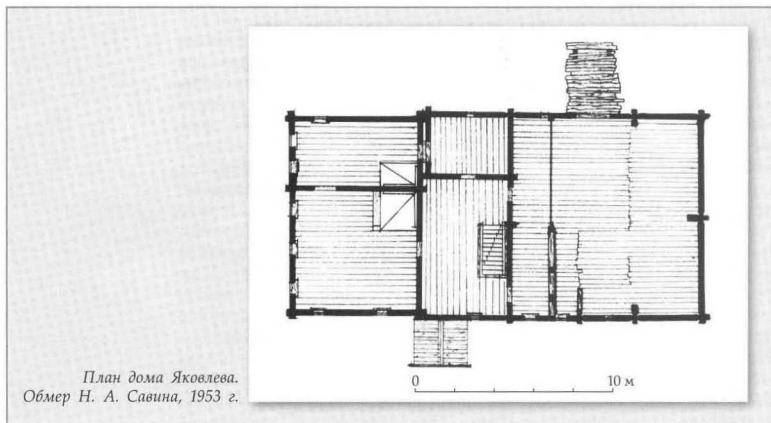

отнюдь не дешево — в среднем в 170 рублей, то есть примерно во столько же, что и две дюжины коров [250].

Видимо, как и в большинстве подобных случаев, в новый дом Яковлевы, во избежание «глаза», перебрались ночью или ранним утром. При этом хозяин мог принести с собою икону, кто-то из домочадцев — квашню, каравай хлеба с солью, а хозяйка — петуха, который должен был предсказать судьбу новоселов. Делалось это обычно так: хозяйка, став лицом к двери, бросала петуха через воронец. Если при этом перепуганная птица кукарекала (что в большинстве случаев и случалось), то это предвещало хозяевам дома хорошую жизнь, в то время как молчание петуха являлось дурным признаком. Важно было и то, куда в первую очередь усядется птица: если на печь — благополучие семье обеспечено, если на окно — «все добро унесет ветром» [251].

Дом Яколевых сохранился в трудные годы коллективизации и военных испытаний и обрел вторую жизнь в экспозиции музея-заповедника «Кижи», где с 1966 года занял место главного экспоната в секторе «Пряжинские карелы» — примера традиционного северо-ливвиковского дома-комплекса типа «брус».

Историко-архитектурная значимость дома М. Я. Яковлева определяется типичностью его объемно-планировочного решения, включающего все наиболее существенные признаки северо-ливвиковских построек рубежа XIX—XX веков: жилой передок дома решен в виде двухэтажного пятистенка с асимметричным продольным перерубом; двухэтажные сени с выгороженным на каждом этаже чуланом включены в сруб хозяйственной части; жилая часть с сенями равна по площади двору с хлевами и сараем над ним, при этом последний имеет консольно выступающий озадок.

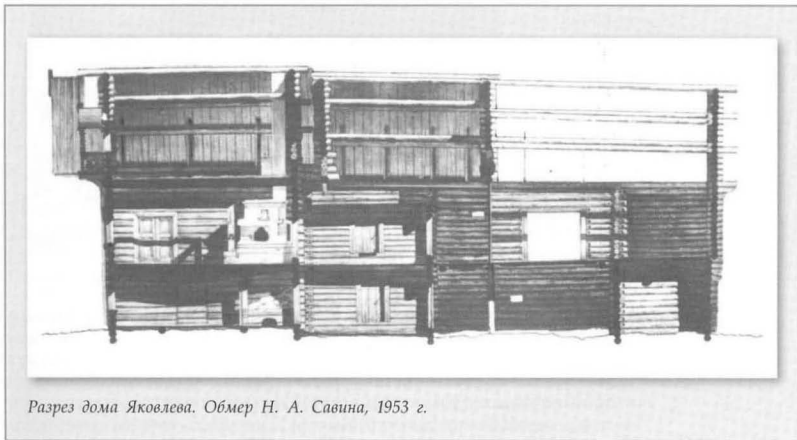

План дома Яковлева.
Обмер Н. А. Савина, 1953 г.

Подобно многим постройкам, принадлежащим к позднему этапу эволюции крестьянского жилища, дом Яковлева достаточно регулярен по своему объемно-планировочному решению. Он имеет равноширокий план и общее двускатное покрытие над жилой и хозяйственной частями. Вместе с тем многим отразившимся в структуре дома отдельно взятым эволюционным тенденциям присуща определенная незавершенность. Так, поперечное развитие жилой части ограничилось отделением перерубом от избы парадного помещения горницы, сохранившей, однако, габариты скромной клетки, что предопределило асимметрию лицевого фасада дома. Оказалась нереализованной и продольная тенденция развития избы, выражавшаяся в изменении ее оконности — на боковой фасад дома выходит не по три, а по два окна из первого и второго этажей, прорубленных в большом и печном (дверном) углу. Заслуживает внимания и различная трактовка жилых этажей, первый из которых более архаичен, что проявляется в уменьшенных размерах оконных проемов и в устройстве одного сдвоенного окна на лицевой стене нижней горницы, в то время как в верхней горнице их два. Все это иллюстрирует характерную для народного зодчества карел заторможенность эволюционных процессов и несинхронность развития различных частей одних и тех же построек.

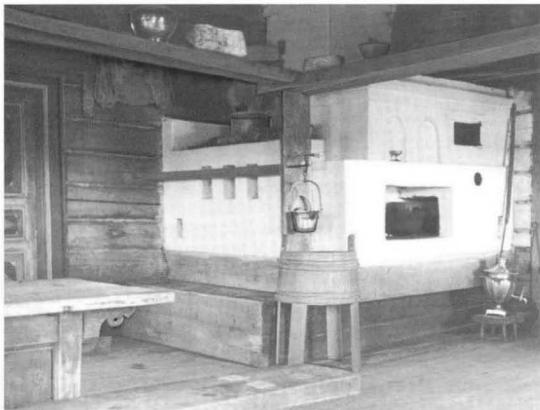
Не менее показателен в этом отношении и интерьер дома с сезонным этажным разделением жилой части. Первый, более низкий, этаж ее, предназначенный преимущественно для зимнего проживания и выполнения хозяйственных работ, воспринимается стадially более ранним, нежели репрезентативный второй этаж. Причем наиболее традиционно выглядят избы обоих этажей. Они оборудованы русскими печами с боковой ориентацией устья, каржинами, воронцами, пристенными лавками,

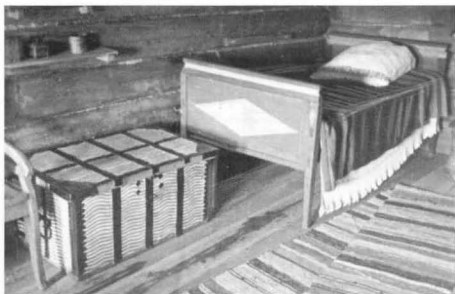
Разрез дома Яковлева. Обмер Н. А. Савина, 1953 г.

полками-половочниками. Избы контрастируют с модернизированными горницами — парадными помещениями дома, которые отапливались печами-лежанками и обставлены городской по характеру мебелью. Здесь можно увидеть деревянный диван, стол на точеных ножках, изящные стулья, зеркала, шкаф для посуды с остекленными дверцами.

*Интерьер избы
в доме Яковлева.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.*

*Интерьер горницы
в доме Яковлева.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.*

В соответствии с различием назначения помещений по-разному трактованы входы в них. Приземистые дверные проемы, ведущие из сеней в избы, с массивным полотном щитовой конструкции из толстых тесин не только предохраняли помещения от проникновения холодного воздуха, но и выполняли ритуальную роль, заставляя входящего человека нагибать голову, отвешивая

поклон — знак уважения хозяевам и напоминание о необходимости перекреститься перед божницей, расположенной в большом углу напротив входа. Иначе решены двери из изб в горницы. Они значительно выше, а их двухстворчатые полотна с филенчатым заполнением выглядят особенно нарядными по контрасту с суровой простотой ограждающих конструкций — стен, пола и потолка.

Использование дома Яковлева в музейной экспозиции позволило с помощью подлинных предметов воссоздать атмосферу, характерную для жилища зажиточных карельских крестьян рубежа столетий. Наиболее интересна в этом отношении верхняя изба. Уже при входе в нее привлекает внимание разнообразная утварь, расставленная в дверном углу напротив печного устья на блинном столике, в шкафчике-посуднике и на полках-воронцах. Здесь же висит медный рукомойник, под ним деревянная кадка на ножках. У окна — самопрялка. У печи находятся ухват, кочерга, пекло (лопатка для посадки в печь хлеба и пирогов), щипцы для углей.

Традиционно торцом к среднему окну лицевой стены избы поставлен обеденный стол — съемная столешница из гладко струганых широких досок, поддерживаемая высоким подстольем, выступающие концы верхней обвязки которого порезаны в виде кронштейнов-модульонов. В настоящее время такие столы — редкость, но еще в 1950-е годы они широко бытовали в карельских деревнях.

В женской половине избы на жерди-опеке подвешена зыбка, а в дальнем углу установлена деревянная кровать. Обычно кровати до начала XX в. включительно в домах карел ставились в горницах, а применительно к избам являлись новшеством. Это новшество в доме М. Я. Яковлева сочетается с отзвуком архаичных кладовых-спален — кроватью, расположенной в чулане. Такое сочетание нового и старого приемов оборудования жилища вызвано общей причиной — потребностью в спальных местах для взрослых членов большой крестьянской семьи, состоящей в период строительства дома из 15 человек [252]. (Детвора в прошлом спала на печи, на лавках и прямо на полу). Шерстяное одеяло, покрывающее кровать, воспринимается как свидетельство стремления карел-ливвиков к полихромности в оформлении интерьера жилища за счет сочетания ярких цветов в домотканых изделиях.

Среди немногочисленной подвижной мебели заслуживает внимания одна из двух приставленных к обеденному столу скамей, выполненная из половинки древесного ствола с корнями-ножками, — пример бережного отношения мастера к природным формам, одно из проявлений природосообразности и природоподражательности карельской культуры. Другой экспонат — висящее на стене кремневое ружье — напоминает не только о существовании роли охоты в крестьянском хозяйстве карел, но и о некоторых исторических эпизодах местного значения. В XVIII — первой половине XIX в. такие ружья изготавливались карельскими мастерами. Затем их стали покупать в городах. В период строи-

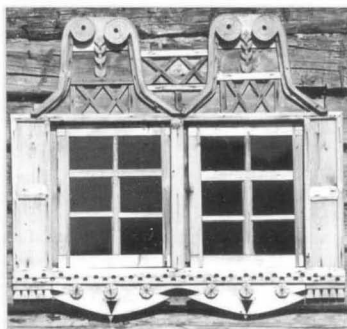
тельства дома Яковлева, когда после 1870 г. цены на порох снизились в 5 раз, распространение огнестрельного оружия среди охотников Карелии резко возросло [253].

Важную смысловую роль в музейной экспозиции, на наш взгляд, играют два экспоната — прялка с куделью и карельский национальный музыкальный инструмент кантеле. Первый из предметов олицетворяет повседневный будничный труд, второй — праздник творческого самовыражения.

В целом тактичное насыщение интерьера дома М. Я. Яковлева вещами, широко бытовавшими в традиционной среде, помогает посетителям музея мысленно представить себе жизнь патриархальной крестьянской семьи, члены которой, собираясь вместе после трудового дня, отдыхали или занимались домашними работами сообразно своим индивидуальным обязанностям или наклонностям, не переставая при этом ощущать себя частью спянного кровными узами коллектива.

Лихолетье разметало хозяев дома и их потомков по свету, но остались вещи, подобные тем, которые они некогда держали в руках. И остался дом, внутренний статус которого регламентировал применение этих вещей хозяевами в хозяйственно-бытовых, религиозных, ритуальных и других жизненных ситуациях. И чем сложнее и противоречивее становится жизнь современного общества, тем острее пробуждается в людях ностальгическая грусть по извечным человеческим ценностям, порожденным гармонией будней и праздников — взаимосвязанных граней бытия.

Не меньший интерес представляет оформление фасадов дома М. Я. Яковлева, являющихся своеобразной границей между замкнутым внутренним пространством жилища и окружающим миром.

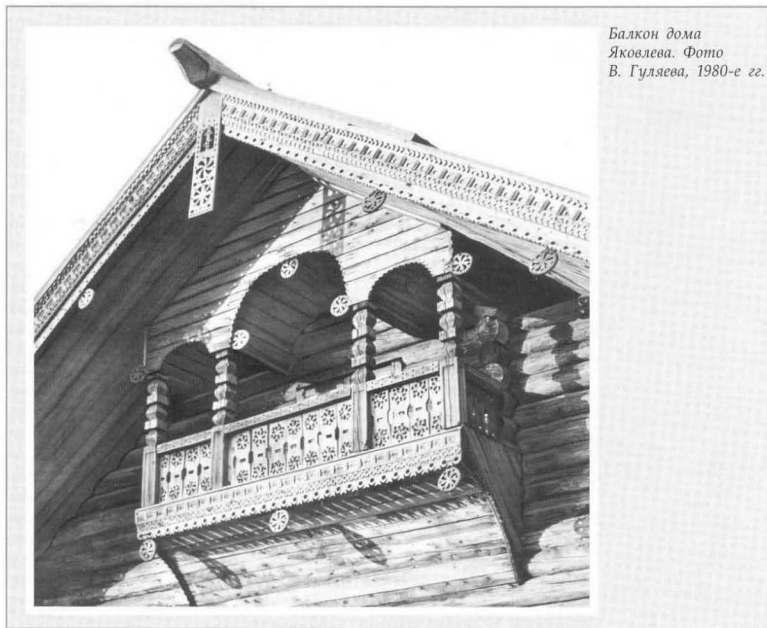

Наличники окон дома Яковлева. Фото Б. Бойцова

При этом в соответствии с представлениями, бытующими у многих народов, особой семантической напряженностью характеризуются проемы, нарушающие целостность стены-границы [254] и, соответственно, в наибольшей степени нуждающиеся в бережной магии. Не случайно поэтому окна дома Яковлева получили развитое обрамление в виде волотных наличников, играющих заметную роль в декоративном убранстве сооружения, богатство которого в целом нарастает снизу вверх, достигая кульминации на шпилье лицевого фасада с трехарочным балконом и венчающими здание конструктивно-декоративными деталями крыши — причелинами, кистью, шеломом, подкрышными кронштейнами.

Как известно, для культуры многих народов характерно универсальное мифологическое представление о жилище как о своеобразном эквиваленте «мирового дерева» — связующем звене между землей и небом. При этом крыша здания отождествлялась с космическим верхом, что подчеркивалось солярной семантикой орнаментики [255]. Последнее можно отнести и к дому М. Я. Яковлева, так как наверху его лицевого фасада украшает множество солярных знаков в виде разнообразных, преимущественно вихревых, розеток, прорезающих поле кисти-ветреницы, полотенец

Балкон дома
Яковлева. Фото
В. Гуляева, 1980-е гг.

и балконного ограждения, или в виде подвесок, обогащающих силуэт венчающих арок и подзора в основании балкона, а также выстроившихся ритмичным рядом под причелинами, обрамляющими вынос крыши. Такая симфония розеток сама по себе — явление редкое, характерное только для юго-западной Карелии, преимущественно для ареала северных ливвиков с эпицентром в бассейне Сямозера и в районе Вепкелицы.

Символический характер орнаментики с учетом изложенного выше позволяет, казалось бы, однозначно охарактеризовать описанный декоративный ансамбль как развитую бережную систему. Но некоторые сведения по истории строительства дома заставляют с осторожностью относиться к такому предположению. В самом деле, достоверно известно, что декоративное убранство сооружения выполнено в 1908 г. крестьянином из соседней деревни Каскессельга Иваном Анисимовичем Анисимовым, известным на всю округу плотником и столяром [256]. Сам по себе временной разрыв между возведением жилища и его декоративным убранством типичен для Карелии, но в данном случае столь длительный, почти двадцатилетний, период, в течение которого дом оставался незащищенным от вторжения «враждебных сил», ставит под сомнение ведущую роль в декорировании дома бережно-магических представлений. Тем более если учесть, что к началу XX в. первоначальные магические смыслы декоративных мотивов во многом забылись, и, следовательно, столь яркое и последовательное воспоминание о них связано с воздействием дополнительных обстоятельств, скорее всего лишь опосредованно связанных с мифологическими представлениями.

В этой связи следует подчеркнуть, что обострение силуэтных характеристик декора за счет усложнения его контура с помощью розеток-подвесок или придания ему «остроты» путем излома силуэтообразующей линии в наветрии наличников является примером наиболее ярко выраженной этнической особенности деревянного зодчества карел: в условиях бедного солнцем севера, когда закономерно снижается формовывающая роль светотени, силуэт становится основным средством архитектурной выразительности, а наиболее полный учет природно-климатических условий края — конкретным проявлением присущей культуре карел природосообразности. Не случайно для декоративного убранства дома М. Я. Яковлева характерна последовательная силуэтность как сооружения целиком, так и отдельных деталей, рассчитанных на восприятие на фоне неба и друг друга. Точно так же с этнически предопределенной культурной особенностью — с природоподражательностью — связана трактовка средника волютных наветрий наличников в виде стилизованной елочки. А розетки-подвески под причелинами, как известно, относительно поздно заимствованными карелами у русских, имитируя привычный ритм выходящих на фасад торцов слег, в полной мере иллюстрируют традиционализм карельской культуры и с учетом четкой территориальной локализации такого приема могут быть включены в число этнических архитектурных признаков [257].

Этническая специфика в архитектуре дома М. Я. Яковлева несомненна, и это позволяет использовать его в качестве ключевой иллюстрации архитектурно-декоративного убранства северно-ливвиковского жилища. Но наряду с местными особенностями дому присущи черты, общие для деревянного зодчества Карелии и Русского Севера в целом. К таким чертам относится, в первую очередь, основополагающий принцип архитектурного решения домов-комплексов — достижение композиционной гармонии путем единства и противопоставления разных начал. Эмоциональная суть такой гармонии ярко проявилась в наружном облике здания при решении двойственной композиционной задачи достижения единства противопоставляемых друг другу частей — собственно жилища и двора-сарая. При этом единство, обусловленное общностью строительного материала и конструкций, проявилось в тождестве общих ритмических, масштабных, фактурных и цветовых характеристик венчатых срубов, к тому же объединенных единым двускатным покрытием, а противопоставление — в контрастной трактовке структурно-функциональных характеристик каждого из них, сопоставляемых на различных уровнях: глухой, подчеркнуто монументальный объем двора-сарая и более раскрытый, прорезанный окнами сруб жилого перелка; обширные поверхности стен и относительно маленькие оконные проемы; массивность венцов и ажур декора.

Целостности общего объемно-планировочного решения дома Яковлева адекватна целостность его декоративного убранства, которую можно назвать «внестилевой», поскольку она не вписывается в «большие стили» профессиональной архитектуры нового времени (такие как барокко и классицизм), понимаемые как некие общности приемов, форм и деталей, исторически складывавшихся в рамках структурно-композиционных ограничений. В этом отношении детализовка дома Яковлева, как и других сохранившихся традиционных домов Карелии, подпадает под понятие «эклехтика» (разностилье), характеризующее смену архитектурных парадигм на рубеже нового и новейшего времени (XIX—XX вв.). Но если в профессиональной архитектуре эклектический стиль «свободы выбора» стал всего лишь формой протеста против монотильевых амбиций классицизма и был в основном приурочен к исторически ограниченному переходному этапу, то в традиционном народном зодчестве, благодаря его фольклорному характеру и соответственно способности в широких пределах ассимилировать элементы различных стилевых систем, предпосылки такой «свободы» присутствовали изначально. Поэтому применительно к творениям плотников-зодчих употребление термина «эклехтика» требует добавления — «имманентная», то есть внутренне присущая. Это обстоятельство предопределило принципиальное отличие результатов деятельности народных мастеров и профессиональных архитекторов во второй половине XIX—начале XX в., несмотря на общность основной творческой предпосылки — стремления украсить и эмоционально наполнить архитектурные формы. Вот почему вместо характерного для профессиональных зодчих того времени использования узорчатого платя из декора

разных народов для прикрытия плоти своих сооружений народные мастера, с языческим целомудрием оставляя обнаженной эту плоть, вживляли в нее чужеродные ткани, не смущаясь соседством порождений разных эпох — самобытных конструктивно-декоративных форм (потоков, куриц, шеломов) и заимствованных извне (например, барочных наличников).

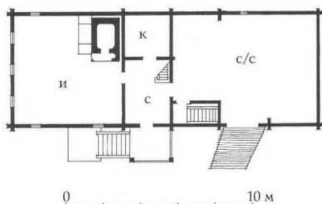
Несомненный успех столь рискованной трансплантации объясняется сочетанием традиционного импровизаторства со стихийно действующим механизмом отбора относительно лучших решений и их массового тиражирования в крестьянской среде. При этом обобщенный в традициях опыт минувших поколений определял и подбор заимствований с учетом их совместимости с приоритетами народного искусства, и целенаправленность переработки этих заимствований. Атмосфера соревновательности, стимулируя наиболее полное самовыражение исполнителей-импровизаторов, закономерно повышала эффективность творчества, что и позволило, в частности, И. А. Анисимову при декорировании дома Яковлева поднять плотницкое мастерство на уровень искусства.

Характерное для карел сочетание тенденции к восприимчивости внешних воздействий и традиционности, с одной стороны, и присущая народной культуре в целом нерасторжимость утилитарных требований и эстетических представлений, с другой стороны, предопределили диалектичность развития деревенного зодчества Карелии, которая в доме М. Я. Яковлева, в частности, проявилась в противоборстве-сосуществовании принципов конструктивности и декорирования. Первый из них характеризуется выявлением незамаскированных конструкций и подчёркиванием декоративными средствами их тектонических особенностей, например, облегчением к концу формы подкрышных кронштейнов, работающих как консоли. Второй, «украшательский», принцип характеризуется демонстративным пренебрежением конструктивной и функциональной логикой ради семантики деталей или художественного осмысления их утилитарного содержания, чуждого ортодоксальной «правдивости». Яркий пример тому — «беспольный», не имеющий выхода из помещения декоративный балкон, венчающий дом Яковлева. Любопытно, что такие балконы, получившие распространение в крестьянской среде преимущественно в XIX в., в процессе эволюции превращались в чисто декоративные символы жилища.

Несмотря на общие архитектурно-композиционные принципы, повторяемость форм, традиционность приемов, крестьянские жилые дома избегали унификации: плотники-зодчие тонко учитывали особенности каждого конкретного места с его природным окружением и характером застройки. В этом отношении показателем дом Мемоева (конец XIX в.) в деревне Паппила [258], входящий в состав Вешкельского куста деревень. Являясь домом-комплексом типа «брус», так же как и дом Яковлева, он отличался от последнего как объемно-планировочным решением жилой части, представляющей собой четырехстенную одноэтажную

Дом Мемоева в деревне Паптила,
кон. XIX в. Фото Бойцова Б. П.,
1960-е гг.

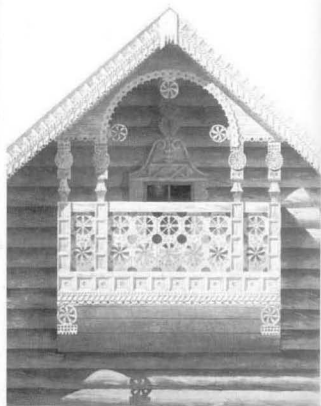
План дома Мемоева.
Обмер В. Орфинского и В. Розина,
1952 г.

избу на подклете, так и художественно-образными характеристиками, более камерными по своему характеру, несмотря на использование одного и того же композиционного акцента — декоративного балкона.

Последнее обстоятельство связано с относительно небольшими размерами постройки и ограниченным радиусом ее зрительного восприятия из-за местоположения на деревенской улочке, проходящей по берегу ламбы, что и предопределило особое внимание, уделенное декоративным деталям.

Изящные, хорошо нарисованные волютные наличники скупо украшали сруб избы. Кажется, зодчий намеренно сдерживал себя, чтобы использовать все богатство своей фантазии для декорирования верхней части дома. И уже тут-то он ничем не ограничил себя. Не довольствуясь обычной резьбой причелин, мастер дополнил ее ритмом набивных планок, а балкон украсил так, что он смог стать блестящей иллюстрацией декоративных возможностей

дерева. Основание балкона, изогнутое по упругой кривой и украшенное по верхнему краю резным подзором с кистями, свисающими по бокам, ажурное балконное ограждение с двумя рядами сквозных розеток, резные столбы — всего этого зодчему-плотнику показалось мало, и он протянул под балконным ограждением и по основанию столбов филенки-кессоны из планок, украсил арку тремя подвесками в виде сидущих розеток и увенчал накладными розетками оголовки столбов. При таком изобилии украшений миниатюрного балкончика только безупречный вкус помог мастеру избежать перегруженности и не потерять чувство меры. При этом он проявил тонкое понимание масштабных соотношений и незаурядный декоративный инстинкт, что особенно отчетливо ощущается при сопоставлении балконов домов Мемоева и Яковлева, миниатюрности первого из которых соответствует меньшая расчлененность общей формы — одночастное, а не трехчастное арочное завершение, однарусная, а не трехъярусная объемная порезка столбов, относительно большая высота ограждения, уменьшающая кажущуюся высоту самого балкона.

Дом Мемоева.
Обмер В. Орфинского
и В. Розина, 1952 г.

Балкон дома Мемоева.
Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

Точно так же, с учетом местоположения постройки, балкон дома Мемоева был рассчитан в первую очередь не на силуэтное восприятие издали, а на обозрение с ближних видовых точек, когда микропластика отчетливо читается даже не будучи подчеркнутой светотенью. В свою очередь пластическому обогащению декоративного убранства балкона способствовало сочетание кружева прорезного орнамента и тончайшей модуляции глухой резьбы, оживляющей поверхность детали, с рельефом накладных элементов и объемной резьбой столбов.

Примером вариативности объемно-планировочного решения карельских домов-комплексов может служить дом-«брус» Куликова, срубленный в конце XIX в. в деревне Ламбисельга. Он отличается от своего ровесника — дома Яковлева — в первую очередь устройством жилого передка — одноэтажного на высоком подклете пятистенка с продольным перерубом, разделяющим хотя и раз-

ноширокие, но трехконные по лицевому фасаду избу и горницу, что соответствует стадияльно более позднему этапу развития жилой части дома и в карельских, в том числе северно-ливвиковских, постройках встречается редко. Другие существенные особенности дома Куликова — разная высота жилой и хозяйственной частей, перекрытых самостоятельными двускатными крышами; решение двора и сарая в конструктивно целостном по высоте срубе с отсутствием консольного выступа озадка сарая; наличие в двухэтажных сенях разноуровневых входов — подземного и парадного по крыльцу непосредственно на жилой этаж.

Несмотря на искажения (растесанные по высоте окна избы, крыльцо, переделанное в веранду) и утраты многих деталей, дом Куликова и в существовавшем до недавнего времени виде представлял несомненный историко-архитектурный интерес благодаря своему декору, традиционному для деревянного зодчества северных ливвиков, но выполненному с высочайшим индивидуальным мастерством. Основной композиционный акцент лицевого фасада — декоративный балкон с трехарочным навершием занимает промежуточное положение между балконами домов Яковлева и Мемоева: первый из них он напоминает общей формой и масштабными характеристиками, а второй — микропластикой деталей.

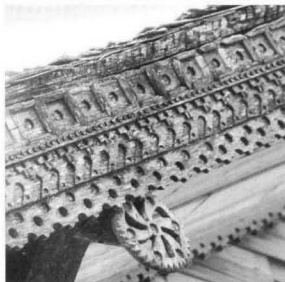
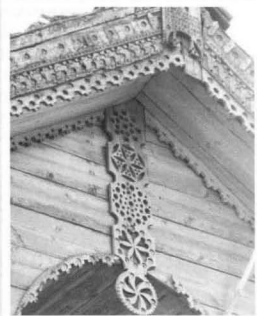
На фасадах дома Куликова сохранились остатки тесовой обшивки, характерные для позднего этапа развития деревянного зод-

Дом Куликова в деревне Ламбисельга, кон. XIX в. Фото В. Гуляева, 1987 г.

Планы дома Куликова: (по обмеру Т. Вахрамеевой, 1988 г.)

Балкон и фрагменты
декоративного убранства
дома Куликова. Фото
Б. Бойцова, 1979 г

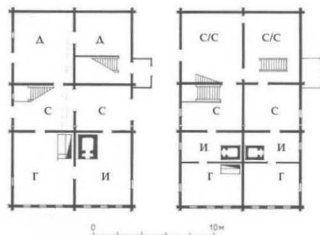
чества. Распространение обшивки в крестьянской среде, стимулированное влиянием городской архитектуры рубежа XIX—XX вв. связано с усилением рационалистических тенденций в народном зодчестве. Роль обшивки неоднозначна. В техническом отношении при правильном выполнении она, безусловно, способствовала долговечности деревянных сооружений, не только предохраняя срубы от атмосферных осадков, но и улучшая их вентилирование благодаря циркуляции воздуха, вызываемой перепадом температур на поверхности стен и обшивки. Не случайно в Карелии после массового удаления обшивки в 1960—1970-х гг. на реставрированных постройках заметно усилилась деструкция древесины. Вместе с тем обшивка в большинстве случаев негативно влияла на художественный образ традиционного жилища, нарушая композиционное единство жилой и хозяйственной частей домов-комплексов и ослабляя контраст между декоративными деталями и фоном стен.

Полное соответствие обшивки всему архитектурно-конструктивному и декративному строю крестьянских домов в Карелии было достигнуто лишь в поздних постройках, в которых на смену имманентной пришла обычная эклектика, характерная для полупрофессионального или самодеятельного пригородно-дачного строительства рубежа XIX—XX вв., и, соответственно, вместо трансплантации заимствования стали применяться в виде накладной

Дом М. И. Дубровина в деревне Большая Сельга, нач. XX в. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Планы дома Дубровина (по обмеру В. Копнина и П. Рачковского 1988 г.)

косметики из буквальных «цитат». Происходило это в крестьянской среде в тех случаях, когда в силу различных причин переставали действовать «фильтр» для отбора заимствований по принципу совместимости с традиционной основой крестьянского домостроения и «механизм» их переработки в духе традиций. Одним из наиболее ранних и любопытных примеров тому является дом М. И. Дубровина, срубленный в начале XX в. в южно-ливвиковской деревне Большая Сельга.

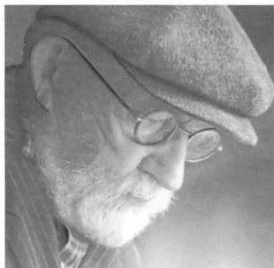
По своему объемно-планировочному решению дом характерен для поздних крестьянских построек юга Олонецкой равнины, представляя собой «брус» с неразвитой хозяйственной частью. (В середине XX в. реконструирован в связи с проживанием в доме нескольких семей). Жилая часть — двухэтажный сруб в виде пятистенка с продольным перерубом: традиционного на первом этаже, разделенного перегородками на втором (модернизация, отражающая усложнение быта крестьянской семьи) и со светелкой на чердаке. Симметричный продольный переруб на обоих этажах делит лицевой фасад дома на две трехконные части.

Особенно интересно декоративное убранство жилого передка, который в противоположность необлицованному срубам хозяйственной части с сенями обшит профилированным тесом, разнонаправленность которого вместе с разграничительными поясками создает четкую систему горизонтальных членений, завершенную подшивным многоярусным карнизом и дополненную вертикалями лопаток — обитых «остатков» венцов. Тимпан фронтона лицевого фасада украшает декоративный балкон с арочным навершием, поддерживаемым установленными на карниз четырьмя резными столбами. Карниз, фриз, подзоры поясков, треугольные на втором и прямоугольные на первом этаже сандрики оконных наличников, многообразие прорезной, контурной, глухой резьбы и набивных

Фрагмент декоративного убранства дома Дубровина.
Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

М. И. Дубровин. Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

орнаментальных аппликаций — все это в своей совокупности создает ощущение огромности человеческого труда и необычной расточительности в применении декора, звучащего в полсилы из-за отсутствия контраста с фоновой поверхностью стен.

Два лета (с 1912 по 1914 г.) обшивал свой дом Михаил Иванович Дубровин и две зимы изготавливал для него резные детали. Не случайно творение рук мастера стало триумфом индивидуального самовыражения и одновременно убедительным подтверждением тщетности попыток в одиночку соперничать с архитектурным фольклором. Это противоречие послужило причиной подлинной, хотя, как правило, неосознаваемой трагедии многих народных мастеров. Наглядно представить себе ее сущность помогло посещение столлярной мастерской М. И. Дубровина в конце 1960-х годов. Тогда Михаилу Ивановичу было уже более 80 лет, но выполняемые им поделки поражали «чувством дерева» — виртуозным умением играть фактурой древесины, то оставляя нетронутой поверхность доски, то покрывая ее причудливой резьбой. Но почему-то это чувство покидало мастера, когда он переходил от отдельных деталей к украшению дома целиком. Помнится, на вопросы о себе Михаил Иванович отвечал охотно. Он самоучка. Кончил церковно-приходскую школу. Больше нигде не учился. Рисунок для своих изделий придумывал сам. Да и вообще до всего дошел сам — отец его «даже топорика не умел вытесать» — вот почему преемственность в передаче традиций от поколения к поколению в семье Дубровиных оказалась прерванной.

Давний визит к старому мастеру наглядно подтвердил, что не оскудевала талантами карельская земля и не в недостатке мастеров причина упадка народного зодчества. Просто потеряв путеводную нить вековых традиций, народные умельцы пошли без троп, без дорог и ... заблудились. А просвещенная часть общества успешно помогла им в этом, не заметив подлинных художественных ценностей и не поняв трагедии народа, теряющего самобытность своей культуры. Крестьянские дома Карелии — подлинная летопись народного зодчества, в которую многие поколения плотников-зодчих вписывали свои слова и строки, исправляя и дополняя друг друга, отбрасывая все случайное и заботливо возвращая каждую крупинку истинной красоты. Не все равноценно в этой летописи. Но историю негоже не только переписывать, но и забывать вне зависимости от наших симпатий или антипатий к отдельным ее проявлениям.

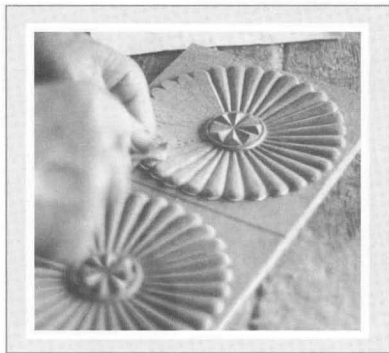

Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

1. *Девятова Э. И.* Палеогеография и освоение человеком Карелии // *Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья)*. Петрозаводск, 1988. С. 7—18.
2. *Бучинский И. Е.* О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957. С. 47—89.
3. *Девятова Э. И.* Природная среда и ее изменения в голоцене (Побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. С. 93—94.
4. *Гришина И. Е. Орфинский В. П.* Диалектика традиционного жилища Беломорской Карелии // *Панозеро: сердце Беломорской Карелии* / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003. С. 238—240, 243.
5. *Золотарев Д. А.* В северо-западной Карелии // *Карельский сборник*. Л., 1929. С.
6. *Шенников А. А.* Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX—начала XX вв. СПб., 1992. С. 6—7 со ссылкой на: *Вильямс В. Р.* Общее земледелие, ч. 1. М., 1920. С. 221—228, 242; *Костылев П. А.* Общедоступное руководство к земледелию. 9-е изд. М., 1922. С. 111; *Малоченков И. П.* Местные удобрения. М., 1944. С. 7, 20; *Перитулин Ф. Т.* Навоз и другие органические удобрения. М., 1936. С. 72, 82—84 и др.
7. *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева: Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. СПб., 1993. С. 34—35.
8. *Шенников А. А.* Длинный дом и крытый двор. ... С. 6—7.
9. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 27, оп. 3, г. 1910: д. 2/19, д. 2/20, д. 2/21; Ф. 27, оп. 2, г. 1909, д. 24/379. Здесь и ниже (прим. 10—12) данные по вывозу органических удобрений собраны в Национальном архиве Республики Карелия архитектором Т. А. Нечаевой.
10. НАРК. Ф. 27, оп. 3, г. 1910: д. 2/18, д. 18; Ф. 27, оп. 2, г. 1909, д. 53/880.
11. Там же, д. 4/375.
12. Там же, д. 2/16.
13. На один крестьянский дом в среднем по Олонецкой губернии в 1905 г. приходилось 1,1 лошади (в Шунгской волости этот показатель равнялся 1,27 лошади, в Петровско-Ямской — 1,14, в Ребольской — 0,88 лошади) (Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 276—293.). Не случайно даже в Заонежье, где более или менее значительная часть навоза вывозилась на поля летом, вывозка на дальние («запольные») участки производилась, как правило, зимой.
14. *Sirelius U. T.* Suomen kansanomaista kulttuuria, II. Helsinki, 1921. S. 163—164.
15. *Valonen N.* Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben // *Sust*. 133. Helsinki, 1963. S. 521—526, 561—563; *Valonen N.* Pohjoiventalaisen talon

syntyksmyksia // Neuvosto-liittoinstituutin vuosikirja. 1977. № 25. S. 187—233.

16. Петерсон А. Ю. О некоторых общих чертах развития крестьянского жилища коми и удмуртов // Сельские поселения Удмуртии в XIX—XX вв. Ижевск, 1981. С. 44—56; Peterson A. Zur finnougriischen Volkskunde. Tallinn, 1985. S. 61—62.
17. Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ...
18. Там же. С. 130—177.
19. Там же. С. 10.
20. Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelische Gebaude und ornamentale Formen aus Zentral-Russisch-Kareliden. T. 1. Helsingfors, 1902. S. 41, Abb. 11. Подобный сарай сфотографирован в карельской деревне Чааки в 1901 году финскими исследователями У. Ульбергом, А. Тавашерном и Я. Кекконеном (Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ja koristomuotoja Karjalasta kahden puolen rajaa. Helsinki, 1929. S. 31, k. 39)
21. Krakstrom E. Patsasnaettoja Kivennavalla ja sen naapuripitajissa. Koонуut Karjalan kannaksella. 1942—43 (Материалы были любезно предоставлены нам в 1994 г. Э. Кракстромом для использования в обобщающей работе по народному жилищу Карелии); Gabe P. M. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Западно-финский сборник. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1930. С. 127—128, табл. XXIII—XXV.
22. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Деревянные крестьянские амбары Русского Севера и Сибири // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1989. С. 43—47, 50—55.
23. Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма 1828—1842. Петрозаводск, 1985. С. 186—187.
24. Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ... С. 136; Антонов. О скотоводстве и об улучшении его в Архангельской губернии // Архангельский губернский вестник, 1847. № 50. С. 603; Богуслав И. Беломорская Карелия // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1847. Ч. 2. С. 220; Порохов И. Описание Кольского уезда в 1856 г. // Архангельский сборник. Ч. 1, кн. 2. Архангельск, 1865. С. 287—288.
25. НАРК. Ф. 642, оп. 1, д. 29/347.
26. Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader och Ornamentala Former. Helsingfors, 1900. T. 3—13.
27. Inha I. K. Kalevalan laulumailta (ilmestyi 1911 ja toinen uudistettu painos 1921). Helsinki, 1999. S. 5, 18, 64, 67, 146, 165, 166, 240, 241, 336, 400.
28. По-видимому, Д. А. Золотарев и А. А. Капица описывают «глаголи» — дома-комплексы с хозяйственной частью, охватывающей жилище с двух сторон.
29. Капица Л. Л. Материалы для этнографической характеристики Кондожского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 24.

30. Золотарев Д. А. В северо-западной Карелии. // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 12.
31. Катица Л. А. Указ. соч. С. 24; Золотарев Д. А. В северо-западной Карелии // Западно-финский сборник. ... С. 12.
32. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 39. Здесь «брус» — дом-комплекс с последовательной однорядной связью жилой и хозяйственной частей.
33. Kaikonen V. Kansanrunon Kauko-Karjalaa ja Kalevalan synti. Porvoo, 1984. S. 107—111, 112, 150—153, 170—173, 178—179, 182—193, 206.
34. Северо-западная часть Лоухского района обследована А. С. Дубовским и В. П. Орфинским в 1956 г.; юго-западная часть Лоухского и смежная с ней часть Калевальского района — В. П. Орфинским и М. Г. Старченко в 1957 г.
35. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 13—15.
36. Там же. С. 14—16.
37. Б-ков М. Быт карел // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 3. С. 107; Золотарев Д. А. В северо-западной Карелии // Западно-финский сборник. ... С. 12; Катица Л. А. Указ. соч. С. 24; Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. ... С. 17; Орфинский В. П. Карельское деревянное зодчество и его связь с архитектурой Русского Севера // Архитектурное наследство. № 23. М., 1975. С. 59—63; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 112.
38. Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ... С. 136—137. Здесь требуется некоторое уточнение: «современные исследователи», к числу которых А. А. Шенников отнес Р. Ф. Тароеву и одного из авторов настоящего раздела, не отождествляли отдельно стоящие двухэтажные крытые дворы в северной Карелии с архаичными прототипами (сараями на столбах). Р. Ф. Тароева писала лишь, что такие сооружения встречаются в усадьбах с открытым двором вблизи финской границы, что не противоречит мнению исследователей начала XX в., а В. П. Орфинский отметил в качестве архаичных животноводческих построек северо-западной Карелии не двухэтажные, а одноэтажные хлева-сеновалы с комбинированной рубкой стен — сплошной в хлевах, «режевой» в сеновалах.
39. Подробнее о линейно-циклической направленности развития деревянного зодчества с характерным для него явлением «откатной волны» см: Орфинский В. П. Загадки «домиков мертвых» // Памятники культуры и мировоззрение. Петрозаводск, 1985. С. 129—143; Орфинский В. П. Предпосылки прикладного «линейно-циклического подхода» к изучению конкретных явлений народной культуры // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: Тезисы докладов международного симпозиума. Петрозаводск, 1997. С. 4—9; Орфинский В. П., Гришина И. Е. Элементы цикличности в развитии народного деревянного зодчества // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999. С. 23—37.
40. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 35.

41. Атлас Карельской АССР. М., 1989. С. 14.
42. Орфинский В. П., Вахрамеева Т. И. К вопросу о генезисе и эволюции риг Карелии // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 182—184.
43. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 117.
44. Орфинский В. П., Вахрамеева Т. И. Указ. соч. С. 186.
45. Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. С. 9—27.
46. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 79.
47. Орфинский В. П. Типология этнокультурных контактов в сфере архитектуры // Проблемы российской архитектурной науки: Сборник трудов членов отделения архитектуры РААСН. М., 1999. С. 88.
48. Архангельская Карелия. ... Приложение: Карта Кемского уезда Архангельской губернии.
49. Капица Л. Материалы к изучению оленеводства Карелии и западного побережья Белого моря // Известия общества изучения Карелии. 1924. № 2. С. 8.
50. Kortesalmi J. Juhani. Pohjois-vienan Poronhoito. Talonpoiken poronhoiton alue, ominaislaatu, ika, alkupera ja kehityslinjat vuoteen 1922. Helsinki, 1996.
51. Kortesalmi J. Juhani. Pohjois-vienan Poronhoito. ... S. 543, 555—556, 560—564.
52. Архангельская Карелия. ... С. 9—27.
53. НАРК. Ф. 642, оп. 1, д. 29/347.
54. Там же.
55. Державин Г. Р. Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Охонецкого наместничества // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. Приложение. С. 157—191.
56. Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelische Gebaude... Abb. 3, 4, 7, 8, 13.
57. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. С. 35.
58. Атлас... С. 8, 14, 24.
59. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja...
60. Paulaharju S. Karjalainen talo. Helsinki, 1983.
61. Heikel A. Die Gebaude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen // Suomalaisugilaisen Seuran aikakauskirja. Journal de la Societe Finno-Ougrienne. IV. Helsingfors, 1888. S. 224; Харузин Н. Н. Очерки развития жилища у финнов. Этнографическое обозрение. М., 1895. С. 30; Sirelius U. T. Suomen kansanomaista... S. 209; Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. S. 303—304.
62. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... Т. 5, 7, 10.

63. Аалто А. Архитектура Карелии // Аалто А. Архитектура и гуманизм. М., 1978. С. 36.
64. Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelische Gebaude... Abb. 71, 72.
65. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... Т. 8.
66. Олонецкая губерния. Статистический справочник статистического бюро Олонецкой губернской земской управы. Петрозаводск, 1913. С. 189.
67. Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 год. ... С. 18—81.
68. Путешествия Элиаса Лённрота. ... С. 232—233.
69. О явлении вторичной этнизации в зодчестве Сямозерья в конце XIX — начале XX в. см.: Орфинский В. П. Народное храмостроительство; Гришина И. Е., Орфинский В. П. Архитектура крестьянского жилища // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 377—438.
70. Орфинский В. П. К вопросу о типологии этнокультурных контактов в сфере архитектуры // Проблемы российской архитектурной науки: Сб. науч. трудов членов Отделения архитектуры РААСН. М., 1999. С. 88—89.
71. Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ... С. 110, рис. 48.
72. Генеральные соображения по Тверской губернии, извлеченные из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. Тверь, 1873. С. 98; Песселен А. И. Постройки Бежецкого уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. 114; Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. II. Тверь, 1874. С. 117; Артамонов М. И. Постройки Краснохолмского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. 47; Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ... С. 147.
73. Маслова Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области // Советская этнография. 1936. № 2. С. 86—87.
74. Орфинский В. П. Феномен Заонежья // Север. 1992. № 10. С. 52—74.
75. Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ... С. 148.
76. Там же. С. 121—122.
77. Там же. С. 123 со ссылкой на: Крастыня А. К. О некоторых чертах в латышском и скандинавском народном жилище // Тезисы докладов IV всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968. Ч. I. С. 229—234; Heikel A. Die Gebaude der Ceremissen ... S. 151, 207; Manninen I. Die Sachkultur Estlands // Opetatud Eesti seltsi eritoimetused. 1—2. Tartu, 1931—1933, B. 2. S. 182, 241—142.
78. Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Лённрот: К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 26—27 со ссылкой на: Самокасов Д. Я. Архивный материал: новооткрытые документы помещтно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. II. М., 1909. С. 31.

79. Киртичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 60.
80. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 33, 43.
81. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 225—226.
82. Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // Советская археология. 1949. № 9. С. 26.
83. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища, хозяйственные строения) // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956. С. 18—19; Пименов В. В. Указ. соч. С. 223—224.
84. Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972. С. 35—36.
85. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 161.
86. Орфинский В. П. Деревянное зодчество удорских коми // Архитектурное наследство. № 37. М., 1990. С. 291.
87. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. IV. (Архитектура Западной Европы. Средние века). М.; Л., 1966. С. 16, 46—47; Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. ... С. 29—31.
88. Львов В. Русская Лапландия и русские лопари. СПб., 1916. С. 33.
89. Такое изначальное нарушение функциональной обособленности частей не следует смешивать с вторичным явлением — «оживлением» дворов-сараяв встроенными или пристроенными помещениями с входами из хозяйственной части и, следовательно, не имеющими непосредственной связи с основным жильем.
90. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... Т. 3—5, 7—11.
91. Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 30 со ссылкой на: Vilkuna A. Suomalaisen karjasuojan vaiheita. Kansatieteellinen arkisto, 14. Helsinki, 1960. S. 13—15.
92. Очень показателен в этом отношении составленный А. В. Рantasalo трехтомник по древней животноводческой магии финского народа — богатейший свод заветов-рекомендаций, бытовавших не только в финских, но и в приграничных карельских поселениях (Rantasalo A. V. Karjalaijoja. Helsinki: I, 1933; II, 1933; III, 1934).
93. Подтверждение тому — сохранение у карел вплоть до середины XX века отголосков древнейшего медвежьего культа, бытовавшего в Северной Европе еще в XI веке. (Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 40—41 со ссылкой на: Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. № 6. Л., 1941; Virtaranta P. Vientan Kansa muistelee. Porvoo, 1958. S. 310—312).
94. Конкка У. С. Пoesия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 257.
95. Там же.

96. Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в. (Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка). А., 1980. С. 97.
97. *Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelishe Gebaude...; Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader...; Inha I. K. Kalevalan laulumailta ...; Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... Helsinki, 1929. S. 39, 50, 54, 58, 60; Karjalan kirja / Toim. I. Harkonen. II osa. Porvoo, 1910. S. 144, 483; Karjalan kirja / Toim. I. Harkonen. II osa. Porvoo-Helsinki, 1932. S. 373, 378; Konkka A. Kuvia Kadonnesta Vienasta // Tie Vienaan. Akateemikko Pertti Vorttarannan elämäntyöll omistettu muustojulkaisu. Kajaani, 1999. S. 122.*
98. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала XX в. (Изд. подг. Никольская Р. Ф., Косменко А. П.). А., 1981. С. 21.
99. *Аалто А.* Указ. соч. С. 36.
100. *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. ... С. 36.
101. *Kolehmainen A., Laine V. A. Suomalainen talonpoikaistalo. Helsinki, 1980. S. 72—73, 168—169, 282—283.*
102. *Шенников А. А.* Длинный дом и крытый двор. ... С. 177.
103. *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 135—163; *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество ... С. 27—41; *Витов М. В.* Вопросы этнографической систематизации восточно-славянского народного жилища // Вестн. МГУ: ист.-фил. сер. М., 1958. № 4. С. 129—140; *Тароева Р. Ф.* Указ. соч. С. 111—112.
104. *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. Табл. 65—69.
105. *Жеребцов Л. Н.* К истории народного жилища коми // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар, 1960. С. 111—112.
106. *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. ... С. 27—29.
107. Там же. С. 30—36.
108. *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел. С. 111—112.
109. Однорядная, двухрядная, или слитная, глаголем (охватом) и поперечная связь (*Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 164.)
110. *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности: Дис. на соиск. уч. ст. доктора архитектуры. Т. 1. М., ЦНИИТИА, 1975. С. 73—75, табл. 17; *Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader ...* Т. VI.
111. *Маковецкий И. В.* Указ. соч. С. 181—183.
112. Архив Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева. Раздел V. № 1487.
113. *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. Вып. XI. М., 1913. Рис. 2.
114. *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 75.
115. *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 164.

116. Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 118.
117. В 1953—1971 гг. восемь таких домов были обследованы одним из авторов в Каргопольском и Плесецком районах Архангельской области, в прошлом они бытовали на севере Ярославской, в Вологодской, Вятской областях, преобладали у коми-пермяков (*Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С.1 56—166), зафиксированы в Ленинградской области (*Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 17; *Габе Р. М.* Материалы по народному зодчеству... Табл. XXIV, XXVI, XXVII).
118. *Тароева Р. Ф.* Отчет о работе этнографической экспедиции в Олонекском и Пряжинском районах. 1957 г. Архив Карельского научно-го центра РАН. Ф. 1, оп. 20, л. 85, л. 29—30.
119. *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 74—75.
120. *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955. Рис. 19, 20; *Жеребцов А. Н.* Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971. С. 54.
121. *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 77, табл. 176.
122. *Витов М. В.* Указ. соч. С. 139.
123. *Габе Р. М.* Материалы по народному зодчеству... С.127—128.
124. 124. *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 95.
125. 125. *Шургин И. Н.* Народное жилище коми // Архитектурное наследство. № 37. М., 1990. С. 304—307.
126. Там же. С. 308—309.
127. *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 95—96.
128. *Орфинский В. П.* Народное деревянное зодчество в зонах этнических контактов на севере России // Архитектура мира: Материалы конференции «Запад-восток: взаимодействие традиций в архитектуре». Вып. 2. М., 1993. С. 46—48; Деревянное зодчество Заонежья в свете этнокультурных контактов русского и прибалтийско-финского населения края // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения'95»: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 333—338.
129. Пассионарность, по терминологии А. Н. Гумилева, — общий признак динамического состояния этноса, проявляющийся, в частности, в миграциях и способствующий не только лучшей адаптации этноса к изменившимся условиям существования, но и выдерживанию целенаправленных «сверхнапряжений», которые в свою очередь резко повышают его творческий потенциал (*Гумилев А. Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 111—112, 121, 129—130). Карелы, переселившиеся из Приладожья в Заонежье, постепенно утратили инерцию пассионарности, видимо, перешли к «реликтовому состоянию» и уже к началу XX в. полностью ассимилировались в ино-

- этнической среде. Но до этого они внесли существенный вклад в развитие культуры и в том числе архитектуры Заонежья.
130. Романов К. К. Жилой дом в Заонежье. Архив Санкт-Петербургского отделения института археологии. Ф. 29, д. 155.
131. Rantasalo A. V. Karjalaikoja. ... III. S. 13332: 48—52.
132. Аалто А. Указ. соч. С. 36.
133. Гришина И. Е., Орфинский В. П. Традиционная застройка Панозера // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003. С. 272—278.
134. Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader... T. 7.
135. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 50, 58, 60.
136. Орфинский В. П. Родник карельской культуры: Вместо послесловия // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003. С. 314—326.
137. Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 9.
138. Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 16—45; Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 17.
139. Heikel A. Die Gebaude der Ceremissen ... S. 139—141; Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 14—32.
140. Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 32.
141. Линевский А. М. Карелы // Советская этнография. 1941. № 5. С. 89; Равдоникс В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.; Л., 1934. С. 5—19.
142. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 99 со ссылкой на: Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta Käkisalmen kihlakunnan alalta saatujen loytojen mukaan // Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen aikakauskirja. Helsinki, 1893. № 13. S. 187; Krohn K. Suomalaisten pakanalliset jumalat // Oma maa, 1920, № 1. S. 892.
143. Конкка У. С. Указ. соч. С. 60—62.
144. Хрестоматия по истории Карелии. Петрозаводск, 1939. С. 38, 44—48; Кокуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 11—13.
145. Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 75.
146. Тарова Р. Ф. Материальная культура карел... С. 107.
147. Конкка У. С. Указ. соч. С. 208—209.
148. Тарова Р. Ф. Материальная культура карел... С. 103—104.
149. Там же. С. 101—102.
150. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. ... С. 50; Тарова Р. Ф. Материальная культура карел... С. 101; Строгальщикова З. И. Традиционное жилище Межозерья. 1900—1960. Опыт сравнительно-статистического анализа. Л., 1986. С. 38.

151. Орфинский В. П. Несинхронность эволюционных преобразований как ключ к расшифровке этнической специфики деревянного зодчества Карелии // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2001. С. 12—14.
152. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 101.
153. Конкка У. С. Указ. соч. С. 209, 257—258.
154. Устное сообщение Ю. Ю. Сурхаско.
155. Конкка У. С. Указ. соч. С. 209.
156. Paulaharju S. Karjalainen talo. ... S. 166, 175; Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 38, т. 2.
157. Paulaharju S. Karjalainen talo. ... S. 23, 102, 105, 154, 166, 169, 177, 178; Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 38.
158. Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 119—120.
159. Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 158.
160. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 104.
161. Конкка У. С. Указ. соч. С. 258.
162. Линевский А. М. Указ. соч. С. 101; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 103—104; Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 27.
163. Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 110.
164. Габе Р. М. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. № 5. М., 1955. С. 89.
165. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.-М., 1880. С. 366; Путистин С. В. Печи Панозера в контексте традиций Беломорской Карелии // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 281—290.
166. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 39, т. 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11; Paulaharju S. Karjalainen talo. ... S. 181, 183, 186.
167. Соборнов А. К истории культуры Олонецкой Корелы // Олонецкий сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 1875—1876. С. 136; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 104.
168. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел... С. 76; Paulaharju S. Karjalainen talo. ... S. 152—153.
169. Конкка У. С. Указ. соч. С. 212, 215.
170. Соборнов А. Указ. соч. С. 136; Вестник Олонецкого губернского ведомства за 1914 г., № 14. С. 19.
171. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. ... С. 28—29.
172. Heikel A. Die Gebaude der Ceremissen... S. 224; Blomstedt Y., Sucksdorf V. Karelsche Gebaude... S. 70; Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. ... С. 51—52; Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 256, рис. 47.
173. Sirelius U. T. Suomen kansanomaista... Abb. 208, 215, 216, 247.

174. Такая устойчивость бытования курных изб на Каргопольщине объясняется, со слов информаторов, тем, что здесь в них просушивались сети, срок службы которых, благодаря дыму из черных печей, увеличивался в 5—6 раз по сравнению с сетями, просушиваемыми на открытом воздухе. Кроме того, беструбные печи давали больше тепла и требовали меньше топлива.
175. Вытяжное устройство на конце вентиляционных шахт, улучшающее естественную тягу за счет обдува ветром, создающим зоны пониженного давления.
176. Костилов А. Изба семи государей. Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 1—10; Едемский М. О крестьянских постройках на севере России // Живая старина. Год XII. Вып. I—II. СПб., 1913; Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. М., 1877. С. 23; Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 16—17, рис. 36; Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. С. 50.
177. Романов К. К. Жилой дом в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. (Крестьянское искусство СССР. Т. 1). Л., 1927. С. 25—26; Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1887. С. 132—133.
178. Осипов Д. П. Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотьма, 1924. С. 2, 4.
179. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Простейшие деревянные постройки как источник для изучения крестьянского жилища // Народное зодчество: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 28—29.
180. Гришина И. Е., Романова М. Е., Ляля Е. В. Ареальные исследования традиционных бань Карелии и сопредельных территорий // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 264.
181. Kivinen O. Keimioniemi. Bantakaava ja alueen kenittamissu unnielma. Helsinki, 1982. S. 16.
182. Спегальский Ю. П. Указ. соч. С. 63—67.
183. Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 236—237.
184. Там же. С. 119—120.
185. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища ... С. 146.
186. Каница А. А. Материалы для этнографической характеристики... С. 33. Н. Н. Харузин писал о пережитках открытого очага в конструкциях печей многих финно-угорских народов — финнов, эстонцев, карел, удмуртов (Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 50, 52, 54 и др.).
187. Золотарев Д. А. Указ. соч. С. 12, 13.
188. Paulaharju S. Karjalainen talo. ... С. 22—70.
189. Шенников А. А. Двор крестьян Неудачки Петрова... С. 55—56 со ссылкой на: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 114; Артынов А. Село Угодичи // Ярославские губернские ведомости. 1851. № 3. С. 29; Бронников В. Очерк Кайского края вообще и села Кайгородского в особенности // Вятские губернские ведомости. 1874. № 5. С. 3 и др. источники.

190. *Paulaharju S.* Karjalainen talo. ... S. 19—32.
191. Там же. S. 19, 22, 27.
192. Показательно, что даже такой убежденный и последовательный «эволюционист» как А. А. Шенников в одной из своих ранних работ на основании анализа письменных источников пришел к выводу, что в Архангельской губернии по крайней мере в течение трех столетий — с XVI до XVIII в. (более ранние сведения отсутствуют) жилая часть изб не претерпела существенных изменений (*Шенников А. А.* Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России) // *Архитектурное наследие. № 16. М., 1963. С. 100*). Правда, позднее на основании иконографических документов исследователь изменил свою точку зрения (*Шенников А. А.* Русское деревянное зодчество начала XVII в. по книге А. Хутериса // *Современный художественный музей: Проблемы деятельности и перспективы развития. Сборник научных трудов. Л., 1980. С. 130—143*).
193. *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова... С. 26—33, 47—66.
194. *Денисова И. М.* Дерево-дом-храм в русском народном искусстве // *Советская этнография. 1990. № 6. С. 109*.
195. *Сурхаско Ю. Ю.* Указ. соч. С. 39.
196. Духовная культура сегозерских карел... С. 11, 93; *Конкка У. С.* Указ. соч. С. 176.
197. Духовная культура сегозерских карел... С. 98.
198. *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова... С. 64—64 со ссылкой на: *Акты Оскольского края // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 428; Карабцов М., Елисеенков И., Томашевский П.* Описание г. Бирюча и его уезда. Рукопись, 1811 // *Российская национальная библиотека. Книжный фонд Вольного экономического общества. № 42, 10/35—1, с. 25*.
199. *Paulaharju S.* Karjalainen talo. ... S. 146—147; *Габе Р. М.* Интерьер крестьянского жилища... С. 97; *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел... С. 104—105; *Vuorela T.* Kansatieteen sanasto. Helsinki, 1958. S. 94.
200. *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. ... С. 58.
201. Там же. С. 54.
202. *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова... Рис. 14.
203. *Valonen N.* Zur Geschichte... S. 100—104.
204. *Миличик М. И., Ушаков Ю. С.* Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С. 95—97, рис. 67, 71, 73.
205. *Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J.* Kansanomaisia rakennustapoja... K. 9, 12, 58, 60, 63, т. 2, 3, 5; *Paulaharju S.* Karjalainen talo. ... K. 13, 14, 18, 22, 25, 31, 53, 54—56, 59, 63.
206. *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел... С. 106.
207. Ярмарки в Важгорте, проводившиеся начиная с середины XIX в., привлекали купцов из Архангельска, Вологды, Великого Устюга, Яренска, Соль-Вычегодска, Ижмы, Усть-Сысольска, содействуя распростране-

- нию среди удорских коми архитектурных форм и приемов, неизвестных на остальной территории района. Несмотря на периодичность и краткосрочность ярмарок, они породили обширную зону заимствования с постепенно уменьшающейся интенсивностью от эпицентра в Важгорте к периферии. (Орфинский В. П. Деревянное зодчество удорских коми. ... С. 296—298.)
208. Pettersson Lars. Äänisniemen kiriollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 271.
209. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. ... С. 87.
210. Там же. С. 11 со ссылкой на: Засурицев П. Постройки древнего Новгорода // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М., 1959. С. 280; Рабинович М. Дом и усадьба в древней Москве // Советская этнография. 1952. № 3. С. 47.
211. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 16—17.
212. Орфинский В. П., Вахрамеева Т. И. Территориальная локализация некоторых особенностей крестьянских домов западной части Карелии и Заонежья (по материалам комплексной историко-архитектурной экспедиции Министерства культуры КАССР) // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 34.
213. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. ... С. 98.
214. Там же. С. 104; Орфинский В. П. Деревянное зодчество удорских коми... С. 252—293.
215. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество ... рис. 179.
216. Тароева Р. Ф. Отчет о работе этнографической экспедиции в Олонцком и Пряжинском районах ... Л. 24.
217. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 81—82, табл. 19а—19в.
218. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 89.
219. Тароева Р. Ф. Отчет о работе этнографической экспедиции в Кемском и Лоухском районе КАССР. 1957 г. Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1, оп. 14, л. 18—2, л. 29.
220. По наблюдениям Р. М. Габе обычная высота традиционных изб на подклете в Карелии еще в первой половине XX в. составляла 3,20—3,75 м, а высота старинных курных изб в деревне Ахпойла на Сямозере достигала 4,26 м (Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. ... С. 42, рис. 40.)
221. Paulaharju S. Karjalainen talo. ...Указ. соч. S. 19, 22, 25; Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. ... Рис. 41.
222. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. ... С. 42.
223. Там же. Рис. 24—25.
224. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 30—34.
225. Кормовой рацион скота в Карелии см.: Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 32.

226. Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 236.
227. Материалы по истории Карелии. Петрозаводск, 1940. С. 207, 262.
228. О генетическом родстве бань и жилища свидетельствует совпадение их названий и названий архаичных жилых построек у ряда финно-угорских народов (Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 26; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 63; Жеребцов А. Н. Опыт изучения крестьянского жилища народов коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 3. Сыктывкар, 1956. С. 42.)
229. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 108.
230. Спегальский Ю. П. Указ. соч. С. 97—102.
231. Борисевич Г. В. Историко-теоретические основы организации музеев народного деревянного зодчества: Дис. на соиск. уч. ст. канд. арх. М., 1968. С. 160—161.
232. Мюллер Р. Б. (составитель). Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 25—26.
233. Blomstedt Y., Sucksdorf V. Karelska Bugnader...Т. 3.
234. Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 13—14, 20, рис. 1, 3, 4, 5, 7. Впервые план Тихвинского посада 1678 г. как источник по истории деревянного зодчества использовал М. В. Красовский (Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Деревянное зодчество. Пгт., 1916. С. 45—49).
235. Едемский М. Б. Указ. соч. С. 55.
236. Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 21.
237. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 108.
238. Карельские причитания (Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски). Петрозаводск, 1976. С. 64, 114.
239. Громов Г. Г. Жилище // Очерки русской культуры XVII в. Часть 1. М., 1979. С. 189.
240. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 195.
241. Витухновская М. А. Киж: Путеводитель по музею-заповеднику. Петрозаводск, 1988. С. 107.
242. Шишкин А. И. К вопросу о технологии плотницких работ // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник Петрозаводск, 1991. С. 148.
243. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел ... С. 95.
244. Байбурин А. К., Логинов К. К. Обрядность русских Заонежья при строительстве нового дома // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 32—33; Байбурин А. К. Указ. соч. С. 45—46.
245. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 214—216. Использование ячменя в обряде, по предположению

- Р. Ф. Тароевой, связано с созвучием карельского ячмень — *ozra* и счастье — *oza*, которое приобретало здесь символическое значение (Тароева Р. Ф. Материальная культура карел ... С. 95).
246. Байбурин А. К. Указ. соч. С. 47.
247. Шишкин А. И. Указ. соч. С. 148—149.
248. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел ... С. 25, 30.
249. Аналогичную технологию применяли во многих других местностях Русского Севера, в частности, в близлежащем Заонежье (Байбурин А. К., Логинов К. К. Указ. соч. С. 107), строительная культура которого, как уже отмечалось, содержит много карельских черт.
250. Витухновская М. А. Указ. соч. С. 107—108.
251. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел ... С. 96.
252. Витухновская М. А. Указ. соч. С. 107.
253. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел ... С. 40; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 48
254. Байбурин А. К. Указ. соч. С. 135.
255. Байбурин А. К. Указ. соч. С. 11, 16, 178.
256. Витухновская М. А. Указ. соч. С. 109.
257. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. ... С. 44.
258. К настоящему времени дом Мемоева утрачен.

Детали крыши дома Сергеева из деревни Логморучей (музей-заповедник «Киж»),
Фото Б. Бойцова, 1970-е гг.

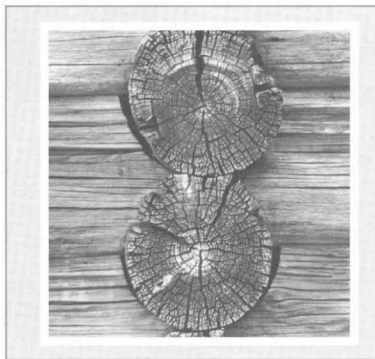

конструкции

Камни, вырастающие из земли, — для Карелии это не метафора, а реальность, связанная со свойством воды при замерзании увеличиваться в объеме, выдавливая из пропитанных ею глинистых грунтов чужеродные включения, будь то оставленные ледником валуны или искусственные сооружения. Не случайно фундаменты современных зданий обычно закладываются ниже глубины промерзания. Но и это не всегда защищает их от явлений морозного пучения, действующих на подземные конструкции не только снизу, но и с боков за счет смерзания грунта с их поверхностью. Кроме того оттаивание и соответственно уменьшение объема промороженного грунта происходит с разных сторон здания не одинаково — с юга быстрее, чем с севера, что и приводит к неравномерным осадкам построек. (Известно немало примеров, когда по этой причине разрушались даже капитальные каменные здания). Поскольку нарушение естественной структуры основания при отрывке траншей для фундаментов еще более активизирует явления морозного пучения, крестьяне, видимо, на собственном опыте убедились: вместо того, чтобы дразнить подземные силы, разумнее ставить сооружения прямо «на пошву».

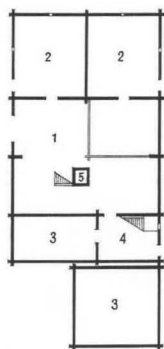
Вот почему заглубленные фундаменты из деревянных столбов-столбов в традиционных крестьянских постройках Карелии встречались достаточно редко и преимущественно в восточной части края, а ленточные фундаменты из естественного камня на известковом или цементном растворе получили широкое распространение только после середины XX в. Препедентами для них, скорее всего, являлись фундаменты из камней насухо, также применявшиеся не часто, а самым распространенным приемом была подкладка валунов под углы и пересечения стен, и то только для того, чтобы изолировать их от влаги. И хотя при таком решении сезонные колебания поверхности земли под постройками могли вызывать перекосы последних, возникающие при этом усилия воспринимались равнопрочным строительным материалом — деревом, способным успешно работать как на сжатие, так и на растяжение.

Фото В. Гуляева, 1987 г.

Столбовая опора
в хозяйственной части
дома-комплекса. Фото
В. Гуляева, 1992 г.

Срубная опора
в хозяйственной части
дома-комплекса (дом
Фофанова в деревне
Корза): 1 — двор;
2 — хлев;
3 — подклеты;
4 — сени;
5 — срубная опора)
[Габс Р. М. Карельское
деревянное зодчество.
М., 1941. С. 39]

Правда, конструкционные качества дерева, как строительного материала, со временем меняются и старая, частично разрушенная биоразрушителями древесина становится хрупкой и непрочной. Но обилие строевого леса позволяло без проблем заменять выпавшие из строя конструктивные элементы новыми: распространенная в таежной полосе северо-восточной Европы срубная техника строительства легко позволяла это делать.

Видимо, эксплуатационные достоинства наряду с простотой изготовления и предопределили приоритетность срубов из горизонтальных венцов по отношению к их возможным конструктивным конкурентам — постройкам из бревен «в стояк».

Надо сказать, что оба способа возведения стен имели и достоинства, и недостатки, связанные с физическими свойствами древесины, включая неравномерность ее усушки вдоль и поперек волокон: в первом случае практически ничтожной, во втором — достигающей 5% от толщины бревен. Поэтому постройки с бревенчатыми стенами «в стояк» почти не меняли своих габаритов во времени, что и обеспечивало совместимость их с каркасными конструкциями. Но при этом из-за поперечной усадки древесины между вертикальными бревнами со временем образовывались щели, а замена сгнивших элементов представляла сложную техническую задачу.

Венчатые срубы, наоборот, плохо сочетались со столбовыми опорами, но зато представляли собой идеальные самоуплотняющиеся сборно-разборные сооружения, что являлось бесспорным их достоинством, особенно на ранних стадиях развития жилища, когда небольшие размеры построек не нуждались в совмещении различных конструктивных схем. Но появление развитых домов-комплексов с просторными дворами-сараями потребовало применения неполного каркаса — сочетания стеновых и столбовых конструкций, что в связи с их различной усадкой вызвало деформации сооружений. Поэтому при необходимости увеличения постройки народные мастера предпочитали не создавать больше-

пролетные помещения, а соединять отдельные клетки, размер которых в свою очередь был ограничен длиной бревна. (Известно, что наращивание бревен по длине до XVIII в. в народном зодчестве, как правило, не применялось.) Эта особенность тем более была характерна для зодчества карел, обладающего повышенной консервативностью. Возможно, приверженность к использованию проверенных временем конструктивных решений могла отчасти предопределить и развитие жилища карел путем пристроек.

В карельском ареале также отчетливо проявляется стремление по возможности не применять совместно в качестве опор для балок столбы и венчатые стены из-за различия их осадки. Подтверждение тому — бесстолбные консольные озадки сараев в домах-комплексах северных ливвиков и утрата столбов в процессе преобразования в карельской среде помостов для сена в двухэтажные хлева-сеновалы. О том же свидетельствует значительно более редкое, чем у русских, применение внутренних столбовых опор в дворах-сараях. Правда, тому способствовали относительно меньшие размеры последних, но тем примечательнее, что в Сямозерье, где возводились дома-комплексы с просторными хозяйственными частями, возникло оригинальное конструктивное решение с заменой столбов внутреннего каркаса во дворе срубной опорой в виде узкого колодца, несущего прогоны перекрытия. И хотя масштабы распространения таких опор, видимо, не были широки [1], что скорее всего связано с трудоемкостью их возведения, рациональность самого конструктивного решения, явно направленного на устранение различий в осадке опор перекрытий, не вызывает сомнений. Кстати, видимо, аналогичным стремлением руководствовались и плотники в северо-западной Карелии, заменяя подпечные столбы в подклетах изб рубленными из бревен ряжами.

Основной конструктивной задачей при возведении срубов стало обеспечение их устойчивости. В небольших постройках эта задача решалась уже при угловом соединении бревен в венцы. Известны два способа такого соединения — с остатками и без остатка. Первый — более древний, простой в изготовлении и рациональный в части теплопотерь, поскольку выпуски бревен препятствовали промерзанию срубов в углах в наиболее уязвимом направлении — вдоль волокон. Второй по отношению к первому позволял рациональнее использовать строительный материал, создавая при равной длине бревна более просторные сооружения.

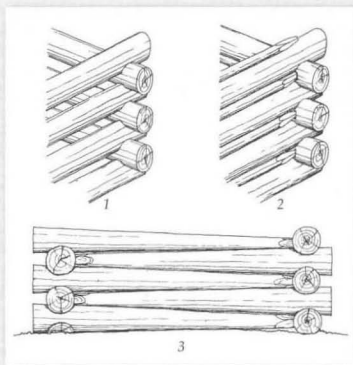
Из врубков с остатком в Карелии наиболее распространены угловые соединения «в охряпку» и «в обло», без остатка — «в лапу», причем первые имеют на территории края достаточно выраженную локализацию. Так, в настоящее время рубка «в охряпку» (в «собачью шею»), господствующая на западе края как в жилых, так и в хозяйственных постройках, несколько восточнее встречается преимущественно в дворах-сараях домов-комплексов и в банях, сосуществуя с характерной для жилых домов и амбаров рубкой «в обло», которая на остальной части карельского этнического ареала становится ведущим типом углового соединения венцов.

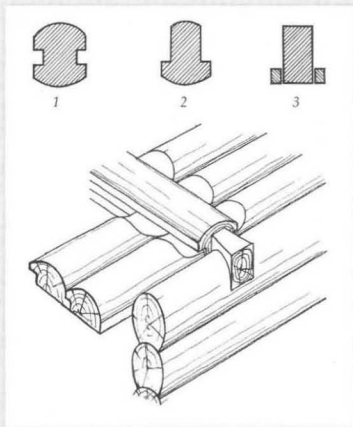
Учитывая, что рубка «в охряпку» господствует на территориях, где, как мы уже не раз отмечали, развитие деревянного зодчества отличалось некоторой заторможенностью, казалось бы, есть все основания считать это угловое соединение исконно карельским, а рубку «в обло» более поздней, заимствованной карелами у русских, на что, в частности, указывает и обозначающий ее термин — *venälän salmo*, буквально «русский угол». Но нередко как раз наиболее старые постройки карел рублены «в обло», а молодые — «в охряпку». Наиболее показательны в этом отношении культовые сооружения облик которых, складывающийся в течение долгого времени и в результате ряда реконструкций, отразил последовательную смену архитектурных приоритетов и технических приемов. Так, первоначальное ядро Георгиевской часовни в деревне Кангозеро (ныне перевезена в село Вешкелица), состоящее из высокого молитвенного помещения и низкого притвора, было срублено «в обло» в конце XVII в. Спустя столетие, в конце XVIII в., при первой реконструкции храма, связанной с устройством галереи, надстройка притвора была выполнена также «в обло», но уже при следующей реконструкции, во второй половине XIX в., когда столбы галереи были заменены стенами с проемами и на них поставлена колокольня, рубка углов галереи выполнялась «в охряпку», а колокольни — «в лапу» [2].

Поскольку Георгиевская часовня — не исключение, возникает вопрос: чем объяснить такую последовательность применения различных рубок при реконструкции культовых построек в западной части Карелии? Ведь если допустить, что рубки «в обло» и «в охряпку» — предшествующее и последующее звенья эволюционной цепи, то с учетом указанных выше ареалов различных рубок придется признать, что конструкции срубов эволюционировали интенсивнее на западе, а не на востоке. Можно, конечно, предположить существование внешнего воздействия, которое исходило от соседней Финляндии. После присоединения последней к России в 1809 г. создались благоприятные условия для развития карело-финских связей, которые как уже отмечалось, привели к ряду бытовых заимствований и проявлялись в архитектуре преимущественно в отдельных элементах и деталях позднего происхождения. Но могли ли исторически молодые влияния Финляндии привести к изменению способов возведения бревенчатых срубов — к замене рубки «в обло» «охряпкой», если бы первая из них действительно являлась традиционной для карел? Однозначно отрицательный ответ на этот вопрос дает анализ срубов намогильных домиков: некрольтовые постройки, рубленные «в охряпку», зафиксированы на обширной территории северо-западной и северной Карелии, в том числе и там, где этот способ рубки углов ныне не встречается в жилых домах, издавна служивших прообразом для намогильных сооружений. Последние же в силу особенностей некрокульта ориентировались не на «обкатку» заимствованных извне приемов и форм, а на воспроизведение осязаемых традицией реалий — в нашем случае на рубку «в охряпку».

Достоверные факты чередования во времени рубок «в охряпку» и «в обло» прослеживаются и на более позднем материале. Так,

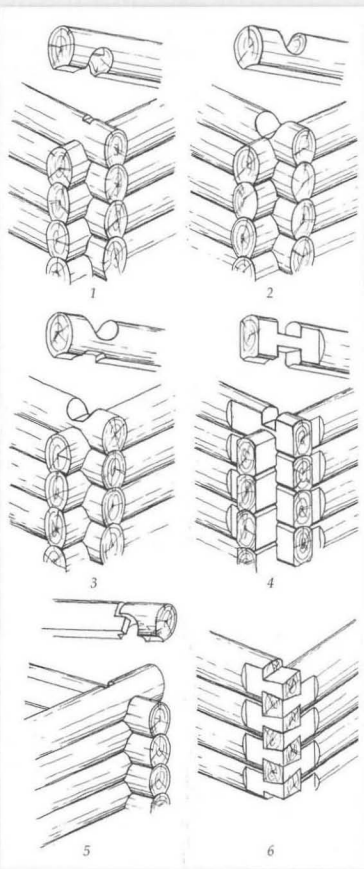

Рубка стен второстепенных и технических сооружений: 1 — «в реж»; 2 — «в погон»; 3 — «в иглу»

Устройство перекрытия с врубкой балки «в ласточкин хвост». Сечения балок:

- 1 — с черепными пазами;
- 2 — с черепными выступами;
- 3 — с черепными брусками

Рубка стен жилых и хозяйственных построек:

- 1 — «в обло» с нижней чашей («в охлуп»);
- 2 — «в обло» с верхней чашей («в чашу»);
- 3 — «в полуторную чашу»; 4 — «в охряпку»;
- 5 — «в крюк» («в присек»); 6 — «в лапу»

например, в сегозерской деревне Юккогуба рубка «в охряпку» господствует в банях 1950—1970-х гг., в целом преобладает в хозяйственных частях домов-комплексов, составляя соответственно около 30, 80 и 100% от числа построек первой трети XX в., 1930—1950-х гг. и второй половины XX в. Напротив, рубка «в обло» господствует во всех постройках до XIX в. включительно, а в жилых частях домов-комплексов и в амбарах — до первой трети XX в. в более молодых постройках это угловое соединение в чистом виде зафиксировано примерно в половине жилых частей домов, построенных в 1930—1950-х гг., и в 40% построек второй половины XX в.

Если учесть, что сформировавшаяся, видимо, под русским влиянием более трудоемкая рубка «в обло», безусловно, в первую очередь стала применяться в наиболее престижных сооружениях — в храмах, жилище и амбарах — то противоречия между территориальными и хронологическими ареалами различных приемов углового сопряжения венцов в Карелии могут быть объяснены только действием «откатной волны» в эволюционном процессе. При этом скорость такой волны находилась в обратной зависимости от продолжительности укоренения соответствующих типов рубок. а раз так, то приемы рубки «в обло» должны были оказаться менее стойкими на западе Карелии и кроме того, в менее репрезентативных хозяйственных постройках, что и происходило в действительности.

Промежуточное положение между рубками «в обло» и «в охряпку» занимает рубка «в полуторную чашу», в которой, помимо овальной чаши в верхней части бревна, в нижней его части вырубалась, точнее, выпиливалась получаща с прямолинейными стенками. Вначале она получила распространение в сочетании с основными рубками во второстепенных постройках и в хозяйственных частях домов-комплексов, а после середины XX в. — и в жилых частях. Такое преобразование рубки «в обло» происходило, по-видимому, при ее рационализации под влиянием карельской «охряпки».

Кроме угловых соединений бревен устойчивости срубов способствовала припазовка венцов — притесывание их друг к другу. В настоящее время в Карелии преобладает нижняя припазовка венцов, но известные примеры и верхней, и двойной припазовки. Часто исследователи, отмечая большую рациональность нижней припазовки (лучшую защищенность паза от попадания влаги), считают ее завершающим этапом эволюционной цепи. И хотя такое мнение во многом соответствует действительности, но характер припазовки — не только стадийный признак: нередко она, особенно двойная, служит средством для уравнивания диаметров комлей и вершин при рубке стен из сбежистого леса. Кроме того, «разнопаз» (использование верхней и нижней припазовки на одном бревне) является дополнительным средством связывания сруба. Жесткость последнего повышает и «перевязка» венцов между собой за счет взаимосмещения бревен по высоте на половину их диаметра. Совместную работу венцов обеспечивают также вставные шипы и коренные шипы в замках углу-

вых врубок. (Последние в жилых крестьянских домах встречаются в порядке исключения). Наконец, при значительных пролетах устойчивость наружных стен обеспечивают перерубы внутренних стен, а в дворах-сараях — перерубы из коротышей. Для предотвращения возможного выпучивания венцов в вертикальной плоскости иногда в стены врезают шпонки и, преимущественно при ремонтах, ставят сжимы.

Своеобразным горизонтальным «диском жесткости» в срубах служили перекрытия, балки которых чаще всего врубались в стены потайной врубкой «в ласточкин хвост». В собственном карельском этническом ареале роль ребер в таких «дисках» в прошлом играли совместно балки перекрытия и перпендикулярные им подбалочные связи. В пределах Карелии такое конструктивное решение было зафиксировано преимущественно в Заонежье, но сходную роль в обеспечении пространственной устойчивости срубов играли перекрытия в виде балочных клеток, состоящих из главных и второстепенных балок, широко применявшиеся в дворах-сараях и, реже, в особо просторных избах зажиточных крестьян. Видимо, в последних прогоны могли возникнуть как конвергентно, так и в качестве производных от подбалочных связей.

Развитие горизонтальных разграждающих конструкций шло от совмещенных (накатов из бревен) к дифференцированным, включающим несущие элементы (балки) и заполнение. Последнее в свою очередь могло совмещать функции пола и потолка либо состоять из отдельных настилов. Кроме того, заполнение эволюционировало в направлении облегчения: от бревенчатых накатов

к настилам из плах или толстых тесин. Элементы настила в чистых полах укладывались поверх балок-матит, а в потолках или в подполках (черных полах) над холодными подпольями заводились в их черепные пазы (позднее — опирались на черепные выступы балок таврового сечения или на прибитые к прямоугольным балкам черепные бруски). Между собой половицы в большинстве случаев соединялись вставными шипами, а иногда, преимущественно в восточной части края, спланивались «в закрой» или «в четверть».

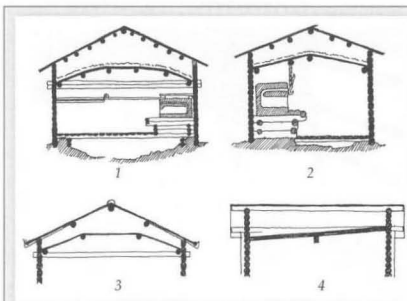
Одновременное сосуществование прототипов и производных, характерное для народного зодчества, реализовалось в Карелии в бытовании наряду с развитыми и архаичных конструкций полов. Например, земляные полы сохранились как в охотничьих избушках, так и во дворах домов-комплексов. Зафиксированные в начале XVII в. А. Хутеерисом полы изб, мощенные тонкими бревнами [3], встречались авторам в стойловых помещениях северо-западной Карелии, а тесовые полы по лагам, уложенным прямо на грунт, нередки до сих пор для хозяйственных построек.

Любопытно отметить, что применительно к решениям полов, предопределенным чисто конструктивными характеристиками используемых материалов, различия в постройках карел и русских не зафиксированы, но уже в составе подстилок для скота выявились явные традиционные предпочтения: у карел, в том числе и обрусевших, подстилки в хлевах включали преимущественно хвою и мох с добавками соломы и осоки, у русских — солому с добавками хвои, мха и осоки [4].

Развитие не только перекрытий, но и покрытий шло от совмещенных конструкций к дифференцированным. Чердачные перекрытия хлевов, риг и бань в виде пересекающего стены бревенчатого наката являются рудиментами архаичных совмещенных покрытий-перекрытий. Такой накат прежде служил основанием плоских или пологих дерновых кровель.

Сходство таких перекрытий со своими прототипами становится особенно заметным в тех случаях, когда крыша поверх наката имеет легкую несущую конструкцию в виде стоек либо костров из коротышей, поддерживающих коневую слегу. Для придания уклона дерновым кровлям их основание делалось одно- или двускатным, сводчатым или трапециевидным в поперечном сечении. Прямые потомки таких покрытий — значительно увеличившие свой уклон двускатные и, реже, трапециевидные крыши амбаров, представляющие собой сплошной бревенчатый накат по самцовым фронтонам (шипцам), в обоих случаях под двускатной тесовой кровлей, а отголосками архаичных накатов являются еще недавно широко бытовавшие в Карелии аналогичные им по форме потолки изб [5], часовен и риг.

Появление потолков (чердачных перекрытий) в крышах высокого подъема, так же как и устройство кровли на стойках над плоским бревенчатым накатом, знаменовало собой переход от совмещенных к дифференцированным конструкциям перекрытий и покрытий. Чердачное перекрытие закономерно способствовало «раз-

Скатные потолки:

1—3 — избы в деревнях северного Приладожья [Paulaharju S. Karjalainen talo. Helsinki, 1983. S. 19, 31];

4 — рига в деревне Гафостров, кон. XIX в.

Совмещенное покрытие-перекрытие притвора Святодуховской часовни в деревне Ахпойла, XVII в. Фото В. Гуляева, 1987 г.

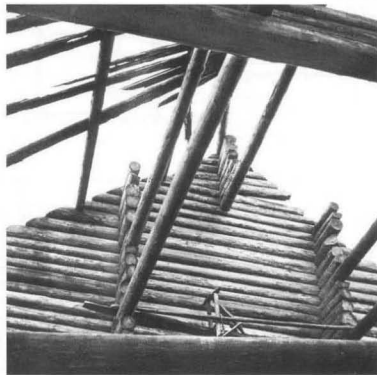
грузке» основания крыши, которое теперь выполняло только несущую функцию. Но и после этого крыши некоторое время устраивались в виде венчатой конструкции со скатами, рубленными «в реж». Сохранившиеся примеры тому — покрытия некоторых культовых построек и амбаров. Дальнейшее облегчение основания крыши привело к замене венцов слегами, которые врубались во фронтоны вначале через самец, а затем реже, с постепенно увеличивающимися интервалами.

Замена венчатого завершения небольших срубов архаичного жилища слегowymi покрытиями потребовала устройства продольных связей между наружными и внутренними шипцами, обеспечивающими их устойчивость. Обычно таких связей делалось три — коневая и две боковых. При наличии на чердаке светелки связями являлись ограничивающие ее стены, в остальных случаях связи чаще выполнялись из бревен, чередующихся с коротышками.

По нашим исследованиям, такое решение абсолютно господствовало только у карел-ливвиков, нередко применялось у людиков и в Заонежье и лишь в виде исключения встречалось на востоке Карелии, где преобладали бесперерубные фронтоны. Особенности ареализации фронтонов с перерубами — с одним, тремя и даже пятью — позволили связать их бытование со строительной деятельностью карельского населения края [6]. При этом весьма показательно, что ареалы пятиперерубных фронтонов совпадают с территориями, служившей древнейшими «воротами» карельского заселения Ладожско-Онежского перешейка. По сведениям историка А. Ю. Жукова, именно в Тулмозерском, Видлицком и Коткозерском погостах (заметим, что только в зоне влияния этих поселений отмечены пятиперерубные фронтоны!) в первую очередь оседали переселенцы из северо-западного Приладожья, что стало весьма заметно уже к началу XV в. [7]. Появление пяти перерубов

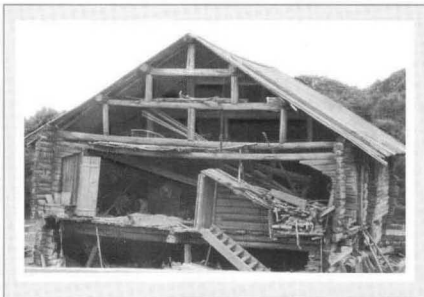

Продольные связи
в конструкции
крыши. Фото
В. Гуляева, 1987 г.

«Решетчатая»
конструкция
промежуточной
опоры слегового
покрытия, деревня

Гаврилово.
Фото И. Гришиной,
1992 г.

на фронтоне — своеобразная гипертрофия карельского конструктивного решения в юго-западной Карелии — на территории древнейшего карельского освоения нашего края. Другой местностью, где проявилось повышенное внимание к использованию перерубов на фронтонах, является Сямозерье: здесь перерубы устраиваются даже в амбарах, банях и ригах — малопроектных сооружениях, в которых такое крепление шипцов крыши не вызывалось конструктивной необходимостью, а выполнялось в подражание покрытиям домов. Следовательно, простейшие хозяйственные постройки не просто законсервировали формы архаичного жилища, а продолжали копировать нарабатываемые в нем новые конструктивные решения.

При увеличении шага внутренних шипцов между ними устраивались промежуточные опоры для слег в виде наклонных бревен-быков — предшественников стропил — или своеобразных многоярусных конструкций из чередующихся по высоте балок и стоек (см. рис. слева).

Чисто стропильно-слеговые крыши в Карелии стали распространяться преимущественно после 1930-х гг. вначале над жилой частью домов-комплексов, а затем и над хозяйственной их частью. Динамику этого процесса применительно к средней Карелии отражают следующие цифры: в домах-комплексах, построенных в 1930—1940-х гг., над жилищем стропильно-слеговые крыши

Бескосыщатый проем в режевой стене с креплением кобылками, деревня Лазарево.

Фото И. Гришиной, 1998 г.

составляют примерно половину всех покрытий, над дворами-сараями — четверть, среди построек второй половины столетия стропильные крыши составляют уже большинство [8]. Особенностью таких крыш в постройках карел, в отличие от многих русских построек, является устройство конькового узла: стропила не врубаются в коневую слегу, как у русских, а создают для нее опоры из попарно скрещенных стропильных ног. Вероятно, такое решение генетически связано с жердевыми кровлями, в которых иногда бревно-гнет устанавливалось на перекрещивающихся концах верхнего ряда жердей.

Важным элементом срубных построек являлись проемы. Если простейшие из них свето-вентиляционные, представленные в Карелии щелевыми и кое-где еще

сохранившимися волоковыми окнами, прорубались в двух смежных венцах без нарушения их непрерывности, то при устройстве входов укрепление перерезаемых ими стен становилось самостоятельной конструктивной задачей, решение которой осложнялось из-за различной усадки древесины вдоль и поперек волокон. Поэтому эволюция обрамлений проемов на протяжении многих столетий может служить наглядной иллюстрацией конструкционного и тектонического осмысления дерева как строительного материала.

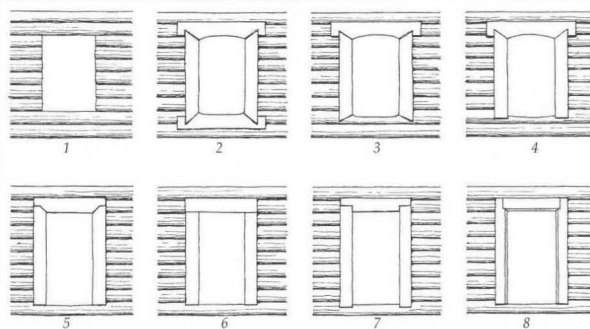
Отправной точкой конструктивной эволюции проемов послужил простейший бескосыщатый лаз, современное и архаичное решение которого, видимо, одинаково: перерезанные бревна по сторонам проема либо оставались незакрепленными, либо раскреплялись клиньями, подобно тому, как это делалось, судя по материалам авторов, еще в 1930-х гг. в старообрядческих скитах Томского Прибыря. Аналогия в данном случае вполне уместна: чем элементарнее конструктивное решение, тем шире возможная зона его распространения. В частности, в хозяйственных постройках Карелии, рубленных «в реж», сохранились также не имеющие ни хронологических, ни территориальных ареалов входные проемы, укрепленные по сторонам парами кольев, связанных перевязями из прутьев, которые поддерживали концы перерезанных бревен. Такое устройство — пример переноса в строительство приема, характерного для жердевых изгородей и способного, видимо, конвергентно возникать везде, где последние бытовали [9]. Другим решением крепления режевой стены по сторонам бескосыщатого проема было использование кобылок.

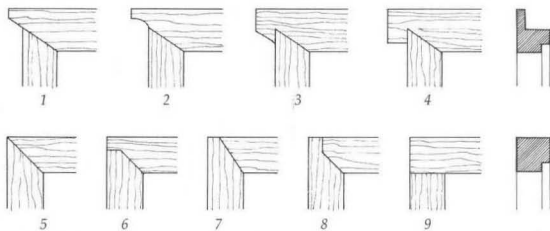
Основные этапы
эволюции конструкции
обрамления проемов:
1 — бескосаящая,
2 — четырехкосаящая,
3—8 — трехкосаящая

Археологические данные о новгородском и посадском жилище XI—XIII вв. в интерпретации Ю. П. Спегальского позволяют предположить, что в раннем средневековье дверные проемы укреплялись прямоугольными в поперечном сечении вертикальными шпонками-ободверинами (по терминологии XI в. — «подбоями» [10]), которые препятствовали смещению венцов в стороны, для чего сами шпонки или вытесанные на них гребни заводились в пазы на торцах перерубленных венцов. Концы ободверин в свою очередь врубались в бревна порога или вершника [11]. Для компенсации осадки сруба в верхних гнездах должен был оставаться зазор, равный примерно $1/20$ высоты проема.

Судя по известным культовым постройкам Русского Севера, после XVI в. характер оформления проемов изменился: вместо шпонок в них стали вставлять массивные четырехкосые колоды, в вертикальные пазы которых заводились гребни, вытесанные на торцах перерезаемых венцов. Таким образом, в конструкции проемов был повторен прием сопряжения горизонтальных и вертикальных элементов, характерный для бревенчатых ограждений «в заплот», что, видимо, привело к тектонической трактовке оформления проема как конструкции, воспринимающей нагрузку выпележащего сруба.

Эволюция
элементов дверных
и оконных колод:
1—4 — развитие
заплечиков гребня
на вершнике колоды;
5—9 — соединения
косынок с вершником:
5 — «в ус»,
6 — «в полуус»,
7 — «в замок»,
8 — «в полузамок»,
9 — прямоугольное

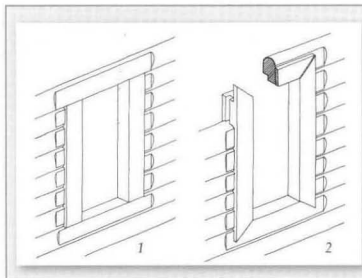

Элементы колоды сопрягались между собою «в ус» — под углом в 45° (отсюда их название — «косяки», сохранившееся и в других типах колод после замены косоугольного сопряжения элементов прямоугольным). Такое сопряжение, с одной стороны, способствовало плотности примыкания боковых косяков к стенам за счет расклинивания, а с другой стороны, благодаря возможности смещения косяков относительно друг друга, позволяло им компенсировать небольшие осадочные деформации без нарушения целостности колоды. Осадочный паз прикрывался снаружи вытесанным в вершнике гребнем.

Не последнюю роль в появлении четырехкосячатой колоды и ее композиционном развитии, по-видимому, играла семантика проемов, которые, по традиционным мифологическим представлениям, являлись наиболее уязвимыми граничными элементами между интерьером дома и неосвоенным окружающим пространством. Установка колоды-рамы в прорубаемом в готовой стене проеме могла быть по смыслу аналогична укладке первого венца при строительстве дома — важному символическому акту по разграничению освоенного и неосвоенного пространства [12]. Поэтому и сама колода, и ее элементы имели двойное назначение. Так, нижний косяк — порог дверного проема, или «подушка», с одной стороны, являлся конструктивной распоркой для боковых косяков, с другой — зеркальным отражением вершника (включая конструктивно излишний в данном случае гребень), призванным символизировать концентричность обрамляющей проем рамы, ее «обережную равнопрочность».

Разумеется, сложению такого тектонически совершенного решения дверных колод предшествовал достаточно длительный период развития, проходивший однотипно в зданиях различного назначения. Поэтому хотя древнее жилище не дошло до нас, об устройстве входов в него можно судить на примере более долговечных культовых построек. Одна из них — церковь Лазаря Муромского (XIV в.). В этом архаичном сооружении, видимо, в поисках оптимального решения колод, косяки с вершником и порогом с разных сторон проема сопрягались по-разному. Но уже вскоре, судя по известному храму — церкви Ризположения из села Бородава

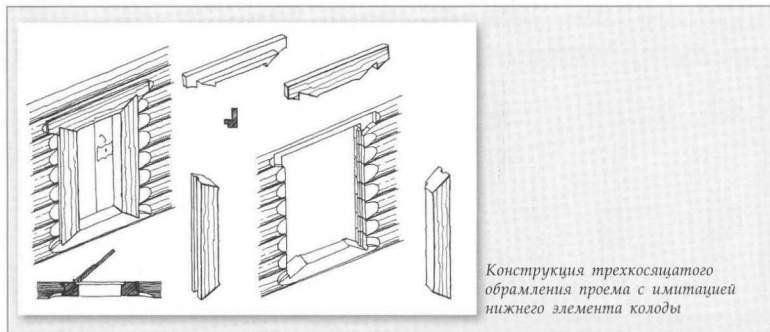
Двухкосячатые проемы:

- 1 — с прямоугольным сопряжением косяков с вышележащим и нижележащим бревнами;
- 2 — с имитацией сопряжения «в ус»

Вологодской области (1485 г.), решение было найдено. Им оказалась четырехкосячатая колода с сопряжением косяков «в ус», применявшаяся на протяжении XVI—XVII вв. и ставшая отправной точкой последующей эволюции. Дальнейшее развитие дверных колод протекало уже по пути рационализации их конструктивного решения: удалялись «излишества», назначение которых переносилось на сам сруб.

Так, убедившись, что можно обходиться без подушки (нижней распорки), врубив боковые косяки непосредственно в нижележащее бревно, плотники стали заменять четырехкосячатые колоды трехкосячатыми. Показательно, что при этом на бревне порога некоторое время (в культовых постройках Карелии до середины XVIII в.) иногда вырезалась имитация подушки. Поскольку в трехкосячатых колодах косоугольное сопряжение косяков с нижележащим бревном в значительной степени потеряло свой конструктивный смысл, начиная со второй половины XVIII в. в культовых постройках Карелии оно было заменено прямоугольным сопряжением. Следующий этап эволюции — сопряжение боковых косяков под прямым углом не только с бревном порога, но и с верхником — вызван дальнейшим усилением рационалистических тенденций: опыт показал, что полностью избежать осадочных деформаций можно с помощью увеличения осадочного паза без дополнительного «компенсатора» в конструкции колоды. Переходными формами между косоугольным и прямоугольным сопряжением косяков стали различные варианты сопряжения в «полуус», в которых частично косоугольное, частично прямоугольное сопряжение уже не имело конструктивного смысла. Наконец, через ряд последовательных модификаций появились дверные коробки, связанные с распространением наличников, позволивших снизить эстетические требования к внешнему виду колод. Одновременно с преобразованием дверных колод упрощались и отдельные детали: постепенно уменьшалась высота гребня верхника, трудоемкого в исполнении и не очень стойкого против деформаций, что привело в конце концов к его полному исчезновению.

Конструкция трехкосячатого обрамления проема с имитацией нижнего элемента колоды

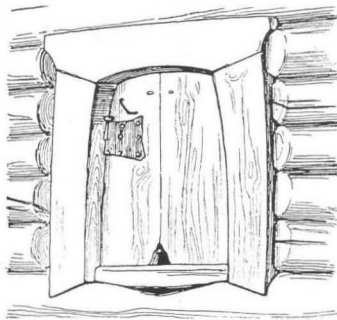
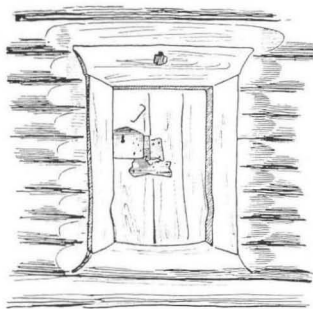

Такова в общих чертах эволюция дверных проемов. На всем ее протяжении параллельно с четырех- и трехкосячатыми колодами в сооружениях второстепенного назначения применялись двухкосячатые конструкции. Может показаться, что последние, в отличие от развитых обрамлений проемов, сходны со шпонками-ободверинами XI—XIII вв., но это не так: по своему конструктивному и семантическому содержанию двухкосячатые проемы — производные от четырех- и трехкосячатых и являются как бы их упрощенными символами. Подтверждение тому — многочисленные примеры имитаций как несуществующих горизонтальных элементов колод на бревнах вершника и порога с помощью резьбы или дощатых накладок, так и имитаций сопряжений косяков «в ус» (с помощью подобных «гребню» треугольных выступов на косяках).

Аналогично происходило и развитие окон. Правда, последние возникли значительно позже дверей: безоконными были не только архаичное жилище, но даже, по мнению Ю. П. Спегальского, дома рядовых горожан в северо-западной Руси IX—XIII вв. [13]. Поэтому в окнах повторились этапы развития дверей. Вместе

Косицатые двери
амбаров в деревне
Покровское
[Ullberg U.,
Tavaststjerna A.,
Kekkonen J.

Kansanomaisia
rakennustapoja
ja koristemuotoja
Karjalasta kahden
puolen rajaa. Helsinki,
1929. S. 146]

Косицатые окна

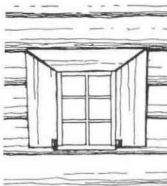
в крестьянских
домах: 1 — в деревне
Юккогула;

2 — в селе Кондопога
[Габс Р. М. Указ. соч.
С. 129];

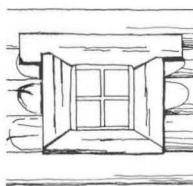
3 — в деревне
Святнаволок

[Ullberg U.,
Tavaststjerna A.,
Kekkonen J.

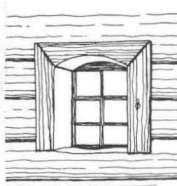
Kansanomaisia
rakennustapoja... S. 224]

1

2

3

с тем окна оказывали и обратное воздействие на формирование дверных проемов, проявившееся в середине XIX в. в виде устройства скосов с наружной стороны последних. В окнах скосы зафиксированы в Карелии начиная с первой половины XVIII в. и, по-видимому, генетически связаны с проемами в каменных сооружениях, расширение которых вовнутрь при значительной толщине стен заметно увеличивало освещенность помещений. (Естественно, что в деревянных постройках практическое значение такого приема было невелико).

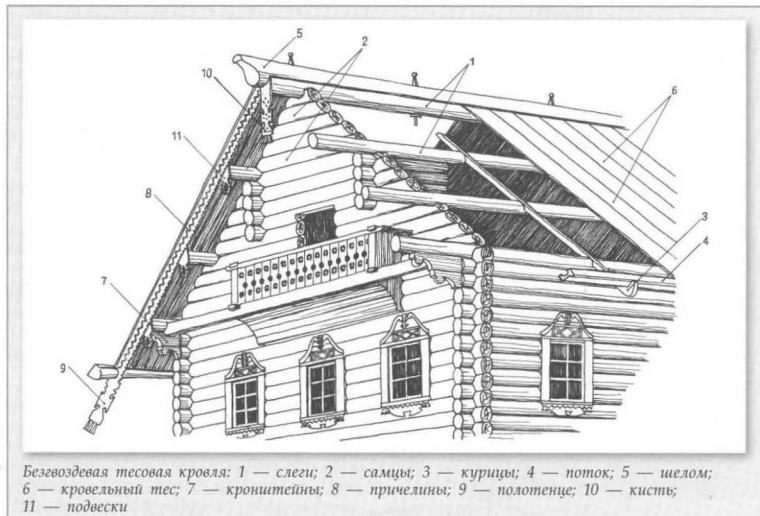
Из специфических для оконных проемов элементов следует отметить подоконники, озаменовавшие своеобразный возврат от трехчастных к четырехчастным колодам. В Карелии подоконники начали применяться со второй половины XVIII в., а в XIX в. как в жилых, так и в культовых постройках заняли господствующее положение. Отдельные отголоски этого приема появились в XIX в. и в дверных колодах, а к XX в. порог-распорка стал распространенным элементом дверных коробок.

В целом, начиная с XVII в., развитие дверных и оконных колод протекало синхронно. Причем все основные эволюционные этапы, кроме наиболее примитивных, имеют определенные хронологические ареалы, впервые выявленные для культовых построек [14]. Применительно к сооружениям другого назначения последовательность смены эволюционных этапов, как правило, сохраняется, но конкретные временные рубежи значительно смещаются. В частности, известные оконные и дверные проемы в жилище вписываются в представленную эволюционную схему, начиная с замены косоугольной рубки боковых косков трехчастных колод их прямоугольным сопряжением с нижележащими бревнами. Хронологические ареалы таких проемов, по наблюдениям авторов, колеблются в зависимости от функционального назначения сооружений или их частей: для культовых построек и основных помещений жилых домов в Карелии они приурочены к периоду от середины XVIII до середины XIX в., верхняя граница ареала для второстепенных жилых помещений (сеней, клетей и т. д.) поднимается примерно до третьей четверти XIX в. включительно, а в амбарах — до конца XIX в. При этом хронологические ареалы последовательных эволюционных этапов частично пересекаются.

В результате рационального подхода к решению взаимосвязанных инженерных задач на основе досконального знания свойств дерева как строительного материала и особенностей его работы плотники-карелы создали совершенные для своего времени конструктивные решения, способные сохранять устойчивость даже под воздействием непредвиденных нагрузок. Лучшее подтверждение тому — дома-«путешественники». Об одном из них рассказал Р. М. Габе: в деревне Корза большой двухэтажный дом-пятистенок был перевезен через дорогу и поставлен под углом к своему прежнему местоположению в течение недели при помощи одной лошади и двух людей с применением катков из бревен. При этом жизнь в доме не нарушалась, а хозяйка даже пекла пироги [15].

Еще в Древней Руси сформировалась безупречная конструктивная схема безвоздушной тесовой кровли. По мнению архитектора Ю. П. Спегальского, переосмыслившего данные археологических раскопок Древнего Новгорода, там безвоздушные тесовые кровли для холодных построек применялись уже в XII в. [16]. Принципиальная схема такой кровли сохранилась в традиционных крестьянских сооружениях Российского Севера до первой трети XX в., а в отдельных случаях применялась в карельском жилище до 1960-х гг. Она включала несколько взаимосвязанных конструктивных элементов: в основание крыши — слези — врубались крючья из корневищ — курицы, поддерживающие потоки, а в последние упирались нижние концы кровельного теса, в то время как верхние его концы прижимались к коневой слеге шеломом (охлупнем). За счет выпуска слег над фасадом постройки образовывался значительный вынос кровли, при этом выпуск верхнего окладного венца (нижние слези) поддерживались кронштейнами — удлиненными «остатками» одного, двух или трех верхних бревен боковых стен сруба.

Безвоздушная тесовая кровля: 1 — слези; 2 — самцы; 3 — курицы; 4 — поток; 5 — шелом; 6 — кровельный тес; 7 — кронштейны; 8 — причелины; 9 — полотенце; 10 — кисть; 11 — подвески

С древности кровельным материалом в безвоздушных тесовых кровлях был ложенный тес, который вытесывался топором из бревен, расколотых с помощью клиньев, и применялся карелами вплоть до первой половины XX в. (преимущественно до 1930-х гг.). С появлением продольных пил в крестьянском строительстве ложенный тес стал вытесняться пилеными продороженными досками, а распространение гвоздей в деревне привело к утрате курпиц, потоков и шеломов, а также к использованию в качестве кровельного материала, наряду с досками, драмки, позднее рубероида или толи, а с 1960—1970 гг. и шифера.

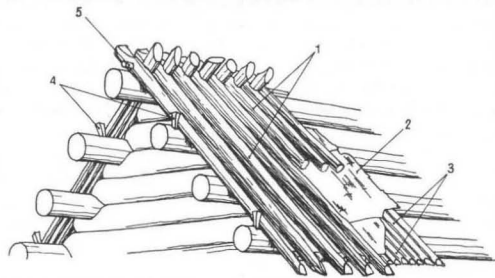
Помимо своего основного конструктивного назначения детали кровли, как мы уже отмечали выше, играли важную роль в декоративном убранстве крестьянских домов. Архитектурно-композиционная значимость «верхов» построек подчеркивалась как многообразной резьбой потоков, кронштейнов, шеломов, так и деталями преимущественно декоративного назначения — причелинами, кистями, подвесками.

Судя по сохранившимся сооружениям и по материалам исследований конца XIX—XX вв., покрытия в разных частях Карелии декорировались неодинаково — наиболее обильно на юге, где зафиксированы примеры декоративной обработки всех элементов кроме курпиц, значительно сдержаннее в средней Карелии, где преимущественно резьба получила распространение на потоках и кронштейнах. На севере декорирование деталей крыши встречается как исключение.

Совершенная схема безвоздушной тесовой кровли, сохранившаяся почти в неизменном виде на протяжении многих столетий, на практике реализовалась в многообразных конкретных решениях, отразившихся в конструктивной или декоративной акцентировке той или иной детали. В Карелии такая акцентировка связана с возможным влиянием более архаичных решений, предшествующих рассматриваемой нами безвоздушной тесовой конструкции.

Самыми древними кровлями, во всяком случае при совмещенных покрытиях-перекрытиях, безусловно, являлись дерновые, которые одновременно служили и дополнительным утеплителем (при бревенчатом накате), и кровельным укрытием, укладываемым с прокладкой бересты непосредственно по основанию крыши. Позднее, уже при дифференцированных покрытиях, дерн нередко применялся и в тесовых кровлях в качестве профилактики от пожаров. Надо сказать, что по опыту северной Финляндии и Норвегии, где такие кровли используются до сих пор, дерновое укрытие при правильном изготовлении [17] достаточно долговечно и служит 60 и более лет.

Вместе с тем, по материалам наших обследований 1950-х годов, на крайнем северо-западе Карелии еще сохранялись жердевые кровли, которые, возможно, в других частях края ранее применялись не только параллельно с тесовыми, но и, видимо, предшествовали им. Такие кровли обычно состояли из двух или более слоев жердей, между которыми прокладывались «внахлест»

Жердевая кровля
(окрестности озера
Пяозеро, 1950-е гг.):
1 — крупные жерди;
2 — береста;
3 — мелкие жерди;
4 — клинья,
препятствующие
смещению жердей;
5 — коньковый стержень,
соединяющий жерди

полотнища из бересты («скала»). Нижние жерди обычно опирались на четверти в верхнем венце и коневой слеге, верхние — соединялись на коньке с помощью тонких стержней, пропущенных в отверстия на их коньях, притесывались друг к другу или пригружались сверху бревном-гнетом. Дополнительно или взамен коневого крепления на скатах устанавливались парные бревна-гнеты, которые соединялись между собой горизонтальными дощатыми замками-«огнивами», привязывались скрутками из ивовых прутьев (а в более новых постройках — проволокой) или крепились специальными деревянными «хомутами» к нижележащим слегам, а также фиксировались с помощью вбитых в слегу клиньев. Нижние концы верхних жердей иногда поддерживались специальными упорами или потоками [18].

ПОТОКИ И КУРИЦЫ — одни из древнейших в Карелии элементов кровли, применявшиеся еще при жердевых укрытиях построек. Крепление нижних концов кровельного материала является наиболее ответственным узлом и в безгвоздевых тесовых конструкциях.

Помимо потоков, поддерживающих нижние концы кровельного теса, в Карелии на пологих скатах асимметричных крыш кошелей и глаголей прежде применялись промежуточные потоки, предназначенные для крепления верхнего слоя кровельного теса, уложенного в несколько ярусов по длине ската. Сами промежуточные потоки

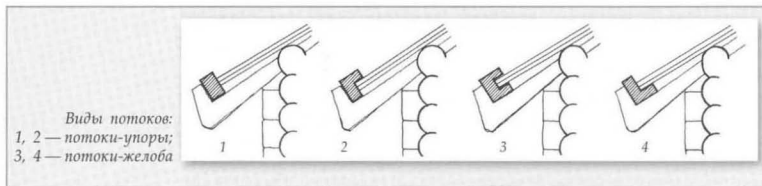
Поток на доме
в деревне Руга. Фото
Б. Бойцова, 1960-е гг.

крепилась к нижнему ярусу кровельного теса наподобие гнетов. Возможно, в прошлом для их удержания использовались подпорки из тонких бревен, упиравшиеся в нижние потоки. (Подобное крепление гнетов встречалось нам местами на востоке Европейского Севера и в Западной Сибири). Судя по следам, в Карелии иногда применялось и другое решение, при котором оба яруса потоков при уступчатых («каскадных») крышах поддерживались курицами.

Известные в Карелии потоки решались в виде упоров и желобов и в обоих случаях представляли собой брусья или окантованные бревна. Лишь в поздних модификациях они выполнялись в виде выдолбленных из части бревна полукруглых желобов. Р. М. Габе, зафиксировавший такие потоки на новых постройках Олонецкого района, считал их возникшими под городским влиянием [19]. Однако криволинейные в поперечном сечении желоба, известные по другим районам Русского Севера и Западной Сибири, позволяют предположить, что олонецкие вариации на эту тему — результат заимствования у русских, архитектура которых оказала заметное влияние на южно-ливвиковское жилище.

Виды потоков:

- 1, 2 — потоки-упоры;
3, 4 — потоки-желоба

Потоки-упоры представлены в Карелии архаичными деталями в виде бруса или доски цельного сечения, зафиксированными на жердевых кровлях северо-запада края, и стадиально более новыми Г-образными потоками-пригрузами в виде бруса с выбранной внизу четвертью, в которую упирался кровельный тес [20].

Известные в Карелии потоки-желоба имеют П- и L-образную форму. Причем в первом случае паз в бруске мог быть широким, вмещающим оба ряда кровельных досок, либо узким, предназначенным только для подтеса, при этом верхний тес опирался в грань потока над пазом. По-разному решались и концы потоков-желобов: в виде открытых «водомеров» или, наоборот, глухих торцов. В последнем случае отверстия для стока воды располагались на нижней грани по всей длине детали. (Последнее устройство, распространенное в некоторых районах Архангельской области, в Карелии встречалось редко). Несомненный интерес представляет пластическая обработка окончаний потоков-водомеров, обычно расширяющихся к концу в виде плавно изогнутой четырехгранной усеченной пирамиды со скругленными ребрами основания.

Карельские потоки многообразно орнаментировались глухой выемочной, объемной или комбинированной резьбой, которая либо украшала конец детали, либо ритмично располагалась на

Поток на жилом доме
в деревне Северный Конец
(Сельги). Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

всем ее протяжении. Выполнялась резьба преимущественно топором, долотом и, реже, коловоротом.

К самым простым декоративным мотивам относятся вытесанные топором на боковой поверхности потока прямоугольные выступы, которые в большинстве случаев украшались выемочной резьбой. Часто форма выступов усложнялась — их абрис приобретал круглые очертания, а сочетание круглых и прямоугольных выступов и особенно применение наряду с плоской порезкой рельефной резьбы в виде выступающих трехгранных призм, параллелепипедов или полуцилиндров еще больше обогащали композицию деталей. Зачастую орнаментация боковой грани потока дополнялась порезкой его ребер или в декоративную тему вводилось организующее начало в виде объединяющей орнаментальные пятна полочки, выступающей по всей длине детали. а если учесть, что перечисленные мотивы применялись как

Орнаментация потоков в деревнях:

1 — Кяргеля, 2 — Прякка, 3 — Вашиково, 4 — Каменьнаволок, 5 — Сямозеро, 6 — Варлов Лес, 7 — Ахпойла, 8 — Мярландукса, 9 — Вайжнская Пристань, 10 — Печная Сельга, 11 — Кангозеро, 12 — Гушкала (по материалам В. Орфинского 1952 г.)

ательно, так и в различных комбинациях друг с другом, то станет понятным, почему по многообразию орнаментации потоков деревянное зодчество Карелии не имело на Русском Севере равноценных себе конкурентов.

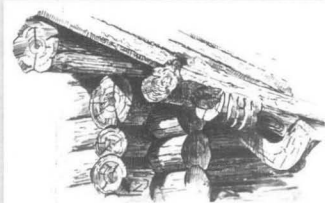
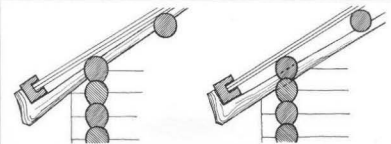
Обилие на карельских потоках орнамента, особенно в его наиболее архаичном геометрическом варианте, указывает на древность традиции украшения потоков и соответственно на длительную историю бытования самой детали.

Естественно предположить, что столь же древнего происхождения были и курицы (кокоры) — крюки из еловых корневищ, изогнутых под прямым углом, поддерживающие поток. В пользу предположения об их древности свидетельствуют иносказательные названия, характеризующие наиболее важные признаки жилых домов в карельских плачах, где они наряду с «постройками с очагом» и «постройками с порогами» именуются и «строениями с курицами» [21].

Вместе с тем детальное рассмотрение карельских куриц позволяет отметить, что они еще не достигли совершенства, обычно присущего деталям с длительной традицией становления. На Русском Севере известны два способа крепления куриц к основанию крыши: путем врубки сверху в слег и верхний окладной венец или с пропуском между двумя верхними венцами и притеской к слегам внизу. В Карелии был распространен первый из этих способов, хотя он менее рационален, поскольку врубки ослабляют сечение основных несущих элементов крыши — слег.

Значительно меньше внимания, чем на сопредельных территориях, уделялось в Карелии и декоративной обработке куриц, сохраняющих почти в нетронутом виде естественную пластику древесины, в то время как, например, в Архангельской и Вологодской областях

Способы установки
куриц

Поток и курица на доме в деревне Улваны.
Рис. В. Орфинского, 1952 г.

Курицы на жилых домах
коми (Ертомский куст
деревень на реке Ваише),
1980-е гг.

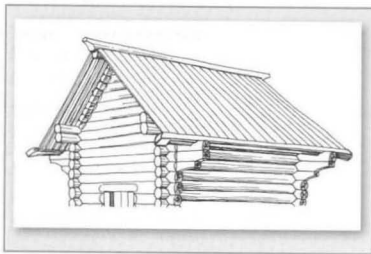
они нередко обрабатывались в виде птичьих или конских голов, ритм которых создавал основную декоративную тему нижней кромки кровли. Подчеркнутый утилитаризм куриц карельских домов становится особенно ощутимым при сопоставлении с аналогичными деталями удорских коми в бассейне Вашки [22].

Явная эстетическая неравнозначность потоков и куриц в деревянном зодчестве карел наводит на мысль, что в Карелии в прошлом бытовали другие решения нижнего опорного узла безвоздуемых кровель. Правомерность такого предположения подтверждают широко распространенные в северо-западной Карелии, но зафиксированные и в других частях края примеры крепления потоков с помощью подкрышных кронштейнов [23] или различных сочетаний таких кронштейнов и куриц. Кроме того, о возможном заимствовании детали у русских или о совершенствовании конвергентно возникшего решения под влиянием русских строительных традиций свидетельствует заимствованный карелами термин «курица» (*kuuričat*).

ШЕЛОМЫ (охлупни), венчающие безвоздуемые тесовые кровли, встречаются на Русском Севере трех типов: шелома-пригрузы, удерживающиеся на коньке благодаря собственному весу; шелома, связанные с коневой слегой деревянными болтами-стамиками; совмещенные шелома-коневые слегы. В первых двух случаях верхние концы кровельного теса прижимаются шеломом к коневой слеге, в третьем — заводятся в специальные пазы на его боках.

Торцы массивных шеломов-пригрузов в сопредельных с Карелией русских областях нередко скульптурно обрабатывались в виде головы коня, птицы или их своеобразного гибрида — «грифона». Массивность таких шеломов соответствовала распластанным объемам крестьянских домов с относительно пологими кровлями. Не случайно в том же регионе на высокие клинчатые покрытия храмов водружались более легкие шелома, связанные с коневой слегой стамиками, что в композиционном отношении выглядит вполне убедительно. Но помимо композиционных соображений при определении характера венчания построек учитывались и увеличение ветрового напора при повышении конька покрытий, и, соответственно, необходимость для противодействия этому напору либо применять дополнительные крепления, либо значительно завешивать вес шелома, утяжеляя конструкцию крыши и усложняя строительные работы.

Видимо, последние соображения и предопределили в первую очередь приоритетность шеломов со стамиками в высоких покрытиях карельских домов. Значительную декоративную роль в этом случае играли резные головки стамиков в виде сочетания цилиндров и усеченных конусов, обычно увенчанных шариками. В нижней части стамиков под слегами делались отверстия

Конструкция безвоздуемой тесовой кровли с установкой потоков на кронштейнах (амбар в деревне Пелдожи)

для заклинивания. Иногда стамки выполнялись в виде нагелей (без расклинивания). Ритмично выстроившись на коньке покрытия, стамки оживляли силуэт дома и издали напоминали усевшихся на крыше птиц (отсюда их название — «сороки»).

Крупные и выразительные по пластической обработке стамки играли роль композиционных акцентов в венчании развитого карельского жилища, снизив роль шеломов в его декоративном убранстве. Не случайно окончание шеломов выполнялось, как правило, в простых геометрических формах и лишь изредка украшалось зубцами или завитками волют. Только в XX в. в поселениях на больших дорогах стали в порядке исключения появляться шеломы, напоминающие конские головы явно подражательного характера, да и то преимущественно в виде приставок, соединяемых с обычными шеломами с помощью вставных шипов, а то и просто скоб.

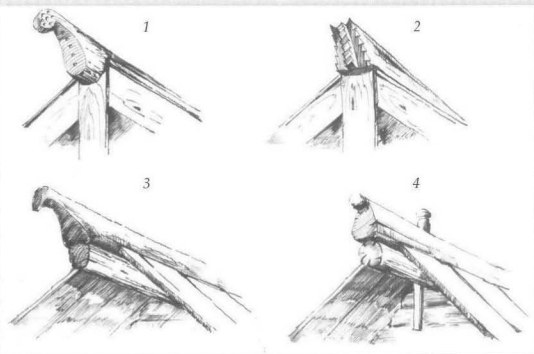
Шеломы в деревнях:

1 — Фоминнаволоок;

2 — Вехкусельга

Рис. Ю. Шаталова,

1952 г.

Шеломы в деревнях:

1 — Святнаволоок;

2 — Палатозеро;

3 — Титнаволоок;

4 — Кангозеро

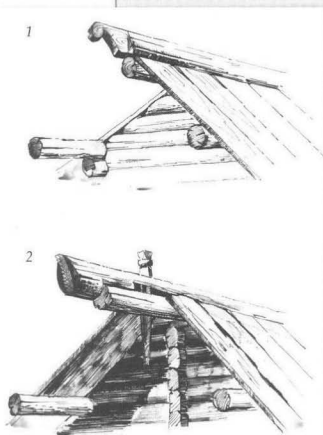
Рис. Ю. Шаталова,

1952 г.

Шелом в деревне
Святнаволоок.

Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Конструкция безвозвальной тесовой кровли с креплением верхних концов теса гнетом (дом в деревне Ильина Гора)
[Ullberg U.,
Tavaststjerna A.,
Kekkonen J.
Kansanomaisia
rakenmustapoja ... S. 132]

Возможно, некоторая упрощенность обработки шеломов в условиях Карелии связана с их исторической молодостью. Во всяком случае на северо-западе края в кровлях жердевых и переходных от жердевых к тесовым кровельное укрытие нередко крепилось к основанию крыши с помощью гнетов.

Третий вид венчания крыши — совмещенные шелома-слег — зафиксирован нами в восточной части Европейского Севера (в бассейне Мезени) и в Прибайкалье на стыках различных строительных культур, в первом случае — в зоне этнических контактов русских, коми и ненцев, во втором — в районе чересполосного проживания русских, бурят и эвенков.

Кроме того, в 1980-х гг. архитектор Б. П. Зайцев при детальном обмере Преображенской церкви в Кижях обнаружил остатки совмещенного шелома-слег в первоначальном бочечном покрытии прируба к храмовому столпу, что дополнительно подтверждает ранее высказанное предположение о влиянии на архитектуру знаменитого храма специфических условий этнического порубежья и наблюдение о распространении совмещенных шеломов в зонах межэтнических взаимодействий. Шелом-слег из Кижей свидетельствует о возможном бытовании в прошлом таких архитектурно-конструктивных деталей и на территории Карелии.

КРОНШТЕЙНЫ — декоративно обработанные консольные выпуски бревен, поддерживающие галереи, крыльца, балконы и, в первую очередь, огромные выносы крыш карельских домов. Характер выполняемой кронштейнами работы предопределил их распространенное в народе название — «помочи». Помимо собственно кронштейнов, как самостоятельных конструктивно-декоративных деталей, в Карелии изредка встречаются совмещенные слег-кронштейны, в которых декоративной обработке подвергались непосредственно бревна основания крыши. Так, у вепсов зафиксирована порезка нижних слег (выпусков верхнего окладного венца), а у северных карел — порезка всех слег; подобно тому, как это делается, по нашим наблюдениям, в некоторых постройках на северо-востоке Финляндии и Норвегии.

По своему многообразию карельские кронштейны в прошлом успешно соперничали с потоками, а по степени сохранности значительно превосходят их. Повсеместно распространенные, но различающиеся по пластической обработке формы, кронштейны представляют наиболее убедительные и массовые свидетельства о традиционных, этнически обусловленных предпочтениях крестьян в сфере архитектурного декора.

Все известные кронштейны Карелии можно подразделить на 6 типологических групп.

Первая группа включает консольные выпуски бревен с лаконичной порезкой отдельных торцов или со срезкой их по общему прямолинейному или криволинейному контуру.

Вторая группа объединяет кронштейны с неупорядоченной порезкой в виде бессистемных засечек.

Обработка кронштейнов третьей группы представлена рельефной геометрически правильной резьбой с закономерным ритмом в расположении составляющих ее мотивов — валиков (полуваλικов), треугольных, прямоугольных и трапециевидных зубцов.

Четвертая, наиболее многочисленная, группа включает детали с каким-либо одним крупным декоративным мотивом: кронштейны-модульоны, в общих чертах напоминающие свой классический аналог, с доминированием в композиции цилиндра (валика) или волотообразного завитка; кронштейны-крюки; геометризованные интерпретации валика, волоты или крюка.

К пятой группе относятся гибридные типы модульонов и крюков, ведущие мотивы которых соединены в кронштейне как друг с другом, так и с рельефной геометрической резьбой. Группа включает много своеобразных и выразительных по рисунку деталей, среди которых наиболее самобытны «обратные крюки».

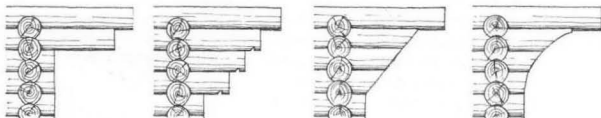
Шестую группу составляют нетрадиционные кронштейны своеобразного рисунка разной сложности, возникшие, как правило, в результате индивидуального творческого поиска отдельных мастеров.

Взаимовлияния различных типов кронштейнов, неизбежные в условиях их параллельного бытования, предопределили множество переходных форм. Кроме того, многообразие кронштейнов резко возросло за счет многоярусных композиций, где для разных ярусов нередко применялись как однотипные мотивы, так и мотивы, присущие кронштейнам разных типологических групп. Если учесть иногда встречающуюся глухую порезку на торцах или боковых гранях деталей, а также число составляющих их бревен, которое чаще совпадало, но иногда не совпадало с ярусностью композиции, то можно получить представление о пластическом богатстве карельских кронштейнов.

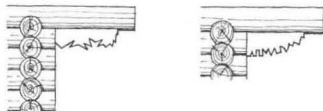
Ареализация кронштейнов подтверждает историко-архитектурное зонирование края. Как оказалось, количественные характеристики распространения «общерегиональных» форм даже без учета их нюансных особенностей достаточно примечательны.

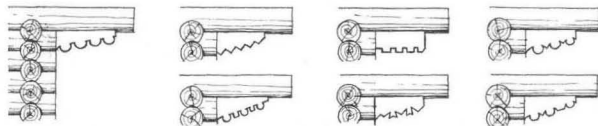
ГРУППА 1

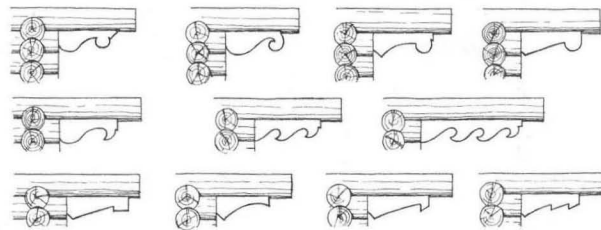
ГРУППА 2

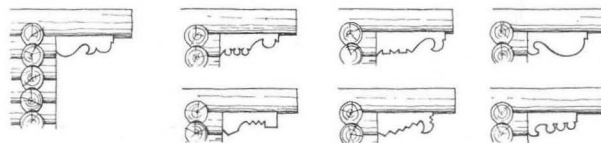
ГРУППА 3

ГРУППА 4

ГРУППА 5

Например, из наиболее распространенных в Карелии кронштейнов третьей и четвертой типологических групп детали с рельефной геометрической резьбой абсолютно преобладают у южных карел, преимущественно у средних ливвиков (65,4%), а кронштейны-модульоны, наоборот, — в русском Пудожье (72,2%). Что же касается кронштейнов-гибридов, то у карел они составляют около 20% от общего числа резных кронштейнов.

Кронштейны с мелкой рельефной резьбой в деревнях:

- 1 — Ватнаволоки;
- 2 — Ламбинаволоки;
- 3 — Юстозеро;
- 4 — Шайдма.

Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Проведенное картографирование различных типов кронштейнов позволило выстроить гипотезу о происхождении и развитии этой детали в зодчестве карел [24]. Скорее всего, резные кронштейны в Карелии распространялись с русского востока на карельский запад, что косвенно подтверждается достаточно широким бытованием их на русских территориях Севера и полным от-

Кронштейн-модульон в деревне Евгора.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

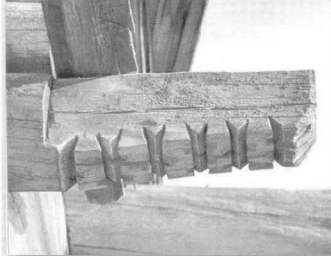
1

2

3

4

Кронштейны с гибридными мотивами резьбы: 1 — в деревне Киндасово; 2 — в селе Сельги.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

сутствием в соседней с Карелией Финляндии. Кронштейны-модульоны — детали с крупным декоративным мотивом, доминирующим в их композиции, являются ведущим типом кронштейна в восточном Обонежье и на значительной части Заонежского полуострова. В карельском же этническом ареале типичной стала равномерная сплошная обработка контура детали мелкими валиками (полуваликами) или зубцами, которая на востоке края встречается как редкое исключение. Характер распределения типов кронштейнов по территории Карелии позволяет сделать вывод: «русский» модульон при распространении к западу, северо-западу претерпел кардинальные изменения, мотив валика стал использоваться как элемент для многократного повторения в орнаментальной по своему характеру порезке карельского кронштейна [25]. При этом чем дальше на запад, тем более существенно валики мелкой порезки вытесняются прямолинейными элементами или мотивом чередующихся полуваликов и треугольных зубцов. Гибридные детали встречаются, как правило, на стыках между ареалами преобладания кронштейнов с объемной и мелкой рельефной резьбой, но преимущественно у карельского населения. Это может свидетельствовать только об одном: экспансия мотивов с объемной резьбой на границе карельского ареала встретила с достаточно выраженной декоративной традицией карел, связанной с использованием простейших мотивов архитектурного декора, по принципам своего построения — ритмичности и повторяемости составляющих его элементов, соотносящихся с линейным орнаментом.

Показательно, что в композициях с мелкой рельефной резьбой карелы чаще применяли зубчатую порезку вместо полуваликов, а модульон иногда трактовался ими как деталь с массивным прямоугольным выступом на конце, что, видимо, связано с намеренным обострением карельскими мастерами заимствованной криволинейной формы и соответствует декоративным приоритетам карел. Расширение базы исследований показало, что у русского населения не только Карелии, но и сопредельных областей России

не получили распространения «колючие» по рисунку кронштейны, исключающие подувалики, валики и плавные криволинейные контуры. Остросилуэтные мотивы, популярные у карел на основной территории их расселения, зафиксированы нами и в карельских анклавах — в деревнях Климовского сельсовета Бокситогорского района Ленинградской области, а также в смежных селениях Хвойного района Новгородской области и у верхневолжских карел Тверской области. И это не случайно: в результате подсчетов остроты силуэта зафиксированных в Карелии кронштейнов выявлено, что наибольшей удельной остротой силуэта обладают детали построек карельского населения края. Таким образом, объективные данные показали: для карел было характерно стремление к обострению силуэтных характеристик архитектурной формы. Эту тенденцию можно считать одной из основных особенностей их художественного мышления [26].

Кронштейны-крюки
в деревнях:

- 1 — Фоминнаволоок;
  - 2 — Пунчайла;
  - 3 — Куккозеро;
  - 4 — Салменица.
- Фото Б. Бойцова,
1979 г.

Дополнительно подтвердить высказанное положение можно, сравнив кронштейны-модульоны и кронштейны-крюки, обладающие несомненной композиционной общностью, но различающиеся по рисунку ведущего декоративного мотива.

Первые из них являются достаточно древними. Они преобладают в юго-восточной части Карелии и распространились сюда, скорее всего, из Поонежья, где зафиксированы в постройках XVIII в. В частности, в виде крупного валика оформлен кронштейн в ос-

1

2

3

4

говании Макарьевской часовни в кенозерской деревне Федоровская (вт. пол. XVIII — нач. XIX в.) [26]; подобным образом обработаны консоли подпечья в «избе семи государей» из села Митенское Онежского района Архангельской области (1765 г.) [27]. Кроме того, он широко распространен в восточной части Карелии и в Архангельской области в декоративно-прикладном искусстве (деревянная посуда, северовинские, поморские, вепские прялки и пр.) и в кронштейнах подстолев.

Кронштейны-крюки в целом у карел встречаются почти в 2 раза чаще, чем в районах со смешанным и русским населением (20,9% против 12,5% от общего числа всех кронштейнов). Но абсолютно преобладают они в южном Сямозерье, где их доля среди других мотивов обработки кронштейнов составляет в разных деревнях 90—100%, а сама деталь прорисована красиво и свободно, что говорит о целенаправленном ее совершенствовании.

Если учесть, что максимальная концентрация кронштейнов-крюков приурочена в Сямозерье к древнему миграционному пути приладожской корелы по Шуе, то есть все основания связать их расцвет здесь с развитием собственно-карельской традиции. Об этом свидетельствует и бытование кронштейна-крюка в разных частях собственно-карельского ареала. Он отмечен, хотя и в менее пластически выразительном виде, на постройках в верховьях реки Суны — в деревнях Гимолы и Кудамгуба, в деревне Панозеро на Кемь, в деревне Корелахша на Топозере. Примечательно, что в большинстве названных поселений, так же как и в Сямозерье, по разным этноархитектурным признакам фиксируются влияния русских строительных традиций. Однако в отличие от других субрегионов Карелии только в сямозерских кронштейнах мотив крюка достиг небывалого расцвета и стал ведущим в декоративной обработке этих деталей.

Анализ картины распространения кронштейнов в Сямозерье показал, что мотив крюка появился в местном зодчестве относительно недавно. Во всяком случае, один из старейших домов субрегиона — дом Дорофеевых в Чуйнаволоке, срубленный в 1869 г., имеет обработку кронштейнов в виде «модульона». По данным 1900—1950-х гг. можно судить о достаточно устойчивом бытовании кронштейнов-модульонов и в других деревнях восточного Сямозерья, особенно много таких мотивов отмечено в селе Сямозеро — бывшем волостном центре. В свою очередь, судя по датировкам жилых построек, крюки стали абсолютно господствующим мотивом обработки кронштейнов только в 1920—1930-е гг. Поэтому время их появления можно отнести к последней четверти XIX — началу XX в. и связать с периодом актуализации собственно-карельских компонентов в культуре Сямозерья [29].

Кронштейн с трехъярусным мотивом крюка в деревне Ериनावолок. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Действие этой выразительной и совершенной в своих лучших образцах детали, возможно, ускорили некоторые аспекты ее семантизации. Дело в том, что характер прорисовки крюков позволяет рассматривать их как производные от стилизованного изображения птицы [30]. В этой связи интересно отметить, что немногие кронштейны-крюки, зафиксированные нами в Архангельской области в верховьях реки Пинеги, территориально совпадают с бытованием охлупней, обработанных в виде птиц (в отличие от коней-охлупней ниже по течению Пинеги).

Изображение птиц встречается во многих видах крестьянского декоративно-прикладного искусства, где достигает высокого уровня стилизации. Таковы, например, S-образные изображения лебедя в крестьянской вышивке Подвинья [31]. Их соотношение с контуром кронштейна-крюка делает небезосновательной предлагаемую нами образную расшифровку самобытной сяозерской детали. Действительно, водоплавающие птицы были особо почитаемы в прошлом финно-уграми и, в частности, карелами, а изображения гуся, лебедя и утки в декоративном искусстве карел сложились в глубокой древности [32].

Мотивы, сходные с крюком, присутствуют также в обработке других декоративных деталей, например, наличников некоторых сяозерских домов. Но истолкование мотива применительно к поздней домовой резьбе было получено нами далеко от

Кронштейны-
«обратные крюки»
в деревнях:
1 — Кяппесельга;
2 — Ериш;
3 — Северная на
Лыжном острове;
4 — Западное
Кончезеро. Фото
Б. Бойцова, 1979 г.

1

2

3

Сямозерье — в деревне Хиетаярви (финляндская Карелия), где местный мастер Ю. Хуовинен пояснил нам, что, работая над наличниками своего нового дома, он попытался отразить в их формах очертания головы и клюва «местного символа — орлана-белохвоста». Возможно, в Сямозерье сложение декоративной формы крюка тоже было связано с образом орла?

Культовое значение орла у карел известно. По одной из версий творения мира, представленной в рунах карело-финского эпоса, мировое яйцо, из которого произошли земля, небосвод и небесные светила, кладет не утка, а орлица [33]. Мотив орла представлен в фольклоре собственно карел на всей территории их проживания, а в интересующий нас период Сямозерье, по изысканиям этнографа А. П. Конкка, является средоточием бытования образа орла в заговорах, восходящих к древнейшим эпическим сюжетам [34]. Также обращает на себя внимание замечание А. П. Косменко об архаичном изображении орла на одном из образцов традиционной вышивки, найденной в Сяргилахте [35]. По нашему предположению, древний мотив орла, сохраняющийся в разных видах творчества сямозерцев, в период возрождения местных традиций мог найти отражение и в архитектурном декоре.

Примечательно, что отголоски орнитоморфной темы проявляются также в мотиве «обратных крюков» — своеобразных кронштейнов, представляющих собой сочетание крюка и подобия классицистического модульона в виде гипертрофированного каблукча. Если учесть, что последний мотив, скорее всего, является предельно обобщенным, почти символическим отражением «русской городской» формы, а сами кронштейны распространены преимущественно у прионежских людиков, в северном Зонежье, а также зафиксированы у новгородских карел, то есть

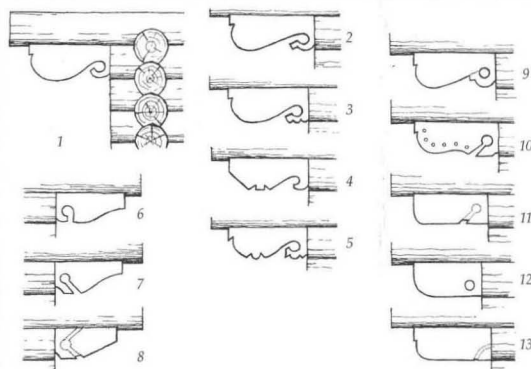

385

конструктивно-декоративные детали крыши

Эволюция кронштейнов-«обратных крюков» на примере деталей из дерева:

- 1 — Южная на Лычном Острове;
- 2, 6 — Лижмозеро Большое;
- 3 — Суйсарь Северная;
- 4, 5 — Ялгува;
- 7, 8 — Северная на Лычном Острове;
- 9 — Ериш;
- 10, 12, 13 — Каппесельга;
- 11 — Шайдома

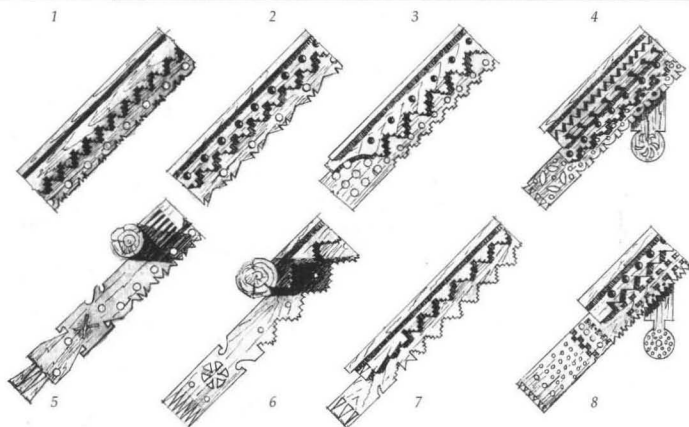

приурочены к зонам относительно недавних карельско-русских этнокультурных контактов, то людиковский «обратный крюк», так же как и крюк сяозерский, можно считать «символом культурного взаимодействия».

ПРИЧЕЛИНЫ — доски, закрывающие торцы слег. Судя по археологическим данным в Новгороде причелины бытовали уже в XII—XIII вв. [36], но их применению в крестьянском строительстве долгое время препятствовали недостаток и дороговизна гвоздей. Поэтому в народном жилище Русского Севера они, скорее всего, получили распространение не ранее XVIII в.

Изначальное символично-декоративное назначение причелин (у славян они символизировали небесный свод [37]) предопределило их дальнейшее развитие: обогащение резьбы на поле деталей, особенно на их окончаниях, носящих название «полотенец», появление сопутствующих резных элементов — кистей, венчающих коньковый стык причелин, и подвесок, ритмично расположенных вдоль скатов.

Самые древние виды резьбы причелин выполнялись топором, долотом и ножом. Техника исполнения определила характер орнамента — сдержанный и строгий, который лишь слегка оживлял и подчеркивал красоту гладких поверхностей тесин. Усложнение орнамента стало возможным лишь благодаря применению коловороты, а затем после середины XIX в. — лобзика [38]. В более старых причелинах даже многоярусная многослойная резьба выбиралась в теле одной доски. Позднее в связи с широким применением гвоздей и пиломатериалов появились причелины со-

Причелины
в деревнях:
1 — Ламбинаволок;
2 — Илляля;
3 — Панисельга;
4 — Пряжа;
5 — Куйкинаволок;
6 — Тулосозеро;
7 — Кодасельга;
8 — Палатозеро;
(по материалам
В. Орфинского
и В. Розина 1952—
1963 гг.)

Причелины
намогильных
домиков на кладбище
деревни Пирттигува.
Фото Б. Бойцова,
1980 г.

387

конструктивно-декоративные детали крыши

ставного сечения, которые в дальнейшем еще больше усложнились с помощью различных набивных украшений.

Причелины Карелии, и прежде всего Заонежья, в сопоставлении с аналогичными деталями сопредельных территорий Русского Севера отличаются большим многообразием и несут на себе следы более высокой строительной культуры [39], и это закономерно: в XVIII в., когда причелины начали распространяться в крестьянском строительстве, в Карелии создались более благоприятные условия для применения новых архитектурных решений, так как в это время край переживал экономический подъем в связи с появлением мощного внешнего импульса развития — строительства Петербурга и промышленного освоения территорий зоны влияния новой столицы. К этим территориям принадлежала и Карелия, что выгодно отличало ее от более восточных Архангельской и Вологодской губерний.

В Карелии резные причелины бытуют неравномерно: на севере края в настоящее время они на традиционных крестьянских домах не встречаются, на юге — распространены достаточно широко, причем масштабы их применения возрастают в направлении с запада на восток, что в целом соответствует характеру эволюции народной архитектуры. И хотя применительно к северу, судя по сохранившимся причелинам на намогильных домиках северо-западной Карелии, в прошлом картина могла быть несколько иной, но по аналогии с другими формами и деталями деревянного зодчества меньшая, чем на юге, степень декорирования «верхов» северо-карельских построек не вызывает сомнений.

В пределах южной Карелии, где большое количество сохранившихся образцов повышает достоверность статистического анализа, детали цельного сечения с многоярусной резьбой в 1950—1970-е годы явно преобладали на востоке края, достигая в Заонежье 80,3% против 31,2% в районах с карельским населением, в то время как распространение причелин составного сечения имело обратный характер: 41,9% на юго-западе края против 4,2% в Заонежье [40].

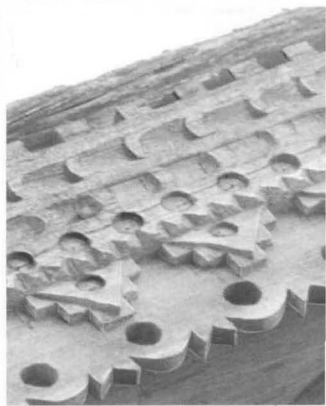
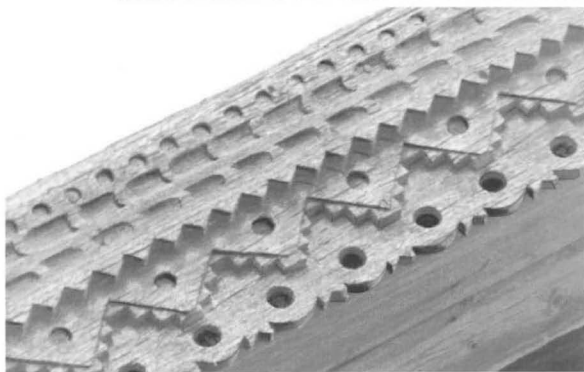
Причелины составного сечения, решающие задачи двух-, трех-ярусного ornamentирования менее трудоемким способом, чем

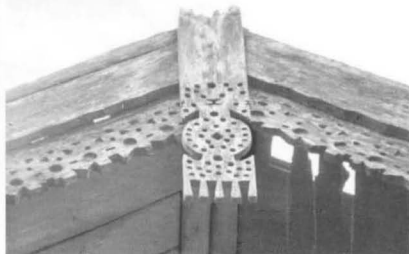
выемочная многослойная резьба, стали применяться в карелин не ранее середины XIX в. по мере распространения в крестьянском строительстве пиленых досок, а причелины усложненного рисунка с набивными планками, образующими кессоны, — еще позднее. Те и другие у карел встречались примерно в 4 раза чаще, чем у русских [41]. Такое абсолютное преобладание модернизированных форм на территории, где, как уже отмечалось, эволюционные процессы в деревянном зодчестве протекали заторможенно, свидетельствует, что здесь распространению таких причелин не была противопоставлена устойчивая традиция, аналогичная заонежской. Видимо, причелины на территории карельского этнического ареала — явление сравнительно молодое.

Скорее всего, декоративная обработка карельских причелин длительное время ограничивалась контурной порезкой нижней грани и не включала многослойную резьбу. Подтверждением тому может служить коньковый стык причелин, который в районах с карельским населением, как и на большинстве территорий восточной части Русского Севера, закрывается кистью сверху. В Заонежье стык решен чаще всего иначе — кисть прибивается к коневой слеге под причелинами. Различное положение кисти свидетельствует, что в первом случае поверхность причелин была плоской, тогда как во втором из-за многоярусности выемочной резьбы на причелинах кисть проще было разместить под ними, хотя сам стык страдал при этом от атмосферных осадков.

Казалось бы, явно позднее распространение у карел причелин, скорее всего, навеянных влиянием русских построек, должно было привести к повторению ситуации с шеломами, которые декорировались в карельских постройках достаточно сдержанно.

Фрагменты причелин цельного сечения в деревне Северная на Лыжном острове. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Коньковые узлы:

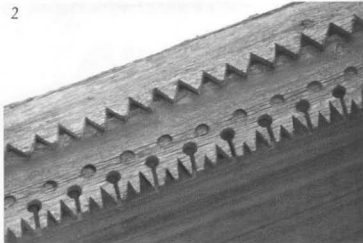
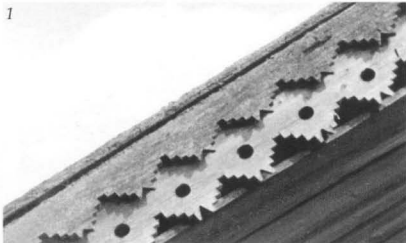
1 — с кистью под стыком причелин, заонежская деревня Сибово. Фото В. Гуляева, 1991 г.;

2 — с кистью над стыком причелин, деревня Каскеснаволок. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Но этого не произошло: карельские причелины, несомненно, самобытны и достаточно разнообразны, что подтверждается данными детального типологического анализа.

Так, мотив «побегуна», известный в русском прикладном искусстве XVII в. [42] и являющийся одним из наиболее пластичных приемов контурной порезки деталей, у южных карел встречается в 16,14% причелин (иногда в геометризованном обостренном варианте) против 39,44% у русских Заонежья. Но зато городковая порезка нижней грани причелин [43], усложненная треугольными выемками, довольно широко распространенная на карельском юге, на востоке края практически отсутствует. Правда, городки в чистом виде (без треугольных вырезов) в контурной порезке низа причелин помимо Карелии известны в Ленинградской и Новгородской, изредка встречаются в Архангельской и Вологодской областях, но там количество уступов обычно составляет два и редко превышает три, тогда как у карел оно доходит до пяти. Преобладание прямолинейных мотивов делает карельские причелины по производимому впечатлению созвучными народным вышивкам наиболее архаичного типа [44]. Видимо, развитая и своеобразная орнаментация причелин была подготовлена долгой традицией бытования «обостренных» геометризованных мотивов декоративной обработки тканей.

Таким образом, несмотря на то, что причелины — детали позднего происхождения, заимствованные у русских, в их карельской интерпретации проявились устойчивые эстетические представления карел о характере декора и ассоциативная преемственность между разными видами декоративно-прикладного искусства народа.

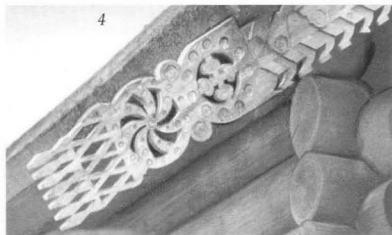
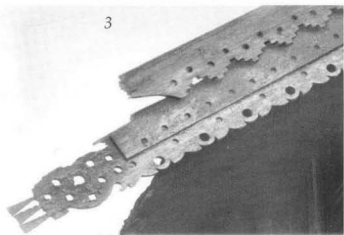
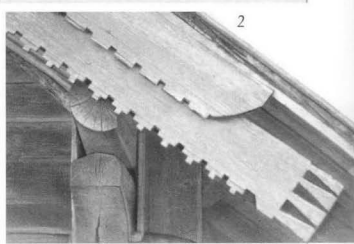
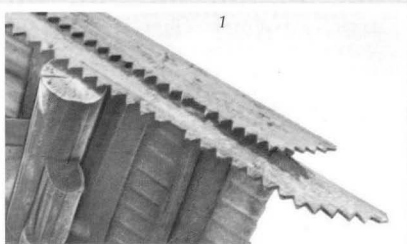

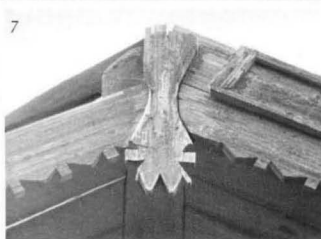
Причелины
в деревнях:
1 — Тулосозеро;
2 — Бочкино. Фото
Б. Бойцова, 1979 г.

Полотенца и кисти вместе с причелинами завершают венчание жилого дома, усиливая драматизм композиции за счет контраста между дробностью декора и монументальностью бревенчатого сруба.

В соответствии с композиционной ролью в декоративном убранстве полотенца и кисти украшались глухой, сквозной и контурной резьбой, ажурность которой нарастала по направлению к периферии деталей. В зависимости от наружного абриса полотенца

Причелины и полотенца в деревнях: 1 — Нурмолицы; 2 — Кинерма; 3 — Кукойнаара; 4 — Большое Гангозеро. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

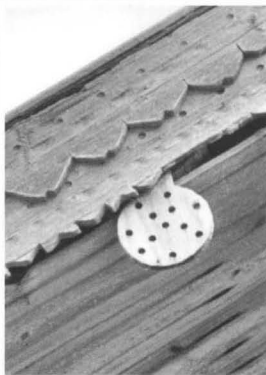

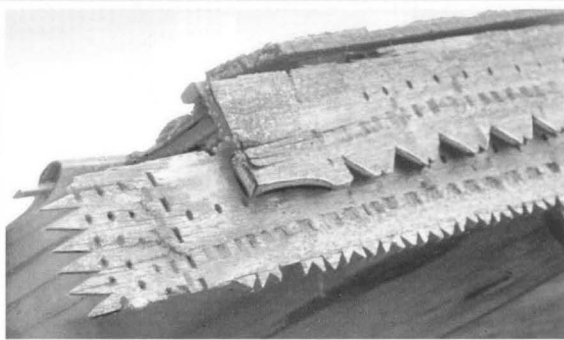
Причины и кисти в деревях:

- 1 — Святнаволок;
- 2 — Евгора;
- 3 — Ламбисельга;
- 4 — Святнаволок;
- 5 — Панисельга;
- 6 — Лисья Сельга;
- 7 — Котчура.

Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Причелины,
полотенце
и кисть дома
А. Омелина
в деревне Маньга.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.

и кисти подразделяются на вписанные в прямоугольный контур и имеющие свободные очертания в трех вариантах — с криволинейным, прямолинейным и комбинированным абрисом.

Прямоугольные детали преобладали в южной Карелии повсеместно, но если на территориях с русским населением они господствовали, то в постройках карел встречали конкуренцию со стороны полотенец и особенно кистей со свободным силуэтным контуром. При этом прямолинейный обостренный вариант последнего зафиксирован только на карельских постройках.

Во всех случаях ажурный характер поля деталей достигался за счет сквозной резьбы в виде кругов, заполненных розетками,

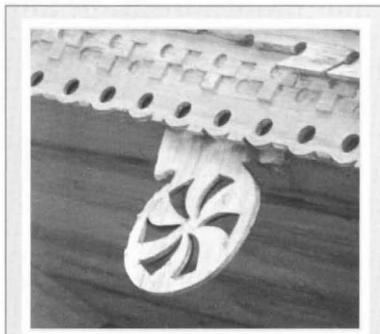
чаще всего двумя, одна из которых — вихревая, другая — с прямыми лопастями. Среди других мотивов заполнения прорезных кругов Р. М. Габе выделил характерные, по его мнению, для карел восьмиконечные звезды, украшенные мелкими сквозными кружками. Такими же кружками прорезались и изогнутые лопасти розеток [45]. Микропластика деталей в Заонежье иногда обогащалась глухими рельефными полурозетками, а в карельских районах — сопутствующим мотивом глухих кружков.

Детали с прямоугольным контуром обычно выполнялись одинаковыми при решении конькового узла и концов причелин, либо в первом случае, выступая в роли кисти, получали дополнение в виде прорезной даты постройки или прорезного канонического восьмиконечного креста.

Прямоугольные по абрису полотенца и кисти обычно завершались капельками, но в деталях с усложненным силуэтным контуром последние часто отсутствовали. Капельки делались трапециевидными, генетически связанными с аналогичными элементами ордерной профессиональной архитектуры, ромбовидными, напоминающими порезку красного теса кровель, или в виде треугольных зубцов. Последние, как правило, встречаются в карельских постройках. Они не только обостряют силуэт деталей, придавая ему своеобразный «колючий» характер, но и рациональны в техническом отношении, поскольку тонкие перемычки капелек очень непрочны. Следовательно, специфика карельских деталей и в этом случае определяется традиционными представлениями и предпочтениями карел в сфере архитектурного декора, никогда, впрочем, не противоречащими характеристикам работы дерева и рациональным приемам его обработки.

Своеобразным «последним штрихом», обогащающим композицию венчания карельских домов, в первую очередь севернолисковских, являются круглые подвески-розетки к причелинам. Поскольку подвески, иногда встречающиеся у русских, трактуются в виде прямоугольных деталей с прорезными солярными мотивами [46], можно предположить, что карельская интерпретация подвесок связана с особым консерватизмом эстетических представлений карел, которые, заимствуя у русских причелины, видимо, хотели сохранить привычный образ дома, имитируя с помощью розеток ритм выходящих на фасад торцов слез.

*Розетка-подвеска
к причелине
в селе Пряжа.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.*

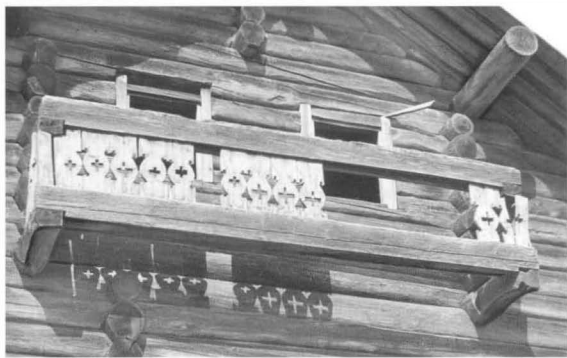
Декоративные балконы крестьянских домов — одна из загадок деревянного зодчества, поставившая в тупик многих исследователей, априорно убежденных в синкретичности одного из ведущих видов народного искусства, объединяющего воедино пользу и красоту. Не случайно для объяснения «нефункциональности» таких балконов, не имеющих выхода на них из чердачного помещения, использовалась версия об их «городском» происхождении [47]. Последняя относится главным образом к балконам с высокими столбами ограждения, несущими фронтон, часто прорезанный одной или тремя арками. И хотя влияние города на деревню, безусловно, играло заметную роль в развитии деревянного зодчества Карелии, особенно в конце XIX—XX вв., но прямые аналогии балкона портика в архитектуре столичного классицизма и даже в застройке провинциальных городов пока не найдены, что побуждает вновь и вновь возвращаться к вопросу о соотношении самобытного и заимствованного в этой декоративной форме. Можно предположить, что городские формы повлияли на формирование в крестьянском зодчестве балконов простых форм с низким ограждением, но и для такого утверждения необходим детальный сопоставительный анализ всех известных образцов и их территориальных ареалов.

Арочный
балкон-портик
в деревне Северная
на Лычном острове.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.

Балкон в деревне
Юккогуба.
Фото Б. Бойцова,
1980 г.

1

2

Балконы на фасадном бруссе в деревнях:
1 — Ребойла (рис. Н. Комарова, 1952 г.);
2 — Кинелахта (фото В. Гуляева, 1992 г.)

Балконы на декоративной падуге в
деревне Кинерма. Фото В. Гуляева, 1991 г.

Наиболее простые из сохранившихся балконов Карелии представляют собой консольные площадки на плоском основании по выпускам продольных перерубов в средней части шипца лицевого фасада, иногда дополнительно поддерживаемым кронштейнами. В 1950—1970-е годы такие балконы в Карелии на традиционных домах карел встречались в 4 раза чаще, чем на русских постройках.

Такое же соотношение между карельскими и русскими постройками сохранялось и применительно к близким по конструкции основаниям балконам, но установленным на фасадном брус, врубленном в выпуски боковых стен. И наоборот, широко представленные в настоящее время в южной Карелии балконы с основанием в виде декоративной падути наибольшего распространения достигли у русских, где встречаются в 2 раза чаще, чем в карельском этническом ареале. Кроме того, в юго-западной Карелии у средних ливвиков зафиксированы единичные балконы гибридных форм в виде откровенно декоративной падути, подвешенной к середине фасадного бруса [48].

Приведенные соотношения с учетом отмечавшейся нами для Карелии связи между стадиальными признаками архитектурных форм и их территориальными ареалами свидетельствуют, что эволюция балконов шла по пути усложнения их основания от настила по консольным выпускам бревен до подшивки балконной площадки в виде падути.

Балконы на фасадном брус с декоративной падугой в деревнях:

- 1 — Улваны (фото Б. Бойцова, 1979 г.);
- 2 — Кукиегора (фото В. Гуляева, 1992 г.)

Уточнить это положение можно при детальном анализе балконов у людиков и ливвиков. Так, зафиксированные у них балконы-гибриды свидетельствуют, что падуга скорее всего была заимствована карелами у русских. (Адрес заимствований подтверждает преимуществом распространением балконов с падугой на юго-востоке края). По-видимому, проводниками заимствований в карельской среде стали людики и северные ливвики. Однако процесс перехода от балконов с плоским основанием к балконам на падуге осложнился наличием дополнительного генетического

компонента — фасадные брусом, издавна применявшихся вепсами и южными ливвиками для вяления мяса [49]. Таким образом, в юго-западной Карелии сложилась следующая картина: эпицентр балконов с основанием на фасадном бруске локализован на Олонецкой равнине, зоны преобладающего распространения балконов на падаге совпадают с североливвиковским и людиковским этническими ареалами, а балконы гибридных форм зафиксированы на буферной территории между северными и южными ливвиками.

Ведущую роль в композиции декоративных балконов играет их ограждение, которое либо состоит из низкого барьера с резной решеткой, либо включает помимо барьера подпирющие крышу столбы.

Балконы с низким ограждением представлены различными вариантами композиционных решений. Так, барьер, установленный на фасадном бруске, может занимать всю его длину или только центральную часть. Балконы на выпусках перерубов располагаются высоко над уровнем чердачного перекрытия, упираясь верхней обвязкой в слези крыши и составляя вместе с ее выносом единый объемный акцент, или смещаются в нижнюю

Балкон с низким столбиками ограждения, упирающимися в слези, деревня Маньга. Фото В. Гуляева, 1991 г.

Балкон с низким ограждением по всей длине фасадного бруса, деревня Гижино. Фото В. Гуляева, 1992 г.

Балконы с выступающими резными концами обвязок в деревнях: Гаврилово (фото В. Бойцова, 1979 г.), Койвуслелья (рис. Н. Комарова, 1952 г.)

1

2

Резные угловые столбики
балконов в деревнях:

- 1 — Котчура;
2 — Кормелисто.

Фото Б. Бойцова, 1979 г.

часть щипца, образуя на его бревенчатой поверхности в ортогональной проекции «плавающее» декоративное пятно, нередко ассоциативно напоминающее оконную колоду, ограниченную вершиником и подушкой с выступающими за грань косяков резными заплечиками.

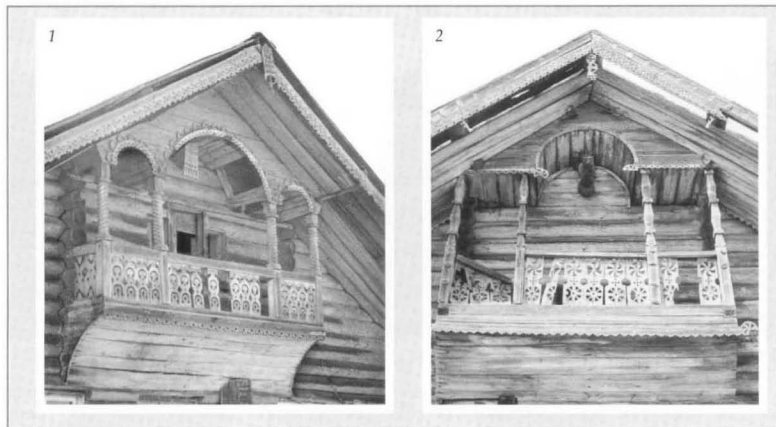
Показательные статистические подсчеты: балконы с низким ограждением в пределах южнокарельского этнического ареала встречаются в 3,8 раза чаще, чем на русском юго-востоке, причем более чем 1/5 часть из них имеет силуэтно порезанные концы обвязок при фактическом отсутствии такого приема у русских [50]. Любопытной, характерной также только для карел особенностью решетки балконов с низким ограждением является объемная порезка угловых столбиков.

Арочный балкон
в деревне Гонганалица.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.

В большинстве случаев русские балконы на юго-востоке Карелии были решены в виде портиков с четырьмя высокими столбами, поддерживающими прорезанный арками фронтон. В карельской среде такие балконы встречались примерно в 1,5 раза реже (37% против 54%) и, скорее всего, были заимствованы карелами у русских, на что косвенно указывает их заведомо меньшая традиционность. В самом деле, если у русских высокие столбы в большинстве случаев несут фронтон, прорезанный тремя и, реже, одной аркой, то у карел трехарочные композиции составляют 46% (против 84% у русских) [51], одноарочные — 14% (против 16% у русских). Кроме того, у них распространены балконы, практически отсутствующие у русских: с безарочными фронтонами (30%) и вообще без фронтонов — со столбами, непосредственно опирающимися в слези (10%) [52].

Примечательно, что многие арочные балконы, встречающиеся у карел, не менее, а может быть, и более выразительны, чем у русских. В первую очередь это относится к балконам северных ливвиков, силуэтные характеристики которых обострены за счет оголовков столбов в виде набивных одиночных и парных розеток, а также розеток-подвесок в замковой части и на пятах арок. Но порой при детальном рассмотрении оказывается, что такие балконы возникали у ливвиков в результате реконструкции путем наложения декоративных дощатых арок поверх брусчатой обвязки, поддерживаемой резными столбами, то есть являются вторичным, заимствованным у русских решением. Видимо, то же во многом относится к высоким столбам вообще. Подтверждение тому — отличия русских и карельских балконных ограждений. Первые из них обычно трактуются как вставки барьера между основаниями столбов, вторые — часто как единый барьер с над-

Арочные балконы в деревнях:

- 1 — Киндасово (фото Б. Бойцова, 1979 г.);
2 — Инжунаволок (фото В. Гуляева, 1992 г.)

Балкон с безарочным фронтоном в деревне Киндасово. Фото Б. Бойцова, 1979 г. (слева)

Бесфронтонный балкон в деревне Рубчейла. Фото В. Гуляева, 1987 г. (справа)

1

2

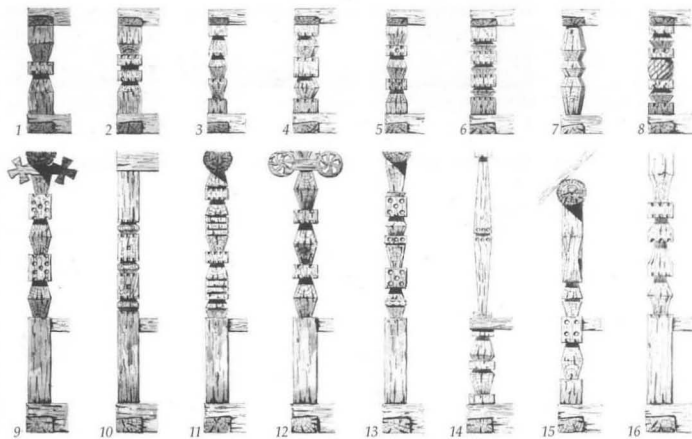
3

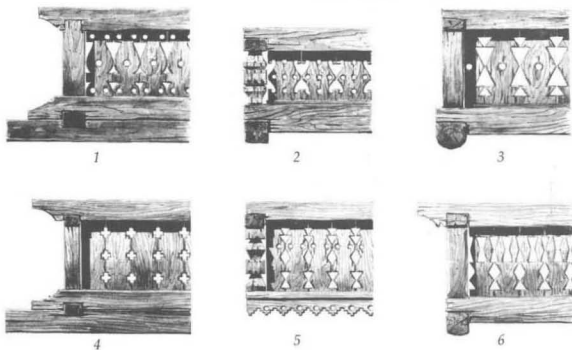
Бесфронтонные балконы с открытой верхней брусчатой обвязкой в деревнях:
1 — Павлово;
2 — Каменьнаволок;
3 — Нижняя Салма.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

строенными над ним столбами. Такое впечатление возникает благодаря развитой верхней обвязке, выступающей за боковую грань столбов [53], а также порезке основания последних, особенно примечательной в тех случаях, когда верхняя их часть оставалась неорнаментированной. Такие решения проще всего можно объяснить поздней надстройкой высоких столбов на балконах карел, прецеденты которой могли некоторое время повторяться в композициях балконов с высокими столбами и даже закрепляться традицией, что и наблюдается в действительности.

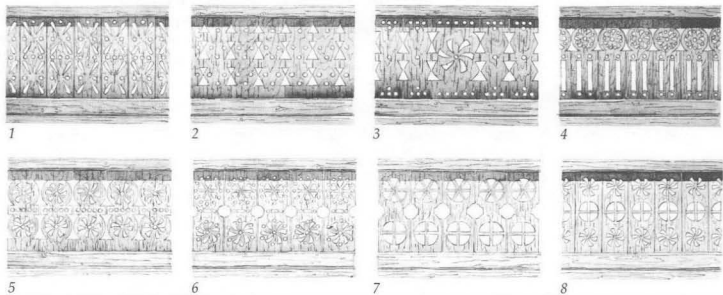
Важную роль в балконном ограждении играет решетка. Можно предположить, что ее развитие по своей направленности совпадало с развитием ограждений в крыльях, галереях и других полукрытых помещениях. С учетом закономерной рационализации технологии обработки древесины и совершенствования инструментария такое развитие можно представить в виде следующей эволюционной цепочки: глухие сплошные ограждения из бревен, сменяющиеся ограждениями из вытесанных топором горизонтальных, вертикальных или наклонных («в косяк» или «в елочку») тесин; сплош-

Балконные столбики в деревнях: 1 — Ребойла; 2 — Щукнаволок; 3 — Березовый Наволок; 4 — Нинисельга (Суоярв); 5 — Масельга; 6 — Поткусельга; 7 — Пелдожи; 8 — Гутсельга; 9, 10 — Павийойла; 11 — Кожойла; 12 — Павийойла; 13 — Кярзеля; 14 — Пряжа; 15 — Паданикка; 16 — Уяляга (по материалам В. Орфинского и В. Розина 1952 г.)

Ограждения балконов в деревнях: 1 — Паниисельга; 2 — Кинелахта; 3 — Койвусельга; 4 — Илляла; 5, 6 — Утозеро (по материалам В. Орфинского и В. Розина 1952 г.)

Ограждения балконов в деревнях: 1, 2 — Кишкойла; 3 — Сямозеро; 4 — Святозеро; 5 — Чарнаволок; 6 — Ламбисельга; 7 — Каргеля; 8 — Сямозеро
(по материалам В. Орфинского В. Розина 1952 г.)

ные тесовые ограждения, постепенно переходящие от глухих к ажурным за счет выполнения топором на ребрах тесин контурной порезки; сплошные ажурные ограждения, выполненные из пиленых досок с постепенно усложняющейся сквозной и контурной резьбой благодаря применению долота, коловороты, а затем лобзиков; интервальные ограждения из плоских дощатых или объемных точеных элементов с заменой последних пилеными брусками.

На основании анализа достоверно известных построек можно утверждать, что значительное число балконных ограждений на домах карел вписывается в среднюю и заключительную часть схемы. Так, на балконах южных собственно карел, а также северных и средних ливвиков распространены сплошные ажурные ограждения из вертикальных досок, порезанных укрупненным орнаментом геометрического характера или сквозными кругами большого диаметра, заполненными, подобно кистям и полотенцам, прямолинейными и вихревыми розетками, а на Олонецкой равнине преобладают стадияльно более поздние измельчневшие мотивы сквозной резьбы. Среди карельских балконных решеток встречаются и примеры интервальных дощатых ограждений, не получивших, впрочем, большого развития (около 8%).

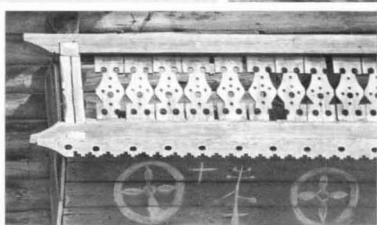
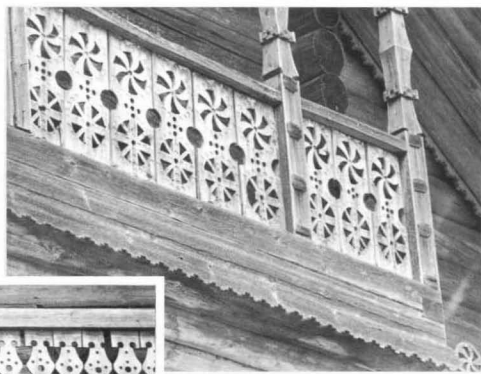
Иное положение сложилось на русском юго-востоке края в Заонежье и Прионежье. Здесь с привлечением примеров культовых построек и наиболее старых домов можно констатировать, что в естественном саморазвитии ограждений был сделан скачок от глухих тесовых барьеров к интервальным дощатым балясинам, напоминающим классицистические прототипы. (По мнению Р. М. Габее, проводниками элементов городской ордерной архитектуры послужили ограждения крылец и галерей деревянных храмов [54]).

Дальнейшее развитие, видимо, протекало двояко: в «обратном» направлении, от интервальных к сплошным ажурным ограждениям, получаемым путем стыковки дощатых балясин, и в «прямом» — от плоских дощатых к точеным балясинам, то есть путем приближения производных к формам прототипов. Впрочем, вторая тенденция не стала массовой. Что же касается дощатых балясин, то пик их распространения в интервальных ограждениях приходится на первую половину XIX в., когда балконы с такими ограждениями на юго-востоке составили более трети от общего количества балконов. С середины XIX в. дощатые балясины стали использоваться преимущественно в сплошных ажурных ограждениях. В это же время заметно увеличились масштабы применения последних и на карельском юго-западе, правда, преимущественно на основе упрощенно-геометризованной трактовки балясника, тогда как на юго-востоке такие мотивы встречались только в порядке исключения [55].

Сопоставительный поэлементный анализ с последующим ареалированием показал, что развитие декоративных балконов шло от плоского основания к основанию, подшитому в виде падуги, от низкого ограждения — к сочетанию последнего с высокими столбами и арками, от сплошного заполнения барьера к баляснику, а в целом типичный карельский балкон, описываемый более архаичными признаками, представляет стадияльно более раннее явление, чем арочный заонежский. Таким образом, последова-

Фрагмент ограждения балкона
в деревне Инжунаволок.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Фрагмент балкона в деревне Тулосозеро.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

тельное рассмотрение балконов, характерных для карел и русских, дает возможность проследить за их развитием в достаточно протяженной ретроспективе, что позволит приблизиться к решению во многом неясного вопроса об их происхождении.

Но начнем с очевидного. Положение о влиянии ампириных композиций на возникновение декоративного балкона-портика в силу внешнего сходства с предполагаемыми прототипами применимо только к заонежским балконам, расцвет которых приходится на вторую половину XIX в. (Заметим, что в жилище карел влияние профессиональной архитектуры, как мы уже показывали на примере отдельных элементов балконов, распространялось при посредстве русских соседей). В это время в связи с общей благоприятной экономической ситуацией в Заонежье стало развиваться крестьянское предпринимательство, появились зажиточные и даже богатые хозяйства. Усилились престижные функции зодчества. Все это послужило импульсом для совершенствования жилища — увеличения размеров, усложнения структуры, улучшения отделки. Поиски новых средств архитектурной выразительности воплощались в развитии декоративных форм.

В это же время наметился перелом в архитектурно-композиционном мышлении народных зодчих. Установки на синкретичные решения по принципу «изнутри наружу», в незначительной степени подкрепляемые ритуально-мифологической семантикой, сменялись приемами, направленными в первую очередь на упорядочение, регулирование и эстетизацию внешней формы.

Это явление сходно с отмеченным для профессиональной архитектуры нового времени «визуальным рационализмом», при котором внешние объемы сооружений подчинялись закономерному порядку вне зависимости от трактовки внутреннего пространства, а часто даже вопреки ей [56]. Показательны в этом отношении культовые постройки Заонежья, в которых фактически разновысокие помещения стали объединяться общей крышей, а окна, выравненные по горизонтали даже при наличии солей, ритмично располагались на фасадах без учета размеров помещений и требований к их освещенности.

Правда, в разных сферах архитектурно-строительной деятельности народа упорядочивающее действие «визуального рационализма» сказывалось по-разному, а крестьянское жилище в целом долго сохраняло особую традиционность, но и в нем появились приметы нового времени: повысились приоритетность главного фасада и его тяготение к симметрии, сопровождавшееся усилением композиционной самостоятельности декора и ориентацией объемно-пространственного решения дома в целом на фронтальность восприятия. В этом можно усмотреть усиливающееся влияние на народное зодчество со стороны профессиональной архитектуры, но, безусловно, и такое влияние, и тенденции саморазвития, приводящие к относительно независимому формированию интерьера и эстерьера, могли осуществиться за счет постепенной утраты магического содержания декоративных форм и усиления их престижных функций.

Тем не менее рядный арочный балкон на фронтоне заонежского дома появился в полном соответствии с народной традицией украшения «верхов» жилища, а предшествовало этому освоение чердаков, когда над основным жильем богатых заонежских домов стали оборудоваться светелки — холодные, а иногда отапливаемые комнаты. При слеговой конструкции крыши светелка находилась в чердачном пространстве, вписываясь в общий объем дома. (Светелки-мезонины появились позднее). Поэтому на фасаде дома светелку отмечали красивым оконным наличником, но ее знаковым атрибутом стал заметный издала арочный балкон.

Такое внимание к оформлению светелки, как и ее название, производное от «светлицы» — парадной светлой комнаты в хоромаш [57], говорит о ее особом значении в составе дома. Подтверждают высокий статус этого помещения и другие его названия: вышка, горенка, терем, теремок, чердак [58]. По нашим материалам, в XX в. вышкой и чердаком называли также и собственно балкон.

Указанные взаимозамены в крестьянской лексике восходят к реалиям XVI—XVII вв., когда «чердаком» в городских и посадских хоромаш называли неотапливаемое помещение над основным жилищем или сенями, близкое по назначению теремам. Существовали в то время и собственно терема — верхние жилые ярусы богатых боярских домов [59]. По словам И. Е. Забелина, «отличительной чертою теремов, или чердаков, были красные, нередко двойные окна, прорубленные на все четыре стороны терема. ...Около теремов, или чердаков, почти всегда устраивались гульбища, парапеты или балконы, огороженные перилами» [60]. Все эти детали исчезли вместе с самими теремами в XVII веке [61].

В лексическом материале мы находим связь балкона с образцами более древними, чем классицистические. Живущая в XIX в. былинно-песенная заонежская традиция и историзм самосознания местных крестьян дают основание говорить, что в появлении идеи и декоративной разработки балкона важную роль сыграли фольклорные образы высоких, «златоверхих» теремов и атмосфера красочности и праздничности архитектурного антуража, созданная в народной поэзии [62]. Думается, можно рассматривать балкон применительно к жилищу в целом как символ фольклорного терема — необходимой престижной части богатого дома. Его символическую роль подчеркивает то, что часто балконы сооружались до устройства светелки, а иногда и вовсе при необжитом чердаке.

Балкон появился в то время, когда постепенно утрачивались магические и усиливались репрезентативные функции домового декора, но в столь поздней декоративной форме была не только сохранена, но и развита многоплановая семантика «верхов» крестьянского жилища. Балкон как признак «богатых хором» с теремом дополнительно подчеркнул древнее значение соотносимого с крышей космического верха, выражающего идеи возрастания, богатства и плодородия [63]. Венчающая балкон арка как символическое изображение неба [64] дополнила комплекс

ративной обработке деталей крыши. И более того, символика арки раскрывалась с помощью элементов фольклорной небесной триады «солнце, месяц, звезды»: у прионежских вепсов, на южной границе зоны влияния Заонежья, свод арки нередко расписывался звездами по синему фону, а у северных карел-ливвиков, также заимствовавших арочные балконы у русских соседей, арки украшались розетками с солярными мотивами.

На первый взгляд может показаться, что устойчивый тип балконов-портиков сложился в Заонежье без каких бы то ни было предшествующих и промежуточных форм. Но это не так: в Заонежье отмечены и стадиально более ранние балконы — с низким ограждением и плоским основанием на кронштейнах или на фасадном бруссе, подобные балконам, распространенным у карел. Видимо, эти более скромные композиции были заменены в XIX веке нарядными арочными балконами-портиками. Более того, поддерживаемые падугами и как бы «парящие» в воздухе объемы последних столь сильно отличаются от своих возможных прототипов — портиков и аркад, опирающихся на землю непосредственно или через нижележащие части зданий, что возникает предположение об участии в сложении заонежских балконов формы «карельского типа» в виде простой выносной площадки с низким ограждением.

В свою очередь устойчивость форм, свидетельствующая о длительной укорененности, и самобытность балконов в карельском этническом ареале наводят на мысль, что у них были собственные предшественники-прототипы. Ими, скорее всего, являлись галереи кладовых-спален — древних совмещенных жилищно-складских построек, уже упоминавшихся в предыдущей главе. О таких сооружениях, бытовавших в прошлом у многих народов, можно судить по облику их потомков — сохранившимся в Карелии двухъярусных амбаров с галереями, в верхнем помещении которых в прошлом размещались летние спальные места и кладовые для рухляди, внизу — сусеки для зерна. Подобные постройки для зерна в XIX в. бытовали у многих народов: под названием «*loft*» — у шведов, «*luhti*» — у финнов, «*kletis*» — у литовцев, «*кенос*» — у удмуртов и т. д. [65]. Но особенно интересны норвежские амбары-спальни «*loft*», окончательно сформировавшиеся уже в середине века. Высокий семантический статус амбарных «верхов» подчеркивают название верхнего яруса таких амбаров («сокровищница») и необычайная насыщенность декоративного убранства опоясывающей его галереи. Примечательно, что подобные галереи применялись и в норвежском жилище XVIII — начала XIX в., став его ярким и своеобразным символом [66].

В этой связи заслуживает внимания, что на севере Карелии в настоящее время двухъярусные амбары с галереями — наиболее богатые в пластическом отношении постройки, а на юге края некоторые из них по изысканности форм и декоративного убранства являются подлинными архитектурными шедеврами. Один из примеров тому — известный амбар Кипрушкиной (1892 г.) из ливвиковской деревни Коккойла, ныне находящийся в музее «Кижи».

Галереи амбаров представляют не только примеры, аналогичные балконам с низким ограждением, но и композиции с высокими столбами, упирающимися непосредственно в слези покрытия или несущими глухой бревенчатый фронтон, аналогичный по форме навершию безарочного балкона-портика. Поэтому нельзя исключать возможность конвергентного появления на балконах карел высоких столбов. В пользу такого предположения свидетельствует распространение только в пределах карельского этнического ареала балконов со столбами, подпирающими слези, которые вполне могли возникнуть как в процессе упрощения «русской» формы, так и в качестве «карельского» варианта балкона-портика.

Предположение о слиянии наиболее характерных признаков амбаров с обликом дома не покажется бесосновательным, если привлечь примеры из недавней истории жилища хантов и манси. Жилища этих родственных карелам сибирских угорских народов еще в конце XIX в. сохраняли свою архаичность (однокамерность, безоконность, отопление по-черному с помощью открытых очагов) [67], поэтому они могут косвенно послужить «стадиальным прецедентом» для изучения карельского дома.

Судя по исследованию этнографа И. Н. Гемуева, весьма показательно освоение восточными уграми чердачного пространства, получившего распространение у манси лишь в начале XX в. в связи с дифференциацией совмещенного покрытия-перекрытия. Несмотря на молодость, чердак в мансийском жилище стал помещением наивысшей сакральной значимости — был заселен духами-покровителями дома и стал местом хранения культовой атрибутики. Доступ в семейное святилище был разрешен только мужчине и лишь для совершения умиловительных обрядов. Аналогичное использование чердака исследователь отмечает и у хантов.

Разумеется, не появившееся под влиянием русской строительной культуры чердачное пространство привело к возникновению в мансийском жилище верхней сакральной зоны. Полусимволическое вертикальное зонирование в нем существовало и раньше, реализуясь с помощью широких пристенных полок и устройств типа антресолей, предназначенных для хранения домашних святынь [68]. Но главными семейными святилищами манси были лесные культовые амбарчики — аналогичные промысловым лабазам постройки на высоких столбах-стульях с залобником над консольной площадкой-предмостьем. Такие амбарчики постепенно уходили из культовой практики манси, а их функциями надеялся чердак дома [69], что привело к своеобразному синтезированию облика амбара и жилища. Сходный прием «вживления» амбара-спальни «*loft*» в структуру жилого дома ясно прослеживается в постройке из Норвежского фольклорного музея, датированной 1300 г. [70].

Мансийский дом с чердаком-залобником
(Гемев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос.
Новосибирск, 1990. С. 19)

Сложно на основании только аналогий со строительно-практической других народов судить о формах освоения чердачного пространства в Карелии. Хотя применительно к ней существуют разрозненные сведения о чердаках как своеобразных реликвариях и обиталищах душ предков. Так, по заонежским поверьям, души умерших по печному столбу и шести-трубнику спускались в избу с чердака [71], и даже во второй половине XX в. чердак, по словам Ю. Ю. Сурхаско, иногда использовался карелами для хранения ритуальных предметов и домашних реликвий. Но как бы то ни было, можно утверждать, что с момента своего появления балконы несли главным образом семантическую нагрузку: либо обозначали функции чердака как хранилища для особо ценных вещей, подобного верхнему ярусу амбаров, либо более обобщенно символизировали идею достатка и богатства через уподобление амбарной галереи — наиболее яркому элементу традиционных складских построек.

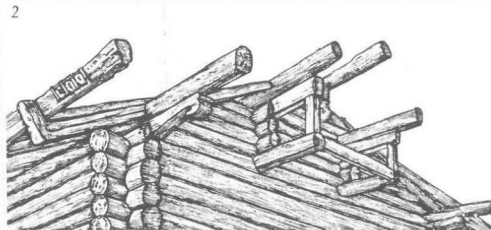
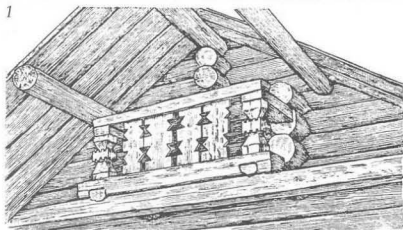
Видимо, на юге Карелии балконы появились достаточно давно, так как от закономерного на первых порах правоподобия, требуемого для расшифровки символа, они эволюционировали до откровенных знаков — миниатюрных балкончиков, предельно приближенных к коньку и подпирающих слези своим ограждением. Такой прием, акцентирующий верхнюю часть крыши, явно нацелен на решение преимущественно декоративных задач, и показательно, что появился он уже к середине XIX в. Но и в более реалистичных решениях совпадение уровня балконной площадки с уровнем чердачного перекрытия было не обязательным, а подчеркнута низкий барьер как бы дополнительно свидетельствовал о неутилитарности самого балкона.

Итак, резюмируем сказанное. Во второй половине XX в. в Карелии почти повсеместно бытовали балконы-площадки с низким ограждением на плоском основании и развитые балконы-портки, а также промежуточные между ними гибридные формы. Первые, видимо, конвергентно возникли у карел и русских, но, безусловно, преобладают в карельской среде, где, несмотря на принципиальное сходство с русскими аналогами, нередко отличаются от них рядом нюансных особенностей (силуэтные выпус-

Балконы-символы
в деревнях:

- 1 — Лумбила;
- 2 — Угмойла

[Габэ Р. М. Указ. соч.
С. 115, 73]

или обвязки ограждения-барьера, резные низкие угловые столбики или резное основание высоких столбов, размещение в верхней части шпильца литевого фасада). Балконы-портки явно преобладают в районах Карелии с русским и лудиковским населением, а также встречаются, хотя и реже, у ливвиков, преимущественно северных, у которых они приобрели специфические черты (обостренная силуэтность в трактовке деталей, увеличенная по отношению к русским прототипам декоративно-семантическая «нагрузка» в виде дополнительных розеток-подвесок и розеток-оголовков столбов). Кроме того у ливвиков получили некоторое распространение безарочные варианты балконов-портиков. В целом балконы являются этнодифференцирующими деталями, во многом определяющими национальный характер народного деревянного зодчества карел.

Откровенно декоративный (неутилитарный) характер балконов как в карельской, так и в русской среде сохранился на всем известном нам протяжении их существования. Оборудованная на чердаке верхняя горница-светелка не получила выхода на него. Правда, на барьере нередко вывешивали для проветривания одежду, но при этом вылезали на балконную площадку через окно.

Надо сказать, что в Карелии в большинстве случаев из-за насильственного приостановления естественного хода развития народного жилища эволюционный потенциал декоративных балконов не был реализован до конца, но на некоторых территориях, где в силу благоприятных социально-экономических причин эволюция протекала более интенсивно, она привела к преобразованию иллюзорно-функциональных балконов в откровенные балконы-символы. Произошло это в ареале прионежских вепсов вдоль тракта Петрозаводск — Санкт-Петербург через Вознесеные. Здесь на рубеже XIX—XX вв. столбы, поддерживающие арочное навешивание балкона, уступили свои несущие функции двум консольным полуаркам. Единая композиция распалась на венчание и балконную площадку, которые стали существовать независимо друг от друга. Стимулирующее влияние города на формирование таких балконов бесспорно, но не столь однозначно, как, например, на распространение в то же время и на тех же территориях подшивных карнизов на самцовых фронтонах. (Такие карнизы, закономерные при оформлении стыка между каркасно-обшивным торцом двускатных стропильных крыш и срубом, в домах с самцово-слоговыми покрытиями являлись явной и нетрадиционной бутафорией). В начале XX в. во многих случаях балконная площадка атрофировалась, но навешивание сохранилось, став объемным символом несуществующего балкона. В XX в. в некоторых местах преобразовательный процесс ушел еще дальше — объемная форма была как бы переведена в свою ортогональную проекцию путем выполнения в обшивке аппликаций отдельных элементов балконов на фасадной стене. Единичные примеры таких плоскостных балконов-символов зафиксированы в южной части Карелии и на сопредельных с нею территориях.

Оконные наличники — важнейшие элементы декоративного убранства крестьянского дома. Их распространение в народном зодчестве произошло не ранее XVIII в. [72], первоначально — в виде карнизной доски или очелья, позднее — в виде рамной обкладки по контуру окна. Однако за не столь длительное время наличники прочно укоренились в строительной практике деревни. Украшая дом, сегодняшние хозяева в первую очередь отдают предпочтение обработке оконных обрамлений, которые часто остаются единственными декоративными деталями на фасадах постройки. Живучесть наличников, видимо, связана с их актуальными для традиционной деревни эстетическими, средовыми и престижными функциями, сохраняющими свое значение до настоящего времени.

Фрагмент дома
в деревне Рубчейла.
Фото В. Гуляева,
1987 г.

Действительно, наличники сформировались в XVIII—XIX веках при ведущей роли эстетических начал в развитии декора в этот период [73]. До сих пор они рассматриваются в деревне как деталь, необходимая и дому, и придающая «вид» улице [74]. Появление развитых наличников, несомненно, было предопределено усилением престижной роли декора [75]. Но тематика мотивов обработки наличников с учетом семантики оконных проемов в традиционной культуре подсказывает, что важное значение в возникновении декоративных обрамлений окон имела бережная магия. Ведь проемы обеспечивали проницаемость стен, разграничивающих интерьер и окружающее пространство, и по традиционным представлениям являлись наиболее напряженными точками связи с внешним миром [76]. Как известно, в традиционной деревне существовал общий для построек, утвари и одежды принцип расположения закладного орнамента вокруг всех проемов и отверстий [77], и обрамление окон вполне соответствовало этому принципу.

Была у наличников и самого момента их появления и чисто утилитарная роль — предохранение от осадков стыков между срубом и оконной колодой, впоследствии

замененной дощатой коробкой, для которой наружная защитная накладка была еще более необходима.

Скорее всего, наличники на крестьянских домах появились в результате внутреннего саморазвития народного зодчества, хотя из-за использования в них элементов профессиональной архитектуры и первоначальная идея наличника, и направление его дальнейшей эволюции многими исследователями приписываются городским влияниям в целом, формам барокко (с середины XVIII в.) и ампира (с конца XVIII — начала XIX в.) [78].

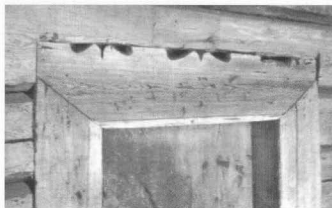
Однако исключительную роль «больших стилей» в формировании развитых наличников оспаривает ряд авторов. В частности, Р. М. Табе относит активную переработку городских архитектурных заимствований в декоре крестьянских изб к проявлению самобытного северного стиля деревянного зодчества. По мнению И. В. Маковецкого, на возникновение криволинейных и прямолинейных наверху барочных наличников в народном жилище оказала влияние древнерусская архитектура, а не профессиональное зодчество XVIII—XIX вв. [79].

Многозначность наличников и дискуссионность вопроса о мере традиционного и заимствованного в их сложении делает эту деталь народного деревянного зодчества интереснейшим объектом изучения, сулящим новые и неожиданные исследовательские толкования известных фактов. Покажем это на карельском примере.

В древнейших оконных проемах — волоковых и щелевых декора, как правило, не было. Его отсутствие, видимо, компенсировалось применением других способов бережной магии: выше мы уже приводили пример щучьей челюсти, прикрепляемой в избе над средним окном.

При переходе к косячатым обрамлениям окон бережными свойствами стала наделяться сама конструкция колоды, укрепляющей проем. Она, как мы предполагаем, уподоблялась по своему значению основе структуры сруба — окладному венцу. Известно, что в традиционной культуре первому венцу дома приписывалось глубокое символическое содержание как границе (в широком смысле) между внутренним и внешним пространством [80], что отмечалось рядом ритуальных действий при его закладке и специальным «окладным» («обложейным») утошением для плотников [81]. Аналогичное празднование закладки первого венца отмечается и у карел [82].

Показательны происхождение и эволюция косячатых колод. Как уже отмечалось, первоначально возникли конструктивно «избыточные» четырехкосячатые обрамления, представляющие замкнутый контур. Появившийся позднее на вершнике колоды гребень, прикрывающий осадочный паз и подчеркнувший главенство вертикальной оси в композиции обрамления проема, зеркально отразился и на нижнем элементе колоды. «Обережная равнопрочность» косячатой рамы при отказе от порогового косяка некоторое время имитировалась с помощью резного изображения

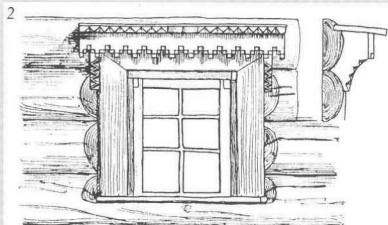
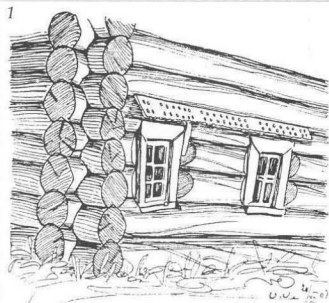
Резной гребень косячатого проема, деревня
Святнаволок. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

последнего на бревне, в которое врубалась колода. В дальнейшем с переходом к трехкосячатым колодам их композиционная нейтральность была полностью преодолена.

Но переход к главенству верха в обрамлении проемов вряд ли был напрямую предопределен рационализацией конструктивного решения. Вертикальность композиции была намечена уже в зеркальных относительно горизонтальной оси обрамлениях

с верхним и нижним гребнями, дополнительно подчеркивалась развитием заплечиков гребня. В соответствии с тенденцией к акцентированию верха проема располагались и первые наличники. Их наиболее древним типом являлось очелье в виде доски, закрывающей осадочный паз. И хотя в утилитарном отношении применение очелья было необходимо лишь до тех пор, пока в процессе совершенствования оконной колоды не появился гребень, некоторые сохранившиеся примеры очельев в Карелии свидетельствуют не в пользу однозначной трактовки их роли. Таково окно часовни второй половины XVIII в. в деревне Евгора, где очелье прибито поверх гребня трехкосячатой колоды.

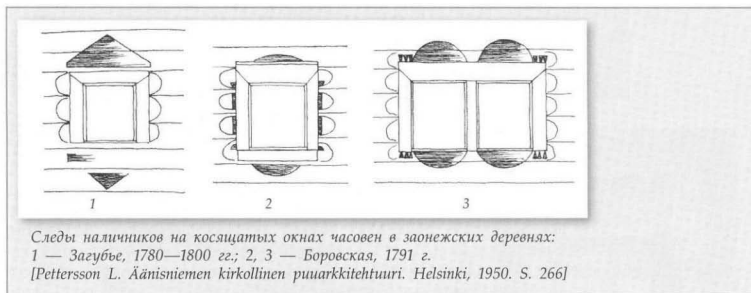
Следующий этап эволюции наличников — карнизные, или сливные, доски в виде козырька над проемами, по своей утилитарной роли аналогичные очелью, но структурно более усложненные, включающие наклонную доску и нередко поддерживающие ее кронштейны. Такое решение отмечено в культовых постройках Карелии второй половины XVIII в., в жилище карел конца XVIII — первой половины XIX в., а также в составе сложных наличников

Карнизные доски над косячатыми окнами из
в деревнях: 1 — Муунто; 2 — Хилонен
[Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J.
Kansanomaisia rakennustapoja... S. 226, 228]

ЛХ — начала XX веков. То, что наличники с карнизной доской продолжали широко бытовать и после распространения гребня в оконных колодах, объясняется их структурно-композиционным решением, как бы «подстраховывающим» гребень при защите осадочного паз от атмосферных осадков, но не дублирующим его форму и потому при совместном употреблении композиционно обогащающим оконный проем. Казалось бы, форма карнизной доски подтверждает приоритетность утилитарных функций таких наличников. Но и в этом случае, как в примере с очельями, назначение детали не всегда поддается однозначно рациональному объяснению. Подтверждение тому — зафиксированная У. Ульбергом, А. Тавашерна и Я. Кекконеном карнизная доска, объединяющая два окна с трехкосящатыми колодами на доме А. Максимова в приладожской деревне Мууанто. Она не только была порезана по контуру, но и просверлена двумя рядами сквозных кружков, что с чисто утилитарных позиций делало ее в качестве козырька над окнами бессмысленной [83].

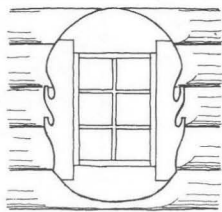
Гребни вершника оконной колоды украшались очень редко, преимущественно сдержанной резьбе подвергались заплечики. Напротив, очелья и карнизные доски, как правило, орнаментировались. Дальнейшее повышение степени декоративности обработки проемов связано с формированием развитых оконных наличников в виде обрамляющей окно рамы. Распространение таких наличников обычно объясняют необходимостью защищать от атмосферных осадков не только осадочный паз, но и весь периметр проема после замены массивных колод дощатой коробкой. Можно предположить, что рама наличника, прикрывая узкие сечения оконной коробки, имитирует колоду, сохраняя привычный облик окна. (Простые «косящатые» композиционно нейтральные наличники, не имеющие определенных хронологических ареалов, до сих пор распространены в деревнях Карелии). Но такое объяснение верно лишь отчасти: в Карелии известно немало примеров применения рамочных наличников на культовых постройках во второй половине XVIII—первой половине XIX в., то есть в период бытования косящатых колод. Такие наличники,

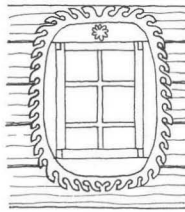
в частности, были обнаружены финским искусствоведом Ларсом Петтерссоном под более поздней обшивкой в одной церкви и пяти часовнях Заонежья. Причем они были чисто декоративными и явно имели средовое и престижное значение, поскольку обрамляли проемы только «избранных» фасадов храмов. Например, в часовнях в деревнях Палтега и Загубье наличники были прибиты к оконным колодам, ориентированным на дорогу, а в церкви села Типиницы — на Онежское озеро [84].

Важно отметить, что поскольку такие наличники фактически дублировали колоды, но преследовали цель повысить их декоративные качества, в целом они, сохранив абрис оконного обрамления, получили сложный экспрессивный силуэт. По словам Ларса Петтерссона, наличники имели барочный характер. Действительно, отдельные детали и общая композиция с развитыми навёршиями и фартуками выдают адрес заимствований, но часть из них принципиально отличается от своих барочных прототипов абсолютным зеркальным подобием верхней и нижней частей обрамления. Аналогичный композиционный прием уже отмечался нами на примере четырехкосячатых колод с верхним и нижним гребнями, распространенных до первой половины XVIII в. включительно, в то время как рассматриваемым заонежским наличникам были синхронны уже трехкосячатые колоды.

То, что «зеркальные» наличники не случайны, подтверждает бытование этого композиционного типа обрамления окон на рубеже XIX—XX вв. в жилых постройках запада средней Карелии [85], а также сопредельного с Карелией Каргопольского района Архангельской области [86]. Сравнимые часовни Заонежья и жилые дома разделяет почти полуторавековая дистанция. Но несмотря на это, их наличники представляют идентичное явление (и запад Карелии, и Каргопольщина известны долгой сохранностью архаичных приемов и деталей) с той лишь разницей, что в жилище тенденция к декоративности реализовалась без влияния форм городской архитектуры, видимо, базируясь только на внутренней приемственности.

1

2

Наличники: 1 — в деревне Коронпи, запад средней Карелии [Blomstedt Y., Sucksdorff V. *Karelska Buggnader och Ornamentala Former*. Helsingfors, 1900. Т. 28];

2 — в деревне Масельга Каргопольского района Архангельской области [Маковецкий И. В. *Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье*. М., 1962. С. 85]

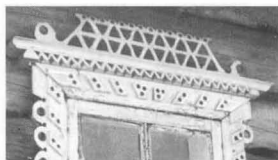

В дальнейшем преобразование наличников повторило в общих чертах предшествующую ему эволюцию колод: равнозначное декорирование по контуру и зеркальная симметрия, подчеркивающая вертикальную ось, сменились акцентированием верха оконного обрамления. Своеобразный возврат на исходную позицию в развитии оконных обрамлений при переходе от колод к рамочным наличникам можно объяснить только явлением, подобным известному по археологическим исследованиям первобытных обществ «закону переноса», выражающему специфическое соотношение наследственности и изменчивости, при котором традиционный подход к решению практических задач переносился на вновь возникшие формы деятельности [87]. Действительно, наличники в крестьянской архитектуре были беспрецедентным

Навершие
наличника
в деревне
Ташкентцы.
Фото
Б. Бойцова,
1979 г.

Наличник в деревне Святнаволок.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

1

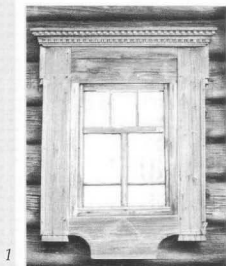

3

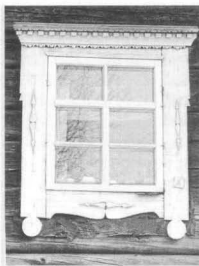
2

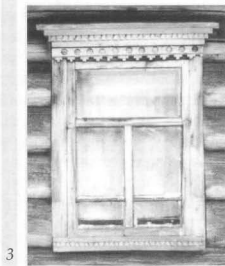
Рамочные
наличники в деревнях:
1, 2, — Титнаволок;
3 — Большие Горы.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.

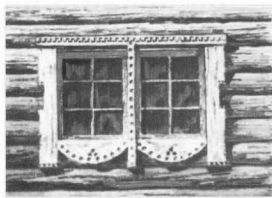
1

2

3

Наличники в селе Сельги (карниз двойного наличника утрачен).
Рис. В. Орфинского, 1951 г.

Наличники с треугольными навершиями в деревнях:
1 — Чуйнаволок (обмер Н. Комарова, 1952 г.);
2 — Лижмозеро Большое (фото Б. Бойцова, 1979 г.)

1

2

Интерпретация ордерных наличников в деревнях:

- 1 — Ругозеро;
- 2 — Кинерма;
- 3 — Нильмозеро.

Фото В. Гуляева, 1992 г.

нововведением, которое отвечало формирующимся новым социальным потребностям и ценностным представлениям, а в техническом отношении (за счет накладных дощатых элементов по контуру проема) обеспечивало огромный по сравнению с колодами декоративный потенциал оконных обрамлений.

Во второй половине XIX в., и прежде всего в русском Заонежье, на крестьянских домах получили широкое распространение ордерные наличники, не просто навеянные аналогичными городскими формами, а интерпретирующие их вплоть до деталей. В них боковые обрамления проема — «косяки» трактованы в виде опор, а горизонтальный верхник — в виде архитрава, увенчанного карни-

зом, обычно трехчастным, состоящим из гуська, полочки и каблучка, а также нередко включающим сухарики. Но помимо таких наличников, воспроизводящих в дереве прямоугольные сандрики каменных прототипов, в Карелии получили распространение наличники с треугольными, волотными и усложненными разномотивными навершиями. Происхождение всех их можно связать, как уже говорилось, с влиянием петербургского барокко и ампира, распространившегося в процессе отходничества жителей Олонецкой губернии на заготовки в столицу [88].

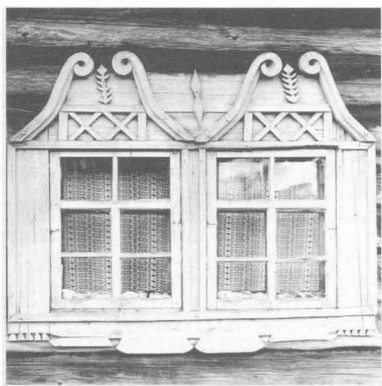
Интересно проследить, как соотносятся с ордерным прототипом производные от него детали в районах края с различным этническим составом населения. Как показал статистический анализ, русские в Карелии в целом сохраняют присущий прототипу высокий архитрав, а карелы, наоборот, уменьшают его высоту. Так, наличники с подчеркнуто низким архитравом по состоянию на середину 1970-х гг. преобладали у южных карел (58,1%), незначительную долю составляли у прионежских веписов (3,0%) и практически отсутствовали у русских. Причем в наличниках с прямоугольным сандриком у карел низкий архитрав отмечен в 16% деталей, а в наличниках с треугольным и волотным сандриком — в 90% [89]. Облегчение архитрава, то есть нарушение системы пропорций, характерных для ордерной архитектуры, могло быть вызвано некоторой рационализацией художественного мышления карел по сравнению с русскими — зная, что деревянными балками небольшой высоты можно перекрывать просторные помещения, они, по-видимому, сохранили свои представления о дереве как строительном материале даже при решении чисто декоративных задач. Объяснимо и преимущественное распространение указанной тенденции на карельские наличники с развитым треугольным и волотным навершием, поскольку в них уменьшение архитравной части не препятствовало сохранению композиционной значимости венчающего акцента.

Это не единственное отличие в интерпретации форм каменной архитектуры в творчестве русских и карельских мастеров. Так, рисунок волотных наличников в русских районах Карелии и, прежде всего, в Заонежье хотя и приспособился к особенностям дерева, но сохранил характер барочного прототипа. У карел средней и южной Карелии и, в первую очередь, у северных ливвиков выработался принципиально иной вариант наличника с подчеркнуто «деревянной» трактовкой волот, с ломаным контуром, с более простыми геометрическими деталями. Известные на юго-западе края наличники с различным абрисом волот в виде плавной кривой, с наметившимся изломом, с ломаным геометризованным контуром, отражают этапы эволюции волотных наличников в карельской среде в направлении геометризации и обострения их силуэта. (Аналогичные преобразования декоративных деталей у карел уже отмечались нами на примере кронштейнов и причелин). Абстрактно-геометрическая по своей форме стрелка между волотами заонежского наличника в карельском наличнике также претерпела изменения и часто

Волютный наличник дома Котова,
заонежская деревня Якорь-Лядина.
Обмер В. Орфинского, 1952 г.

Волютный наличник двойного окна в деревне
Харитоновой Гора. Фото В. Гуляева, 1992 г.

1

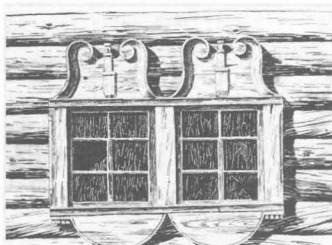
2

3

4

Волютные наличники в деревнях:
1 — Западная, 2 — Чуйнаволок,
3 — Кинерма (фото В. Гуляева, 1992 г.);
4 — Койкары (рис. Н. Комарова, 1952 г.)

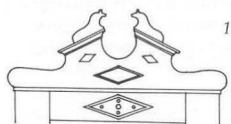

представлена стилизованным изображением елочки. Заслуживает внимания распространенный в карельских наличниках мотив из пересекающихся планок, напоминающий древний узор «косого креста». Заключенный в рамку, он служит постаментом для елочки средника и ассоциативно напоминает стилизованное изображение декоративного балкона на фронтоне дома. Кстати, последняя деталь позволяет предположить, что волютное навершие — более сложный и многоплановый символ, чем может показаться на первый взгляд.

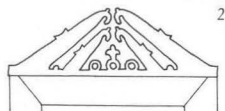
Волютные наличники изредка встречаются в различных частях Европейского Севера, но наиболее массовое распространение, по нашим наблюдениям, получили в Карелии и в бассейне Вычегды. В первом случае, как уже отмечалось, их появление можно связать с влиянием петербургского, во-втором, скорее всего, строгановского барокко. Несмотря на «историческую молодость» таких наличников и, якобы, их «вторичность», углубленный анализ мотивов навершия привел к интересным выводам. В частности, было выявлено их родство с магией оберегов и декоративными мотивами вышивок, проявившимися в трактовке средника наличника в виде елочки в карельских и антропоморфной фигурки в вепсских наличниках [90].

Но не только средник, но и сами фланкирующие его волюты нельзя считать результатом однозначного влияния профессиональной архитектуры барокко [91]. Сравнение наверший наличников и фрагментов традиционного декоративно-прикладного искусства позволяет рассматривать волютное навершие как аналогию известной в основном по вышивке архаичной трехчастной композиции с центральной женской фигурой или деревом и предстоящими конями, птицами или всадниками [92]. Так же, как и в наличниках, центральное изображение в предметах прикладного искусства заменялось геометрическими мотивами. Что же касается фланкирующих средник волют, то они, судя по графическому анализу, могли возникнуть в результате декоративной эволюции изображений коня или птицы. Если к сказанному добавить, что в пределах бывшей Олонецкой губернии ареалы трехчастных композиций вышивок с антропоморфными и зооморфными персонажами в целом совпадали с территориями распространения волютных наличников [93], то становится очевидным, что формирование таких наличников в крестьянской среде стало возможным только благодаря внутренней «предрасположенности» к восприятию влияний «городской» архитектуры. При этом, как это часто бывает, предрасположенность опиралась на правила соотношения реалистических и стилизованных абстрактных мотивов, выработанные прецедентами декоративно-геометрического преобразования изображений в собственной художественной практике. Сказанному вполне соответствует и отмеченная тенденция к усилению «остроты» силуэта волют в карельском этническом ареале.

Еще одним элементом наличника, помимо навершия, по-разному трактуемым русскими и карелами, являются ставни, которые

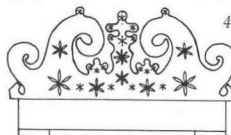
1

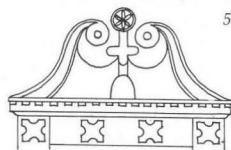
2

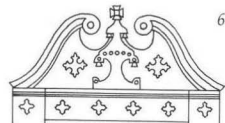
3

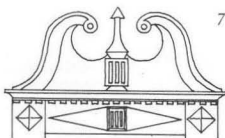
4

5

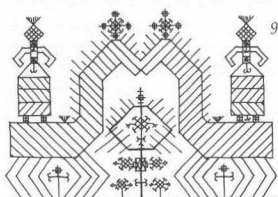
6

7

8

9

10

11

12

13

с учетом их отсутствия в относительных познаниях постройки могут быть отнесены к достаточно архаичным элементам. Назначение ставен — закрывать окна на ночь, от ветра и мороза. Одновременно они, по-видимому, представляют своеобразный рудимент дверного полотна в оконном проеме, так как большие окна (в отличие от щелевых) появились в жилище позже дверей и во многом повторяли устройство последних, что мы уже констатировали на примере развития косячатых обрамлений проемов.

Сходство окон и входов основано на представлениях об идентичности их назначения в структуре построек. Окна, подобно дверям, соотносились с идеей входа — в основном солнца или луны, света и тьмы. Кроме того, через них осуществлялась символическая связь с Богом и другими нематериальными существами [94]. Так, у карел души умерших приходили на поминки через окно по полотенцу, один конец которого свешивался наружу, а другой лежал внутри избы на скамье или на столе [95].

В великорусских говорах термины «двери» и «дверцы» среди прочих обозначают оконные ставни [96]. Сохранившийся термин «вставень» [97], возможно, свидетельствует о конструкции крепления ставня в косяках подобно дверному полотну на петлах. Уподобление дверному полотну отражается и на решении створок ставней: в архаичных постройках ставни преимущественно гладкие, с односторонней навеской, более поздняя форма — двухстворчатые филенчатые ставни, представляющие собой подобие уменьшенной копии дверей аналогичного типа, как правило, соединяющих в крестьянском доме избу с горницей.

Распашные одностворчатые ставни в карельском этническом ареале можно было встретить еще и в наше время, тогда как в русских частях края уже к концу XIX в. вслед за функциональными распространились декоративные ставни — филенчатые створки наглухо прибивались к стенам по бокам оконного проема, объединяя таким образом наличники в единую декоративную полосу на фасаде дома.

Трехчастные композиции в навершиях оконных наличников, вышивках и металлических украшениях:

1—8 — навершия оконных наличников, кон. XIX — нач. XX вв., в деревнях:

1 — Малетнио Пинежского района; 2, 4 — Шубинская Ленского района;

3 — Дорофеевская Ленского района (1—4 — Архангельская область);

5 — Титиницы; 6 — Шелтозеро; 7 — Ошевцево; 8 — Харитгора

(5—8 — Карелия);

9 — мотив северно-русской вышивки [Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 112];

10 — изображение на височных кольцах вятичей XIII в. [Амброз А. К.

О символике русской крестьянской вышивки архаичного типа // Советская археология. 1966. № 1. С. 69];

11 — мотив северно-русской вышивки

[Воронов В. Крестьянское искусство. М., 1924. С. 109];

12 — мотив вышивки из Петербургской губернии [Маслова Г. С. Указ. соч.

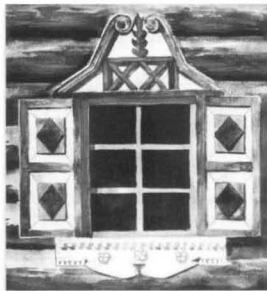
С. 109];

13 — мотив вышивки из Ярославской губернии [Маслова Г. С. Указ. соч. С. 48]

По всей видимости, распашные двухстворчатые ставни либо не успели укорениться в карельском этническом ареале и быстро атрофировались, либо не применялись там вовсе и были переняты у русских как декоративная деталь: примеры карельских декоративных ставен, встречающиеся преимущественно у южных карел, представляют собой откровенную имитацию створок, часто слишком узких, чтобы быть похожими на реальные, а иногда и просто обозначающих филенки набивкой планок на боковых элементах наличника.

1

2

Наличники со ставнями: 1 — с двухстворчатыми распашными ставнями в селе Вешкелица (обмер В. Орфинского и В. Розина, 1952 г.); 2 — с имитацией распашных ставен в деревне Хоттила (обмер Н. Мордвицовой, 1952 г.)

Перед входом в жилище издавна устраивали грунтовые или деревянные входные площадки, которые до сих пор широко бытуют в Карелии. По мере повышения подклетов жилища развивались и входные устройства. Но архаичные типы последних — простейшие крыльца — в домах карел плохо сохранились, что, скорее всего, связано с малой степенью их распространенности в прошлом: как уже отмечалось, крестьянское жилище долго оставалось поземным. Простейшие крыльца скорее всего были подобны входным устройствам, известным на примерах амбаров Русского Севера, например, врытым в землю разновысоким стойкам или наклонному бревну с вырубленными в нем ступеньками. Более развитые входные устройства, включающие несущие косоуры и накладные ступени, представлены сходнями — лестничными маршами без площадок. Принцип сходней до последнего времени применялся в самом распространенном типе взвозов, не имеющих площадок перед воротами на сарай. Кроме того, сходни использовались и используются до сих пор для устройства временных входов, в простейшем современном варианте — в виде дощатого трапа с набивными планками-ступенями. Наконец, сходни послужили прототипом для устройства лестничных маршей в развитых крыльцах, но такое преобразование, по видимому, осуществилось вне рамок эволюции крестьянских домов: когда в XVI—XVII вв. в связи с поднятием жилища на подклет и сложением домов-комплексов появилась потребность в создании входных устройств, образцом для них могли стать уже сформировавшиеся к тому времени крыльца деревянных культовых построек.

КРЫЛЬЦА в своем развитом виде, скорее всего, возникли в период распространения в крестьянском зодчестве новых декоративных форм — причелин, наличников, балконов, акцентирующих наиболее важные в семантическом плане части и элементы жилища, к которым, наряду с «верхами» и окнами, относился вход. Устройство крытого крыльца

Крыльцо дома Яковлева из деревни Клейцелла (музей-заповедник «Кижь»). Фото Б. Бойцова, 1970-е гг.

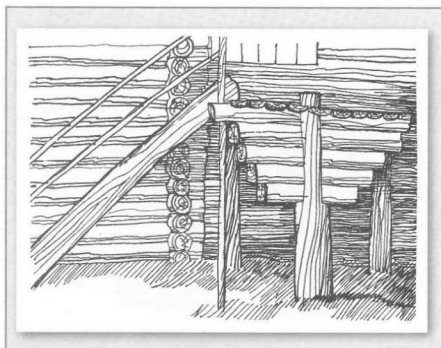
Дом с крыльцом
в деревне Лахта.
Фото В. Гуляева,
1992 г.

с верхней и нижней площадками заметно увеличивало комфортность входной зоны. Одновременно пристроенный, часто декорированный объем крыльца, хорошо приметный с улицы, поддерживал композиционный диалог между лицевым и входным фасадами, обогащая образный строй жилища.

Формирование крылец в жилых домах Карелии проходило по двум направлениям с общим исходным этапом — поземной площадкой перед входом. В первом случае и основание крыльца, и ступени выполнялись в виде срубной конструкции, в наиболее архаичном виде состоящей из брусьев или толстых тесин, врубленных между постепенно укорачивающимися выпусками бревен [98]. В процессе развития конструкция облегчалась, превращаясь в крыльцо с площадкой на срубе или на консольных выпусках бревен и с лестничными маршами на тетивах. Верхним концом последние врубались в балку лестничной площадки, нижним — в окантованное бревно, одновременно являющееся первой ступенью.

Крыльцо
на одном столбе
в деревне Пелдожи
[Габэ Р. М. Указ.
соч. С. 153]

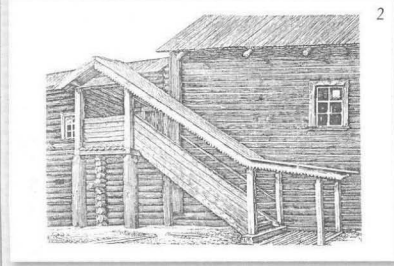
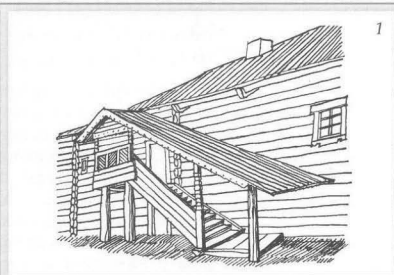
При втором эволюционном направлении лестничные марши также устраивались на тетивах, а площадки настилались по балкам. Последние одним концом врубались в стены жилища, другим — опирались на столбы. Поскольку в результате разницы в осадке древесины вдоль и поперек волокон при таком решении могли возникать перекосы площадки, чтобы обеспечить конструктивную автономность последней, вместо основного сруба ее стали опирать на поставленные рядом со стеной дополнительные столбы. В настоящее время бытуют крыльца с основанием, состоящим только из основных или из основных и дополнительных столбов. Обычное количество столбов — два или

три. Очень выразительно выглядят крыльца на одном основном столбе, сохранившиеся до недавнего времени на востоке северно-русского региона. Но в Карелии такие решения уже не встречаются, хотя в прошлом, видимо, бытовали и здесь. В частности, исследуя в 1920-х гг. зодчество карел, Р. М. Габе зафиксировал пример архаичного крыльца с опорой в виде врытого в землю толстого столба, в верхнюю часть которого параллельно стене дома врублены пять постепенно удлиняющихся бревен, образующих двухсторонний мощный ступенчатый кронштейн. На кронштейн и параллельную ему обвязку дополнительных пристенных столбов опирался настил площадки, выполненной из плах [99].

Территориальные и хронологические ареалы известных входных устройств определяют последовательность эволюции: численное уменьшение срубных крылец в направлении с севера на юг и с запада на восток, а также применение крылец на одном столбе только в наиболее старых постройках свидетельствует об относительной древности тех и других.

Крыльца крестьянских домов делались открытыми, закрывались навесами, отгораживались от окружающего пространства стенками частично или полностью превращаясь соответственно в крыльца-полутамбуры и крыльца-тамбуры. Те и другие получили распространение преимущественно в XX в.

Многообразны навесы над входами, закрывающие крыльца целиком или только их верхние площадки: скромные односкатные козырьки, симметричные фронтоны на столбах, живописные асимметричные покрытия. Последние объединяли общей разно-

Крыльца в деревнях:
1 — Покровское; 2 — Малая Сельга
[Габе Р. М. Указ. соч. С. 154, 155];
3 — Кинерма; 4 — Павшойла
(фото В. Гуляева, 1992 г.)

уклонной крышей обе площадки и лестничный марш между ними либо, наоборот, путем перелома скатов или изменения их направленности подчеркивали трехчастность композиции.

Особую группу входов составляют двухъярусные галереи, прирывающие к двухэтажным сеням. Они зафиксированы на постройках второй половины XIX — начала XX в. у русских в Заонежье, у русских и вепсов в Прионежье, а среди карельского населения — преимущественно у людиков. Первый ярус таких галерей фактически является крытой поземной площадкой перед входом в сени, второй — балконом-выходом. С учетом последнего обстоятельства правомерно версию Е. Э. Бломквист по поводу возникновения балконов-выходов отнести и к генезису входных галерей, рассматривая их как производные от крылец, в которых в связи с устройством поземных входов в сени исчезли наружные лестничные марши [100]. Этапы формирования входных двухъярусных галерей можно проследить на примере амбаров Карелии: в одних постройках еще сохранились наружные лестницы, в других уже полностью атрофировались.

Дополнительным подтверждением родства балконов, галерей и крылец могут служить многие балконы-выходы Карелии, отличающиеся от верхнего яруса входных галерей только тектонической схемой — они покоятся на консолях вместо иллюзорного каркаса. (Столбы, поддерживающие выпуски бревен второго яруса галерей, нередко реального конструктивного смысла не имеют). В остальном архитектурно-конструктивное решение балконов-выходов тождественно верхнему ярусу галерей: те и другие расположены над входом, связаны дверным проемом со вторым этажом сеней, перекрыты крышами, обычно односкатными на столбах. Видимо, генетическое родство таких галерей и балконов-выходов предопределило их родственные друг другу преобразования: известны случаи как «декорирования» столбами балконов-выходов, так и удаления первого яруса столбов в галереях.

Еще одним примером взаимного влияния генетических и ассоциативных связей между крыльцами, балконами и входными галереями может служить замена широко распространенного односкатного покрытия галереи фронтонным наверху, сходным по композиции и деталям с декоративным балконом на лицевом фасаде дома. Такие галереи, в частности, встречаются в сопредельной с Карелией юго-западной части Архангельской области, где еще в 1950-х гг. одним из авторов были зафиксированы и одноэтажные крыльца-портики с фронтоном, прорезанным аркой аналогично наверху декоративных балконов. У карел, по нашим наблюдениям, такие решения не встречаются.

Если балконы-выходы и входные галереи имеют некоторое внешнее сходство с крыльцами, то связать с последними генезис гульбищ сложнее. И тем не менее многое свидетельствует об их предполагаемом родстве если не с самими крыльцами, то с производными от них обходными галереями. Последние, как и сами развитые крыльца, возникли в Карелии первоначально в храмах,

видим, под влиянием древнерусских хором в XVII в. в период усилении в архитектуре мирских начал, и уже потом могли оказывать обратное воздействие на жилище, способствуя, в частности, формированию гульбищ, опоясывающих жилую часть крестьянских домов на уровне второго этажа и поддерживающихся в углах и местах перерубов выпусками бревен, а посреди пролетов — подкосами. Е. Э. Бломквист предположила, что гульбища произошли от известных во многих районах Севера дощатых настилов на выпусках бревен, выходя на которые в домах на высоком подклете закрывали окна ставнями или утепляли [101]. Действительно, гульбища отличаются от таких настилов только ажурным ограждением, чаще всего из дощатых баясин, но версия Е. Э. Бломквист не противоречит предположению о влиянии на формирование гульбищ со стороны культовых построек, ибо в большинстве случаев любые заимствования в народном зодчестве возникали лишь тогда, когда в крестьянской среде складывались благоприятные для этого предпосылки в виде собственных традиций. В Карелии гульбища получили распространение преимущественно в Заонежье, где в прошлом были широко распространены часовни с обходными галереями (дополнительное подтверждение правомерности о предположения о генетическом родстве галерей и гульбищ). В районах с карельским населением гульбища в жилых домах — исключения. Одним из таких исключений является нередко рассматриваемый в Финляндии как «эталон южнокарельского жилища» дом Бомбина (1855 г.) из деревни Куйканиemi вблизи Суоярви [102] (см. ил. на с. 22).

ВЗВОЗЫ — бревенчатые пандусы для въезда на сарай по своему устройству напоминают крыльца и, безусловно, генетически связаны с ними. Многообразие взвозов Карелии по основополагающим признакам можно систематизировать следующим образом: взвозы полувстроенные и пристроенные, открытые и крытые, взвозы-сходни и развитые взвозы с площадкой перед воротами на сарай. Первая часть каждой из приведенных оппозиций указывает на более архаичное решение. Так, полувстроенные взвозы возникли в процессе «вырастания» сарая, когда высота его боковых стен еще не соответствовала габаритам воза с сеном и приходилось опускать порог ворот значительно ниже пола сарая; отсутствие навеса — стадийно более ранний признак, характерный, в частности, и для неразвитых крылец; взвозы-сходни также повторяют первоначальное конструктивное решение входных устройств. Полувстроенные взвозы зафиксированы в Приладожье и на западе средней Карелии, в западном и юго-западном Заонежье, куда в XVII в. переселилась часть карел-приладожан, а также в Тверской области — в верхневолжском карельском анклаве. Что же касается пристроенных взвозов, то они уже к началу XX в. господствовали почти повсеместно в Карелии и на сопредельных с нею территориях.

Развитые взвозы, крытые навесом и имеющие площадку перед воротами на сарай, бытовали и встречаются до сих пор преимущественно на юге Олонецкой равнины, где они нередко служи-

Взвозы в деревнях: 1 — Малая Сельга;
2 — Большая Сельга; 3 — Рубчецла;
4 — Большая Сельга. Фото Б. Бойцова,
1960-е гг.

1

2

3

4

ли не только хозяйственным въездом, но и главным входом в жилище, что, как уже отмечалось, является отголоском местной тенденции формирования домов-комплексов.

Примечательно, что если на большей части территории Карелии в связи со сплошной коллективизацией взвозы за ненадобностью атрофировались, то на Олонецкой равнине они порой возводились заново даже в 1960-е гг.

Конструктивное решение всех типов взвозов в принципе одинаково: основным несущим элементом являются мощные бревенчатые косоуры, в зависимости от ширины взвоза их бывает два или три. При развитых взвозах

косоуры опираются на стволы столбов, поддерживающих площадку. При взвозах-сходнях косоуры могут опираться на сруб либо непосредственно, либо через пристенное бревно, поддерживаемое короткими консольными пропускками балок перекрытия. Оба опорных узла встречаются относительно редко, особенно более сложный из них — второй, являющийся исключением. В большинстве случаев косоуры опираются на верхнюю обвязку пристенных столбов, что, с одной стороны, как и при опирании на консоли, облегчает их замену в процессе эксплуатации, а с другой, видимо, является аналогией устройству крылец с пристенными опорными столбами. Однако эта аналогия, безусловно, целесообразна для площадок перед воротами сарая, для взвозов-сходней носит, скорее всего, подражательный характер, поскольку при устройстве смешанных срубно-стоечных опор разность осадок древесины вдоль и поперек волокон на конструкциях из наклонных бревен сказывается менее болезненно, нежели на горизонтальных балках. Фактически разность осадок проявляется лишь на промежуточных опорах косоуров — врытых в землю в середине пролета мощных столбах-подпорках, предотвращающих прогиб основания взвозов.

Настил взвозов обычно выполнялся в виде наката из бревен или плах. Более совершенное решение с устройством выступающих опор для копыт лошади представляло собой в одном случае чередование плах горбылями вниз и круглых бревен, в другом — то же решение, но с колеями для дровней или телеги, вытесанными в бревнах заподлицо с плахами. Иногда эти своеобразные ступени тщательно обрабатывались, подчеркивая внимание, уделяемое им крестьянами [103]. В последнее время в связи с утратой взвозами функций въезда на сарай настил нередко выполняется из досок, жердей и других подручных материалов.

Строительство взвоза, Олонецкий район. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

Взвозы в деревне
Большая Сельга.
Рис. В. Орфинского,
1953 г.

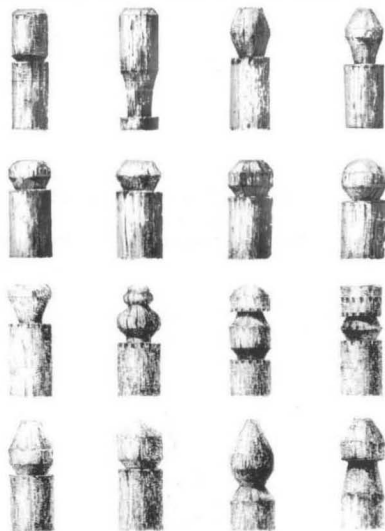

По сторонам взвоза иногда вкапывались столбы для устройства ограждения из одной или, реже, нескольких жердей. В крытых взвозах они делались высокими и использовались в качестве опор для навеса. Оголовки столбов, установленных у начала взвоза, иногда, а на Олонецкой равнине в большинстве случаев украшались объемной геометрической резьбой. Р. М. Габе посвятил взвозам точное и яркое описание, проникнутое любованием этими, казалось бы, сугубо утилитарными и внешне непритязательными

Оголовки столбов у взвозов,
Олонецкий район (по материалам
В. Орфинского 1953 г.)

Оголовек столба у взвоза в деревне Малая Сельга.
Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

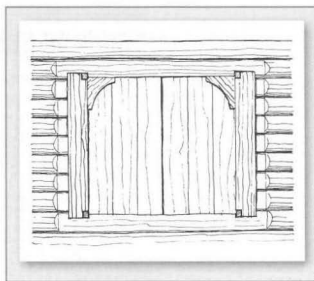
сооружениями: «...Высокий усеченный конус, опрокинутый меньшим основанием вниз и накрытый шаровым сегментом, обработанным широкими плоскостями, производит впечатление архаичной вазы. Вставка между оголовком и столбом одного или двух поясков различной ширины и разнообразного профиля является следующей стадией развития этой скульптурной детали. Промежуточные пояски, украшенные резьбой в виде непрерывного ряда прямоугольных фестонов по одному или по обоим краям, придают особую нарядность и даже элегантность всей композиции. Как два монумента, усиливающие торжественность взвоза, стоят столбы, завершенные массивными шарами. Их эффект за-

ключаются не только в удачно взятом масштабе но и в том мастерстве, с каким они выполнены. Здесь совершенно нет места сухости, присущей строго очерченным геометрическим фигурам. Широкие плоскости, которыми при помощи топора оформлены круглые тела, содействуют впечатлению монументальности» [104].

ВОРОТА во дворы и на сарай иллюстрируют одну из наиболее ранних страниц истории крестьянского жилища. И делают они это не в силу своего фактического возраста, а благодаря «консервирующему» воздействию мало изменчивых функций хозяйственной части домов-комплексов на составляющие их элементы и детали. Вот почему в каждой постройке ворота отличаются от других ее проемов — дверей и окон — архаичностью своего облика.

Ворота во двор приземисты. Их высота соотносится с высотой животноводческих помещений, не превышающих 2—2,5 м. Ворота на сарай, наоборот, высоки и стройны, соответствуя габаритам воза с сеном. Но те и другие в обрамлении мощных косяков, нередко выполненных во дворе в виде круглых столбов, на сарае — в виде массивных брусьев, подчеркивают циклопический масштаб сооружения и придают ему черты истинной монументальности.

С помощью криволинейной подрезки бревен притолки и косяков или, чаще, благодаря фигурной тесовой вставке между косяками в верхней части проема, а также путем сочетания угловых вставок-подкосов и подрезки притолки абрису проема ворот зачастую придается свободно нарисованное арочное завершение, которое, как и всякая выполненная уверенной рукой мастера «топорная» работа, вносит в облик постройки неповторимое своеобразие. Художественный эффект таких арок бесспорен, особенно при открытых воротах, когда густой сумрак интерьера четко выявляет освещенный солнцем контур проема. Но не только эстетическое чутье руководило плотником-зодчим: в рисунке наверху ворот отчетливо ощущаются отголоски древней бережной магии прашуров, веривших, что круглая форма, «заключающая в себе идею солнца», [105] — надежная защита от враждебных сил.

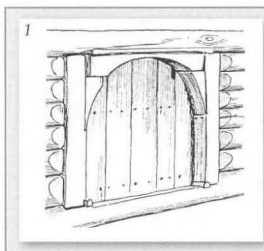

Ворота сарая
в деревне Кинерма

431

ОРГАНИЗАЦИЯ ВХОДОВ: КРЫЛЬЦА, ВЗВОЗЫ, ВОРОТА

Ворота двора в деревнях:

1 — Салонкюля;

2 — Кумчезеро

[Ullberg U., Tavaststjerna A.,
Kekkonen J. Kansanomaisia
rakennustapoja ... S. 220, 145]

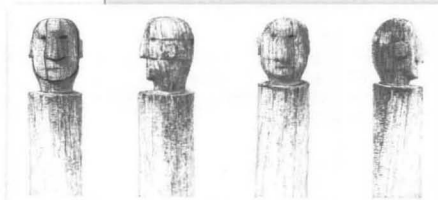

В средневековой Москве «над воротами домов у христиан поставляли звери и змии и неверные храбрые мужи» — сокрушались о неистребимости языческих символов идеологи Русской православной церкви в «Стоглаве» спустя пять с половиной веков после крещения Руси [106]. Но за последующие четыре столетия, казалось бы, забылся древний обычай. Во всяком случае во время экспедиций по Русскому Северу авторам очень редко на крестьянских постройках встречались явные антропоморфные мотивы. Несколько шире они распространены в Карелии. Здесь до сих пор в архитектурный декор вплетаются более или менее реалистические изображения языческих духов-охранителей. И даже некоторые абстрактные мотивы, ныне воспринимаемые как игра геометрических форм, порой являются результатом декоративной эволюции конкретных изображений.

Как это часто бывает, прозрение пришло неожиданно: в 1950-х гг. в деревне Нурмолицы оголовки столбов взвоза перед воротами на сарай дома Журавлевой — натуралистичные изображения человека — подсказали, что и на многих других олонечких взвозах, совмещенных с главным входом в жилище, венчающие столбы массивные шары — не просто украшения, а геометризованные «портреты» предков — покровителей семьи и рода.

Видимо, с антропоморфными изображениями связана декоративная обработка и некоторых других столбов крестьянского жилища, в архаичных типах которого центральный ритуальный столб олицетворял «обожествленного предка или языческое божество, связанное с представлением о предках» [107]. Такие столбы, судя

*Взвоз и оголовки его столбов
в деревне Нурмолица.
Рис. В. Орфинского,
1953 г.*

по поздним отголоскам, сохранившимся на Российском Севере в церковных трапезных XVII—XVIII вв., скорее всего первоначально представляли собой круглую опору, перетянутую посредине жгутом или валиком, обозначавшим пояс-оберег. (В некоторых случаях столбы имеют кронштейны, ассоциативно напоминающие распростертые руки известного женского персонажа северорусских вышивок). Впоследствии из перетянутых жгутом поясом частей столба могли сформироваться «дыньки», количество которых стало увеличиваться при сохранении криволинейной формы или при ее геометризации. В последнем случае при замене круглых столбов квадратными дыньки превращались в многогранники, в крайнем проявлении — в стыкованные основаниями усеченные пирамиды. Примечательно, что в карельских вышивках встречаются антропоморфные (как и взаимозаменяющие их фитоморфные) изображения в виде цепочки ромбов [108], отдаленно напоминающие ортогональную проекцию столба с геометризованными дыньками.

Изменялся и пояс-оберег прототипа, превращаясь из валика в полочку, комбинацию валиков и полочек или прямоугольную вставку, по высоте соизмеримую с дынькой.

Таким образом, в случае со столбами «подсказка» нурмольских идолов и этнографические данные оказались ключом к разгадке образности абстрактной объемной резьбы. Замена конкретного мотива абстрактными сыграла свою роль и в эволюции кистей, закрывающих стык причелин на южнокарельских постройках. Имея отвлеченно геометрический силуэт, они нередко ассоциативно напоминают человеческую фигурку. Но даже при весьма относительном сходстве такие кисти можно причислить к антропоморфным изображениям, так как на многих образцах имеются легко узнаваемые подробности, расшифровывающие изобразительный код. Возможно, что именно генезис части карельских кистей путем геометризации изобразительного мотива предопределил одну из их декоративных особенностей — уже отмечавшуюся нами силуэтность абриса, отличную от излюбленного русскими прямоугольного контура деталей.

Генетическое родство рассмотренных нами примеров объемной и плоской резьбы — столбов, с одной стороны, и коньковых кистей — с другой, наводит на мысль о существовании неких универсальных закономерностей декоративных преобразований. Но к этому вопросу мы еще вернемся, а пока антропоморфная тема нам понадобилась для того, чтобы войти в мир архитектурного декора многократно проверенным способом, как это делали исследователи-предшественники, уделявшие основное внимание в декоре народного зодчества антропоморфным, а также зоо- и орнитоморфным мотивам, видимо, в связи с ясностью их пластического образа и соотносимостью с мифологией, фольклором и строительной обрядностью, бытующими в крестьянской культуре. При этом была раскрыта их роль в декоративном убранстве дома как обережно-благожелательных символов.

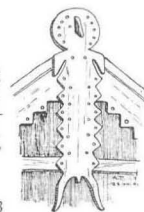

Другой пласт орнаментики, достаточной хорошо изученный археологами и этнографами, основан на символике плодоносящих сил природы. Она восходит к ранним стадиям культуры и в первую очередь включает солярные символы — различные варианты крестов, кругов, розеток. Столь же древними являются ромбы, квадраты и их усложненные модификации [109]. Архаичные по рисунку и символике мотивы и их сочетания применялись в архитектурном декоре карел для плоскостной резьбы. Часто они обогащались выемочной прорезкой граней детали прямоугольными и треугольными углублениями, глухими кружками или сочетанием прямоугольных углублений и кружков. Такие сопутствующие мотивы, характерные для порезки столбов жилища карел, зафиксированы на их некрокультурных сооружениях и на потоках. Последние у карел представляют настоящую обшир-

Антропоморфные изображения на покрытиях намогильных сооружений:
1 — на кладбище деревни Пириттигуба;
2 — на кладбище деревни Хайколя. Фото Б. Бойцова, 1980 г.

Антропоморфные кисти в деревнях: 1 — Гилкожа (фото Б. Бойцова, 1979 г.);
2, 3 — Сюскюярви [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 206]

Ограждение балкона в заонежском селе Типиницы. Фото В. Гуляева, 1992 г.

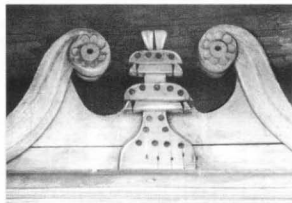
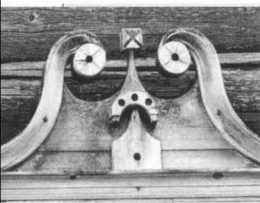

ную аналогию древних геометрических мотивов. Из них часто повторяется символ любви и брака, так называемый «четырёхлистник клевера», представляющий собой четыре углубления, сгруппированных вокруг центрального, пятого [110]. Самобытен и узор косо́го креста, выполняемый на плоскости деталей в виде пересекающихся желобков, а в ажурных ограждениях балконов набираемый из планок. Он уходит своими корнями к орнаментам на тканях в корельских надмогильниках XII—XIII вв. в западном Приладожье [111] и известен в орнаментике некоторых других финно-угорских народов, например, коми и финнов [112].

Один из древних мотивов — зубчатая или плавная волнистая линия — идеограмма воды, прослеживающаяся с эпохи неолита [113]. Она читается в равномерной сплошной обработке контура деталей мелкими полукруглыми, треугольными и прямоугольными выступами, встречается в виде самостоятельной декоративной темы или в качестве сопровождения главного мотива композиции. Скорее всего такая линейная обработка была использована в архитектурном декоре по аналогии с орнаментикой одежды, посуды и орудий труда, в свою очередь восходящей к древнему гребенчатому орнаменту, основными составляющими которого, как известно, являются треугольные и прямоугольные элементы [114]. Предпочтение именно этих базовых составляющих отличает, как мы уже показывали на примерах причелин и кронштейнов, контурную порезку карельских деталей при сопоставлении их с русскими.

Обычно не вызывает затруднений и расшифровка объемной резьбы деталей, генезис которых однозначно связан с формами «городской» архитектуры, например, кувшинообразная порезка столбов, сходство которых с каменными баясинами очевидно. Эволюция этого мотива в Карелии шла в направлении упрощения и геометризации рисунка, а также путем изменения взаиморасположения резных элементов, в результате чего повторяющиеся прототип зеркала́ные «кувшинчики», обращенные «горлышками» в разные стороны, сменились однонаправленными. Но при любых изменениях сходство с баясиной сохранилось.

Навершие вепских наличников с антропоморфным средником. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

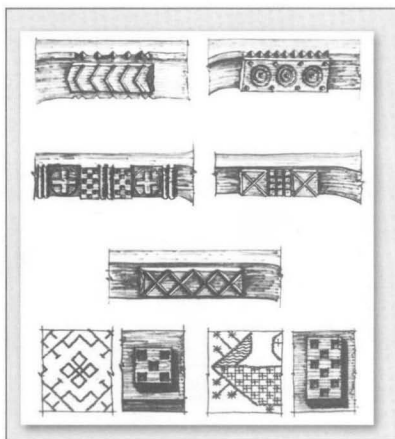

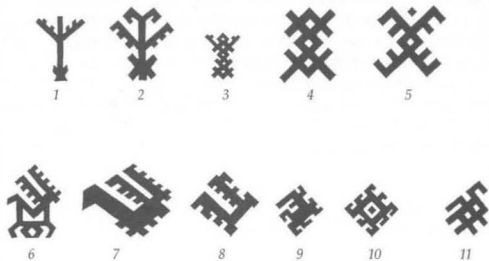
Сложнее решается вопрос в тех случаях, когда морфология деталей позволяет предположить их разное происхождение. Пример тому — кронштейны-модульоны, которые в ряде случаев могли произойти от аналогичных деталей каменной ордерной архитектуры, но в некоторых районах Карелии и на сопредельных территориях Архангельской области, судя по бытующим вариациям, больше тяготеют к абстрактно-геометрической резьбе. Последняя в своих многообразных проявлениях включает мотивы валиков, дисков, волют, побегов, зубцов и их различных сочетаний. Такие мотивы широко распространены в народной архитектуре. Тем не менее при ее исследовании особенности прорисовки и тематики абстрактно-геометрической резьбы, как правило, не рассматривались, а вопрос о происхождении такой резьбы долго оставался открытым. В этом плане интересно замечание искусствоведа А. К. Чекалова о дисках, кольях, завитках — мотивах обработки припечных коников — как эволюционирующих геометризovaných вариантах исходной темы — профильного изображения головы коня. Одна из характерных ступеней этой эволюции — соединение массивной перемычкой «морды» коня с корпусом, при котором образуется подобие сквозного диска [115].

На основании собранного во время экспедиций по Русскому Северу натурального материала, дополненного примерами из литературных источников, нами была предпринята попытка развить и дополнить гипотезу А. К. Чекалова применительно к другим распространенным в крестьянском зодчестве декоративно обработанным деталям [116]. В результате были сделаны выводы о тенденции в народном архитектурном декоре к постепенному упрощению и геометризации реалистических сюжетов, которые, проходя ряд переходных форм, образуют определенный устойчивый набор абстрактных мотивов, общих для различных построек и широко распространенных на Русском Севере в декоративной обработке шлемов, кронштейнов, припечных коников, куриц и полотенец. При этом реалистические изображения в процессе геометризации заменялись формами, связанными с солярными символами, основанными на кругах, или с их производными — спиралями, S-образными завитками. Такая замена, на наш взгляд, предопределялась семантической связью (она долгое время сохранялась в крестьянском фольклоре) образов коня и птицы — главных персонажей архитектурного декора — с солярной семантикой.

Сходный процесс, названный нами декоративно-семантическим преобразованием, прослежен Г. С. Масловой на материалах карельской вышивки.

Геометрические
мотивы в резьбе
карельских потоков
и их соотношение с
мотивами вышивок

Геометризация изображений дерева, оленя и птицы в вышивках верхне-волжских карел:
1—5 — изображения дерева [Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951. С. 57];
6—10 — изображения оленя [Там же. С. 39, 51];
11 — изображение птицы [Там же]

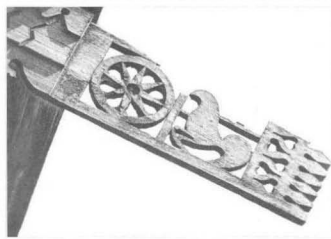
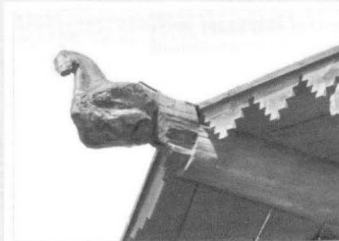
В частности, исследователь отмечает, что реалистические изображения оленя, лося, водоплавающей птицы и даже растений «все более и более геометризируются и, наконец, сливаются с чисто геометрическими, издавна бытовавшими формами» — ромбами (цепочками ромбов) — эквивалентами круговых форм для вышивок, и крестами — древними солярными знаками [117].

Еще один показательный пример — из музыкального фольклора карел. Ареальные исследования обрядовых песенных напевов, проведенные в бассейне Онежского озера этномузыковедом Т. В. Краснопольской, показали, что при распространении русских музыкальных заимствований и в карельской среде активно проявила себя местная традиция, интерпретируя русские напевы и придавая им черты не столько песенных, сколько эпических форм. Такие преобразования происходили, скорее всего, под влиянием «рунического мышления» — одного из древних пластов прибалтийско-финской фольклорной культуры [118]. Таким образом, музыкальные нововведения, так же, как и изобразительные мотивы в вышивках, в традиционной культуре карел постепенно архаизировались.

Распространение в карельском деревянном зодчестве абстрактно-геометрической пластики казалось бы можно объяснить декоративной эволюцией изобразительных мотивов. Но последних в декоре карел почти не сохранилось, в отличие от других земель Русского Севера, где изобразительные прототипы (чаще всего кони и птицы) соседствуют со своими геометрическими производными.

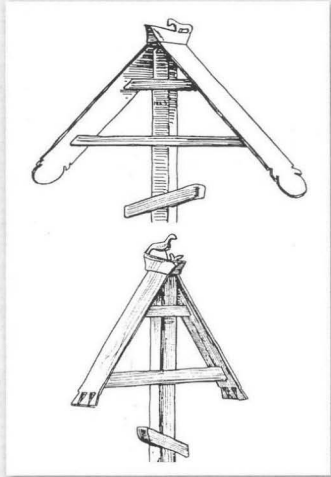
Как известно, скульптурные изобразительные сюжеты в архитектурном декоре ведут свое начало от мифологических представлений и ритуальной практики. По А. К. Байбуруну, жилища постройки в языческой традиции уподобляется телу строительной жертвы и увенчивается изображением головы культового животного [119]. Первоначально изображение скорее всего было натуралистическим и выполняло чисто магическую роль. (Косвенным подтверждением этого служит использование конских черепов в ка-

Конь-охлупень
в деревне Святнаволок.
Фото Б. Бойцова,
1979 г.

Причелина в заонежской деревне Красная Сельга. Фото Б. Бойцова, 1960-е гг.

честве оберегов [120]). По славянской традиции жертвенными животными в строительных обрядах служили конь и петух (курица) [121], вероятно, с этим связано распространение изображений коня и птицы на коньках крыш северно-русских жилищ. Антропоморфные изображения на кистях карельских домов, возможно, являются отголосками еще более архаичной обрядовой практики при строительстве дома — человеческих жертвоприношений [122]. У родственных карелам народов коми это подтверждается существовавшим еще в недалеком прошлом обычаем закладывать в основание дома деревянную антропоморфную куклу, которой предварительно раскалывали голову и обмазывали ее кровью [123]. По языческим верованиям, жертва, а следовательно и ее изображение на доме, одухотворяют постройку, принося хозяевам нового дома удачу [124].

Изображения коня и птицы на покрытых намогильных крестов, кладбище деревни Мууанто [Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ... S. 110]

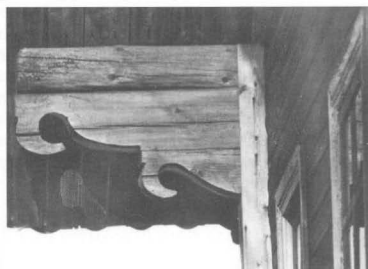
О фактах применения древних анималистических и антропоморфных изображений в ключевой точке декоративно-обережной системы крестьянского жилища — на его коньке — в карельских постройках нам неизвестно, как неизвестно и о фактах жертвоприношений животных в карельской строительной обрядности. Вместе с тем шлем с торпом, порезанным в виде головы коня,

в прошлом былотов у прионежских вепсов как в основном своем зооморфном варианте, так и в виде гибрида с птицей, «грифона», имевшего подобие загнутого клюва (признак птицы) и уши (признак коня) [125]. Возможно, непосредственным или опосредованным отзвуком конской темы на коньках построек карел стали, с одной стороны, немногочисленные шеломы с обработкой в виде волюты, а с другой стороны, — поздние «приставные» кони на шеломах, а также примитивные (но не стилизованные) изображения коня и птицы, зафиксированные на покрытиях намогильных крестов в деревне Мууанто [126].

В этой связи примечательно, что в финно-угорской мифологии и фольклоре большая роль отводится оленю, лосю, которые являются и жертвенными животными, а также водоплавающей птице. Хотя упоминания об их использовании в строительной обрядности нами не найдены, тем не менее существуют наблюдения о деревянном изображении утки на крыше избы у коми-зырян [127]. Отголоском аборигенной традиции, вероятно, можно считать и рога оленя на коньке крыши, встречающиеся у русских Мезени. В некоторых исследованиях отмечается использование финно-уграми хвойного дерева в ритуале закладки нового дома [128]. В связи с этим интересно отметить зафиксированное нами у тверских карел стилизованное изображение елочки на коньке дома, что позволяет связать решение конькового узла не только со строительной жертвой, но и с другими традициями.

Можно предположить, что характерные для многих субрегионов Русского Севера кони-охлупни не получили широкого распространения в исторически молодых покрытиях карельских домов в силу приоритетности для карел более древнего и геометрического орнамента. Правомoрность такого предположения подтверждается зафиксированной во всех видах архитектурного декора карел тенденции к геометризации орнаментальных мотивов. Видимо, относительно редкие случаи сосуществования в настоящее время в карельской архитектурной орнаментике изобразительных прототипов и их геометризованных производных можно объяснить более интенсивным, чем у русских, вытеснением первых вторыми (исключение, как уже отмечалось, составляют антропоморфные мотивы в силу их относительно большей укорененности). Но в любом случае зооморфная тема представлена в архитектурной орнаментике карел шире, чем это кажется на первый взгляд. Так, натуралистические изображения коня встречаются на поздних оконных наличниках у людиков. Об отождествлении карелами волют наличников с изображениями коней свидетельствуют факты вполне осмысленного декорирования их конской атрибутикой (например, изображение гривы на волютном наличнике в деревне Кинерма, см. ил. на с. 418). Аналогично проявляется и орнитоморфная тема. Показательны в этом отношении наличники в северно-ливвиковской деревне Харитонов Гора, волюты которых трактованы в виде стилизованных птичьих голов с загнутыми клювами, напоминающих сямозерские кронштейны-крюки (см. о них на с. 383—385).

Кронштейны-крюки, Пражинский район.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Наличник в деревне Харитонова Гора.
Фото В. Гуляева, 1987 г.

Данные о перефразировках реалистических и геометрических мотивов в наличниках могут косвенно свидетельствовать об их генетическом родстве. Возможно, оно определялось семантическими связями: известно, что культовые животные и птицы карел соотносились с идеей огня, света, солнца [129], по вышивкам известны также слияния образов оленей, лосей и птиц с более поздним образом коня [130]. С другой стороны, осознание объемных геометрических форм как солярных символов подтверждается расшифровкой их семантики с помощью характерных крестов и розеток [131], а также заменой валика в кронштейне-модульоне прямоугольным выступом с порезкой в виде косоного креста, как, например, в детали из сегозерской деревни Евгора.

Кронштейн в деревне
Евгора. Фото
В. Гуляева, 1992 г.

Таким образом, генетически, судя по семантике или по морфологическим признакам, мотивы архитектурного декора связаны между собой и с особенностями культуры народа. Подобное родство усиливает и относительно позднее явление перехода в архитектурный декор мотивов и даже целых композиций из других видов народного творчества, что связано с «ассоциативной преемственностью», о которой мы уже говорили применительно к орнаментике причелин и вышивок, а также при анализе роли трехчастных композиций вышивок в формировании волютных завершений наличников. Ассо-

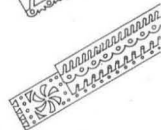
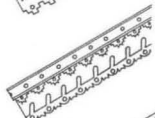
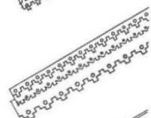
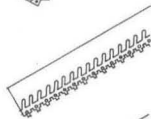
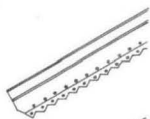
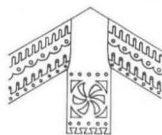
плативания преемственность — проявление особого традиционализма карельской культуры — может быть связана с чисто внешним подражанием морфологическим признакам привычных, хотя и разнородных, форм. При этом она, как правило, соотносилась с этническими приоритетами карел, связанными с характерным для них стремлением к обострению силуэта детали и геометризацией орнаментальных мотивов.

Но нередко ассоциативная преемственность проявлялась как частный случай «закона переноса» ранее выработанных и закрепленных традиций приемов обработки материала на новые формы. Применительно к вышивкам хрестоматийным примером тому может служить геометризация тамбурного шва. Такой шов позволял выполнять плавные кривые, но использовался карелками для воспроизведения угловатых мотивов, характерных для древнего двухстороннего шва, что придавало даже поздним карельским вышивкам архаичный «колючий» характер, отличающий их от современных им вышивок русских.

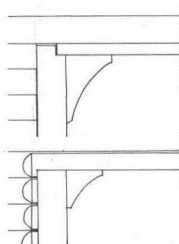
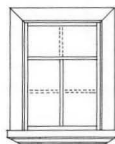
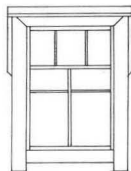
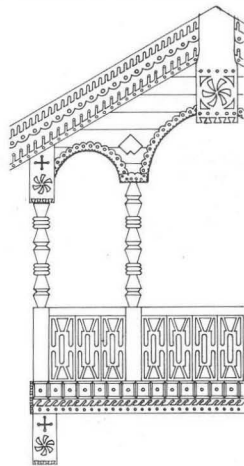
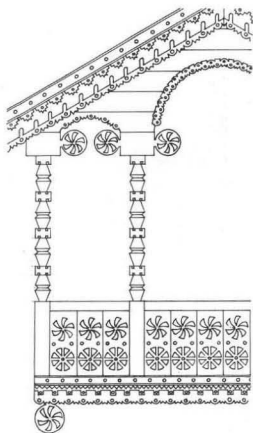
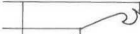
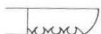
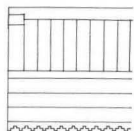
То же во многом относится и к резьбе по дереву. В частности, декоративная «змейка», образующаяся на гранях прямоугольных элементов резных столбов при обработке их ребер треугольными засечками, воспроизводилась и при упрощенной плоско-выемочной порезке деталей, а позднее повторялась в накладной резьбе на архитектурных оконных наличниках.

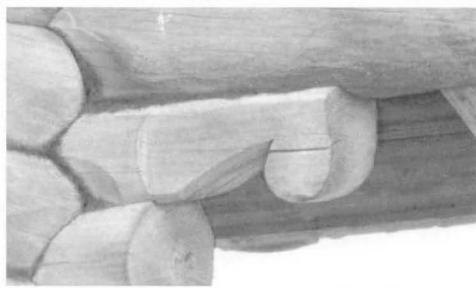
Использование традиционных приемов обработки дерева при внутрикультурных межвидовых заимствованиях и намеренное обострение заимствованных инокультурных образов зачастую приводило к возникновению мотивов, имеющих принципиально новый, но подражательный характер. Выразительное свидетельство тому геометризация обработки столбов. Стремление к последней является универсальной тенденцией, характерной для поздней стадии развития народного зодчества. Но в домовом декоре карел она была усилена сохранившимися древними традициями орнаментального искусства и присущей карелам рациональностью в приемах обработки дерева. В этих условиях у них быстрее, чем у русских, произошел переход к прямолинейно-геометризованным формам декорирования столбов. Традиционные пластичные мотивы их резьбы в карельской интерпретации намогильных и балконных столбиков предстали призмами и параллелепипедами, украшенными многочисленными засечками и выемками на ребрах и гранях. Скомпонованные по принципам линейного орнамента объемные элементы во многих случаях занимают всю длину обрабатываемого столбика. Такие приемы производят художественный эффект, создающий отчетливое ощущение национального своеобразия архитектурного декора [132].

Впечатление о необычайном богатстве и многообразии декоративных мотивов в деревянном зодчестве Карелии усиливалось благодаря росписи, которую карелы, преимущественно ливвики и лютики, иногда применяли на подшивке свесов крыши и балконов. При этом мотивы росписи во многом напоминали орнаментацию прялок и других бытовых предметов. По свидетельству исследова-

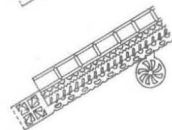
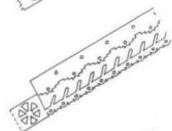
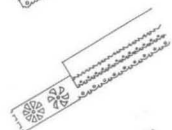
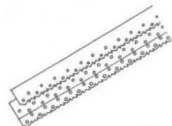
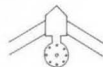
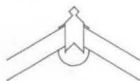

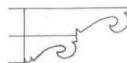
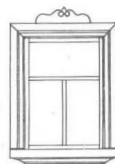
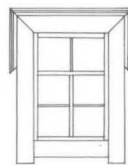
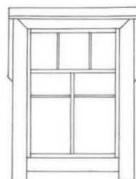
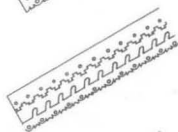
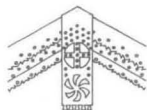
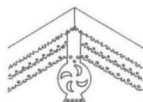
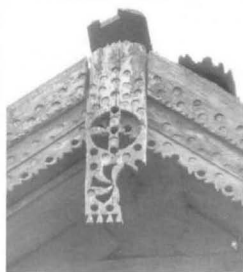
Декоративный ансамбль деревни Сяргилахта.
Фото В. Гуляева, 1991 г.

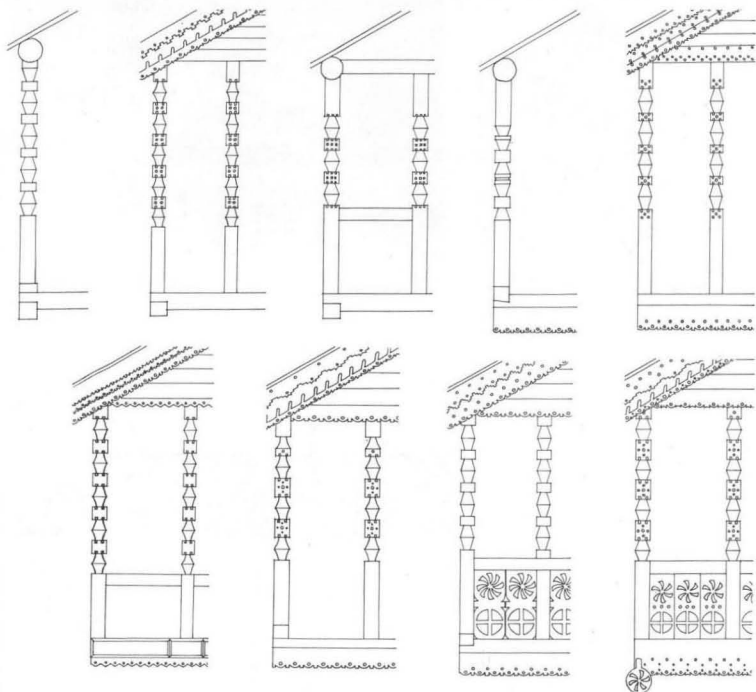

Декоративный ансамбль деревни
Корза. Фото В. Гуляева, 1991 г.

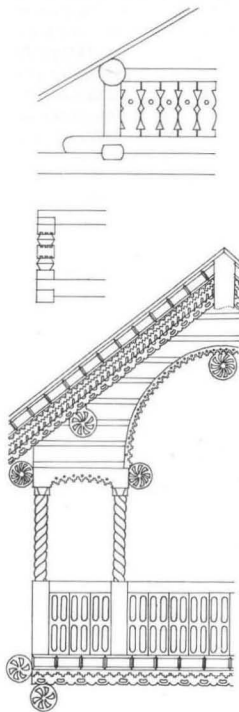

447

ДЕКОРАТИВНЫЕ МОТИВЫ

Декоративный ансамбль деревни
Корза. Фото В. Гуляева, 1991 г.

теля народного творчества А. П. Косменко, для карельской национальной росписи XIX в. характерны два направления — более древнее, основанное на воспроизведении простейших геометрических фигур (кругов, квадратов, полос и т. д.), и более позднее — свободная кистевая роспись растительными узорами. «Если в росписях русских мастеровых наблюдалось больше элементов изобразительного рассказа, то у карел преобладала декоративная сторона. К тому же в манере исполнения проявились особое простодушие, даже наивность, придающие карельским росписям неповторимую прелесть. Эти характерные особенности расписных узоров сближают их с карельской вышивкой и резьбой по дереву» [133].

На характер росписи безусловно влияло и то обстоятельство, что выполняли ее обычно сами плотники-карелы [134]. Сказалось это и на связи росписи с окраской. Последняя в большинстве случаев служила для выделения цветом деталей, усиливая контрастность и силуэтность их восприятия. Светлые наличники окон с яркими вкраплениями деталей на фоне темных бревенчатых стен, падуга балкона, окрашенная в большинстве случаев в зеленый или белый цвет на фоне свесов крыши, окрашенных в насыщенный красный цвет, а те в свою очередь — на фоне белого северного неба — во всем учитывалось цветовое взаимодействие деталей и фона, обеспечивающее силуэтное восприятие декора и исключающее дробность и пестроту.

В прошлом с помощью цвета подчеркивался богатый резной узор причелин, кистей и полотенец, которые еще в 1930-х гг., по свидетельству Р. М. Габе, благодаря сочетанию мелких цветковых пятен производили впечатление мозаики [135]. К 1950-м гг. окраска причелин почти не сохранилась, но остальные полихромные детали фасадов создавали незабываемый декоративный эффект. К сожалению, в последующие годы с подачи специалистов, влюбленных в «естество дерева», возник устойчивый стереотип: народное деревянное зодчество — монохромное искусство, для которого цветовая косметика противопоказана. Поэтому даже достоверные следы окраски на реставрируемых объектах игнорировались, как нечто недостойное внимания, без тени сомнения в праве реставраторов соотносить прошлое с «собственным эстетическим аршином».

А между тем в народном зодчестве Карелии выработались мудрые принципы окраски, учитывающие природно-климатические условия края и эстетические предпочтения крестьян. Судя по сохранившимся до 1950-х гг. образцам, в республике в прошлом применялось в основном контрастное сочетание немногих цветов — белого (реже желтого), красного, зеленого (реже синего), иногда коричневого и фиолетового. Смелое противопоставление дополнительных цветов, таких, как красный и зеленый, усиливало хроматический контраст, а выделение цветом деталей учитывало их размеры и место в структуре дома. Так, если поле наличников чаще всего окрашивалось в белый цвет, то набивные украшения получали интенсивную «выступающую» окраску — зеленую и красную, что обеспечивало рельефное восприятие декора в любую погоду без помощи светотени.

Благодаря синкретичности народной культуры художественное освоение карельскими крестьянами действительности нашло созвучное выражение во многих видах народного творчества. Показателен в этом отношении фольклор и, прежде всего, один из самых архаичных его жанров — причитания. Их консервативность обеспечила длительное сохранение традиций, а импровизационный характер способствовал наиболее полному в рамках традиционного регламента самовыражению исполнителей.

Даже на современного человека ошеломляющее впечатление производит поэтическое мироощущение карельской плакальщицы-крестьянки, которая от имени умершего обращается к родичам: «И внутри гулких, золотом истекающих еловых лесов подготовьте красивые места для отхода к знатным прародителям» [136] или явно индивидуальное по мировосприятию описание пути за водой в одном из среднекарельских причитаний о ритуальной невестинной бане: «Ведь для последней баенки уточки (невесты. — В. О., И. Г.) надо было [принести] воду из синих морей. Туда ведут синие мосточки, по краям синих мосточков синие престолы, за синими престолами чудесные спасы поставили золотые кусточки. Под этими золотыми кусточками золотые чашечки. Ими надо было воду нести ...» [137].

И уж совсем сказочный мир воссоздавался в причети южной Карелии, где «... на девяти петлях стоят ворота райские... а как за этими воротами, говорят, от края до края света расстилаются зеленые лужочки. На тех зеленых лужочках есть золотые колодцы с медовою водицею. И, говорят, золотые кружечки на них поставлены... и еще там, говорят, есть от края до края света престолы, аж с шестьюдесятью шестью кушаньями и с сорока четырьмя закусочками» [138]. В мире сказочной реальности «...хрустальные мосточки сделаны на пути... Алые бархаты разостланы на хрустальных мосточках и золотых птиц-кукушечек наняли, чтобы сидели по обе стороны на золотых решетках... ни самоцветных камней не роняли, ни лазоревых цветочков не рассыпали» [139].

Причитания интересны не только своими несомненными поэтическими достоинствами, но и как достоверные источники, которые в метафорической форме доносят до нас обобщенное представление карельских крестьян об образе освоенного мира, пронизанного благожелательной магией и соотношенного с идеалом красоты как высшей человеческой ценности.

Центром этого мира для крестьян были родная деревня и отчий дом, выраставшие из реалий бытия. Но иная реальность, связанная с мечтой об идеале, наделяла срубы почти художественным совершенством, а детали — праздничной неповторимостью. Теплота их рукотворной пластики стала ведущим признаком ансамблей карельских деревень, неизменно сохранявших свою целостность в круговороте «стилистических» изменений. Эту целостность донесли до наших дней традиционные поселения карел. Точнее, те из них, которые пощадило время.

1. В настоящее время такой способ сохранился в доме М. В. Афанасьева и В. А. Куприянова в сямозерской деревне Корза (вт. пол. XIX в.). Аналогичные решения Р. М. Габе зафиксировал в той же деревне в доме Фофанова (*Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество*. М., 1941. Рис. 32), а У. Ульберг, А. Таваршени и Я. Кекконен — вблизи Суоярви (*Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ja koristemuotoja Karjalasta kahden puolen rajaa*. Helsinki, 1929. S. 31.)
2. Орфинский В. П. Народное храмостроительство // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 410—411.
3. Шенников А. А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева: Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. СПб., 1993. Рис. 11.
4. По данным, собранным Т. А. Нечаевой в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК), в начале XX в. в карельских Ребольской и Богоявленской волостях содержание мха и хвои в подстилке менялось соответственно от 61 до 25 и от 44 до 39%, а в русских Шунгской и Петровско-Ямской волостях солома составляла от 85 до 50% с добавками хвои (от 35 до 13%), мха (порядка 6—7%), осолохи (от 1 до 9%). Любопытно, что наибольшее количество добавок хвои в русских волостях зафиксировано в поселениях, в которых в прошлом проживали карелы и обрусевшие карелы (НАРК. Ф. 27, оп. 2: д. 24/379, д. 53/880; Ф. 27, оп. 3: д. 2/6, 2/17, 2/18, 2/19, 2/20, 2/21. 1909 и 1910 гг.)
5. Paulaharju S. Karjalainen talo. Helsinki. 1983. S. 19, 66, 70 и др.; *Габе Р. М.* Указ. соч. Рис. 41.
6. Гришина И. Е., Аляля Е. В. Научный потенциал массовых обследований архитектурного наследия // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 2007. С. 497—503.
7. Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 44—45, 65—66, 69.
8. Гришина И. Е., Логинов К. К. Жилые и хозяйственные постройки // Деревня Ююкогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2001. С. 142.
9. Помимо различных, в том числе исторически молодых, построек Карелии, такие входы зафиксированы в Финляндии (*Kolehmainen A., Laine V. A. Suomalainen talonpoikaistalo*. Helsinki, 1980. S. 65.)
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб., 1902. С. 1051.
11. Снегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972. С. 79—80.
12. Гришина И. Е. Семантика входных и оконных проемов крестьянского жилища как основа их композиционного развития // Народное зодчество: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 71—72.
13. Снегальский Ю. П. Указ. соч. С. 81.
14. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности. Т. 1. (Дис. на соиск. уч. ст. доктора архитектуры). М., ЦНИИТА, 1975. Табл. 82. Архитектурно-археологический музей.

логическая шкала для датировки часовен Карелии. (Опубликована в ст.: Орфинский В. П., Яскеляйнен А. Т. Хронологическая атрибуция сооружений деревянного культового зодчества Карелии // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999. С. 152—159; Орфинский В. П., Яскеляйнен А. Т. Хронологическая атрибуция сооружений народного деревянного культового зодчества // Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 223—229).

15. Габе Р. М. Указ. соч. С. 181.
16. Спегальский Ю. П. Указ. соч. С. 78.
17. По традиционной технологии дерн укладывается по берестяному коврику травой вниз для обеспечения стока дождевой воды по бересте (Kolehmainen А. Деревянные постройки в Утсиоки — самом северном округе Финской Лапландии // Народное зодчество: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 135.)
18. Конструкции жердевых кровель северо-западной Карелии во многом аналогичны кровлям соседней Финляндии (Kolehmainen А., Lai-
ne V. А. Suomalainen talonpoikaistalo. S. 95, 155.)
19. Габе Р. М. Указ. соч. С. 70.
20. По словам Р. М. Габе, в 1920—1930-х гг. карельские крестьяне предпочитали такое устройство старинным потокам-желобам, в пазу которых застаивалась дождевая вода, способствуя загниванию кровельного теса (Габе Р. М. Указ. соч. С. 66)
21. Карельские причитания. (Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски). Петрозаводск, 1976. С. 51—52, 210—211.
22. Орфинский В. П. Деревянное зодчество удорских коми // Архитектурное наследство. № 37. М., 1990. С. 296—297.
23. В частности, потоки на кронштейнах имеет южнокарельский амбар из деревни Пелдожи, ныне находящийся в музее «Кижи».
24. Гришина И. Е. Резные кронштейны в деревянном зодчестве южной Карелии: вопросы генезиса и этнических особенностей // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998. С. 115—129.
25. Аналогичные особенности освоения русских заимствованных образцов в северо-западном Обонежье (этнический ареал карел-людилов) выявлены и на материале музыкального фольклора (Гришина И. Е., Краснопольская Т. В. О некоторых направлениях комплексного изучения явлений традиционного народного искусства // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: материалы международного симпозиума. Петрозаводск, 1997. С. 15).
26. Орфинский В. П. Классификация архитектурно-конструктивных и декоративных деталей деревянного зодчества Русского Севера // Архитектурное наследие и реставрация (Реставрация памятников истории и культуры России): Сборник научных трудов. М., 1986. С. 147—151.
27. Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 80.
28. Костиков Л. Изба семи государей. Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 6—7, рис. 7—8.

- О карелизации в зодчестве Сямозерья, проявившейся на волне вторичной этнизации культуры субрегиона в конце XIX — начале XX в. см.: Орфинский В. П. Народное храмоостроительство; Гришина И. Е., Орфинский В. П. Архитектура крестьянского жилища // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 000—000.
30. Гришина И. Е. О развитии декоративных мотивов в деревянном крестьянском зодчестве Российского Севера // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1991. С. 80.
31. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 63.
32. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951. С. 86, 95.
33. Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 564.
34. Конкка А. П. Сямозерская свадьба // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 000.
35. Косменко А. П. Орнаментальное искусство сямозерских ливвиков (XIX — начало XX века) // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 000.
36. Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. М., 1963. С. 40.
37. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 471.
38. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 19; Габе Р. М. Указ. соч. С. 99; Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. М., 1970.
39. В Заонежье по отношению к сопредельным с Карелией частям Архангельской и Вологодской областей по состоянию на середину 1970-х гг. причелины цельного сечения с многоярусной выемочной резьбой составляли 80,3% против 42,5%, а причелины составного сечения 4,2% против 40,0% от общего количества проанализированных причелин на традиционных крестьянских домах (Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 263).
40. Там же. С. 262.
41. Там же.
42. Чекалов А. К. Мебель и предметы обихода из дерева // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в. Т. 1. М., 1962. Рис. 6—7.
43. Городковый мотив известен в орнаментике многих народов и, в частности, зафиксирован в южно-карельских и вепсских могильниках (Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 82, рис. 8.7, 8.8) и на новгородских причелинах XIV в. (Засурцев П. И. Указ. соч. С. 40).
44. Большинство старинных карельских полотенец вышито техникой счетного двухстороннего («досюльного») шва, для которой харак-

терны ломные или ступенчатые контуры узоров и заполнение фигур, помимо сетки квадратов, диагональными ступенчатыми линиями или полосами, состоящими из отдельных квадратиков (Маслова Г. С. Народный орнамент ... С. 109)

45. Габеев Р. М. Указ. соч. С. 105.
46. Мотив круглых подвесок помимо юго-западной Карелии, где он зафиксирован на 18,28% известных причелин, изредка встречается на юго-востоке Карелии (1,4%) и у прионежских веисов (5,3%) (Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 264), но больше нигде на Русском Севере подобное решение подвесок авторам не встречалось.
47. Романов К. К. Жилой дом в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. (Крестьянское искусство СССР. Т. 1). Л., 1927. С. 39, 43; Габеев Р. М. Указ. соч. С. 77.
48. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. Табл. 75.
49. Майнов В. Н. Несторова Вось и Корельские дети // Живописная Россия. Т. 1, ч. 2. СПб.: М., 1881. С. 501; Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 251.
50. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. Табл. 75.
51. В число трехарочных при подсчетах включены единичные примеры пятиарочных балконов.
52. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. Табл. 75.
53. По состоянию на середину 1970-х гг. выступающие резные концы верхней обвязки балконного ограждения имели 17,4% балконов южных карел против 5,1% русских балконов (Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. Табл. 75).
54. Габеев Р. М. Указ. соч. С. 126.
55. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 277.
56. Кириченко Е. И. О закономерностях развития архитектуры (опыт системного анализа эклектики и модерна) // Архитектура СССР. 1973. № 12. С. 47.
57. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. СПб.: М., 1880—1882; Т. IV. С. 158.
58. Там же. Т. IV. С. 590; Т. I. С. 315.
59. Громов Г. Г. Жилище // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 195.
60. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 78.
61. Громов Г. Г. Указ. соч. С. 195.
62. Гришнина И. Е. Образ дома в крестьянской культуре Карелии: взаимосвязи фольклорной и архитектурной интерпретаций //

- Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3. Желаемое и действительное. М., 2001. С. 20—23.
63. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 180.
64. В аналогичном случае о связи арки с моделью небесного свода пишет Б. А. Рыбаков, отмечая тождество изобразительного строя одноарочных оконных наличников-теремов на фронтонах поволжских изб и бронзовых арок напирестольной сени XII в. из города Вщижа (Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 492—494).
65. Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX—начала XX вв. СПб., 1992. С. 89—92 со ссылкой на кн.: *Erixon S., Campbell A. Svenskbygd och folkkultur i Samling, forskning och vard.* 1—4. Stockholm, 1946—1948, B. 1. S. 189; *Kyronmaa. 6. Helsinki, 1949. S. 110, k. 81; Bieliniskis F., Cerbulenas K. Seseldis K. Lietuviu liaudies menas: Architektura. I kniga.*— Vilnius, 1957, kn. 1. P. 406; Гинт А. К. к истории удмуртского жилища // Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. 1931. С. 78—79, рис. 17.
66. Bugge G., Norberg-Schulz C. Stav og laft i Norge. Oslo, 1969. S. 18—21, 41—55.
67. Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 11—12.
68. Там же. С. 13, 18—19, 20—21.
69. Там же. С. 16—19.
70. Bugge G., Norberg-Schulz C. Stav og laft... S. 57—58.
71. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 91.
72. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища, хозяйственные строения) // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956. С. 360.
73. Василенко В. М. О содержании в русском крестьянском искусстве XVIII—XIX вв. // Русское искусство XVIII—первой половины XIX в. М., 1971. С. 144.
74. Гришина И. Е. О социальных функциях архитектурно-пространственной среды (на примере сельских поселений) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 43.
75. Замечание о связи пышного развития декора на жилищах богатых горожан с усилением его престижной роли делает Г. Г. Громов на материале XVII в. (Громов Г. Г. Указ. соч. С. 200—201). Аналогично Б. А. Рыбаков связывает обилие украшений на прялках с демонстрацией их на публичных посиделках (Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 506).
76. Байбурин А. К. Указ. соч. С. 135.
77. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 465.

78. Аицков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950. С. 84; Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 370, 200; Романов К. К. Жилой дом в Заонежье // Крестьянское искусство СССР. Т. 1. Л., 1927. С. 34.
79. Габе Р. М. Указ. соч. С. 3; Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С. 154, 156.
80. Байбурич А. К. Указ. соч. С. 72.
81. Там же. С. 69—74.
82. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX—начала XX века (Изд. подг. Никольская Р. Ф., Косменко А. П.) Л., 1981. С. 73.
83. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... Указ. соч. Т. 61.
84. Pettersson L. Äänisniemen kiriollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 265—268.
85. Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karelska Buggnader och Ornamentala Former. Helsingfors, 1900. Т. 28—29.
86. Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 85.
87. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 47.
88. Романов К. К. Указ. соч. С. 34; Габе Р. М. Указ. соч. С. 73.
89. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция... Т. 1. С. 269—270.
90. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 45—47; Косменко А. П. Антропоморфная скульптура в декоре вепских построек // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 46—58.
91. Гришина И. Е. О развитии декоративных мотивов... С. 85—86.
92. Амброс А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаичного типа // Советская археология. 1966. № 1. С. 69—73.
93. При определении ареалов вышивок использованы данные Масловой (Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки..., рис. 84). И это не единственный пример совпадения ареалов генетически родственных сюжетов в архитектурной орнаментике и вышивках: по данным Г. С. Масловой (Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки..., рис. 84) и натурных исследований авторов, в верховьях Пинеги совместно бытуют лебединая орнаментика в вышивках и птицы-охлупни.
94. Байбурич А. К. Указ. соч. С. 80—81, 140—143.
95. Конка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 105.
96. Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 125.
97. Там же. С. 122.

98. Габе Р. М. Указ. соч. С. 149; Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 161, k. 169.
99. Габе Р. М. Указ. соч. С. 149—151.
100. Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 128.
101. Там же.
102. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 16—17, k. 22—24.
103. Габе Р. М. Указ. соч. С. 159.
104. Там же. С. 161.
105. Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 501.
106. Снегирев И. М. Памятники московской древности. М., 1842—1845. Стр. XXXIX. («Стоглав» — сборник решений Стоглавого собора 1551 г., представляющий собой кодекс правовых норм внутренней жизни русского духовенства и его взаимоотношений с обществом и государством).
107. Денисова И. М. Дерево-дом-храм в русском народном искусстве // Советская этнография. 1990. № 6. С. 109.
108. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. ... С. 55—56.
109. Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // Советская археология. 1965. № 3. С. 20; Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси // Советская археология. 1960. № 4. С. 56—64; Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. ... С. 85, 101—102.
110. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. ... С. 53.
111. Там же. С. 85—86.
112. Белицер В. И. Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX вв. М., 1958. С. 314; Kolehmainen A. Suomalainen aitta. Helsinki, 1983. S. 154, 185.
113. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки... С. 159.
114. Станюкович Т. В. Народное декоративно-изобразительное искусство // Этнография восточных славян. М., 1978. С. 475.
115. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура русского Севера. М., 1974. С. 20.
116. Гришина И. Е. О развитии декоративных мотивов...
117. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. ... С. 64, 86, 102.
118. Краснопольская Т. В. Опыт сравнения традиционных песенных форм и мотивов архитектурного декора // Народное зодчество: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 197—199.
119. Байбурун А. К. Указ. соч. С. 63—64.
120. Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 354.

121. Байбурин А. К. Указ. соч. С. 63.
122. Там же. С. 61—62.
123. Жеребцов Л. Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971. С. 77; Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов Коми. М., 1980. С. 24.
124. Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Труды института антропологии, археологии, этнографии. Т. XV. Вып. 2. М.; Л., 1937. С. 28.
125. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. С. 169, 171.
126. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 110, т. 29, к. 2, 4.
127. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. ... С. 95.
128. Байбурин А. К. Указ. соч. С. 60.
129. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. С. 97—101.
130. Там же. С. 38, 50.
131. Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja... S. 184, т. 40, к. 4; S. 187, т. 42, к. 1.
132. Показательные территориальные ареалы прямолинейной и криволинейной резьбы столбов в Карелии. Первая, в виде прямоугольных пропилов и геометризованных дынок, особенно широко распространена в карельском этническом ареале — 54,4% от общего числа столбов XIX в. против 1,5% у русских.
133. Косменко А. П. Карельское народное искусство. Изобразительное творчество. Петрозаводск, 1977. С. 14—15.
134. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 94.
135. Габе Р. М. Указ. соч. С. 175.
136. Карельские причитания. ... С. 87.
137. Там же. С. 146.
138. Там же. С. 246.
139. Там же. С. 362.

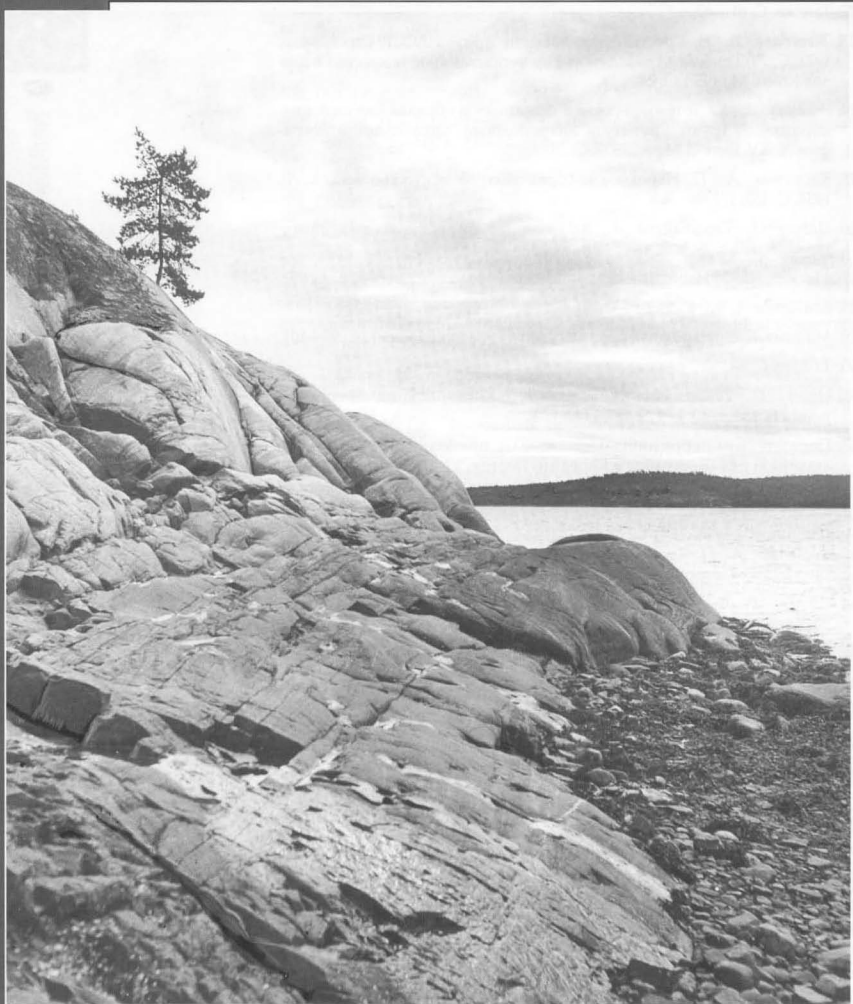

Фото Б.Бойцова, 1960-е гг.

«От 25 марта до 20 июля день и ночь шел дождь; потом настал холод, и были морозы большие и побили всякий хлеб... Был мор от голода сильный, так что некому было хоронить умерших. Не только мертвых людей ели, но и живые люди друг друга убивали и ели; и конину, и собак, и кошек — и все, что кому попадалось ели;... и умирали люди по всей земле так что нельзя сосчитать», — сообщала Никоновская летопись о событиях в Новгороде 1229—1230 гг. [1]. Подобными сообщениями на протяжении XIII—XVIII вв. с небольшими перерывами пестрят страницы древнерусских летописей и рассказов путешественников [2]. Это было время, когда после потепления малого межледникового наступил малый ледниковый период и стихийные бедствия потрясли не только Русь, но и запредельные европейские страны, а северную Атлантику сковали льды. И хотя на фоне экстремально суровых зим и сырого холодного лета наблюдались эпизодические повышения температуры, в целом климатические изменения оказались весьма существенными, что непосредственно повлияло на состояние природных комплексов и опосредованно — на развитие культуры [3]. В частности, формирование домов-комплексов — важнейшего этапа развития традиционного крестьянского жилища — приурочено на Русском Севере к пику малого ледникового периода (XVI—XVIII вв.), а начавшееся с середины XIX в. потепление способствовало аграрному освоению севера Карелии, что внесло коррективы в эволюцию жилых домов субрегиона.

На глобальную цикличность природных процессов накладывался круговорот хозяйственных изменений в пределах двух полярностей — общинной и индивидуальной форм землепользования черносошных крестьян Карелии (родовая община — долевая деревня — подворно-участковое землевладение — поземельная община — хутора). В свою очередь эволюционная круговерть благодаря однонаправленному поступательному развитию земледелия от переложных к комбинированным и от них к трехпольно-паровым системам растягивалась в пространственную спираль. Ее абрис усложнялся колебаниями внешних импульсов развития, нацеленных на запад Российского Севера (во времена Великого Новгорода), на восток (после присоединения к Москве) и опять на запад (после основания Петербурга), и однонаправленным смещением к востоку внутренних импульсов, источниками которых служили административные и экономические территориальные центры — города Корела (1311—1617 гг.),

Олонец (1649—1782 гг.), Петрозаводск (с 1782 г.). Все эти обстоятельства, включая различные природно-климатические условия обширного края, вытянувшегося с юга на север на 660 км (от 60 градусов 40 минут до 66 градусов 40 минут северной широты), и историческая подвижность административно-территориальных границ фактически расчленили единую траекторию эволюции народного деревянного зодчества на множество спиралей и спиралек, которые отличались друг от друга и своим абрисом (количеством полных и неполных витков), и интенсивностью развития, уподобаясь в своей совокупности часовому механизму, состоящему из несинхронно вращающихся колесиков и шестеренок.

Впрочем, аналогия с часами не в состоянии выразить всей внутренней сложности реально происходивших в Карелии процессов развития народного зодчества, поскольку дополнительные коррективы в них вносил консерватизм, присущий традиционной крестьянской культуре, который, в частности, способствовал длительному сохранению привычных приемов и форм организации пространственной среды. И лишь в тех случаях, когда такие приемы и формы вступали в явное противоречие с требованиями жизни, крестьяне отказывались от них. При этом традиционные «тормоза» препятствовали преобразованию лишь тех форм, которые успели укорениться в народном сознании, а в целом интенсивность архитектурных преобразований находилась в обратной зависимости от времени укоренения преобразуемых форм. В результате возникла тройная несинхронность развития народного зодчества — неравномерность преобразования форм, однотипных на различных территориях (север-юг), разнотипных на одной и той же территории, и, более того, различных элементов одной и той же формы.

Напомним, что воздействие такой комплексной несинхронности на развитие зодчества не было в Карелии однородным, а менялось в зависимости от этнического состава населения края. В частности, при прочих равных условиях эволюционные процессы в карельской среде протекали не только замедленно, но и с явным недоиспользованием «эволюционного потенциала» той или иной тенденции, что, как уже отмечалось, связано с некоей «нормой» допустимых изменений, обеспечивающей совместимость преобразований с устойчивыми традиционными установками карел. В целом повышенный традиционализм карельской культуры способствовал тому, что многие стадийные по своему характеру особенности объемно-пространственных структур, построек и деталей можно рассматривать как этнодифференцирующие признаки [4].

Сказанное в полной мере относится к формам, наваянным русскими влияниями или возникшим у карел конвергентно, но в силу разных причин не акцентированных их этническим самосознанием. Иная ситуация складывалась при совпадении направлений эволюционного процесса с национальными приоритетами карельской культуры. В этом случае возникало «стар-

преобразований — своего рода внутренняя несинхронность в архитектурном формообразовании карел. Примеры тому — упрощение и рационализация архитектурных деталей и ускоренная геометризация карелами декоративных мотивов, способствовавшая, в частности, более быстрому, чем у русских, переходу к прямолинейным формам обработки столбов и вытеснению из архитектурной орнаментики некоторых реалистических зоо- и орнитоморфных изображений.

Все присущие карельскому деревянному зодчеству особенности чаще всего проявляются в завуалированном виде, а сходство в архитектуре соседствующих народов — карел и русских — выражается отчетливее, нежели различие, благодаря многовековому проживанию в рамках единого государства в сходных природно-климатических условиях при соизмеримых уровнях социально-экономического развития. Неизбежно возникавшие при этом взаимовлияния предопределили многочисленные архитектурные аналогии, но, как читатель успел убедиться, они не привели к архитектурному тождеству.

Видимо, этническая специфика русской и карельской архитектуры стала результатом различной «настройки» механизма комплексной несинхронности развития, которая у карел восходит к синкретизму их культуры с характерными для нее природосообразностью, природоподражательностью и их общей мировоззренческой подосновой — христианско-языческим синкретизмом. Безыскусно-рациональная «вписанность» в природу прослеживается у карел от подходов к общей организации среды обита-

*Архитектура и природа.
Фото Бойцова Б. П.,
1970-е гг.*

ния до своеобразных представлений о конструктивно-декоративных качествах дерева, связанных с приоритетами традиционных приемов его обработки.

Этнические особенности карельской архитектуры чаще всего представлены не особыми национальными формами и даже не их национальной акцентировкой, а просто «статистическим» преобладанием у карел форм, которые встречаются также и у русских, и главным образом, отличной от русских интенсивностью формообразующих тенденций. Такие нюансные отличия можно выявить только сравнением архитектуры двух соседствующих народов. Вот почему в книге о карельском доме мы так часто обращались к жилищу русского населения края.

И все же сказанное не объясняет всей неоднородности архитектурной картины в карельском этническом ареале. Почему вдруг в том или другом субрегионе возникают всплески ярких, выразительных форм? Во многом это связано со стремлением человека эстетизировать среду своего обитания, гармонично вписывая свои сооружения в природу, добиваясь их совершенных пропорций и украшая затейливой резьбой. Стремление к красоте — универсальное свойство человека, но красота результатов его труда — это, помимо всего прочего, неповторимость и своеобразие. Именно своеобразием, самобытностью архитектурного облика отличаются отдельные части карельского ареала, что отражает этнолокальное многообразие его населения, которое в обозримой исторической ретроспективе перемешивала массовая миграция, в то время как перипетии истории неоднократно перекраивали административную карту края.

Сосуществование разноэтнических групп населения неизбежно вызывало интеграционные процессы и, в первую очередь, ассимиляцию, которая могла носить как межареальный, так и внутриареальный характер. Примером первой из них в Карелии являлась так называемая «ползучая ассимиляция» — медленное и постепенное растворение одного этноса в другом. Она возникла уже на первых порах освоения края в результате взаимоналожения волн карельской и славянской колонизации и заметно активизировалась к рубежу XIX—XX вв., когда русскими было ассимилировано людиновское население западного побережья Онежского озера.

Второй вид ассимиляции возникал при взаимодействии этнических анклавов с иноэтнической средой. Примерами такого явления могут служить карельские анклавы на русских землях, возникшие в результате «исхода» приладожской корелы в XVII в. Среди них наиболее примечателен заонежский анклав, наглядно подтвердивший, что и немногочисленная этническая группа населения, обладающая высокой пассионарностью, способна активно влиять на этнокультурную ситуацию в крае.

Мы уже не раз обращались к Заонежью для иллюстрации самых разных тенденций: консервации рудиментарных элементов соб-

твенно карельских построек (полувстроенные взвозы), архитектурного диалога при формировании нового типа жилища (дома-кошеле) и ярчайшего всплеска русского деревянного зодчества, видимо, во многом стимулируемого творческим соперничеством с плотниками-карелами (Преображенская церковь в Кижях). Подобные характерные для маргинальной зоны явления происходили и в других сферах культуры. В частности, этномузыковед Т. В. Краснополская отмечала, что местами в Заонежье (например, в Паяницах) сложились культурные очаги, не только воспринявшие сформировавшийся в восточном Обонежье русский обрядовый напев как целостное явление, но и «развившие скрытые в нем мелодические потенции» [5]. Правда, несопоставимость числа переселенцев и массы окружающего их русского населения в конце концов привела к растворению потомков «корельских выходцев» из Приладожья в иноэтничной среде, но ассимиляционный процесс растянулся более чем на два столетия, и даже перепись населения 1873 г. зафиксировала существование в Заонежье карельских деревень, составлявших тогда 8,8% от общего числа поселений полуострова [6].

Но в основном активные межэтнические контакты в Карелии носили не внутри-, а межареальный характер. При этом благодаря растянутости во времени ассимиляционных процессов между этническими ареалами возникали своеобразные буферные территории — зоны этнокультурного взаимодействия, где происходили противоположные по своему характеру процессы: с одной стороны, сближение этнических культур, с другой — выявление их специфических особенностей. Последнее связано со стремлением человеческих общностей к самовыражению и самоутверждению как на уровне отдельных деревень или кустов поселений, так и этноса в целом. Естественно, что каждая такая общность, самоутверждаясь, противопоставляет себя соседям. И делает это, в частности, с помощью характерных для данного места, узнаваемых и легко различимых форм-знаков — смысловых акцентов предметно-пространственной среды. В зависимости от масштабов самоутверждающихся общностей и их этнического состава формы-знаки могут становиться территориальными приметами конкретного места или этническими символами. В обоих случаях для того, чтобы в общественном сознании закрепились ассоциативные связи между местом проживания и формами, претендующими на роль знакового эквивалента такого места, требовалось значительное время, переводившее вновь возникшие представления в разряд традиционных. Не случайно знаковые смыслы форм-символов оказывались, как правило, устойчивее их функционального содержания.

Сходные по психологической мотивации приметы места и этнические символы могли выражаться одними и теми же материальными формами, распространенными в пределах ареала самоутверждающейся общности и не имеющими широкого представленных прямых и полных аналогий непосредственно за пределами такого ареала. (Обычно в роли архитектурных форм-символов

выступали декоративные детали — балконы, наличники, кронштейны, причелины, а также специфичные типы сооружений или их фрагменты). Вместе с тем, приметы места и этнические символы отличаются своим семантическим статусом, более высоким во втором случае. Так, если приметы места, складываясь спонтанно, отражали любые, даже нюансные, отличия одних объемно-пространственных образований от других, то этнические символы призваны выражать с позиций этноса существенные различия между специфическими особенностями собственной культуры и аналогичными проявлениями культуры иноэтничной. Поэтому этнические символы формировались, как правило, в контактных зонах на стыках этнических ареалов, где, собственно говоря, и происходило культурное размежевание этносов. Причем в роли этнических символов могли выступать формы как уже существующие, наделяемые этнодифференцирующим значением, так и формы, создаваемые вновь, но по-разному в зависимости от того, стабильными или исторически подвижными являлись границы ареалов. В первом случае в результате взаимовлияний и заимствований происходило создание интегральных (компромиссных) архитектурных форм или форм-гипербола. Наиболее яркий пример последних — высокие шатровые храмы «прионежской школы» с двумя восьмериками на четверике, в которых характерная для русских культовых построек высотность возводилась на новый качественный уровень. Те и другие являлись своеобразными символами этнокультурного взаимодействия. Но помимо подсознательных поисков «архитектурного эсперанто» в буферных зонах возникали как бы «мертвые языки» — происходило семантическое переосмысление архитектурных форм и знаков с переводом этнических символов в особую категорию примет места с постепенно затухающим этнокультурным подтекстом.

Другой вид контактов, осуществлявшихся при стабильных границах этнических ареалов в чистом виде, то есть с достаточно продолжительным по времени периодом стабилизации границ, для Карелии нетипичен. Но пример таких этнических взаимодействий представлен на востоке Русского Севера в бассейне Вашки в контактной зоне между родственными карелам удорскими коми и северными великоруссами. Там по мере приближения к границе этнического ареала заметно возрастают такие противоположные по своей сути показатели, как масштабы хозяйственно-бытовых заимствований, отражающие усилившуюся тенденцию к межэтнической интеграции, и обострение национальных характеристик архитектурных сооружений, вызванное стремлением к самоутверждению народа как целостности. При этом в роли этнических символов выступали архаичные типы традиционных построек (намогильные домики, амбары), которые воспринимались вполне буднично, композиционно не акцентировались и явно не являлись апофеозом творческого процесса [7].

На первый взгляд, сходная ситуация еще в прошлом веке наблюдалась в бывшей Архангельской Карелии, в западной части ко-

торой, в районе Ухты и Кестеньги, где, судя по фотодокументам и литературным источникам, самобытные архитектурные сооружения, и в первую очередь дома-комплексы, потенциально способные играть роль этнических символов, концентрировались вблизи карельско-финляндской границы. Но здесь такие сооружения в отличие от построек в бассейне Вашки явно выполняли и престижные функции, связанные с оживленной пограничной торговлей с Финляндией и активными межэтническими контактами.

В средней Карелии, судя по отрывочным литературным и архивным данным и сохранившимся постройкам, на рубеже XIX—XX вв. явно выделялись две архитектурно акцентированные зоны — северо-западная, видимо, тяготеющая к архитектурно-пространственному комплексу Ухты, и юго-восточная в Сегозерье на стыке собственно карельского ареала с людиками и русскими заонежанами, где в материальных формах запечатлелись многообразные этнокультурные контакты, не только реально существовавшие в обозримой исторической ретроспективе, но и сохранившиеся только в исторических воспоминаниях. Подтверждение тому — уже упоминавшийся этноним *lappalažet* (лопари), указывающий на бытовавшее среди сегозерцев представление об участии саамов в их этногенезе.

В южной части приграничной Карелии крестьянские постройки по обе стороны бывшей границы между Олонецкой губернией и Великим княжеством Финляндским в настоящее время сильно разнятся между собой, но это вызвано отнюдь не стремлением обострить их этнические характеристики в зоне противопоставления, поскольку из-за слабости межэтнических контактов такой зоны здесь фактически не существовало. Соответственно в этой части Карелии не было и архитектурных этнических символов. (Такое суждение полностью коррелируется с данными социологических исследований Кайи Хейккинен [8]).

Итак, этнические символы — образное выражение результатов культурных контактов соседствующих народов, будь то реакция отторжения внешних воздействий (канонизация и архаизация самобытных элементов, взаимообогащение культур (создание компромиссных форм) или приоритетность достижений соседей (гипертрофия заимствований). Основополагающая идея первых из них — пассивное самоутверждение этноса путем наделения знаковыми функциями привычных материальных форм без изменения их утилитарной структуры. Такие пассивные формы-символы — как бы «шепот» дремлющего этнического самосознания — складывались в условиях, когда не существовало угрозы форсированной культурной ассимиляции этноса. Другие символы, связанные с взаимообогащением культур, — явления, возникающие на разных стадиях культурной интеграции и, видимо, предшествующие ассимиляции в классическом значении этого термина, понимаемой не как бесследное исчезновение этноса, а его растворение с передачей пришедшему на смену народу

своего биогенетического и историко-культурного наследия [9]. Формы-знаки, отражающие такое наследование, объективно препятствуют в условиях культурной интеграции обесмысливанию и обезличиванию среды обитания. Наоборот, отсутствие этнических символов вне зависимости от того, порождено ли оно слабостью межэтнических контактов или отсутствием реакции на них, видимо, характеризует инерционное равновесие этноса, в первом случае — в любой фазе его развития, во втором — на завершающей стадии ассимиляции. Инерционное равновесие не способствовало пробуждению инстинкта этнического самосохранения и потому при нарушении привычного образа жизни под внешними воздействиями легко сменялось лавинообразной ассимиляцией.

Видимо, аналогичная ситуация в прошлом существовала во всей юго-западной части приграничной Карелии за исключением куста Вешкельских деревень. Но он — элемент качественно иного архитектурного комплекса, локализованного в пределах северной части ливвиковского этнического ареала. Северно-ливвиковский подареал, напомним, с запада доходит до бывшей государственной границы, с юга соседствует со среднеливвиковским подареалом, с востока граничит с людиковским ареалом, а с севера — с территорией в бассейне озер Ватчельское и Линдозеро, население которой по лингвистическим данным А. В. Бубриха и А. А. Белякова отнесено к ливвикам [10], а по историко-архитектурным признакам явно тяготеет к людикам.

Во всех разделах книги мы неизменно отмечали богатство и национальное своеобразие архитектуры северных ливвиков. Не является исключением и семантическое отражение в их постройках этнокультурных контактов. Для этой цели здесь использовались почти все известные в деревянном зодчестве Карелии виды этнических символов: формы-знаки, выражающие национальную самобытность (волютные наличники, кронштейны-крюки, пластически решенные консольные озадки сараев), интегральные формы (балконы на пауде с арочным навершием с подчеркнутым обострением силуэтных характеристик), формы-гиперболы («верха» жилых домов с беспрецедентным обилием солярных мотивов).

Всем перечисленным этническим символам присуща общая особенность: они датируются XIX — началом XX вв., то есть относятся к периоду сближения хозяйственно-бытовых традиций различных этнических групп населения южной Карелии под общим знаменателем в виде усилившихся русских влияний. Следовательно, вновь налицо уже упоминавшийся парадокс — нивелировка этнической культуры, сопровождаемая обострением этнического самосознания, что находит наиболее яркое выражение в целенаправленном акцентировании национальных особенностей архитектуры.

Этнические символы северных ливвиков, видимо, обладали особым семантическим статусом. Необычно уже само их расположение. Если в предыдущих случаях формы-символы обычно

располагались на узкой полосе межэтнических контактов, то у северных ливвиков они рассредоточены практически по всей территории их ареала, ставшей зоной этнического сопоставления и создания нового образного языка — архитектурных форм, кодирующих в себе социальный опыт, культурные нормы, традиции и поэтому являющихся зримыми веками исторической памяти, способными символически реконструировать прошлое этноса в его настоящем. Многие из таких форм-символов, безусловно, связанные с культурой северных ливвиков, по-видимому, одновременно отражают существенные особенности общекарельского идеала. (Напомним, что возникшие к рубежу XIX—XX вв. предпосылки этнической консолидации карельской народности хотя и не реализовались, но наложили несомненный отпечаток на материальную и духовную культуру карел). Как общенациональные символы карельской архитектуры воспринимаются ныне исследователями и северно-ливвиковский волютный наличник, и широко известная Варваринская часовня в деревне Коккойла с удивительными главками-метафорами, наглядно иллюстрирующими религиозный синкретизм карел. По форме главки часовни напоминают еловые шишки, а каждая лемешина — стилизованное изображение елочки. Главки-шишки словно воссоздают обобщенный образ священной рощи, метафорически утверждая, что лишь природа достойна поклонения.

Видимо, во второй половине XIX в. из всех этнолингвистических групп карельской народности ливвики в наибольшей степени оказались подготовленными, чтобы сыграть ведущую роль в консолидации карельской культуры. В частности, иначе как всплеском этнического самосознания не назовешь появление в их среде архаично трактованных идолов-оберегов (взвоз в деревне Нурмолицы) или стилизованных изображений луны и солнца не в виде иконографического аккомпанемента, а в качестве самостоятельных икон в иконостасе Никитской часовни в деревне Матчезеро [1]. Но, разумеется, самые убедительные свидетельства — уже отмечавшиеся

1

2

Иконы из Никитской часовни в деревне Матчезеро:

- 1 — «Луна»;
- 2 — «Солнце»

[Карельский государственный музей изобразительного искусства]

особенности североливвиковских построек, соответствующие специфике художественного мышления местных мастеров, но по своему существу являющиеся общенациональными формами, тенденциозно создаваемыми исходя в первую очередь из художественно-образных задач. Возможно, появление североливвиковских форм-символов порождено массовой стихийной реакцией народа на угрозу ассимиляции этнической культуры.

Напрашивается параллель с общекультурным явлением рубежа XIX — начала XX столетия — формированием национально-романтических направлений в искусстве и, в частности, в архитектуре. Относительной синхронности культурной переориентации в международных масштабах тогда способствовал профессиональный механизм информационного обмена, эффективность которого обеспечивалась уровнем развития цивилизации. Но принципы передачи информации в народной культуре совсем иные, фольклорные по своему характеру, скорее ретроспективные, нежели перспективные, с заторможенной реакцией на импульсы извне. Поэтому синхронность переориентации в профессиональной и народной архитектуре на рубеже XIX—XX вв. можно объяснить лишь общим для них стремлением к самосохранению перед угрозой культурного обезличивания.

Архитектурные формы-символы северных ливвиков подтверждают реальность парадокса: культурная ассимиляция карел — следствие русских влияний, но они же — стимул культурного возрождения. Вывод, противоречащий логике, вызвал желание проверить его на примере других видов народного творчества. Прекрасным материалом для сравнения стала работа фольклориста А. С. Степановой, посвященная детальному анализу вариантов ритуальной причеты, связанной с одним из кульминационных моментов карельской свадьбы — «невестиной баней» [12].

Выбор объекта для сопоставительного анализа не вызывал сомнений: причеть, как известно, занимает центральное положение в системе музыкального фольклора карел [13]. Кроме того благодаря своей относительной консервативности она дольше, чем многие другие жанры устного поэтического творчества, сохраняет архаические элементы и детали [14]. И тем не менее действительность превзошла самые смелые ожидания. Оказалось, что наиболее интенсивно забвение обряда свадебной девичьей бани происходило в северной Карелии и, наоборот, южно-карельская причеть оказалась удивительно устойчивой и многовариантной. Достаточно сказать, что, по подсчетам А. С. Степановой, на юге края из 26 известных в Карелии мотивов, связанных с девичьей баней невесты, зафиксировано 18 (против 13 в северной и 10 в средней Карелии) [15]. Более того, только в южно-карельской причетной традиции сохранились такие архаические обычаи, как, например, обращение перед отправлением в баню к спасам-прародителям, «находящимся в большом углу», с просьбой о помощи и покровительстве в предстоящей новой жизни [16]. Примечательна и расстановка некоторых акцентов. В частности, если в северной Карелии, по свидетельству А. С. Степановой, невеста при-

глашает с собой в баню подруг и сестру, чтобы они помогли ей в последний раз обмыться «до белизны белых лебедей» и попариться в бане своих родителей, то в южной Карелии на передний план выступают мотивы расставания с «белой волюшкой», со своим девичеством: «... пригласила вас не обмывать себя, и пригласила вас, остывшая, не парить себя, и пригласила вас, сникшая, не обливать себя. А пригласила ... свою белую волюшку стеречь...» [17].

Примечательна еще одна особенность карельских причитаний — яркое отражение в них мироощущений крестьян. Не случайно на севере причет звучит предельно лаконично, включая лишь суть обрядового действия. В более развитых плачах средней Карелии на обрядовую подоснову уже накладываются элементы условности и вымысла, которые в южно-карельских плачах расцвечиваются деталями-подробностями и наполняются в рамках обрядовой реальности сказочной поэтикой [18]. Например, по южно-ливиковскому плачу из Видлицы по пути в баню, где должен был наступить перелом в ходе свадьбы, «все ступенечки ... аж казанской медью покрыты, на курицах у золотого милостивого золотые кукушечки куковать поставлены и птицы-соловухи приготовились на уличных решеточках играть, ... по земле разостланы алые бархаты. Все цветочки Иванова дня посажены, садочки Троицына дня насажены» [19]. А на обратном пути «большие перемены случились: уже нет цветочков Иванова дня, все листочки в садах Троицына дня повысохли. на месте алого бархата очень большая грязь. И уж во дворе ласкового милостивого соловей-птичка не играет, и уж на курицах золотого милостивого золотые кукушечки не кукуют» [20]. Так ярко и образно живописуется отлучение невесты от своего рода и постепенная утрата ею статуса девушки, дочери. Недаром при ее возвращении из ритуальной бани порог жилища становится «на три венца выше» и, более того, она уже не может войти в отчий дом, чтобы провести там последнюю ночь, не испросив на то разрешения родителей и брата [21]. При сопоставлении ритуальных причитаний карел, посвященных свадебной бане, легко прослеживается закономерность: степень детализации «материальности» и «фактурности» плачей заметно возрастает в направлении с севера на юг. При этом спецификой южно-карельской причеты является изображение ирреального пространства и особо широкое использование сказочной поэтики с элементами сказочной фантастики [22].

Объясняет это явление замечание исследователя по поводу топологии ритуальной бани. Так, повсеместно для этой цели требовались особые, часто ольховые, дрова. В средней Карелии помимо ольхи под «особыми» понимались экзотические породы деревьев, например, клены, растущие «на трех девяти Васильевских пригорках». А на юге края список экзотов расширялся, включая кипарис, липу, дуб, клен. Причем все эти названия в причитаниях звучали по-русски [23].

Таким образом, многообразность карельской причеты связана с русскими влияниями и заимствованиями. Но те и другие не

только не приглушили, а, наоборот, усилили традиционность и национальное своеобразие одного из самых самобытных жанров устной поэзии карел. И произошло это на юге края, где карельско-русское двуязычие среди мужской части населения уже давно стало культурной нормой. Следовательно, вывод, полученный по архитектурным данным, полностью подтверждается на фольклорном материале. Более того, думается, что применительно к фольклору, и архитектурному, и вербальному, можно сказать, перефразировав А. И. Куприна, что русское влияние для народного творчества карел то же, что ветер для огня: тлеющее этническое самосознание он тушит, а костер творческого самовыражения раздувает еще сильнее.

Продолжая метафору, можно добавить, что в тех случаях, когда естественные преграды гасят скорость ветра перемен, для противодействия его ассимилирующему влиянию достаточно простых напоминаний о национальной принадлежности народа, что успешно и делают «пассивные этнические символы». Но когда ветер усиливается, для пробуждения внутренних ресурсов людям требуются уже более убедительные аргументы. И тогда вступают в строй активные формы-символы, воздействующие и на разум, и на воображение человека с помощью неопровержимой логики красоты.

1. Цитируется по кн.: Бучинский И. Е. О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957. С. 67.
2. Там же. С. 47-89.
3. Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (Побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. С. 93—94.
4. Оффринский В. П. Несинхронность эволюционных преобразований как ключ к расшифровке этнической специфики деревянного зодчества Карелии // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2001. С. 14.
5. Краснопольская Т. В. Опыт сравнения традиционных песенных форм и мотивов архитектурного декора // Народное зодчество: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 198—199, 191—192.
6. Список населенных мест Российской империи (по сведениям 1873 года). XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879.
7. Орфинский В. П. Деревянное зодчество удорских коми // Архитектурное наследство. № 37. М., 1990. С. 288—300.
8. Heikkinen K. Karjalaisuus ja etninen itsetajunta. Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus. Joensuun yliopiston hum. Julk. N 9. Joensuu. 1988. S. 353—354.
9. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 278.
10. См. схему «Диалектные группы карел на территории Карелии» (рис. на с. 11) и кн.: Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 8—9.
11. Иконы хранятся в Карельском государственном музее изобразительных искусств: «Луна» (13,5 x 22,7 x 4 см), инв. № И-1563, «Солнце» (12,5 x 22,5 x 3,7 см), инв. № И-1564.
12. Степанова А. С. Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 106—129.
13. Коски Т. А., Краснопольская Т. В. Напевы причитаний сегозерских карел и их роль в плачевных традициях Обонежского региона // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 31.
14. Степанова А. С. Указ. соч. С. 107.
15. Там же. С. 116—117.
16. Там же. С. 116.
17. Там же. С. 111.
18. Там же. С. 106-108, 119.
19. Карельские причитания. (Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски). Петрозаводск, 1976. С. 403.
20. Там же. С. 405—406.
21. Степанова А. С. Указ. соч. С. 113, 127—128.
22. Там же. С. 115.
23. Там же. С. 119—120.

Список упоминаемых населенных пунктов Карелии

*Населенный пункт**Район***Я**

Аконлахти
Алозеро
Анисимовщина
Артово (в составе села Космозеро)
Афанасьева Сельга
Ахпойла

Костомукша
Калевальский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Пряжинский
Пряжинский

Б

Берег (в составе села Сельги)
Березовый Наволок
Берлуга (в составе села Паданы)
Большая Коровникова
Большая Сельга
Большие Горы
Большое Гангозеро
Боровская
Бочкино (в составе села Янгозеро)

Медвежьегорский
Пряжинский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Олонецкий
Олонецкий
Кондопожский
Медвежьегорский
Медвежьегорский

В

Вагвозеро
Важинская Пристань
Варлов Лес
Ватнаволок
Ватчала
Вашаково
Вегоруксы
Веддозеро
Веккойла
Великая Губа
Венгигора
Верховье
Вехкусельга
Вешкелица
Видлица
Викшезеро
Викшица
Вожмогора
Войница
Вокнаволок
Вокшозеро
Вянишполе (в составе села Вегоруксы)

Олонецкий
Пряжинский
Пряжинский
Кондопожский
Кондопожский
Пряжинский
Медвежьегорский
Пряжинский
Олонецкий
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Олонецкий
Суоярвский
Суоярвский
Олонецкий
Кондопожский
Кондопожский
Сегежский
Калевальский
Костомукша
Кемский
Медвежьегорский

Г

Гаврилово
Гафостров
Гижино
Гилкожа
Гимолы
Гонганалица
Гутсельга
Гушкала

Олонецкий
Муезерский
Олонецкий
Пряжинский
Муезерский
Пряжинский
Пряжинский
Олонецкий

Д

Декнаволок
Демидово (в составе села Космозеро)
Дианова Гора

Кондопожский
Медвежьегорский
Медвежьегорский

Е

Евгора
Ендогуба
Еркоева Новинка
Ерши
Ершнаволок

Медвежьегорский
Беломорский
Кондопожский
Кондопожский
Пряжинский

Ж

Железная Гора

Олонецкий

З

Загубье
Западное Кончезеро

Медвежьегорский
Кондопожский

И

Илляла
Ильина Гора
Инжунаволок

Пряжинский
Олонецкий
Суоярвский

К

Каменьнаволок
Кангозеро
Кандонаволок
Каскеснаволок
Каскессельга
Каскесручей
Кашапиламба
Кашканы
Келкозеро
Кемь
Кестеньга
Кизрека
Кимусельга
Киндасово
Кинелахта
Кинерма

Пряжинский
Суоярвский
Калевальский
Пряжинский
Пряжинский
Прионежский
Суоярвский
Пряжинский
Пудожский
Кемский
Лоухский
Лоухский
Олонецкий
Пряжинский
Пряжинский
Пряжинский

Кишкойла	Пряжинский
Клещейла	Пряжинский
Кодасельга	Пряжинский
Кожала (в составе села Верховье)	Олонецкий
Кожойла	Пряжинский
Койвусельга	Пряжинский
Койкары	Кондопожский
Коккойла	Пряжинский
Колатсельга	Пряжинский
Колгостров	Кондопожский
Кондопога	Кондопожский
Кондокка	Костомукша
Контро	Суоярвский
Кондусельга	Олонецкий
Корбинаволок (в составе села Лахта)	Пряжинский
Корбисельга	Пряжинский
Корелакша	Лоухский
Корза	Пряжинский
Кормелисто	Пряжинский
Короппи	Муезерский
Космозеро	Медвежьегорский
Костомукша	Костомукша
Коткозеро	Олонецкий
Котчура	Пряжинский
Красная Сельга	Медвежьегорский
Крошнозеро	Пряжинский
Кудамгуба	Суоярвский
Кузаранда	Медвежьегорский
Кузнецы	Медвежьегорский
Куйкканиеми	Суоярвский
Куйкиनावолок	Пряжинский
Куйтежа	Олонецкий
Куккозеро	Пряжинский
Кукойनावолок	Олонецкий
Кукойнваара	Пряжинский
Кукшегора	Олонецкий
Кулля (в составе села Суйсарь)	Прионежский
Кутчезеро	Пряжинский
Кяппесельга	Кондопожский
Кяргеля	Пряжинский

П

Лагиламба	Суоярвский
Ладвозеро	Костомукша
Лазарево	Медвежьегорский
Ламбинаволок	Пряжинский
Ламбисельга	Пряжинский
Ламминпохья (в составе села Ухта)	Калевальский
Лахта (в составе села Паданы)	Медвежьегорский

Лахта
Лижма
Лижмозеро Большое
Лижмозеро Малое
Ликопя (в составе села Ухта)
Линдозеро
Лисья Сельга
Логморучей
Лувозеро
Лумбила
Лумбуши

Т

Малая Коровникова
Малая Сельга
Малая Тикша
Маньга
Масельга
Матчезеро
Мелойгуба
Мииткала (в составе села Ухта)
Минозеро
Михеева Сельга
Мишина Сельга
Мунанкилахти
Мууанто
Муезеро
Мярандукса

Н

Нефентьев Наволок (в составе села Паданы)
Нижняя Салма
Нильмогуба
Нильмозеро
Нинисельга
Нинисельга
Нурмолицы
Нюхово

О

Оланга
Олонец
Ондозеро
Онгамукса
Остров (в составе села Лахта)
Охта
Ошевнево

П

Павшойла

Пряжинский
Кондопожский
Кондопожский
Кондопожский
Калевальский
Кондопожский
Олонецкий
Прионежский
Муезерский
Пряжинский
Медвежьегорский

Медвежьегорский
Олонецкий
Муезерский
Пряжинский
Суоярвский
Олонецкий
Кондопожский
Калевальский
Костомукша
Кондопожский
Пряжинский
Костомукша
Суоярвский
Муезерский
Кондопожский

Медвежьегорский
Пряжинский
Лоухский
Лоухский
Олонецкий
Суоярвский
Олонецкий
Олонецкий

Лоухский
Олонецкий
Муезерский
Суоярвский
Пряжинский
Калевальский
Медвежьегорский

Суоярвский

Паданикка
Паданский Погост
Паданы
Палатозеро
Палнаволоок
Палтега
Паннисельга
Панозеро
Паппила (в составе села Вешкелица)
Паяницы
Пелдожи
Пелкула
Пепенсаари
Пертисельга
Петельнаволоок
Петров Наволок
Петрозаводск
Печная Сельга
Пирттигуба
Повенен
Погост (в составе села Космозеро)
Погост (в составе села Сельги)
Покровское
Посад (в составе села Вегоруксы)
Поткусельга
Пряжа
Прякка
Пряккила (в составе села Сельги)
Пудож
Пунчойла

Р

Рамполе (в составе села Вегоруксы)
Ребойла
Реболы
Регозеро
Рубчейла
Руга
Ругозеро
Ругаваара

С

Салменица
Салми
Саловарова
Салонкюля
Святнаволоок
Святозеро
Северная на Лычном острове

Суоярвский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Пряжинский
Олонецкий
Медвежьегорский
Пряжинский
Кемский
Суоярвский
Медвежьегорский
Пряжинский
Медвежьегорский
Суоярвский
Олонецкий
Медвежьегорский
Медвежьегорский

Олонецкий
Калевальский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Суоярвский
Пряжинский
Пряжинский
Медвежьегорский
Пудожский
Пряжинский

Медвежьегорский
Пряжинский
Муезерский
Калевальский
Пряжинский
Пряжинский
Муезерский
Муезерский

Пряжинский
Питкярантский
Медвежьегорский
Суоярвский
Кондопожский
Пряжинский
Кондопожский

Северный Конец (в составе села Сельги)
Сельги
Семчегора
Середка
Сибово
Сигнаволок
Скоморохова
Сондала
Соностров
Сопосалма
Сорока (совр. Беломорск)
Сортавала
Соснов Наволок
Суднозеро
Суйсарь
Суйсарь-на-Острове
Суйсарь Северная (в составе села Суйсарь)
Суйстамо
Сумский Посад
Суоярви
Сыссойла
Сюскюярви
Сямозеро
Сяргилахта
Сяргозеро

III

Ташкеницы
Терманы
Тетриниemi
Тигвера
Тикша
Типиницы
Тирозеро
Титнаволок
Тихтозеро
Толвуя
Толлорека
Трофимнаволок (в составе села Лахта)
Тулосозеро
Тунгула

У

Угмойла
Улваны
Уялега
Утозеро
Ухта (совр. Калевала)

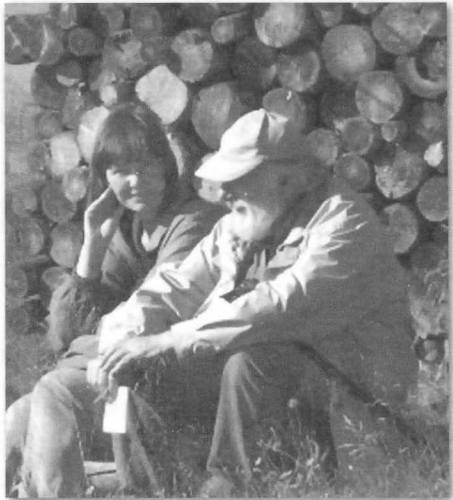
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Кондопожский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Пряжинский
Медвежьегорский
Медвежьегорский
Лоухский
Калевальский
Беломорский
Сортавала
Медвежьегорский
Костомукша
Прионежский
Прионежский
Прионежский
Суоярвский
Беломорский
Суоярвский
Пряжинский
Питкярантский
Пряжинский
Пряжинский
Медвежьегорский

Олонецкий
Медвежьегорский
Костомукша
Олонецкий
Муезерский
Медвежьегорский
Калевальский
Кондопожский
Калевальский
Медвежьегорский
Костомукша
Пряжинский
Олонецкий
Беломорский

Пряжинский
Олонецкий
Пряжинский
Олонецкий
Калевальский

Ф	Фоминнаволок	Кондопожский
Х	Хайколя Харитонова Гора Хилонен Хоттила	Калевальский Суоярвский Суоярвский Пряжинский
Ч	Чалки Чарнаволок Челмужи Чикша Чирка-Кемь Чуйнаволок Чуяла	Суоярвский Пряжинский Медвежьегорский Калевальский Муезерский Пряжинский Пудожский
Ш	Шайдома Шаповаара Шелтозеро Шуезеро Шуныга	Кондопожский Костомукша Прионежский Беломорский Медвежьегорский
Щ	Щукнаволок	Пряжинский
Э	Эльмитозеро Эсойла	Пряжинский Пряжинский
Ю	Ювалакша Южная на Лычном острове Южный Двор (в составе села Вегоруксы) Южный Конец Юккогуба Юркостров Юстозеро Юшкозеро	Калевальский Кондопожский Медвежьегорский Медвежьегорский Медвежьегорский Кондопожский Кондопожский Калевальский
Я	Яковлевская Якорь-Лядина Ялгуба Яловаара Ямка Янгозеро	Олонецкий Медвежьегорский Прионежский Суоярвский Кондопожский Медвежьегорский

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Замысел нашей книги в окончательном виде сложился непосредственно при работе над рукописью, но мечта рассказать о сказочной реальности деревянного зодчества зародилась при первой встрече с ним. Для одного из авторов это случилось в студенческие годы, более полувека назад. Поэтому хочется вспомнить добрым словом тех, кто в то далекое время помог в лабиринте дорог найти нужную тропку, а затем вне зависимости от капризов научной конъюнктуры неуклонно идти по ней: Петра Николаевича Максимова (1903—1975) — блестящего знатока русской архитектуры, ставшего для студентов не только заботливым поводом в дебрях истории, но и наглядным примером научного бескорыстия, добросовестности и требовательности к себе, Юрия Степановича Яралова (1911—1982) — известного теоретика и историка советского зодчества, которого отличали искренняя влюбленность в многообразие национальных архитектур и способность заражать учеников своей энергией и оптимизмом.

Путь от восторга перед первозданностью народного зодчества до приобщения к его особому миру был не прост. По этому пути в многочисленных экспедициях, начиная с 1950 г., бок о бок с одним, а затем и с обоими авторами прошли многие. Среди них студенты-архитекторы Московского архитектурного университета Ю. Гнедовский, В. Кувырин, В. Розин, Н. Комаров, Н. Мордавинева, Ю. Шаталов и будущий искусствовед Г. Мехова; архитекторы М. Старченко, Н. Куспак, А. Дубовский, Р. Орфинская, А. Буренко, Ю. Ушаков; аспиранты, преподаватели и научные сотрудники кафедры архитектуры Петрозаводского университета разных лет Т. Вахрамеева, В. Гуляев, Е. Кургузова, П. Медведев, Б. Михайлов, Т. Нечаева, П. Рачковский, А. Яскейянен, Н. Беспалова, О. Титова, А. Косенков, А. Борисов и многие студенты строительного факультета ПетрГУ. Все они закладывали кирпичики в фундамент будущей книги, и мы выражаем им свою глубокую благодарность.

Особо благодарим Б. П. Бойцова и В. Ф. Гуляева, чье профессиональное видение архитектурного наследия карел запечатлено на фотографиях, составивших большую часть видеоряда книги. Выражаем свою искреннюю признательность редактору текста, нашему давнему и надежному помощнику в подготовке изданий по деревянному зодчеству А. П. Соколовой, а также художественному редактору О. В. Чернякову, нашедшему выразительный образный язык книги.

Научное издание

Вячеслав Петрович Орфинский
Ирина Евгеньевна Гришина

ТРАДИЦИОННЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ ДОМ

Редактор Л. П. Соколова

Художественный редактор
О. В. Черняков

Подготовка карт
Е. В. Лялля

Подписано в печать 29.09.09. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 100,8.
Тираж 800 экз. Изд. № 242. Заказ 1669.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного
в Издательстве Петрозаводского государственного университета

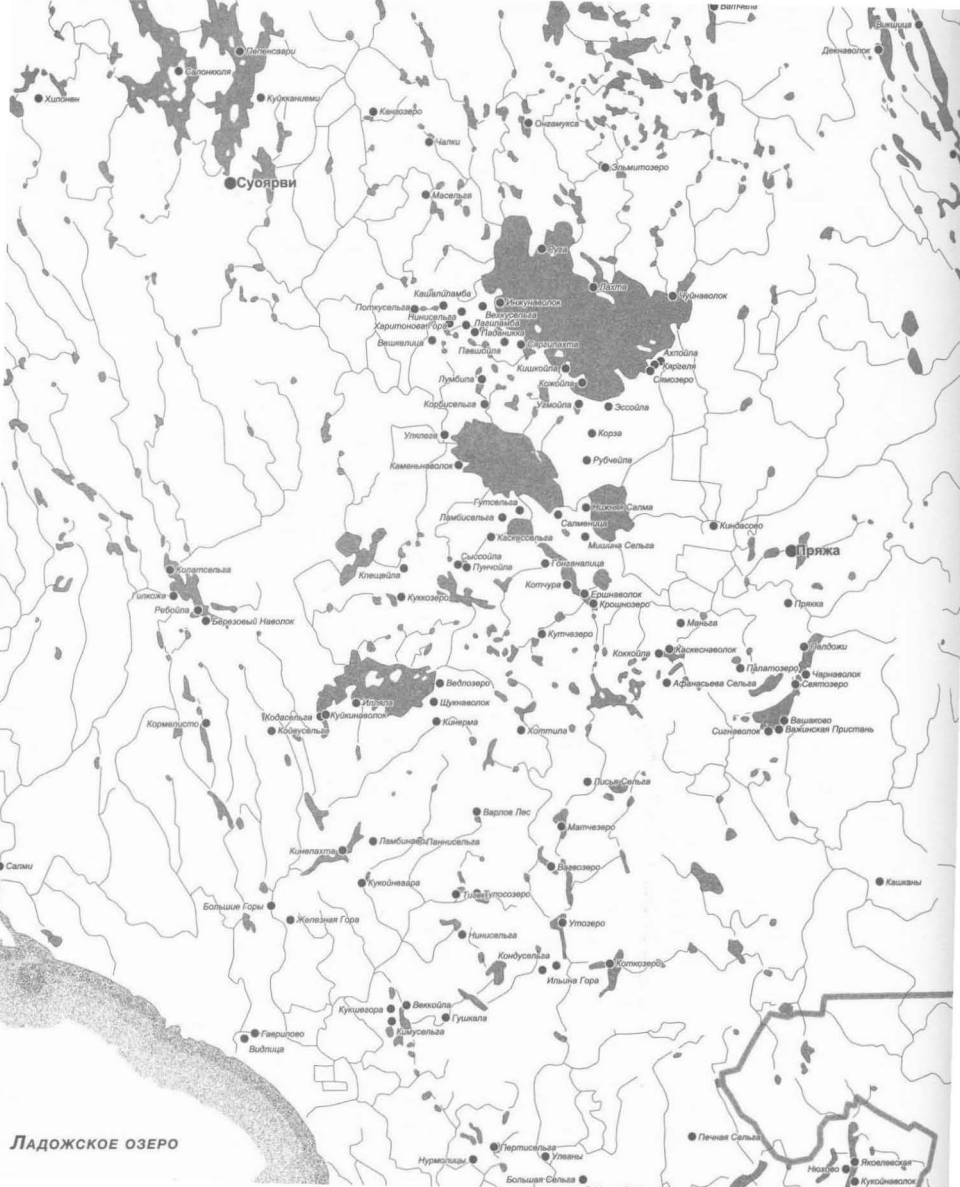
Фотовывод диапозитивов и печать тиража выполнены
в ОАО «Республиканская типография им. П. Ф. Анохина»

185005, г. Петрозаводск, пр. Правды, 4

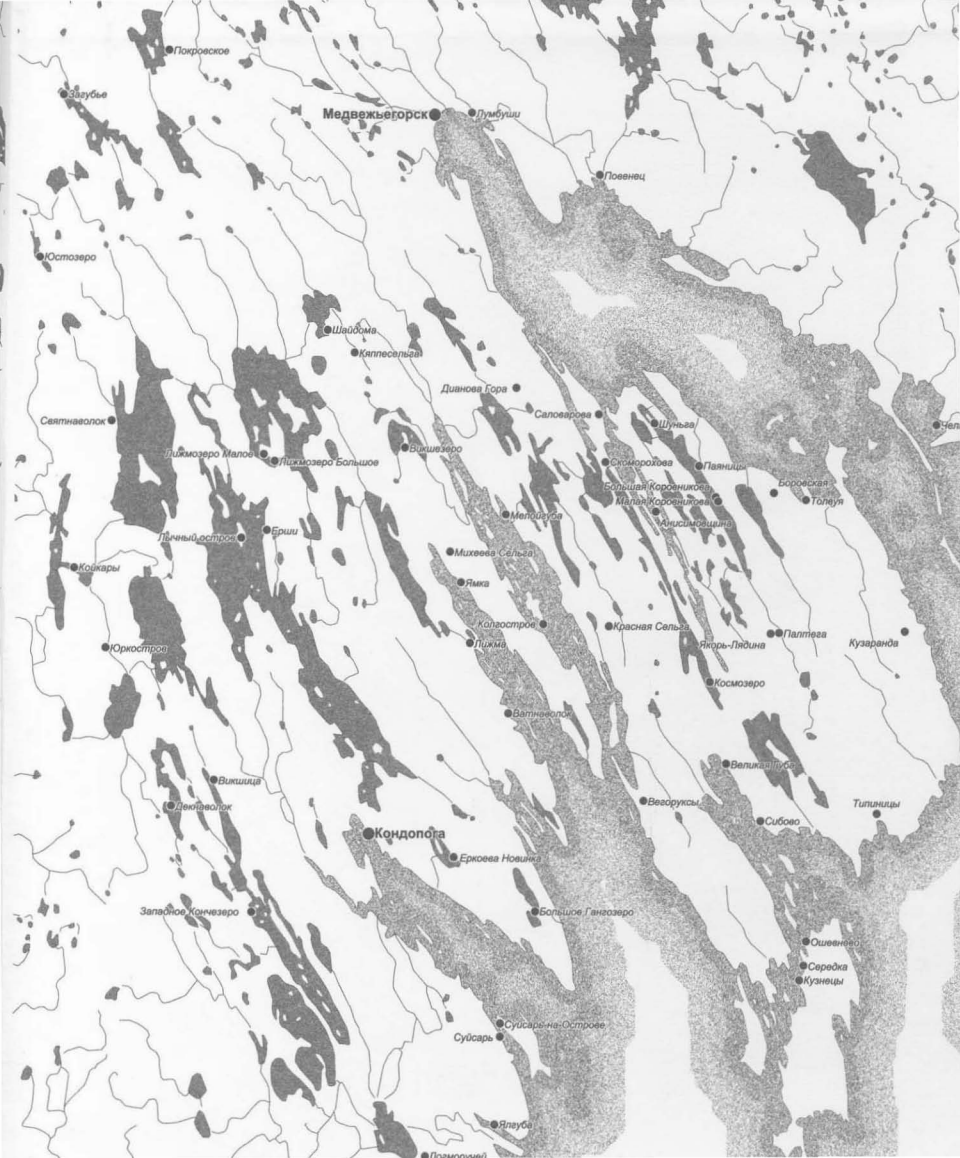
ISBN 978-5-8021-0919-9

9 785802 109199

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО

Покровское

Залубье

Медвежьегорск

Пулмуш

Повнец

Юстозеро

Шабдома

Кялтеселья

Дивная Гора

Светнаволок

Лужозеро Малое

Лужозеро Большое

Вышеозеро

Саловарова

Шумча

Скородорова

Борская Короникова

Малая Короникова

Анастасовщина

Боровская

Толмук

Личный остров

Бриш

Мелгаарда

Михеева Сельва

Ямка

Калаостров

Лужма

Красная Сельва

Палтева

Якорь-Глядина

Кузаранда

Юриостров

Космозеро

Валтиселья

Великий остров

Викшица

Дектаволок

Веврукун

Сибое

Титинилы

Кондопога

Еркова Новина

Большое Ганозеро

Западное Кончезеро

Ошвенеро

Середка

Кузнецы

Суйсарь

Суйсарь на Острове

Ялауби

Козимолы